

В.А.Архангельский

Концепция социализма как общества диалектически противоположностей

В.А.Архангельский
Концепция социализма как общества
диалектических противоположностей

Оцифрованная копия машинописного экземпляра рукописи 1983 года.

Куйбышев, 1983; Самара, 2011

Редакция электронной версии 01.09.2017

1//2

Весь первоначальный текст 1983 года приведен полностью без каких-либо изъятий и переделок; исключение составляют лишь некоторые стилистические поправки, нисколько не меняющие смысла сказанного.

Все мои добавления (пояснения и комментарии), сделанные в 2011 году при подготовке оцифрованной редакции документа, помещены во врезках на голубом фоне, точно таких же, как эта.

Кроме того, данная версия документа снабжена авторским предисловием 2011 года.

Автор

П а м я т и
Николая Алексеевича ВОЗНЕСЕНСКОГО
(1.12.1903 – 30.9.1950)
ученого и коммуниста, автора
«Политической экономики коммунизма»
посвящается эта книга

2//3

Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни.

В.И.Ленин [[44.184](#)]

...и противоречия, и трудности у нас есть. Думать, что возможен какой-то другой ход развития, значит сворачивать с надежной, хотя иной раз и жесткой почвы реальности, порывать с азами марксистской диалектики.

...успехи в социалистическом строительстве приходят тогда, когда политика правящей коммунистической партии опирается на прочную научную основу. Любая недооценка роли марксистско-ленинской науки, ее творческого развития, узкопрагматическое толкование ее задач, пренебрежение фундаментальными проблемами теории, засилье конъюнктурщины или схоластическое теоретизирование чреватые серьезными политическими и идеологическими последствиями.

Ю.В.Андропов [[66.21](#)]

В политической экономии социализма исследование внутренних противоречий, имманентных самой сущности нового способа производства,... еще не заняло подобающего места... Не всегда достаточно осознается, что всякий процесс *есть движущееся и воспроизводящееся противоречие*. И пока это противоречие не исследовано и не воспроизведено теоретически, наука дает лишь внешнее описание процесса.

А.И.Юдкин [[190.87](#)]

Рабочие в повседневной жизни различают границы между трудом с целью заработка, трудом на общую пользу и трудом ради творческого самоутверждения. Видимо, назрела необходимость сделать это и в науке.

Р.И.Косолапов [[153.38](#)]

– Для Мысли нет твердынь несокрушимых, и нет святынь незыблемых ни на земле, ни в небе! Всё создается ею и это ей дает святое, неотъемлемое право разрушить все, что может помешать свободе ее роста.

А.М.Горький [[109.367](#)]

3//401

Оглавление

[Предисловие 2011 года](#)

[Введение](#)

[Глава 1. Предварительные замечания](#)

[1.1. Цельность марксизма-ленинизма](#)

[1.2. Преобразующе-активный характер науки об обществе](#)

[1.3. Коммунизм: исторический отрезок или луч, уходящий в бесконечность?](#)

[1.4. Последовательность рассмотрения выдвигаемой концепцией вопросов политэкономии социализма](#)

[Глава 2. Капитализм](#)

[2.1. Общая характеристика капитализма](#)

[2.2. Категории производительного и непроизводительного труда и их значение](#)

2.3. Основные и неосновные классы буржуазного общества

Глава 3. Отрицание капитализма

3.1. Социалистическая революция

3.2. Уничтожение классов

3.3. Переход от старого качества к новому. Развитие нового предмета

Глава 4. Экономические отношения социализма

4.1. Общие замечания

4.2. Общепринятый постулат: «рабочая сила при социализме не является товаром»

4.3. Найм рабочей силы – одно из проявлений сущности социализма

4.4. Социалистические отношения собственности

4.5. О признаках товара

4.6. Воспроизводство рабочей силы и средств производства и способ их соединения при социализме

4.7. Проблема непосредственного распределения и непроизводительного труда

4.8. Экономические отношения социализма и социалистическое государство 401//402

Глава 5. Социальная структура социалистического общества

5.1. Общие замечания

5.2. Критика общепринятого деления социалистического общества на рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию

5.3. Отношения собственности и диалектики (основные классы) социализма

5.4. Социальная структура общества и характер труда при социализме

Глава 6. Развитие производственных отношений социализма

6.1. Основной экономический закон социализма

6.2. Взаимодействие производительных сил с производственными отношениями и социальная диалектика социализма

6.3. Основное противоречие социализма

6.4. О «должном» и сущем в социализме

Глава 7. Коммунизм – вторая фаза подлинной истории человечества

7.1. Диалектическое отрицание социалистических производственных отношений как момент преемственности между социализмом и коммунизмом

7.2. Разрешение социально-экономических противоречий социализма

7.3. К вопросу о положительном содержании коммунистической фазы развития общества

Заключение

Послесловие 2011 года

Библиографический список цитируемых и упоминаемых источников 402//

Предисловие 2011 года

Эта работа писалась с 1974 по 1983 год. Предназначалась она советским обществоведам и Коммунистической партии – единственной в то время реальной политической силой советского общества, формировавшей и направлявшей развитие Советского Союза во всех направлениях, в том числе и народнохозяйственном. Но именно в этой области наметились труднообъяснимые и тревожные тенденции. Год от года показатели экономического роста страны с самым передовым общественным строем падали. Был, правда, кратковременный всплеск после устранения из руководства КПСС и страной Н.С.Хрущева (экономическая реформа А.Н.Косыгина). Несмотря на положительные результаты, хозяйственная реформа была задумана политическим руководством по идеологическим соображениям.

На словах КПСС позиционировала себя как партия, выражающая интересы рабочего класса и всего советского народа, неизменно подчеркивала свою верность принципам материализма и марксистской диалектики, считала себя партией научного коммунизма.

Что касается диалектики, то ее хватило только на репрессии и частичное истребление крепкого крестьянства («кулачества»), командного состава Красной Армии накануне Великой Отечественной, духовенства, на повторное закрепощение крестьянства, на массовое использование рабского труда в Гулаге, где содержались и близкие родственники членов политбюро – ближайшего окружения бывшего семинариста Джугашвили (его «товарищи» испытывались на собачью преданность вождю всех народов и корифею всех наук). Во всем остальном согласно пропаганде в СССР диалектики (как и секса) не было. Движущими силами вопреки Гегелю и Марксу была объявлена сплошная благодать – советский патриотизм, морально-политическое единство и дружба народов (с поголовным выселением, правда, некоторых из них в другие края – чеченцев, калмыков, немцев, татар Крыма), вместо диалектики социальных противоречий и противоположностей в обществе и экономике речь велась только о существенных и несущественных различиях.

Эпигоны марксизма от идеологии и экономической политики, омертвив экономическое учение Маркса, законсервировав его на уровне второй половины 19 века и «дополнив» его целым букетом абсурдных положений (в их числе о производительном и непроизводительном труде, о неправомерности стоимостной оценки «бесплатных» даров природы, о чужеродности и неадекватности многоукладной экономики принципам социализма), на деле осуществили отказ от материализма (и даже здравого прагматизма!) в пользу идеализма, против примата экономики над идеологией. Изнасиловав экономику страны своими якобы материалистическими, якобы диалектическими и якобы научными идеями, они привели ее «плановое» хозяйство в состояние полного дисбаланса, всеобщего дефицита. После падения цен на мировом рынке на «дармовой» продукт природы – нефть – произошел коллапс экономики СССР, банкротство правящей партии, ее идеологии, распад страны. Место квазинаучного коммунизма заняли подлинный антикоммунизм и антимарксизм.

Но не будем забегать вперед. Представления, изложенные в этой работе, прорабатывались в советское время. Хотя очень многое в официальной пропаганде тех времен казалось слишком топорным, малопонятным или просто неверным, в целом у меня было ощущение того, что в идеологии, а следовательно, и в политике, и в повседневной жизни советских людей многое можно значительно улучшить, используя богатейшие потенциалы социализма. Того самого, который был построен по очень приблизительному, во многом превратно понятому плану прометеев XIX века, ценой невероятных, надрывных усилий и многомиллионных жертв народа Российской Империи – Советского Союза.

Ничто (в моем представлении – это точно) не предвещало краха социалистической системы. Напротив, казалось, что если как следует перебрать и перетрусить официальное обществоведение, которое представляло собой настоящий «винегрет» из положений подлинного марксизма с привнесенными в него логически плохо или даже никак не связанными между собой более

поздними интерпретациями и фантастическими утверждениями, то можно будет выстроить обновленную идеологию. Идеологию, в которой не будет ни мошеннического приписывания основоположникам того, чего они не говорили и не могли говорить, ни голых деклараций о верности диалектике, материализму и рабочему классу, которые на деле сплошь и рядом подменялись метафизическим и идеалистическими пассажами. Идеологию, которая, с одной стороны, стала бы более понятной гражданам страны, а с другой – дала бы надежный практический инструментарий для измерения фактического направления и скорости движения нашей страны по отношению к коммунизму – скорое вступление в который было торжественно провозглашено перед всем человечеством еще в 1961 году. Чтоб знала «руководящая и направляющая», куда она ведет Советский Союз, в том ли направлении он движется на самом деле, с какой скоростью, а тем самым – и как скоро ожидается достижение намеченных рубежей. Чтоб знал это и советский народ тоже, ведь «народ и партия едины!».

С этими соображениями по критическому анализу коммунистической идеологии я и вышел осенью 1983 года в Центральный Комитет КПСС, институты экономики и философии АН СССР.

Вот эти соображения – они перед вами.

(Окончание предисловия – в послесловии.) //4

Введение

...писать так, как будто не существует никаких человеческих страстей, самолюбий, не иметь в виду, что академик Н. говорил про Р.Фишера и что у Т. была за что-то премия...

Д.Гранин [[110.98](#)]

Перед вами – работа, явившаяся результатом моих размышлений над вопросами общественных наук (главным образом политической экономии социализма), краеугольные камни которой были заложены Марксом, Энгельсом, Лениным.

Что побудило меня, беспартийного, инженера-технолога по квалификации и роду занятий, включиться в поиск решения спорных и дискуссионных вопросов политэкономии социализма, которая по свидетельству, например, В.А.Пешехонова, «в настоящее время представляет собой сложный комплекс накопленных знаний, овладение которым требует длительного и напряженного труда» [[213.4](#)], и научного коммунизма в целом? И более того, что заставило меня выдвинуть новую концепцию и продолжать ее разработку на свой собственный страх и риск?

Слова «выдвинуть» и «продолжать разработку» требуют пояснения. Я нисколько не претендую на оригинальность или новизну отдельных положений выдвигаемой концепции. Большинство из них были выдвинуты в свое время теми или иными авторами. (Сказанное не означает, что я хочу спрятаться за спинами тех, кем впервые были выдвинуты ассимилированные концепцией положения. Все положения выдвигаемой концепции – это и мои личные взгляды и убеждения.) Тем не менее мне неизвестна ни одна работа, в которой эти положения были бы рассмотрены в той взаимосвязи друг с другом, которая дается в предлагаемой рукописи. Именно по этой причине я говорю о *выдвижении* концепции. Что же касается вновь выдвинутых положений, то каждый, кому знакомы проблемы общественных наук, легко обнаружит их в процессе ознакомления с рукописью.

Толчком, благодаря которому я начал заниматься вопросами обществоведения, послужило то, что в 1966–1967 гг. при прохождении курса политэкономии в стенах Куйбышевского политехнического института меня заинтересовал вопрос: а в самом ли деле, как пишут учебники, рабочая сила при социализме полностью утратила товарный характер? С тех пор вопросы политэкономии социализма и научного коммунизма в целом **4/5** не дают мне покоя.

Обоснование утверждения о том, что рабочая сила при социализме не является товаром, показалось мне малоубедительным, и я решил разобраться в этом вопросе самостоятельно

Должен заметить: знай я наперед, что изучение этого вопроса заведет меня в глубины этой науки настолько далеко, что вынудит пересмотреть целый ряд общепринятых представлений, я вряд ли бы взялся за дело. Но этого, конечно, я не знал, и решил изучить этот частный, как мне казалось, вопрос.

Разумеется, тезис о том, что рабочая сила при социализме – нетовар, можно было бы принять на веру, как аксиому, как не требующий доказательства постулат. Но во-первых, это утверждение учебники политэкономии преподносят не как таковой, а стремятся, пытаются если не обосновать или вывести его из других положений, то по крайней мере, хотя бы как-то согласовать с ними. И во-вторых, обществознание – это не закон божий, не религия, утверждения которой должны браться на веру, как этого требует, например, талмуд: «сокровенного не ищи, тайного не исследуй».

При ближайшем знакомстве с политэкономией социализма по научной литературе обнаружил, что в этой науке – не все так гладко да ладно, как это излагается в учебниках. Практически ни по одному вопросу (разве что за исключением того, что при социализме нет эксплуатации одного класса другим) среди политэкономов-марксистов нет единства мнений. Какой бы вопрос мы не взяли, будь то вопрос о производительном или непроизводительном труде, об основном производственном отношении, об основном противоречии социализма, о характере социалистического производства и причинах товарно-денежных отношений при социализме, о границах между необходимым и прибавочным продуктом, – существует множество разноречивых точек зрения.

«В Советском Союзе и других социалистических странах появились 5//6 различные точки зрения по фундаментальным вопросам экономической теории,... важнейшие экономические категории и законы трактуются зачастую по-разному, причем та или иная трактовка не получает достаточного обоснования, а просто постулируется» [237.25]. Весьма показательным является сделанное уже совсем недавно признание Н.П.Федоренко на Общем собрании Отделения экономики Академии наук СССР и на сессии Общего собрания АН СССР, состоявшихся в марте 1981 г., о том, что пока еще нет никакой ясности в таком важнейшем для политической экономии социализма вопросе, как содержание закона распределения по труду при социализме. «Что значит по труду? По количеству затрат времени и сил работника, как считают одни ученые? Или по экономической оценке конечных результатов труда, по приносимой общественной полезности, как считают другие? Есть и иные точки зрения на этот вопрос. Нам представляется, что пора во всех этих взглядах как следует разобраться...» [277.45; см. также 278.21].

При такой пестроте взглядов на различные частные, если можно их так называть, вопросы политической экономии, не лучше обстоит дело и с политэкономией социализма в целом.

«Наши ученые, к сожалению, пока не поднялись до серьезных обобщений экономических процессов, совершающихся в условиях перехода от социализма к коммунизму,— отмечал в 1962 г. М.А.Суслов,— не дают конкретного анализа экономических закономерностей этого перехода» [75.36].

«Проблема логики категорий политической экономии социализма разрабатывается с момента первых ее попыток изложения в единой системе, т.е. уже около трех десятилетий,— писал Я.А.Кронрод в 1966 г.— В вышедших за это время курсах, в программах преподавания и статьях, специально посвященных ее рассмотрению, содержатся существенно различающиеся трактовки... Ни одна из них не является сколько-нибудь удовлетворительной» [159.215].

«Хорошо известно, что создание фундаментального труда по 6//7 политэкономии развитого социализма означает подъем на качественно новую ступень теоретического анализа коммунистического способа производства. Однако эта работа по-настоящему не развернута. Президиум Академии наук СССР еще в 1968 году принял очень важное решение по этому вопросу. Прошло пять лет, а такого труда до сих пор нет. Более того, к его созданию фактически еще не приступали» [270.59],— это писал С.П.Трапезников в 1974 году.

Мне не оставалось ничего другого, как путем изучения, сопоставления различных точек зрения, и используя материал личных наблюдений окружающей действительности, выработать свое собственное отношение к спорным и общепринятым вопросам политэкономии социализма, теории научного коммунизма. Так постепенно возникла и продолжает развиваться дальше данная концепция. Она, на мой взгляд, нащупала выход из тех серьезных затруднений, которые уже долгое время испытывает политическая экономия социализма, общественные науки в целом. «Далеко не все в области общественных наук вызывает удовлетворение,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии.— Не преодолена еще склонность к схоластическому теоретизированию, о чем говорилось и на XXV съезде. Философы частенько предпочитают доказывать доказанное, вместо того, чтобы осмысливать новые явления жизни. Немало проблем, ждущих своего решения, накопилось в политической экономии социализма» [60.78].

Общественная практика, сама жизнь предъявляют высокие требования к дальнейшему развитию всего комплекса общественных наук, всех трех составных частей марксизма-ленинизма. Эти требования зафиксированы в важнейших партийных документах [62; 63; 61; 58], в материалах XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, в других выступлениях руководителей КПСС. Партия призывает ученых-обществоведов к творческому анализу явлений общественной жизни, к активным и смелым поискам решения возникающих проблем. И это не случайно.

КПСС — партия **научного** коммунизма. Партия кровно заинтересована в решении проблем общественных наук, ибо ее деятельность не 7//8 может быть успешной, если она не будет

руководствоваться **передовой научной** теорией. Вместе с тем в общественных науках немало крупных нерешенных проблем. «Должен быть обеспечен новый, значительно более высокий уровень идейно-теоретической работы в области общественных и прежде всего экономических наук, работы наших научных учреждений и каждого ученого в отдельности. Необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач» [65], – говорил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК партии Ю.В.Андропов.

Хотя в науках об обществе представления о том, будто при социализме движущими силами развития являются некие силы единства (вместо взаимодействия противоположностей), в принципе в целом преодолены, диалектическая концепция движущих сил общественного развития до сих пор не наполнена конкретным содержанием: предметом дискуссии уже весьма продолжительное время является сам вопрос о существовании основного противоречия социализма.

Предлагаемая концепция являет собой попытку дать цельное объяснение социально-экономических закономерностей функционирования и развития социализма, его перерастания в коммунизм. Эта попытка, как и всякий научный поиск, неизбежно сопровождается риском. Расчет на успех в начале исследования всегда может обернуться неудачей в его конце. На то он и поиск. Но даже и «их ошибок научного поиска можно извлечь знания и опыт часто не меньше, чем из успехов. Поэтому в науке нельзя отказаться от многовариантных поисков: можно оказаться на боковых тропах и не выйти на основные магистрали научно-технического прогресса». «Без элементов оправданного научного риска нет подлинного научного поиска, а есть удовлетворяющий все инстанции, гладко составленный "план научных проблем" с весьма небольшой перспективой получения крупных результатов» 8//9 [88a.67–68]. Очевидно, эти слова в полной мере можно отнести и к исследованиям проблем общественных наук.

Свою концепцию я рассматриваю как гипотезу, т.е. как одно из возможных (предполагаемых) решений задачи, имеющей одно решение. Вероятно, мне не было бы никакой надобности тратить время на изложение сформировавшихся и формирующихся взглядов, составляющих существо выдвигаемой концепции, если бы я не видел, что родившаяся гипотеза имеет ценность и представляет интерес не только для меня одного. Можно считать, что свое любопытство насчет того, является ли рабочая сила при социализме товаром, я уже давно удовлетворил и удовлетворил сполна. На этом можно было бы поставить точку, если бы не сложившаяся та крайне удивительная ситуация, когда, с одной стороны, задачи научного управления социально-экономическим развитием нашей страны требуют скорейшего преодоления отставания в развитии общественных наук; КПСС – правящая партия нашего общества – эту задачу в полной мере осознает и требует от ученых сконцентрировать силы на ее решении; обществоведы прекрасно понимают эту задачу и вкладывают в ее решение массу сил и средств; и в то же самое время с другой стороны, задачи, определенные Постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.) до сих пор не нашли своего решения.

Уровень разработки настоящей гипотезы уже достаточно высок, чтобы можно было дать предварительную оценку достоинствам и недостаткам как самой концепции, так и отдельных ее положений. Выносимая на обсуждение концепция для своего дальнейшего развития, для устранения содержащихся в ней, вероятно, отдельных ошибок и неточностей, для усиления аргументации ее основных положений, наконец, для доказательства своей жизненности и права на свое существование сама крайне нуждается в конструктивной критике ее положений со стороны политэкономов, философов, социологов – сторонников общепринятых и дискутируемых в настоящее время взглядов. 9//10

В свою очередь, поскольку данная гипотеза ставит целый ряд вопросов перед общепринятой в целом концепцией, это может не только стимулировать развитие последней, но и послужить

толчком к появлению других, конкурирующих гипотез, также преследующих цель раскрыть сущность социализма, путей перерастания его в коммунизм.

Только в столкновении, только во взаимной борьбе, во взаимном обогащении различных концепций, направленных на решение спорных и нерешенных вопросов общественных наук, только в этой борьбе, направленной на решение *одной задачи* – создания **фундаментальной социально-экономической теории социализма**, – могут быть выработаны и победить взгляды, которые сложатся в стройную и логически непротиворечивую, достаточно широкую систему, базирующуюся на основополагающих принципах марксизма-ленинизма и охватывающую все основные стороны данной проблемы.

Здесь я должен предупредить об одной особенности данной работы. Возможно, некоторым читателям изложение выдвигаемой концепции покажется излишне полемичным, задиристым, особенно «непозволительным» для неостепененного и никому не известного автора. Не исключено, что кое-кто усмотрит в рукописи и оскорбительные для себя лично или своих коллег выпады.

Я не знаком лично ни с одним из исследователей, чьи мысли подвергаются ниже критическому разбору. Значит, я не только не имею, но и не могу иметь ничего личного против тех, кому эти мысли принадлежат. Наоборот, я искренне благодарен им за то, что развитие и укрепление предлагаемой концепции шло и идет неразрывно с обсуждением и критикой именно их взглядов, мыслей, точек зрения. Хотя я и согласен с тем, что «соображения личного престижа, неизбежные при поименной критике, не должны мешать достижению научной истины» [77.4], тем не менее не думаю, что критика может вообще быть безличной, поскольку за теми или иными представлениями всегда стоят определенные люди.

Исследователи, взглядам которых противопоставляется выдвигаемая концепция, если, быть может, не все поголовно, то во всяком случае, в 10//11 подавляющем большинстве своем – коммунисты, т.е. «люди, доказавшие свою преданность делу коммунизма, способные беззаветно служить трудящимся» [209.297]. А слово «беззаветный» словарь Ожегова определяет как доходящий до самозабвения, «самозабвение» – как забвение себя, своей личности, своих личных интересов ради общего блага. По крайней мере, в моем представлении советские ученые-обществоведы – это не взбалмошные интеллигентки-самолюбцы, которых больше всего беспокоит собственное благополучие и для которых защита своих взглядов является самоцелью, а не процессом поиска истины.

Но пока что, к великому сожалению, нынешнее развитие общественных наук не блещет особыми, выдающимися успехами. Хотя время упоения теоретиков планомерностью и пропорциональностью, непротиворечивостью и сознательностью, как будто проходит (см. напр., [182; 249.26; 300.3, 7, 11]), однако экономика еще пожинает плоды былых восторгов: темпы роста эффективности общественного производства заметно, если не угрожающе, снизились (см., напр., табл. 2.4 в кн.: [215.44]).

Перед теорией сейчас стоит масса нерешенных, но актуальнейших вопросов. Их решение, говоря словами «Правды», «немыслимо без борьбы мнений и научной критики. Настоящий ученый никогда не воспринимает критику его взглядов, предположений и выводов как посягательство на авторитет, на его престиж. В научных спорах, творческих дискуссиях, которые непременно должны проводиться на основе марксистско-ленинской методологии, быстрее рождается истина, оттачивается идея, вырисовываются пути ее воплощения в жизнь» (цит. по кн.: [198.288]).

Разумеется, одну и ту же мысль всегда можно преподнести в различной словесной оболочке. Выбирая формы выражения своих мыслей, я предпочел прямоту, ясность и откровенность дипломатическим, ласкающим слух, но страдающим недомолвками и околичностями способам изложения. И это, как нетрудно понять, вовсе не значит, что я стремлюсь задеть чье-либо самолюбие. Просто считаю, что сейчас особенно не время играть в кошки-мышки. Мир переживает тревожное время. Похоже, что история взвалила 11//12 именно на наше поколение и в

первую очередь стран социалистического содружества неизмеримо тяжелую задачу, которую, однако, просто *нельзя не решить*. Речь идет о сохранении мира на нашей планете. Не допустить развязывания американским империализмом всемирной человеческой бойни – решение этой задачи требует величайшей личной самоотверженности каждого, кто понимает масштабы висящей над нами угрозы, и уж само собой разумеется, требует беспощадного подавления в себе каждым обществоведом даже малейших проявлений «соображений личного престижа», о которых упоминалось в цитате Л.И.Абалкина, амбиции, запелляционной категоричности суждений и тому подобных околонучных категорий мышления и поведения.

В условиях, когда со всей остротой стоит вопрос о подъеме общественных наук на качественно новую высоту, с которой стало бы возможным не только удовлетворительно объяснять, но и успешно преобразовывать социально-экономические отношения, участниками и творцами которых мы являемся, крепить экономику; главным объектом внимания обществоведов должны стать поиск, исследование и освобождение внутренних пружин прогрессивного самодвижения социалистического общества, а не выяснение роли и места той или иной персоны в развитии общественных наук. Что касается последнего, то эту задачу, как показывает весь прошлый опыт развития науки (и не только общественной), чаще всего решает время, которое в конечном счете все равно всегда и совершенно однозначно воздает каждому по его заслугам.

И наконец, прежде чем перейти к изложению существа гипотезы, мне хотелось бы привести следующие слова К.Гельвеция, к которым полностью присоединяюсь: «Некоторые из моих мыслей, может быть, покажутся слишком смелыми. Если читатель найдет их ложными, то прошу его: осуждая их, не забывать, что часто именно смелости мы бываем обязаны открытием величайших истин и что страх перед возможностью ошибки не должен отвращать нас от поисков истины» [[105.147](#)]. 12//13

Глава 1. Предварительные замечания

1.1. Цельность марксизма-ленинизма

Видимо, нет никакой нужды особо подчеркивать неразрывность и взаимосвязанность всех трех составных частей марксизма-ленинизма: философии, политической экономии и научного социализма (теперь, когда социализм стал реальностью, – научного коммунизма). Это положение настолько бесспорно, что не вызывает никаких разночтений и разнотолков в работах советских обществоведов. Однако на некоторых моментах, связанных с нерасчлененностью всех трех составных частей марксистско-ленинской науки, все же остановиться необходимо.

Данная гипотеза, как указывалось во введении, возникла из попытки осмыслить один из основополагающих для политэкономии социализма вопрос: является ли рабочая сила товаром? При этом факт неразрывной взаимосвязи главных частей, составляющих марксистско-ленинскую науку об обществе нашел еще одно подтверждение: оказалось невозможным рассмотреть этот вопрос, не затрагивая вопросов диалектического и исторического материализма, научного коммунизма.

Вот почему в изложении выдвигаемой концепции политэкономические вопросы переплетаются с вопросами философии и социологии, научного коммунизма: их нельзя оторвать один от другого; напротив, должна быть показана их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Гипотеза критически подходит к общепринятым и дискуссионным положениям и утверждениям политической экономии социализма, но в то же время она берет в готовом виде основополагающие положения марксизма, среди которых на главном месте – установки диалектико-материалистической философии. Опираясь на них, гипотеза предпринимает попытку дать целостное, логически непротиворечивое описание производственных отношений социализма. Поэтому непонятно, о каком именно «изобретении велосипеда» ведет речь В.Марков (см. [185]). «Велосипед» я не изобретаю, а просто использую его, езжу на нем (как я езжу – это уже другой вопрос). И лишь 13//14 в тех случаях, когда кто-либо начинает, с моей точки зрения, использовать «велосипед» не по назначению, или «модернизирует» его таким образом, что это становится помехой езде на нем, я обращаю на это внимание.

Если же в каких-то случаях мне не удалось показать ту взаимосвязь, о которой говорилось выше, буду только признателен за любую критику, указывающую на слабость (или отсутствие) связи между теми или иными положениями, выдвинутыми, принимаемыми или не замеченными гипотезой. Кстати, В.Марков рассматривает положения выдвинутой гипотезы как сумму несвязанных между собой примеров: «Наиболее существенные моменты вашей "гипотезы" общеизвестны... Вот примеры... Столь же бесспорны, доказаны, известны и другие правильные положения, содержащиеся в рукописи. Но есть и неправильные...» [185]. Что это далеко не так, надеюсь, у читателя будет возможность убедиться по данной работе 1983 года, а не по зачаткам концепции, едва намеченным в рукописи 1968 года и коротком письме 1975 года.

Далее. Не отказывая философии, политэкономии и научному коммунизму в праве на относительную самостоятельность, хотелось бы заметить следующее. Возможно, философ не обязательно должен быть политэкономом, хотя вряд ли он будет хорошим философом, не владея он диалектикой «Капитала». Но исследователь вопросов политэкономии обязан владеть диалектическим методом, обязан быть материалистом, иначе – ему удачи не видать. Вне историко-диалектического материализма политэкономия представляет собой фантазию или спекуляцию, но не науку.

Вскрытие закономерностей функционирования, движения того или иного социально-экономического устройства (речь идет о подлинно научном вскрытии сущности последнего, т.е. о познании его диалектики, борьбы его противоположностей) неизбежно ставит вопрос и о

перспективах развития этого социально-экономического устройства, а это уже – третья составная часть современного общественнознания – научный коммунизм.

И наоборот. Лишь ясное понимание перспективы развития того или иного исследуемого социально-экономического устройства позволяет в **14//15** полной мере проникнуть в его сущность, познать его диалектику. Но здесь мы уже подошли к вопросу о преобразующе-активном характере, критической направленности науки об обществе. Рассмотрению этого вопроса посвящен следующий параграф.

1.2. Преобразующе-активный характер науки об обществе

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его
К.Маркс [11.4]

Политическая экономия капитализма и научный социализм доказали неизбежность перехода от капитализма к социализму; теперь его неизбежность подтверждена, кроме того, и практикой. Вывод о преходящем характере капиталистического устройства общества был сделан задолго до Октября 1917 года, и базировался он на применении к изучению капиталистических общественных отношений метода марксистской диалектической философии, для которой «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем она видит печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» [24.276].

«История... не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное "государство", – это вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима, и, таким образом, имеет свое оправдание для своего времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она вынуждена уступить место более высокой ступени, которая в свою **15//16** очередь, также приходит в упадок и гибнет. Эта диалектическая философия разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и соответствующих ей абсолютных состояниях человечества...» [24.275–276]. Так писал Ф.Энгельс в 1886 году.

В связи с данным высказыванием Энгельса уместно напомнить, что **историей** человеческого общества классики марксизма называли не только или даже не столько досоциалистическое развитие общества (которое они называли **предысторией**), сколько послекapиталистическое развитие, т.е. то, что принято ныне называть «коммунистической общественно-экономической формацией».

А вот как писал о диалектике К.Маркс в 1873 году в своем предисловии к «Капиталу»: «В позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1.22].

Сказано яснее ясного. Тем не менее, как это ни странно, возникает вопрос: а применим ли подобный подход к изучению современного общественного устройства, т.е. социализма? Выдвигаемая концепция всецело стоит на почве диалектических установок приведенных высказываний основоположников марксизма, и свою задачу эта концепция видит в попытке вскрыть диалектику современного общества, показать противоречия социализма (иначе называемого первой фазой коммунизма) и, насколько это возможно, перспективы его развития и превращения в нечто другое, в несоциализм, в собственно коммунизм.

В своей гипотезе я исхожу из того, что данные диалектические установки принадлежат марксистской философии – науке о предельно общих законах развития природы, общества, познания. Философия дает цельный взгляд на мир и поэтому ее законы применимы ко всем известным пока уровням развития материи, в том числе и социальному, в рамках которого возник, существует, развивается и движется к коммунизму социализм. 16//17

Как отмечал М.А.Суслов в 1979 году на Всесоюзном совещании идеологических работников, «главной особенностью деятельности КПСС, как партии научного коммунизма, является *органическое соединение теории марксизма-ленинизма с революционной практикой* рабочего класса, с историческим творчеством народных масс. На всех этапах борьбы за создание нового общества наша ленинская партия неизменно следует марксистскому принципу – не только объяснять мир, но и изменять его» [76.4–5].

Но наука о современном нам обществе – обществе развитого социализма – только тогда будет на высоте предъявляемых к ней жизнью требований, если она сумеет разглядеть исторически преходящий характер своего предмета – социализма,– если сумеет вскрыть источник движения, развития социалистического общества, т.е. если она сумеет познать социализм как диалектически-противоречивую в своей сущности общественно-экономическую систему.

То время, когда победивший в нашей стране социализм делал свои первые шаги, когда он продолжал бороться за свое утверждение, когда еще существовала угроза реставрации капитализма, прошло и прошло безвозвратно. Но это значит, что так же безвозвратно прошло и то время, когда первоочередной задачей обществоведов было одно только оправдание социализма, один лишь показ его преимуществ перед капитализмом, его противоположности капитализму.

К сожалению, на самом деле все произошло иначе. Спустя восемь лет социализм рухнет уже не только в странах Восточной Европы, но и в СССР.

Вместе с этим в повестку дня снова встал вопрос о неизбежности перехода от капитализма к социализму. Ниже мы не раз еще коснемся этой проблемы.

Ныне, когда социалистические производственные отношения в нашей стране окрепли, прочно утвердились и достигли зрелого состояния, когда угроза реставрации капитализма осталась далеко позади, когда общество вплотную подходит к строительству коммунистических отношений между людьми, перед наукой об обществе не смогли не встать и выти на передний план новые задачи.

«Жизнь, социальная практика не стоят на месте,– отмечал М.А.Суслов.– Они предъявляют к марксистско-ленинской теории повышенные требования, выдвигают перед ней новые задачи. И общественные науки не должны отставать от жизни» [76.17]. 17//18

В своей концепции я исхожу из того, что решение задач, стоящих перед наукой об обществе на нынешнем этапе его развития, предполагает не только и не столько показ преимуществ социализма (перед капитализмом), сколько преимуществ коммунизма перед социализмом, т.е. недостатков социализма (сравнительно с собственно коммунизмом); не только и не столько изображение социализма как результата разрешения внутренних противоречий капитализма, сколько доказательство того, что собственно коммунизм является *закономерным результатом* развития социализма, результатом разрешения имманентных социализму противоречий. Все это требует *вскрытия диалектики социализма*.

Достижение социализмом развитого, зрелого состояния является благоприятным условием для вскрытия противоречий социализма вообще, т.е. противоречий, присущих социализму как таковому на всех стадиях (этапах) его развития, но лишь проявляющихся в наиболее выпуклом, ярко выраженном виде, на стадии социализма развитого. Поэтому первоочередной задачей обществоведов (с точки зрения данной концепции) на теперешнем этапе, учитывая нынешнее состояние общественных наук, и прежде всего, политической экономии, является не поиск специфических особенностей развитого социализма, а вскрытие имманентных социализму как таковому всех тех противоречий, которые в силу своей недостаточной развитости и выраженности не были вскрыты на более ранних стадиях существования социализма (см. также [233.27, 31]).

Кстати, именно поэтому в названии данной работы слово «социализм» фигурирует без его спутника «развитой», ставшего в последнее время весьма модным и чуть ли не обязательным атрибутом в названиях книг и статей, посвященных социализму.

Партия, ставящая своей целью построение коммунизма, правящая партия развивающегося в направлении к коммунизму социалистического общества, должна беспрестанно чувствовать и контролировать пульс этой борьбы противоположностей социалистического общества с тем, чтобы своевременно, синхронно с ним осуществлять становящиеся возможными и необходимыми мероприятия по коммунистическому преобразованию общества, по закреплению уже достигнутых успехов. **18//19**

И чем вернее, чем полнее, чем точнее теория будет отражать нашу действительность, состояние нашего общества, тенденции его развития, соотношение сил между его противоположностями, тем более эффективные, более смелые и более точные решения, направленные на разрешение противоречий социализма (а значит, и на утверждение коммунизма) сможет принимать правящая партия. «Коммунисты могут и должны, обязаны видеть и осознавать действительность во всем ее противоречивом развитии, дабы находить кратчайшие и самые плодотворные пути разрешения социальных противоречий, реализации коммунистических идеалов» [126.11]. «Между тем,— отметил Ю.В.Андропов,— если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью вскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» [65].

Горька эта правда, слов нет. Вот почему июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС со всей ясностью и определенностью потребовал от обществоведов преодолеть такие недостатки в организации исследований, как «замыкание в собственных "диссертационных" и групповых интересах, мелкотемье», потребовал повернуться лицом к диалектике борьбы в нашем обществе нового со старым, к диалектике созидательных и негативных тенденций, вскрывать глубинные причины имеющих место негативных явлений общественной жизни, потребовал «сосредоточить усилия всех общественных наук на конструктивной разработке методов и средств достижения наших ближайших и перспективных целей» (см. [69.1]). **19//20**

1.3. Коммунизм: исторический отрезок или луч, уходящий в бесконечность?

Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества.

К.Маркс [16.127]

Почему-то выдвинуто утверждение, что «коммунистическая эра» будет охватывать «бесконечную цепь сменяющих друг друга... коммунистических способов производства».

А.И.Паиков [211.93]

В самом деле; является ли коммунизм общественным устройством, имеющим только начало, но не имеющим конца, т.е. является ли он лучом, уходящим в *бесконечное* будущее, или же коммунизм – такой же преходящий, исторически ограниченный способ производства, как и все докоммунистические способы производства?

Какая из двух концепций коммунизма: «полубесконечного луча» или «конечного отрезка» – верна? Коммунизм в развитии человеческого общества смог возникнуть только на определенной ступени развития, и он имеет свое начало. Но вечен ли коммунизм по отношению к будущему? Необходимость дать ясный ответ на этот простой вопрос очевидна. Она связана прежде всего с тем, что у советских ученых наметились два диаметрально противоположных подхода к тому, с

чего следует начинать исследование производственных отношений социализма.

Одним из сторонников первого подхода является И.И.Кузьминов, по мнению которого исследование отношений социализма должно начинаться с выявления и раскрытия общекommунистических отношений, а не отношений, характерных только для социализма (см. [164.63]).

Представителями полярного подхода являются Л.И.Абалкин, Я.А.Кронрод, причем последний склонен был рассматривать социализм как особый, самостоятельный способ производства (см. [160.98]).

«Общетеоретически следует допустить, что коммунистическая эра охватывает бесконечное множество стадий эволюции производительных сил и производственных отношений, т.е. бесконечную цепь сменяющих друг друга в лоне коммунистической эры жизни человечества коммунистических 20//21 способов производства.

Но в такой цепи как исходный выступает социалистический способ производства» [160.84].

Правда, вскоре под мощным давлением критики (см. [211]) Я.А.Кронрод отказался от выдвинутого им положения публично (см. [161]). Имеется также точка зрения, пытающаяся «примирить» эти два подхода, апеллируя к диалектике единичного, всеобщего и особенного (см. [290]).

Много веков назад католики-ортодоксы принудили Галилея отказаться от своей ереси. Земля, однако, от этого не перестала обращаться вокруг Солнца.

С общепринятой ныне точки зрения коммунизм рассматривается как луч, простирающийся в бескрайнее будущее. «В настоящее время наука не располагает данными, которые дают основание предполагать, что вслед за коммунизмом наступит какая-то новая общественно-экономическая формация. Напротив, современный уровень научного познания основных тенденций общественного развития позволяет сделать вывод, что после установления коммунизма дальнейшее развитие общества будет осуществляться не путем смены формаций, а в пределах одной и той же коммунистической формации, которая создает возможности безграничного прогресса» [137.108]. «Теоретически мыслимо представить, что их (коммунистической общественно-экономической формации и присущих ей производственных отношений, – В.А.) развитие может беспредельно осуществляться в рамках этой одной общественно-экономической формации» [137.102], – пишет А.С.Ковальчук. «Мы подразумеваем, что коммунистическая формация будет существовать бесконечно» [246.113], – признается М.А.Селезнев.

Справедливости ради следует отметить, что М.А.Селезнев сам указывает на *логическое несоответствие* этого представления положению о том, что каждая формация имеет временные границы (начало и конец). Весьма важно и то, что М.А.Селезнев свой взгляд на коммунистическую формацию как на предмет, развивающийся «неформационно», т.е. без выхода за свои границы, рассматривает как гипотезу, а не как установленный факт (см. [246.110–113]).

Такой же позиции придерживается и Р.И.Косолапов. «Коммунизм – это необозримое будущее человечества» [155.284], – утверждает он, но... не увязывает это утверждение с тем, что диалектика на всем «видит печать неизбежного падения», а «в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его неизбежной гибели».

Другая, т.е. альтернативная лучевой концепции точка зрения 21//22 современных авторов мне что-то не припоминается, хотя, судя по свидетельству А.С.Ковальчука (см. [137.108]), она существует и имеет немало сторонников, но... в печати просто-напросто не отражается!

Ну что ж, попытаемся встать на позиции «лучевой» концепции и посмотрим, к каким следствиям это приведет.

Прежде всего нужно отметить, что при таком понимании коммунизма (как общественного устройства, способного развиваться вечно, бесконечно) реально данные общественные отношения представляют собой отношения чрезвычайно слаборазвитого коммунизма; исследование же предмета, находящегося в неразвитом состоянии – крайне затруднено, если оно только вообще возможно, о чем мне любезно напомнил В.Марков: «Маркс учил, что неразвитое состояние и самое развитие становятся понятнее при исследовании развитого состояния» [185].

Более того, при таком понимании коммунизма, какой бы высокой степени зрелости не достигали его социально-экономические отношения, они всегда будут оставаться отношениями крайне неразвитого коммунизма, подобно тому, как любая сколь угодно большая конечная величина по отношению к бесконечно большой есть ноль. Уже только по одному этому требованию начинать исследование социализма с общекommунистических отношений не может опираться на «лучевую» концепцию. Впрочем, в литературе уже указывалось (Л.И.Абалкиным) на методологическую несостоятельность выдвинутого И.И.Кузьминовым требования начинать исследование социализма с изучения коммунизма (см. [78; 79]).

Методологическую несостоятельность лучевой концепции коммунизма очень хорошо показал (вероятно, сам того не заметив) А.М.Минсян в написанных им V–VII главах книги ростовских философов [114]. Совершенно очевидно, что посылка о вечности коммунизма не допускает существования адекватного ему основного противоречия коммунизма, которое сопровождало бы коммунизм на всем его протяжении: ведь это означало бы неразрешимость данного противоречия, что было бы равнозначно отказу от диалектики. Поэтому, скромно подразумевая, что коммунизм – это луч, **22//23** направленный в бесконечное будущее, А.М.Минасян вынужден был придти к выводу, что коммунизм в целом (а значит и его вторая фаза) не может иметь какое-либо одно основное противоречие, а имеет целый ряд (видимо, *бесконечный* ряд) меняющихся друг друга основных противоречий. Эта концепция множественности основных противоречий и сопутствующих ей цепи скачков распространяется им также и на первую фазу коммунизма – социализм (надо полагать, что здесь этот ряд «основных противоречий» уже *не* бесконечен, иначе это означало бы невозможность вступления социалистического общества в коммунизм) (см. [114.129–130]).

Но в то же время у А.М.Минасяна от концепции множественности основных противоречий социализма и коммунизма не остается и следа, когда он вступает в полемику с А.С.Ковальчуком. Здесь А.М.Минасян словно забывает о концепции конечной множественности основных противоречий социализма и бесконечной множественности основных противоречий коммунизма (и сопутствующих им цепях скачков) и занимает уже другую позицию, а именно ту, которая разделяется выдвигаемой гипотезой.

Утверждая, что недопустимо смешивать элемент и структуру, часть и целое, он совершенно правильно пишет, что предмет (в том числе, например, социализм) «возникает не тем или иным "кусочком", элементом, моментом, а как целое, как предмет, он начинается не с возникновения своей предпосылки, а со своего возникновения как системы, структуры, целого, сущности» (см. [114.162–163]). Переход от социализма к коммунизму осуществляется также путем «главного скачка», по отношению к которому качественные изменения (цепь скачков), происходящие в рамках социализма, являются лишь количественными изменениями, подготавливающими этот «главный скачок» в коммунизм (см. [114.163, 195]).

А это уже значит одно и только одно: А.М.Минасян признал существование такого одного основного («главного») противоречия, которое сопровождает социализм от момента своего возникновения как целостной социально-экономической системы до превращения в коммунизм и которое выражает сущность социализма, ибо «главный скачок – переход к **23//24** коммунизму» есть лишь конечный результат, следствие существования, развития и разрешения основного противоречия социализма.

Но ведь сказанное выше по отношению к социализму нельзя не распространить и на вторую фазу послекapиталистического общественного развития человечества. Рассматривая основные (в трактовке А.М.Минасяна) противоречия коммунизма, возникающего «не тем или иным "кусочком", элементом, моментом, а как целое, как предмет», нельзя не увидеть, что они порождают лишь такие скачки, которые по отношению к коммунизму, взятому как целый, качественно определенный предмет, являются не качественными его изменениями, а количественными, поскольку они не приводят к уничтожению его (старой) сущности и рождению новой сущности, а сохраняют качественную определенность коммунизма. Но рассматривая вторую

фазу коммунизма как качественную определенность и занимая при этом диалектические позиции, невозможно отрицать того, что эту самую качественную определенность определяет, конституирует его основное противоречие, которое нам пока еще неизвестно.

Впрочем, это еще полбеда, если тот или иной автор выдвигает, защищает лучевую концепцию коммунизма или руководствуется ею при проведении своих исследований. Гораздо хуже, когда эта совершенно беспочвенная и бесперспективная (с точки зрения выдвигаемой концепции, во всяком случае) концепция коммунизма как самой последней* формы общественного устройства приписывается – кому бы вы думали? – ... К.Марксу!

«Социализм... как первая фаза коммунизма... уже несет в себе некоторые общие черты, свойственные в целом коммунистической общественной 24//25 формации, которая, по словам Маркса, является последней, т.е. высшей формой человеческого общежития» [279.195], – выделено мной.

Трудно сказать, в каком произведении классиков марксизма почерпнул П.Н.Федосеев ту мысль, будто коммунизм – это последняя из всех возможных форма существования человеческого общества, или, на худой конец, какая цитата из их произведений дала ему основание так утверждать. По крайней мере, **ни одна** из известных мне работ классиков не дает даже малейшего повода считать коммунизм заключительно-завершающей историю человечества общественно-экономической формацией.

Наоборот, **из всех** известных мне работ классиков вытекает одно и только одно: нет и не может быть «последнего» общественного устройства, оно может существовать разве что только в фантазии, нет и никогда не будет общественного устройства, которое не было бы исторически преходящим, потому что в мире нет ничего, кроме вечно изменяющейся, развивающейся, обновляющейся объективной реальности.

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* диалектики», – писал В.И.Ленин. – «Тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их "*самодвижении*", в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей» [39.316–317]. Из двух концепций развития: 1) развития как простого уменьшения и увеличения, как повторения и 2) развития как единства противоположностей *«только»* вторая дает ключ к "самодвижению" всего сущего; только она дает ключ к "скачкам", к "прерыву постепенности", к "превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство... противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба *взаимоисключающих* противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [39.317].

И К.Маркс, и Ф.Энгельс, и В.И.Ленин действительно говорили, что 25//26 коммунизм – это высшая организация человеческого общества. Но из приведенных здесь и в параграфе 1.2 выдержек классиков марксизма, из самого духа диалектики вытекает, что понимать это следует не абсолютно, а относительно. «Высшая» – это означает не «высшая из всех возможных», а «высшая из всех известных пока общественных формаций».

П.Н.Федосеев понимает классиков иначе, но не предпринимает даже попытки к объяснению того, почему она, утверждая, что диалектика «на всем и во всем видит печать неизбежного падения», не сделали оговорки: «за исключением коммунизма»; утверждая что «все общественные порядки,

* Последней не в смысле последней из известных, а в смысле отрицания принципиальной возможности и необходимости последующего качественного превращения коммунистического общества, не говоря уже о возможности и необходимости дальнейших качественных превращений транскомунистических общественных устройств, что означает, между прочим, отрицание и всеобщности закона перехода количественных изменений в качественные. В самом деле: если коммунизм – живой, развивающийся организм, то внутри него **неизбежно** происходят определенные количественные изменения, которые, однако, если верить лучевикам, **никогда** не приведут к выходу общества за пределы того качества, которое определяет коммунизм.

сменяющие друг друга в истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества», не сделали исключения: «все общественные порядки, кроме коммунистического»; утверждая, что диалектика рассматривает каждую осуществленную форму в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, они не сделали изъятия для коммунизма; а говоря, что единство противоположностей, лежащих в основе любого предмета, явления (и познание которых В.И. Ленин назвал *условием* познания всего сущего в саморазвитии) условно, временно, в то время как борьба их абсолютна, не сделали оговорки: «при коммунизме, братцы будет наоборот: единство абсолютно, постоянно, вечно; борьба – относительна»?

Одним из трех великих открытий марксистско-ленинской теории, составляющих опорную базу и для подлинно научной философии истории, и для эффективной программы преобразования современного общества, и для достоверного предвидения будущего, назвал Г.Х. Шахназаров идею закономерности прогрессивного развития общества, происходящего в результате смены общественно-экономических формаций (см. [292.25–26]). Это открытие, вошедшее в золотой фонд науки, сделано в XIX веке. А во второй половине XX века вдруг «обнаруживается», что данная закономерность исторического развития – вовсе не является закономерностью истории, а справедлива лишь по отношению к ее мизерной части, к предыстории человеческого общества! Нет, не просто так напомнил К.У. Черненко обществоведкам, 26//27 что они обязаны «умело применять испытанную марксистско-ленинскую методологию научного поиска. Разумеется, новые факты могут вести к необходимости дополнить, уточнить сложившиеся взгляды. Но есть истины, не подлежащие пересмотру, проблемы, решенные давно и однозначно. Нельзя, оставаясь на почве науки, "забывать" об основополагающих принципах материалистической диалектики» [69.2], всей марксистско-ленинской науки.

Следует отметить, что в третьем издании своей книги П.Н. Федосеев в процитированном выше тексте скромно опустил слова «последней, т.е.» (см. [280.203]), существенно изменив тем самым содержание своей мысли. Однако эта поправка, которую можно только приветствовать, тем не менее сделана без принятого в подобных случаях объяснения причин, побудивших его к этому: о них можно только догадываться.

Маловероятно, чтобы это свидетельствовало об отмежевании П.Н. Федосеева от лучевой концепции коммунизма. Можно предположить, что П.Н. Федосеев остался-таки при своем убеждении, будто коммунизм есть последнее из всех возможных общественно-экономических устройств человеческого общества, хотя и не нашел тому в трудах К. Маркса сколько-нибудь убедительного подтверждения.

Примечательно, однако, что сослаться на строки статьи первой договора между Союзом коммунистов, французскими эмигрантами-бланкистами и левым крылом чартистов, в которых о коммунизме было сказано, что он «должен явиться последней формой человеческого общества» [100.551], как это сделал (правда, с очень важной оговоркой: «в рамках доступного для нашего обозрения будущего») А.А. Макаровский (см. [179.217]), П.Н. Федосеев не рискнул.

Ведь договор этот, написанный рукой А. Виллиха, был подписан Ф. Энгельсом и К. Марксом в апреле 1850 года (небольшая деталь: эти подписи в документе самые последние), но уже к осени того же года К. Маркс и Ф. Энгельс порвали как с лидерами эмигрантов-бланкистов, так и с сектантско-авантюристической фракцией Виллиха – Шаппера (см. [19; 186.259, 264–266]). Подписи К. Маркса и Ф. Энгельса под договором свидетельствуют об их попытке расширения революционной организации пролетариата перед ожидавшейся новой революцией и об их способности идти на определенные компромиссы во имя интернационального объединения революционных представителей рабочего класса разных стран (см. [186.257–258]), но они не дают оснований для того, чтобы из текста договора можно было делать (как, например, это сделал Ц.А. Степанян, – см. [262.27]) далеко идущие выводы о теоретических взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на вопросы диалектики, теории научного коммунизма, партийного строительства и т.д. Эти взгляды содержатся в собственноручно написанных классиками работах.

Какие выводы вытекают из сказанного?

Прежде всего необходимо согласиться с А.М. Минасяном в том, что достигнутый уровень развития социализма дает нам основу для познания диалектики первой фазы послекapиталистической истории, «которая в нашей стране достигла известной степени зрелости. Это значит, что у нас с точки зрения объективной основы исследования *имеются все необходимые условия* для наилучшего познания этой объективной диалектики, а также *для критического анализа всех тех точек зрения*, которые 27//28 в разное время возникали и продолжают возникать сегодня, выражая собой картину сложного процесса познания диалектики социалистического способа производства» [114.93], – выделено курсивом и жирным шрифтом мной.

Как отмечал еще в 1966 г. Г.М.Штракс, познание противоречий неизбежно запаздывает по отношению к их возникновению в силу того, что для вскрытия противоречий требуется достижение последними определенной степени зрелости (см. [295.114]). Трудность вскрытия противоречий социалистического общества усугубляется тем, что «органическое внутреннее единство, характерное для всех сторон жизни социалистического общества, в известной степени заслоняет присущие ему противоречия» [295.115].

Поэтому перед лицом отмеченных Г.М.Штраксом трудностей отставание общественных наук от требований времени, конечно, имеет свое объяснение и, в известной мере, даже оправдание. Однако *советские обществоведы* в настоящее время являются не только свидетелями, не только наблюдателями, но и *непосредственными участниками* общественно-экономических отношений **развитого** социализма, в силу чего они находятся в наиболее благоприятных условиях для вскрытия тех самых противоположностей, единство и борьба которых лежит в основе социализма, в основе его движения к коммунизму, для вскрытия присущих ему тех самых противоречий, разрешение которых будет означать отрицание социализма, его диалектическое перерастание (превращение) в коммунизм.

Для решения этой задачи (познания диалектики социализма) требуется одно: руководствуясь испытанной жизнью марксистско-ленинской (диалектико-материалистической) методологией, анализировать прежде всего *экономические и социальные отношения* реально данного социализма.

Не представления о коммунизме, не его идеалы, а реальности общественного бытия – вот та почва, на которой росла и стоит выдвигаемая концепция.

Но если современная наука не вскрыла еще по-настоящему диалектику социализма, не установила еще логики политэкономических и социологических категорий *социализма*, то что же можно тогда сказать о наших 28//29 познаниях второй фазы коммунизма, спекулирующая нашими *незнаниями* противоречивой сущности коммунизма, *выдает* эти незнания *за знание* о том, будто коммунизм есть последняя из всех возможных фаз исторического развития, а И.И.Кузьминов даже предлагает в исследовании сегодняшнего общества исходить из наших незнаний общества завтрашнего дня! Ясно, что подобная «методология», по меньшей мере, не способствует вскрытию закономерностей развития социализма и становления коммунизма.

– В мире нет ничего вечного, кроме самой материи и ее движения,– утверждает марксистская диалектическая философия.– «Достоинно гибели все то, что существует» [24.275].

– Да нет же, позвольте, коммунизм – вечен!– пытаются убедить нас современные ученые философы, политэкономы и социологи, которые уже десятилетиями тщетно бьются над созданием фундаментальной социально-экономической теории социализма.

И до тех пор, пока они будут настаивать на вечности коммунизма, настаивать на том, что приступать к исследованию социализма можно лишь *после* исследования этого «абсолютного общества», «теоретически» оправдывая свою неспособность, нежелание или просто боязнь приступить к познанию и теоретическому отражению противоречий социализма, выражающих его и только его сущность, его и только его качественную определенность, трудно ожидать от них сколько-нибудь серьезного обобщения закономерностей развития социализма и перерастания его в коммунизм.

С точки зрения выдвигаемой гипотезы объявить коммунизм лучом, не имеющим второго конца, а познание социализма ставить в зависимость от познания всей будущей истории,– это значит: 29//30

– откатиться к гегелевской идее «абсолютного общества»;

– убить, вытравить критическую, преобразующе-активную направленность политэкономии социализма;

– загнать в тупик развитие теории научного коммунизма;

– отказаться от поиска основного противоречия социализма;

- отмахнуться от решения насущных задач сегодняшнего дня (перерастания социализма в коммунизм или, если условия для этого еще недостаточно созрели, – дальнейшего развития социализма) во имя изучения иллюзорной «абсолютной» и «идеальной» качественной определенности коммунизма, якобы неспособного к дальнейшим метаморфозам;
- принизить, насколько это только возможно, роль субъективного фактора, в том числе и партии научного коммунизма, в борьбе за изменение социального мира, за построение коммунизма.

1.4. Последовательность рассмотрения выдвигаемой концепцией вопросов политэкономии социализма

Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения восходили далее, принимая одно за другим эти посторонние и усложняющие обстоятельства.

В.И. Ленин [33.328]

В самом деле, с чего следует начать, как приступить к исследованию закономерностей функционирования и развития социалистического общества, его перерастания в коммунизм? Как, в какой последовательности следует проводить это исследование и рассмотрение? На что оно должно быть направлено в первую голову?

Известно, что в настоящее время самым трудным и болезненным вопросом политической экономии социализма является вопрос о ее логике, о ее внутренней непротиворечивости, а также логической связи с другими общественными дисциплинами. Проблема логики категорий и законов **30//31** политической экономии социализма – предмет непрекращающихся дискуссий политэкономов.

К таковым относятся в первую очередь дискуссии, посвященные исходному производственному отношению, основному (следовательно, и производным) производственному отношению, основному противоречию социализма, основному экономическому закону социализма.

Но и в тех случаях, когда обсуждаемые спорные вопросы на первый взгляд и не связаны с «посягательством» на структуру политэкономии социализма, на ее логику, в действительности решение таких менее общих и более частных вопросов также направлено на совершенствование внутренней логики политэкономии, на установление соответствующих связей между различными сторонами реальной действительности, на отражение этих связей в теории. Оно, таким образом, также направлено на совершенствование внутренней логики политэкономии, на установление соответствующих связей между отражающими действительность различными положениями этой науки, на разрушение ошибочных представлений и механических соединений (сцепок) верных или неадекватных действительности положений.

Если принять во внимание, что перечень спорных вопросов политической экономии социализма (т.е. вопросов, по которым имеются существенные расхождения хотя бы только у советских политэкономов) куда обширнее списка вопросов, не вовлеченных в число спорных, проблема создания «"Капитала" социализма» обнаруживается еще явственнее.

Труден этот вопрос и для выдвигаемой концепции. Ведь все вопросы так или иначе связаны между собой, находятся в прямой или опосредованной взаимосвязи друг с другом. Какой бы вопрос мы ни стали рассматривать, он оказывается связанным тысячами видимых и невидимых нитей со всеми остальными. Изучение того или иного отдельного вопроса политэкономии социализма требует предварительного охвата и удержания всего предмета исследования в целом (см. [30.354]), отражаемого, в свою очередь, сплавом продуктов изучения этих самых отдельных вопросов.

Кроме того, в исследовании предмета политэкономии социализма, как и во всяком другом исследовании, заранее неизвестно, выработаны ли уже те понятия, категории, с помощью которых можно выразить наиболее весомые, значимые, существенные стороны (*все стороны, все связи* отразить не в состоянии никакая теория) реально данных экономических отношений социализма,

или же эти понятия отсутствуют и их следует ввести в представления, отражающие исследуемый предмет. «Изучение производственных отношений в связи со сменой одного способа производства другим приводит к исчезновению одних и появлению новых, других 31//32 категорий, а также к существенным изменениям в категориях, сохраняющихся при различных способах производства» [139.24]. А это еще более усложняет задачу. Получается своего рода порочный круг, к тому же усложненный рядом обстоятельств.

В этой связи должен признать, что и в выдвигаемой концепции, пока она будет иметь право на существование, последовательность рассмотрения различных сторон, связей, отношений, социалистического способа производства является далеко не совершенной. Впрочем, и в любой другой доктрине та или иная последовательность рассмотрения и подачи материала не имеет самостоятельного значения. Наоборот, она должна быть подчинена задаче создания внятного, понятного другим и адекватного реальной действительности отражения предмета. По мере обнаружения и вскрытия новых сторон и новых отношений объекта исследования, очевидно, должна меняться и сама последовательность изложения материала.

И все же не так страшен черт, как он здесь намалеван. Порочный круг, о котором говорилось выше, разомкнут, и не в одном месте.

Прежде всего, политэкономия социализма располагает мощнейшим и в то же время тончайшим инструментом исследования общественно-экономических отношений, бесценным наследием Маркса, Энгельса, Ленина – диалектико-материалистической философией.

Вопросы, рассмотренные в предыдущих параграфах, дают общий подход к проблеме создания фундаментальной социально-экономической теории социализма, а тем самым, при правильном их практическом приложении к вопросам политэкономии социализма, существенно облегчает решение этой задачи. Но марксистская философия – это не просто философия диалектики, а философия сплава диалектики и *материализма*. «Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах... истории и действительности» [57.411], – выделено мной. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит – если оно *правильное*... – от истины, а подходит к ней... Все научные... абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины... Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволоочь в помойную яму» [42.152–153]. Любая материалистическая теория исходит из 32//33 реальной действительности и ею же проверяет свою истинность. Идеи не могут выводиться из идей, такое занятие превратило бы научное исследование действительности в оторванное от практики схоластическое теоретизирование, и не принесло бы самим общественным наукам, равно как и их потребителям ничего, кроме вреда, на что, кстати, уже прямо и неоднократно указывалось руководителями КПСС (см. напр., [59.73; 66.21]).

Далее. Достоянием общественной науки являются непревзойденные образцы применения классиками марксизма-ленинизма диалектико-материалистического миропонимания к анализу явлений и процессов окружающей их действительности. Общественные науки, изучающие социалистические производственные отношения, закономерности их движения, должны, насколько это только возможно, черпать в этих образцах все, что имеет непреходящее значение и для исследования послекапиталистических производственных отношений.

Наконец, советской экономической наукой, несмотря на то, что задача создания фундаментальной социально-экономической теории ею пока еще не решена, проделана колоссальная работа по рассмотрению множества отдельных сторон и связей, отношений между ними. Эта работа является необходимой предпосылкой создания «"Капитала" социализма». Без этих исследований не смогла бы появиться и выдвигаемая концепция.

* * *

Диалектико-материалистическое мировоззрение позволяет нам проникнуть в тайны изменения и развития окружающего нас мира. Такое проникновение может стать доступным только в том случае, если будем искать источник, причину движения, развития того или иного объекта природы или общественной жизни во взаимодействии, борьбе тех противоположностей, единство которых

качественно определяет сущность и границы существования этого предмета. Борьба противоположностей абсолютна, как абсолютно само движение. Единство противоположностей – временно, относительно, **33//34** как временно любое качественно определенное состояние предмета. Борьба противоположностей неизбежно ведет к разрушению их единства, т.е. к переходу в качественно новое состояние предмета, к возникновению нового предмета.

Но переход к новому качеству не сопровождается прекращением движения, прекращением борьбы. Борьба – абсолютна. Переход к новому качеству сопровождается, следовательно, возникновением новых противоположностей, единство которых образует новый предмет. Поэтому гипотеза не разделяет претензий некоторых политэкономов на охват политэкономическими исследованиями всего послекapиталистического развития человеческого общества, всей подлинной **истории**, безбрежного «социализма-коммунизма», простирающегося от начала XX века до 2017, 2100, 2200, 2500, 3000, 4000 года и так далее неизвестно докуда. Это – абсурдная и безнадежная затея. Исходить можно только из фактов, только из данной для познания реальности.

Что касается способа соединения рабочей силы со средствами производства в обществе, которое выйдет за границы социализма (а в дальнейшем – и за пределы коммунизма), то суждения о них сегодня могут носить лишь характер научного предвидения, построенного на выводах из имеющихся в нашем распоряжении фактов, которое, однако, может и не подтвердиться в будущем. И это предвидение будет тем полнее, точнее, богаче, чем ближе подходит социально-экономическая действительность к состоянию общественного устройства, которого пока нет (но к которому она движется), и чем глубже отражает теория эту действительность. Коммунистические производственные отношения вырастают из отношений социалистических и поэтому нами, участниками социалистического способа производства, могут быть выведены только из них, но не наоборот, как это думают некоторые исследователи. Само собой разумеется, что когда социалистическое общество перерастет свои границы и превратится в общество коммунистическое, при исследовании новых социально-экономических отношений уже недостаточно будет исходить из фактов социалистической **34//35** действительности и выведенных из них представлений о коммунистическом будущем. В этих условиях исследование должно уже будет опираться на изучение нового океана фактов, которые преподнесет будущим исследователям будущего общества будущая реальная коммунистическая действительность.

То же самое можно сказать и в отношении политической экономии социализма. Классики марксистской науки не располагали и не могли располагать теми фактами, которые в изобилии дает нам современное общество – развитой социализм. Они не оставили, да и не могли оставить нам такую экономическую теорию социализма, которую требует практика дальнейшего социально-экономического развития построенного социализма, и тем более – практика развития зрелого социализма или коммунистического строительства. То обстоятельство, что политическая экономия социализма имела возможность длительное время развиваться, и развиваться довольно-таки успешно, основываясь на научных предвидениях Маркса, Энгельса, Ленина, не должно порождать чувства самоуспокоенности и самонадеянности, упования на то, что теперь-де стоит задача лишь уточнить и конкретизировать то, что уже было высказано и предсказано классиками. «Партия, к которой я принадлежу, – писал Ф.Энгельс, – не выдвигает никаких раз навсегда готовых предложений. Наши выводы на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [29]. «Мы были бы никудышными последователями наших учителей, – отмечает Ю.В.Андропов, – если бы довольствовались повторением открытых ими истин, полагаясь на магическую силу однажды заученных цитат» [66.22].

И хотя классики марксизма-ленинизма не написали для нас и вместо нас **Политическую экономию социализма**, они оставили нам **метод** исследования предмета этой науки, значение которого *переоценить невозможно*. А в соответствии с этим методом назвать причину изменения, развития предмета, его движения, будь то луч света, стадо обезьян или социалистическое общество, нельзя иначе, как через вскрытие противоречий – **35//36** отношений *взаимодействующих*

противоположностей, составляющих данный (т.е. исследуемый) предмет.

Но для того, чтобы верно определить те стороны, между которыми существует действительное, а не надуманное противоречие (т.е. чтобы выделить именно диалектические противоположности), иначе говоря, чтобы не впасть в эклектику, необходимо, чтобы эти противоположные стороны были взяты в одном определенном отношении, что, впрочем, не так уж и трудно. Гораздо сложнее определить, на исследовании какого именно отношения из бесчисленного множества отношений окружающей нас социальной действительности мы должны сосредоточить наши исследовательские усилия, чтобы не тыкать пальцем в небо, а ухватить быка за рога. Но и эта проблема в общем виде была решена еще в XIX веке.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» [2.43–44]. И еще: «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям... – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя» [4.354].

Значит, если мы хотим выяснить, что же представляет собой современное нам общество, его нынешняя историческая форма, очевидно, свое внимание мы должны направить *в первую очередь* на тот характер и способ, которым осуществляется в нем соединение двух факторов производства: средств производства и рабочей силы

«Нет нужды доказывать, что в каждом способе производства средства производства и рабочая сила функционируют в рамках определенной формы собственности. К сожалению, в нашей экономической литературе при рассмотрении производственных отношений это важное положение не всегда **36//37** учитывается» [150.12].

«В течение долгого времени (до 1963 г., как утверждает автор цитаты, – В.А.) вопрос о характере собственности на рабочую силу при социализме в нашей экономической литературе даже не ставился. Объясняется это, конечно, не тем, что здесь существовала полная ясность и как ее следствие единогласие среди ученых-экономистов. Просто эта проблема не попадала в сферу научных интересов исследователей» [230.224].

Посмотрите, как просто: просто не попадала – и баста! – точно так же, как не попадает на страницы научной литературы историко-диалектическая антилучевая концепция коммунизма (см. параграф 1.3).

Но почему же все-таки то, с чего следует *начинать* исследование, рассматривается *в последнюю очередь*? Полагаю, это происходит главным образом «из-за боязни навести людей на мысль о товарном характере рабочей силы при социализме» [95.43] (вопрос о собственности на рабочую силу и о связи рабочей силы с товарно-денежными отношениями) и из-за такого же трусливого опасения, как бы кто, не приведи господь, не подумал о том, что коммунизм – это идеал только для нас, но не для членов будущего коммунистического или послекоммунистического общества, чьи устремления будут направлены к новым целям и идеалам (вопрос об исторической ограниченности коммунизма). Совсем как у героя романа И.А.Гончарова, который оставлял письма нераспечатанными из опасения, что они могут содержать худые вести. Впрочем, может, я ошибаюсь?

К счастью, как это и должно было случиться – шило в мешке рано или поздно все-таки заставляет обратить на себя внимание, – первый из этих вопросов теперь уже обходить стороной стало невозможным: в последнее время вопрос о собственности на рабочую силу, на ее связь с товарно-денежными отношениями при социализме обсуждается в литературе все чаще и чаще (см., напр., [151; 192; 242; 304; 171; 306; 149; 244; 251; 175; 235; 236.32–34]). Однако пока что не приходится говорить даже о наметках решения об экономическом положении рабочей силы. **37//38**

Далее. Отношения между рабочей силой и средствами производства нельзя вывести иначе, как из фактов, из явлений современного нам общественного устройства. Рассмотреть *все* факты, *все* явления не может никакая теория. Тем более не может этого сделать такая молодая наука, как политическая экономия социализма. Поэтому необходимо, насколько это только возможно, отвлечься от всего второстепенного, наносного, случайного, необходимо абстрагироваться от обстоятельств, осложняющих социалистические производственные отношения, и принять к рассмотрению поначалу лишь то, без чего социалистические производственные отношения не были бы социалистическими, т.е. рассмотреть социализм в «чистом» виде. «Для того чтобы проанализировать действие объективных экономических законов, необходимо данное общество (или этап его развития) представить прежде всего в идеальном виде» [138.6].

Но отвлекаясь в исследовании диалектики социализма от тех или иных элементов, сторон, связей между ними, мы тем самым рискуем выхолостить отражение диалектики настолько, что в нем потеряются наиболее существенные стороны реального социализма, отношения и связи между этими сторонами. Здесь мы оказались перед новой проблемой: от чего же именно *следует* отвлечься, а от чего *нельзя* абстрагироваться, рассматривая социалистические производственные отношения? Нам очень поможет то обстоятельство, что между капитализмом и социализмом нет непроходимой пропасти ни в действительности, ни в ее отражении. Социально-экономический скачок, разделяющий социализм и капитализм, как и любое другое диалектическое отрицание, необходимо включает в себя момент преемственности, связи нового со старым.

Капитализм, в силу того, что прошел гораздо больший путь развития и в ряде стран уже завершил его, отражен в теории намного полнее и глубже, нежели социализм. Капиталистический способ производства изучен достаточно хорошо, чтобы мы смело могли взять его основные отношения в самых общих, характерных для него чертах, так сказать, в «чистом» виде, не теряя при этом его существеннейших сторон. Перебросив мост 38//39 диалектического отрицания от рассмотренного таким образом «чистого», «абстрактного» капитализма, рассмотренного в главных своих чертах, за пределы его существования, мы, разумеется, не сможем вскрыть сущность социализма, его диалектику, но зато получим освобожденную от всего случайного, второстепенного, несущественного основу «абстрактного», «чистого» социализма.

Полученная таким образом основа позволит ограничить определенными рамками круг вопросов, которые мы поначалу примем к рассмотрению, с гораздо большими шансами на успех, чем если бы такое ограничение было выполнено произвольно.

Имея такую основу, мы сможем приступить к анализу фактов, которые даны в живом, реальном социалистическом обществе, достигшего уже в нашей стране высокой степени зрелости, приступить к изучению закономерностей и тенденций его развития.

Таков, в самых общих чертах, план (или последовательность) рассмотрения гипотезой вопросов диалектики современного нам общественного устройства, присущего ему способа соединения рабочей силы со средствами производства, а также перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические.

И еще одно очень важное обстоятельство.

При исследовании явлений и фактов реально данной общественной жизни (экономических и социальных отношений, общественного воспроизводства и социальной структуры общества) мы будем рассматривать социализм как *качественную определенность* (см. параграф 1.3), как живой, развивающийся по своим собственным законам организм.

Это значит, что мы будем рассматривать социализм как *социально-экономическую систему*, в которой обусловленные социалистическим способом соединения рабочей силы со средствами производства производственные отношения не только определяют специфическую, характерную для социализма и только для социализма социальную структуру общества, но и служат основой для имманентных социализму 39//40 надстроечных отношений и институтов. В этом смысле мы рассматриваем социализм как качественно определенный, исторический тип общества, как

общественно-экономическую формацию, основанную на социалистическом способе производства.

В марксистской литературе уже имели место утверждения о том, что социализм представляет собой самостоятельный способ производства (см., напр., [160.98; 282.40]), что было равносильно признанию существования социалистической общественно-экономической формации. И хотя сами авторы этих утверждений под воздействием критики впоследствии отказались от них и переменили свою точку зрения (см., в частности, [161.108]), доводы против признания социализма самостоятельной общественно-экономической формацией и самостоятельным способом производства остаются весьма уязвимыми. Вот только один из них (ряд других доводов будет рассмотрен в гл. 7).

Например, А.С.Ковальчук, признающий наличие у социализма черт, позволяющих рассматривать его как качественную определенность, считает тем не менее, что в процессе предстоящего перехода от социализма к коммунизму «отрицанию подвергаются не коренные основы существующего качества – социализма в целом, а только отдельные стороны и конкретно-исторические формы их проявления» [258.290].

Неубедительно? А.С.Ковальчук поясняет свою мысль. Качественную определенность предметов и явлений, – говорит он, – можно рассматривать на трех уровнях:

- 1) изолированно от других;
- 2) когда эти же самые предметы и явления рассматриваются в связи и во взаимодействии с другими в общей для них системе, элементами которой они являются;
- 3) во взаимодействии систем.

«Если рассматривать качественную определенность социализма изолированно, т.е. на первом уровне ее теоретического познания, то переход к высшей фазе коммунизма действительно выглядит лишь как отрицание 40//41 коренных основ социализма» [258.291]. Однако А.С.Ковальчук считает первый уровень познания качественной определенности социализма явно недостаточным, а потому переходит ко второму, совершая при этом подмену понятий: теперь вместо качественной определенности **социализма** речь у него идет о качественной определенности **всей истории** (за вычетом досоциалистической истории), которую А.С.Ковальчук рассматривает как **систему**, в рамках которой мистическим образом **взаимодействуют** ее элементы, ее составные части – социализм и собственно коммунизм. А раз так, заключает он, то качествами системы следует наделить и сами элементы. Отсюда вывод: «коренные» качества социализма («элемента») – это не проходящие качества социализма, а вечные качества всей истории («системы»), что и является по мнению А.С.Ковальчука доказательством того, что формацией является не социализм, а вся послекапиталистическая история человечества (см. [258.290–291]).

Должен признаться, что выдвигаемая концепция не способна подняться на понимаемый таким образом второй уровень теоретического познания. В ее задачу вообще не входит рассмотрение взаимодействия живого отца (социализма) с еще не рожденным, еще не существующим и тем не менее – по некоторым представлениям – уже обреченным на бесплодие сыном (собственно коммунизмом), т.к. подобные **взаимодействия** настоящего с будущим, реального с воображаемым, равно как и «систему» с разновременными существующими «структурными элементами», образующими ее, концепция рассматривает как нечто химерно-мистическое, не имеющее с материализмом и марксизмом ничего общего.

А.С.Ковальчуку кажется, что он вывел, доказал однокачественность социализма и коммунизма из их принадлежности одной и той же формации. На самом же деле это не доказательство, а выражение одной и той же мысли разными словами.

Любопытно для сравнения остановиться еще на одной разновидности «взаимодействия» социализма с коммунизмом. Здесь, правда, социализм уже «взаимодействует» не со своим историческим наследником и преемником (собственно коммунизмом), а со всей послекапиталистической историей. Я имею в виду утверждение А.А.Чухно о том, что «диалектическое взаимодействие общекommунистических отношений со специфическими 41//42 социалистическими при определяющей роли первых обеспечивает функционирование и развитие экономической системы социализма»

[291.8]. Согласно этому представлению экономическая система социализма существует и развивается только благодаря тому, что она как таковая противопоставляется (и не как-нибудь, а диалектически!) вечному коммунизму, включающему в себя мимолетный (по сравнению с ним) социализм.

Нефилософского склада уму, конечно, трудно представить, как разворачивается подобное взаимодействие в реальном пространстве и времени: глубинную коммунистическую сущность, выступающую на поверхности явлений социализма (т.е. сущность одного предмета в явлениях другого), коммунистическое содержание, облаченное в форму социализма (примерно то же: содержание одного предмета в форме другого) или еще что. Боюсь, что представления о «диалектическом» взаимодействии, когда социализм (реальный объект) воздействует на некую совокупность реального социализма с несуществующим еще коммунизмом, а вся состоявшаяся и несостоявшаяся еще послекапиталистическая история каким-то образом воздействует на реальный социализм, должны быть скорее предметом рассмотрения психиатров, чем марксистов-материалистов. *[Абзац сокращен втрое и дан в редакции 2011 года.]*

Цель выдвигаемой концепции – попытаться найти, основываясь только на анализе реальной действительности, все то, что могло бы характеризовать социализм как качественную определенность (поиск социальных противоположностей социалистического общества, поиск основного экономического закона социализма, поиск основного противоречия социализма – движущей силы его **саморазвития**, то есть без привлечения к анализу «фактов» воздействия на социализм людей отрицательного возраста из потустороннего для нас будущего коммунистического общества, поиск основных составных элементов исторически определенного социалистического общества и т.д.). У предлагаемой концепции нет сомнений в том, что этот анализ невозможен без выработанных марксизмом понятий производительных сил и производственных отношений, способа производства, индивидуального и социального, базиса и надстройки, т.е. всего того, что включает в себя **42//43** категория **общественно-экономической формации** и между чем эта категория устанавливает структурную упорядоченность, координацию и субординацию.

Что же касается приведенного А.С.Ковальчуком обоснования того, что социализм и коммунизм принадлежат одной и той же формации, то оно не только не доказывает, а скорее, опровергает этот тезис, поскольку у автора не нашлось других, более убедительных доводов. **43//44**

Глава 2. Капитализм

2.1. Общая характеристика капитализма

Любое общественное устройство – в том числе и капиталистическое, – как было отмечено выше (см. параграф 1.4), отличается от всех других эпох общественного строя своим особым, присущим ему и только ему характером и способом соединения двух факторов производства: рабочей силы и средств производства.

Носителями отношений капиталистического общественного устройства являются его диалектические противоположности, представляющие собой в рассматриваемом обществе две большие группы людей, т.е. два класса.

Согласно материалистическому, единственно верному взгляду на общественное развитие (историю), определяющими в том или ином способе соединения рабочей силы со средствами производства являются не вторичные (т.е. политические, правовые, идеологические и т.п.), или надстроечные отношения, а первичные (материальные, экономические), или базисные отношения.

Что же представляет собой в общих чертах диалектические противоположности буржуазного общества – буржуазия и пролетариат – и экономические отношения между ними?

Буржуазия – неотъемлемая часть капиталистического общества. Она представляет собой ту группу людей, в собственности которых находятся средства производства (постоянный капитал) и средства существования своей противоположности – пролетариата – (переменный капитал). Но просто обладая данными средствами, эти собственники (владельцы капитала, капиталисты) не могут привести в движение средства производства: они не обладают необходимой для этого рабочей силой.

Второй такой же неотъемлемой, как буржуазия, частью общества, в котором господствуют буржуазные производственные отношения, является пролетариат.

Он представляет собой другую, причем гораздо большую, группу 44//45 свободных, лично ни от кого не зависимых людей, не обладающих ни жизненными средствами, ни средствами производства, с которыми они могли бы соединить прямо, непосредственно (как это делают свободные крестьяне и мелкие буржуа вообще) то единственное, чем они обладают – свои рабочие силы, или способности к труду.

Таким образом, положение капиталистов и пролетариев диаметрально противоположно. То чем обладают буржуа – является несобственностью пролетариев, и наоборот: то, что имеют пролетарии – не является собственностью капиталистов.

Вследствие того, что пролетарии не располагают жизненными средствами, обладающих для них потребительной стоимостью, и в то же время являются свободными собственниками своих рабочих сил, лично для них не имеющих потребительной стоимости, они вынуждены вступать в отношения найма с тем или иным собственником средств производства (и жизненных средств в денежной форме, превращенной в переменный капитал), т.е. попросту говоря, продавать ему свои рабочие силы.

На стороне пролетария, носителя своей рабочей силы, продающего последнюю с тем, чтобы приобрести жизненные средства, эти акты продажи и купли представляют собой простой товарный обмен, обмен эквивалентов:

$$\begin{array}{ccccccc} T_{pc} & - & D_{зп} & - & T_{ж} & \dots\dots\dots \pi \dots\dots\dots & T_{pc} \\ \text{рабочая} & & \text{заработная} & & \text{жизненные} & \text{потребление жизненных средств,} & \text{рабочая} \\ \text{сила} & & \text{плата} & & \text{средства} & \text{в результате которого} & \text{сила} \\ & & & & & \text{воспроизводится рабочая сила} & \end{array}$$

где греческой буквой π обозначен процесс потребительного производства, названный К.Марксом

вторым видом производства (см. [15.27]).

Иначе обстоит дело на стороне собственника средств производства. Именно на этой стороне встречаются и соединяются оба фактора производства. Этим и обусловлено то, что вновь созданный продукт принадлежит капиталисту. Соединение же факторов производства капиталист производит не с целью дать рабочему жизненные средства, а для того, чтобы присвоить создаваемую в процессе производства **45//46** дополнительную стоимость сверх той, что была затрачена на приобретение рабочей силы у неимущих средств производства пролетариев:

$$\begin{array}{ccccccc}
 D_v & - & T_v & \dots\dots & П & \dots\dots & T' & - & D_v & + & D_m & . \\
 \text{переменный} & & \text{рабочая} & & \text{процесс} & & \text{вновь созданный} & & \text{переменный} & & \text{прибавочная} & \\
 \text{капитал} & & \text{сила} & & \text{капиталистического} & & \text{живым трудом} & & \text{капитал} & & \text{стоимость} & \\
 & & & & \text{производства} & & \text{товарный продукт} & & & & &
 \end{array}$$

Строго говоря, эта формула неверна, т.к. она не отражает движения постоянного капитала. С добавлением последнего имеем:

$$\left\{ \begin{array}{l} D_c - T_c \dots П \dots T_c - D_c \\ D_v - T_v \dots П \dots T' - D_v + D_m \end{array} \right. , \text{ или}$$

$$\begin{array}{l} D_c - T_c \dots П \dots T' - D_c \\ D_v - T_v \dots П \dots T' - D_v + D_m \end{array} .$$

Именно эта отличительная способность рабочей силы – способность производить прибавочную стоимость – и представляет для капиталиста (собственника средств производства) ту потребительную стоимость, которая позволяет ему присваивать *чужой – не его – труд*, а производство и присвоение прибавочной стоимости на стороне собственников средств производства является целью, движущим мотивом производства, облаченного в капиталистическую оболочку.

Чтобы жить и существовать, не имеющий в своей собственности средств производства собственник рабочей силы не может не совершить акта $D_v - T_{pc}$. Первый предполагает второго, второй – первого.

Капиталистическая организация общественного производства возникает, существует и сохраняется как таковая лишь тогда (или до тех пор), когда появляются (или пока имеются) две взаимосвязанные, взаимообусловленные, предполагающие друг друга социальные противоположности: собственники средств производства, не обладающие рабочей силой, и собственники рабочей силы, не владеющие средствами производства. Капиталистический общественный порядок одинаково невозможен как без буржуазии, так **46//47** и без пролетариата.

Такой способ соединения рабочей силы со средствами производства и все иные вытекающие из него общественные отношения возникли исторически, под воздействием развивающихся производительных сил. Развитие последних (концентрация, укрупнение раздробленных, ограниченных производств мелких производителей) привело к *обобществлению процесса труда*, в то время как сами средства и предметы труда сконцентрировались у *отдельных* лиц, благодаря чему продукт *совместного труда* многих людей продолжает присваиваться *отдельными лицами*. Капиталистические производственные отношения, таким образом, – это *противоречивые* отношения социальных (классовых) противоположностей. Это противоречие между общественным характером труда и индивидуально-капиталистическим способом присвоения продуктов труда и является основным противоречием капиталистического способа производства, причем законы функционирования и развития капитализма постоянно воспроизводят и углубляют его. Продукты труда становятся продуктами труда все большего и большего количества людей. Об этих продуктах «никто в отдельности не может сказать...: "Это я сделал, это *мой* продукт"» [20.280],

в то время как на стороне собственников средств производства продолжает идти процесс концентрации, сосредоточения средств производства в руках все меньшего и меньшего числа людей.

Но вернемся к соединению факторов производства в капиталистически организованном обществе. Воспроизводство рабочих сил происходит на стороне носителей рабочих сил, за их счет, вследствие чего они и являются собственностью тех, кто не владеет средствами производства:

На наших глазах произошел рывок в технических и программных средствах информационно-коммуникативных технологий. Марксистам-диалектикам следует обратить свое самое пристальное внимание на протекающие в огромных масштабах процессы **деконцентрации** (как результат бурного развития производительных сил) в сферах информационного производства, аграрного производства, производства потребительских услуг и др., что объективно ведет к возрастанию доли уклада мелкотоварного производства.

$$\begin{array}{ccccccc}
 T_{pc} & - & D_{zp} & - & T_{ж} & \dots \dots \dots \pi \dots \dots \dots & T_{pc} \\
 \text{рабочая} & & \text{заработная} & & \text{жизненные} & & \text{рабочая} \\
 \text{сила} & & \text{плата} & & \text{средства} & & \text{сила} \\
 & & & & & \text{потребление жизненных} & \\
 & & & & & \text{средств = производство} & \\
 & & & & & \text{(сохранение) рабочей силы} &
 \end{array}$$

В противоположность воспроизводству рабочей силы воспроизводство средств производства и жизненных средств происходит на стороне собственников средств производства: **47//48**

$$\left\{ \begin{array}{l} D_v - T_v \dots \Pi \dots T' - D_v + D_m \\ D_c - T_c \dots \Pi \dots T_c - D_c \end{array} \right.$$

Как в начале, так и в конце каждого законченного цикла производства первого вида Π и второго вида π средства производства и жизненные средства (в форме денежного капитала) с одной стороны и рабочие силы с другой являются объектами собственности *разных* субъектов, принадлежащих противоположным классам.

Этим и обусловлена необходимость *постоянной* (т.е. в начале каждого цикла воспроизводства как рабочей силы, так и капитала) купли-продажи рабочих сил, в результате которой средства производства соединяются с рабочими силами, становятся объектами *одного и того же* субъекта, принадлежащего классу капиталистов.

Для капиталистических производственных отношений сам акт соединения рабочей силы со средствами производства (купля-продажа рабочей силы) является необходимым *моментом, предпосылкой* (но не более!) производства как прибавочной стоимости, так и рабочей силы. Без выделенного жирным шрифтом в приведенных выше формулах одного и того же акта ($T_{pc} - D_{zp}$ на стороне собственников рабочей силы и $D_v - T_v$ на стороне собственников средств производства) одинаково обрываются, становятся невозможными как процесс воспроизводства π рабочей силы, так и процесс воспроизводства Π средств производства и жизненных средств.

Но сами по себе отношения найма рабочей силы собственниками средств производства еще не заключают антагонистических отношений эксплуатации наемного труда капиталом. Оба контрагента отношений найма, или купли-продажи рабочей силы (т.е. собственник рабочей силы и собственник денежного товара) являются равноправными и свободными товаровладельцами, обменивающими товар на товар, т.е. совершающими обмен *эквивалентов*.

Точно так же сам по себе *процесс функционирования рабочей силы*, в ходе которого создается больше продуктов, чем расходуется на производство рабочей силы (что в обществе, где господствуют товарно-денежные отношения, означает создание большей стоимости, чем стоимость рабочей силы), так же не выражает отношений эксплуатации рабочей силы **48//49**

Или такое общество со временем просто было бы скушано своими соседями.

субъектом отношений собственности на средства производства. Общество, которое потребляло бы все, что производит, и которое не осуществляло бы накопление, было бы просто обречено на абсолютный застой.

Может быть, *антагонистические* отношения *эксплуатации* наемного труда капиталом возникают потому, что рабочие силы и средства производства (до момента их соединения на стороне *одного субъекта* отношений собственности) являются объектами *не одного и того же, а разных субъектов* отношений собственности? Но даже и на этот вопрос нельзя дать положительного ответа. Например, при социализме средства производства и рабочие силы являются объектами собственности разных субъектов (об этом будет идти речь ниже, в гл. 4), но социалистические производственные отношения не становятся от этого ни антагонистическими, ни эксплуататорскими.

Что же в таком случае является причиной антагонизма буржуазных производственных отношений? Благодаря чему становится возможным присвоение результатов чужого труда, его эксплуатации?

Выше уже говорилось об основном противоречии капитализма, о противоречии, вытекающем из обобществления самого процесса труда с одной стороны и присвоением продуктов труда отдельными людьми с другой стороны. Но такое присвоение продуктов совместного труда *многих людей* отдельными, *немногими лицами*, круг которых все более и более сужается, является лишь результатом постоянно воспроизводящегося распределения жизненных средств и средств производства на одной стороне, на одном полюсе общества, а рабочих сил – на противоположном. Распределение это таково, что собственники рабочих сил, представляющие собой подавляющую часть людей, вовлеченных в буржуазно-пролетарские производственные отношения, не являются собственниками средств производства и жизненных средств. Иначе говоря, средства производства и жизненные средства сосредоточены не в руках трудящихся, а в руках сравнительно небольшой группы людей, нерабочих (не наемных рабочих), нетрудящихся, т.е. в руках *совершенно другой* части буржуазного общества. Собственность на **49//50** средства производства является таким образом *частной в двойном смысле*.

Во-первых, она является собственностью *отдельных лиц*, собственности индивидуальной, а не общественной, и в этом отношении она *идентична, сходна* с мелкобуржуазной собственностью на средства производства нерасслоившегося еще крестьянства, ремесленников, кустарей и т.п. В данном, первом смысле частная собственность еще не является источником, причиной антагонизма буржуазных общественных отношений.

Напротив, частная собственность на средства производства и жизненные средства, понимаемая как собственность, отделенная от рабочих, от трудящихся, является *отрицанием, внешней противоположностью* индивидуальной мелкобуржуазной собственности на средства производства нерасслоенного крестьянства, ремесленников, в пределах которой возможно осуществление прямого соединения рабочей силы со средствами производства. Это во-вторых.

Думаю, нет никакой необходимости заострять внимание на том очевидном обстоятельстве, что частная собственность в первом смысле является необходимой (но еще недостаточной) предпосылкой возникновения, а тем самым и существования частной собственности во втором смысле, т.е. полностью отделенной от рабочих, от трудящихся. Таким образом, частная собственность в первом смысле (частная-1 собственность) и втором смысле (частная-2 собственность) исторически и логически связаны между собой, но отнюдь не тождественны. Этот процесс развития частной-1 собственности и превращения в свою противоположность – в частную-2 собственность – показан Ф.Энгельсом в «Анти-Дюринге» (см. [20.280–282]).

Лишь во втором смысле частная собственность является фактором антагонизма, эксплуатации одной группы людей (пролетариата) другой группы (буржуазией). Поскольку характернейшим признаком буржуазно-пролетарских производственных отношений является именно *отделение* средств производства от непосредственных производителей, трудящихся, наличие частнокапиталистического присвоения, т.е. частной-2 **50//51** собственности, оказывается

недостаточным охарактеризовать эти отношения только как противоречивые. Буржуазно-пролетарские отношения *антагонистически* противоречивы. Следовательно, формулировка основного противоречия капитализма, данная выше, нуждается в уточнении: это противоречие возникает *между общественным характером труда и частнокапиталистическим способом присвоения его результатов, продуктов труда*.

Попутно заметим, что понятие «частная собственность» может употребляться еще в одном, третьем смысле, о чем будет сказано в главе 4.

Сделаем из сказанного некоторые выводы, которые потребуются нам в дальнейшем, при рассмотрении отношений, возникающих при соединении факторов производства при социализме.

1. Отношения найма рабочей силы как таковые сами по себе еще не заключают в себе антагонизма.

2. Отношения найма рабочей силы возникают из того, что:

а) носитель рабочей силы является свободным ее собственником, вольным ею распоряжаться по своему усмотрению;

б) рабочая сила и средства производства являются объектами отношений собственности не одного и того же субъекта этих отношений, а разных субъектов, вследствие чего для носителя-собственника рабочей силы последняя не имеет потребительной стоимости;

в) рабочая сила воспроизводится на стороне отношений собственности ее носителя, за его счет, путем отчуждения в его собственность посредством обмена денежного товара на товар – жизненные средства, вследствие чего рабочая сила имеет для ее носителя-собственника стоимость;

г) не являясь потребительной стоимостью для своего носителя, рабочая сила имеет таковую для другого товаровладельца (в данном случае – для капиталиста, собственника средств производства и переменного капитала в денежной форме).

3. Отношения найма рабочей силы являются таким образом не чем иным, как ее куплей-продажей, или иным выражением того, что рабочая сила превращена в товар, что она обладает всеми признаками товара, данными **51//52** в его определении.

4. Отношения эксплуатации, антагонизма возникают *не в обмене рабочей силы на денежный товар* (в котором капиталист и пролетарий оба выступают как равноправные, суверенные собственники своих товаров), а в процессе производства, функционирования уже проданной собственнику средств производства рабочей силы.

5. Отношения эксплуатации, антагонизма возникают вследствие того, что собственники средств производства являются по отношению к носителям-собственникам рабочей силы **частными-2** собственниками, т.е. вследствие того, что ни отдельно взятые наемные рабочие, ни весь класс наемных рабочих, взятый в совокупности, не являются субъектами отношений собственности на средства производства.

2.2. Категории производительного и непроизводительного труда и их значение

Рассмотрим вопрос о производительном и непроизводительном труде при капитализме и той роли, которую играют эти категории в анализе буржуазно-пролетарских производственных отношений.

Несмотря на то, что классиками марксистской науки, и в первую очередь К.Марксом, вопрос о том, *что* такое производительный труд (и одновременно, *что* такое непроизводительный труд) рассмотрен весьма обстоятельно, в его толковании современными политэкономами обнаруживаются не только различные оттенки, но и чуть ли не диаметрально противоположные друг другу утверждения. Все эти разночтения настолько разнообразны, многочисленны и общеизвестны, что приводить их нет никакой надобности. Достаточно сослаться, скажем, на работы В.А.Медведева [188], М.В.Солодкова и Р.Н.Самар [256], Э.М.Агабабяна [81], учебник политической экономии [220.5, 273, 337], экономическую энциклопедию [223.356].

Обилие различных точек зрения на производительный и непроизводительный **52//53** труд, на мой взгляд, обусловлено тем, что в нашей экономической литературе прочно укоренилось мнение, будто определяющей основой деления труда на производительный и непроизводительный является *его принадлежность или непринадлежность сфере материального производства*.

Акцент делается именно на словах «материальный» и «нематериальный», а не на слове «производство» (см., напр., [220.3–5]). В этом учебнике понятие о производительном труде дается под рубрикой «Материальное производство – основа жизни человеческого общества. Процесс труда и его моменты». К каким результатам приводит в конечном счете такое акцентирование, наглядно показал нам В.М.Рауд, зачисливший учителей, врачей и артистов в одну компанию с капиталистами, полицейскими и преступниками, паразитирующими на труде наемных рабочих и служащих сферы материального производства (см. [234.82–83]).

Приятным исключением являются упомянутые выше работы Э.М.Агабабяна и В.А.Медведева, которые в отличие от подавляющего большинства других политэкономов понятие производительного труда связывают прежде всего с производством вообще, материальным и нематериальным.

А уж в зависимости от того, какое содержание вкладывает тот или иной автор в понятие «производственной сферы», получаются различные трактовки производительного и непроизводительного труда.

Что касается самого *критерия* различения производительного труда и труда непроизводительного как труда, создающего или не создающего *материальный* продукт, то эта трактовка приписывается классикам марксизма. «При рассмотрении этого вопроса исходным является положение марксизма-ленинизма о решающем значении в развитии общества материального производства. Исходя из этого К.Маркс определяет производительный труд как труд, создающий материальные блага» [165.28]. Несколько ниже мы еще вернемся к этому утверждению И.И.Кузьмина, пока же заметим, что такое понимание производительного труда принадлежит *не* К.Марксу, который писал: «Но сам Джонс под противопоставлением *производительного* и *непроизводительного* труда понимает, очевидно, противопоставление такого труда, который входит в производство материального [богатства], и такого, который в него не входит» [13.449]. Такому пониманию Ричардом Джонсом производительного и непроизводительного труда К.Маркс противопоставляет свое собственное: «производительным трудом будет всякий такой труд, который **входит в производство товара...**, **каким бы ни был** этот труд – физическим или **нефизическим (научным)**, а непроизводительным **53//54** трудом будет такой труд, который **не входит в производство** товара...» [13.449], – жирным шрифтом выделено мной.

Всестороннее рассмотрение вопроса о производительном труде требует специального исследования, проведение которого не входит в задачу настоящей работы. В данном параграфе мы ограничимся лишь моментами, имеющими прямое отношение к выдвигаемой гипотезе.

Из рассмотренного в предыдущем параграфе в общих чертах капиталистического способа производства видно, что эксплуатация собственниками капиталов собственников рабочей силы, не располагающих средствами производства, не может происходить иначе, как в *производительном потреблении* владельцами капитала купленной рабочей силы, при этом владелец капитала вынужден *производительно потреблять* также и средства производства, поскольку без потребления последних невозможно произвести и реализовать прибавочную стоимость.

А так как потребленный, израсходованный, потерявший свою вещественную форму производительный капитал (в форме средств производства и рабочей силы) требует постоянного своего возмещения, он не может существовать иначе, как в непрерывном (хотя и не вечном!) движении. Это движение есть постоянно возобновляющийся кругооборот, в котором производительный капитал сменяется товарным, товарный денежным, а денежный вновь превращается в производительный. Причем в каждом из них трех форм существования капитала «является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения» [2.115].

Если в формуле кругооборота товарного капитала

(взято только два цикла, прибавочная стоимость не капитализируется, т.е. потребляется непроизводительно) взаимно дополняющие и предполагающие акты Т – Д и Д – Т (или Д – Рс,Сп) процесса обращения обозначить как **Обр**, то получим свернутую формулу кругооборота капитала 54//55

в которой процесс кругооборота капитала наглядно показан как единство процессов *производства и обращения*.

Здесь важно отметить следующее. Внешняя видимость явлений обманчива. Прибавочная стоимость в кругообороте капитала выпадает именно из *обращения*. Но если вернемся к первой, более подробной формуле, то становится ясным, что прибавочная стоимость только потому и выпадает из обращения в виде д, что она до этого сама же и вошла в обращение в виде т. Значит, производство П и обращение Обр играют различную роль в кругообороте капитала: именно в производстве, а не в обращении создается, производится прибавочная стоимость д, которая лишь реализуется в последующем полуцикле Обр. Именно в производстве, а не в купле-продаже (обращении, торговле) создаются новые продукты труда – носители как стоимости (в том числе и прибавочной), так и потребительной стоимости.

Но производство потребительных стоимостей (или продуктов труда, в данном случае это безразлично) – а капиталистическое производство не перестает быть производством из-за того, что оно капиталистическое – является необходимым условием существования (и развития) людей независимо от исторических форм человеческого общества. Абстрагируясь от конкретных исторических форм производства, от того или иного способа производства, К.Маркс пишет о процессе труда: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд как производительный труд» [1.192]. Так определяется в «Капитале» производительный труд вообще, безотносительно какой-либо конкретной общественной формы, в которую он всегда облачен.

Раскрывая содержание процесса труда, Маркс пишет" **«*Всякий* элемент вещественного богатства, который мы *не находим* в природе в *готовом виде*, всегда *должен создаваться* при посредстве целесообразной 55//56 *производственной* деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, *труд* как *созидатель потребительных стоимостей*, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость»** [1.51],– курсив и жирный шрифт мои.

Само же понятие потребительной стоимости дается с первых строк первого тома «Капитала»: «Полезность вещи», «которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности», «делает ее потребительной стоимостью». «Природа этих потребностей,– порождаются ли они, например, желудком или фантазией,– ничего не изменяют в деле». «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма» [1.43, 44].

«Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении.» Она «не висит в воздухе», а «образует вещественное содержание богатства» [1.44].

Суммируя приведенные выдержки, можно сказать: производительный труд вообще (т.е. рассматриваемый независимо от каких бы то ни было общественных форм, в которых он всегда выражается) есть *целесообразная человеческая деятельность*, направленная на *создание* тех потребительных стоимостей, которых не оказывается (вообще или в достаточном количестве – это уже детали) в природе в готовом виде.

Казалось бы, яснее ясного:

- а) у человека (и людей) множество самых разных потребностей;
- б) удовлетворяются эти потребности не святым духом;
- в) то, что удовлетворяет ту или иную потребность – соответствующая ей потребительная стоимость – «не висит в воздухе», а всегда имеет определенный материальный субстрат, обладающий определенными «геометрическими, физическими, химическими или какими-либо иными природными свойствами»;
- г) далеко не все носители (материальные субстраты) потребительных стоимостей имеются в природе в готовом виде; [56//57](#)
- д) реализуются потребительные стоимости лишь в потреблении их вещественных субстратов (или в пользовании ими);
- е) невозможно потребить то (или пользоваться тем), чего нет на свете;
- ж) когда люди потребляют то (или пользуются тем), чего не существует в природе в естественном виде, будь то стальной прокат, печеный хлеб, доставленная на поверхность земли нефть или Первый концерт П.И.Чайковского, этому или всегда предшествует, или в крайнем, предельном случае, одновременно с этим протекает процесс создания, производства материального носителя данной потребительной стоимости;
- з) вот этот самый процесс **производства** потребительных стоимостей, их материальных носителей, и называется в политической экономии **производительным** трудом.

Ан нет: вопрос этот окутан густейшим туманом. Уже здесь, в вопросе, с которого К.Маркс только начинает исследование буржуазных производственных отношений, у советских экономистов нет единства взглядов на трактовку выработанного К.Марксом понятия производительного труда.

Вернемся к Марксу. Определив производительный труд вообще (условимся называть его в дальнейшем производительным-1 трудом), К.Маркс продолжает: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, *совершенно недостаточно* для капиталистического процесса производства» [\[1.197\]](#), – курсив мой. В самом деле: «Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде» [\[35.45\]](#). «Поэтому когда мы говорим о *производительном труде*, то мы говорим об *общественно-определенном труде*» [\[12.404\]](#).

И К.Маркс дает следующее определение производительного труда во втором значении (будем обозначать его как производительный-2 труд) в системе *буржуазных* производственных отношений: «*Производителен* только такой труд, который создает *прибавочную стоимость*» [57//58 \[12.14\]](#). Это же самое определение производительного-2 труда как труда, производящего прибавочную стоимость, повторяется К.Марксом многократно (см., напр., [\[1.517; 12.133\]](#)). Показательно, что в этих определениях производительного-2 труда К.Маркс **не** характеризует этот труд как труд, производящий **материальные** блага. Напротив, он подчеркивает, что «различие между производительным и непроизводительным трудом... не имеет ничего общего ни с той или иной особой специальностью труда, ни с особой потребительной стоимостью, в которой этот специальный вид труда воплощается» [\[12.143\]](#)), т.е. не зависит от природы продукта труда и от тех определенных свойств, которые присущи труду как конкретному труду (см. [\[12.139\]](#)). Маркс специально подчеркивает, что «вещественный характер того или другого труда, а следовательно и его продукта, сам по себе не имеет ничего общего с этим различием между производительным и непроизводительным трудом» [\[12.140\]](#)).

И, в отличие от некоторых современных интерпретаторов своего учения (см., напр., [\[116.32; 269.91\]](#)), К.Маркс прямо указывает на производительный характер труда (т.е. создающего не только стоимость, но и прибавочную стоимость или, что то же самое, обмениваемого на капитал, а не на

доход) работающего по найму у капиталиста не только рабочего в собственном смысле, но и инженера (см. [12.138, 422]), учителя (см. [1.517]), актера, будь он хоть клоуном (см. [12.139]), писателя (см. [12.410, 139]), повара (см. [12.140]) и т.д., если эти наемные работники производят для капиталиста – покупателя рабочей силы – потребительные стоимости не для их потребления, а для продажи, т.е. если капиталиста интересует труд этих работников как производителей прибавочной стоимости.

Но из-за чего же все-таки разгорелся сыр-бор вокруг вопроса о производительном труде? Откуда возникла иллюзия, будто прибавочная стоимость производится исключительно в сфере *материального* производства? Вопрос вполне объяснимый. Но прежде – еще одно замечание общего характера, и предостережение от догматического толкования идей, высказанных классиками. **58//59**

«Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность.» Например, «чтобы получить действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей. Однако для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков» [20.84].

Об этом предостережении Ф.Энгельса **помнить о неизбежных недостатках любого определения с тем, чтобы они не причинили вреда**, мы не должны забывать ни при каких обстоятельствах.

Попытаемся теперь ответить на поставленный выше вопрос, объяснить, как произошло отождествление производительного труда с трудом в сфере материального производства.

Во-первых, буржуазная вульгарная политическая экономия, которой был противопоставлен Марксов анализ капитала, – апологетична в своих притязаниях на признание производительным трудом наряду с действительно производительным **трудом работников, производящих потребительные стоимости**, и входящим в состав первичных, или базисных, экономических отношений, также и труд, либо **не связанный с производством потребительных стоимостей**, а лежащий хотя и внутри капиталистического базиса, но **вне производства**, а именно **в обращении**, либо даже **вне самого базиса**, а именно **в надстройке** (государственном аппарате, политике, идеологии, религии и т.п.).

Во-вторых, анализируя буржуазные производственные отношения, К.Маркс опирался не на те или иные идеи, а на факты современной ему действительности, действительности середины XIX века, а не последней четверти XX века.

XIX век, век пара, в отличие от века электричества, атома и космоса, не знал еще таких средств научного и инженерного труда, как ЭВМ, ускорители ионизированных атомов, беспилотные и пилотируемые космические аппараты, эксплуатация которых требует кооперации труда сотен, тысяч, десятков тысяч людей. **59//60**

XIX век, век промышленной, в отличие от века научно-технической революции, например, не знал еще ни явлений массовой безработицы среди дипломированных специалистов, ни тех масштабов, которые приняла ныне торговля патентами и лицензиями (см. [307]), ни многих и многих других явлений, связанных с капиталистической общественной организацией труда в нематериальном производстве (кинематографе, образовании, науке, медицине и т.д.).

Капиталистическая организация общественного производства подчиняет себе, охватывает собой лишь те сферы целесообразной человеческой деятельности, в которых применяются соответствующие капиталистической организации труда орудия труда, т.е. там, где требуется технологическая кооперация многих людей.

Поэтому не приходится удивляться тому, что в своем исследовании капитализма К.Маркс, как правило, опирался на факты производства и обращения вещественных, материальных продуктов труда. Ведь развитие производительных сил поставило на капиталистические рельсы вначале промышленное, а затем и сельскохозяйственное производство. Что же касается труда в сфере

«нематериального», «духовного» производства, то он оказался подчиненным в массовых масштабах капиталистическим производственным отношениям хронологически позже, уже в XX столетии.

«Все эти проявления капиталистического производства в данной области (нематериального производства, – В.А.) так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания» [12.421].

Не тут ли собака зарыта? Здесь К.Маркс сам дает объяснение тому, почему возможно было в XIX веке при рассмотрении капиталистического производства в целом абстрагироваться от нематериального производства. При этом и только при этом условии возможно (правомерно) **отождествление материального производства и производства вообще.**

И совершенно не случайно, характеризуя производительный-2 труд овеществляющий в материальном богатстве, К.Маркс подчеркивает, 60//61 что это – не определяющая, а лишь дополнительная характеристика производительного-2 труда: «*производительный труд*, – кроме своей, имеющей решающее значение, характерной черты, которая относится совершенно безразлично к *содержанию труда* и которая от этого содержания не зависит, – кроме этой черты, производительный труд приобретает отличающуюся от нее вторую, дополнительную характеристику» [12.420].

Можно ли из этого умозаключить, что К.Маркс не допускал возможности характеризовать труд в сфере нематериального производства как труд производительный-2, а значит, и как производительный-1? Вышеприведенные соображения со всей очевидностью полностью исключают это предположение. Об этом же свидетельствуют и следующие строки из его «Капитала»: «Так, школьный учитель, – если позволительно взять пример вне сферы материального производства, – является производительным рабочим, коль скоро он... изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя» [1.517]. Как видим, апологетика буржуазной политической экономии, неразвитость капитализма в сфере нематериального производства заставили К.Маркса подойти к положительному решению вопроса о производительном характере труда в сфере нематериального производства с некоторой осторожностью («если позволительно»), но тем не менее нельзя не видеть, что решен этот вопрос был именно положительно.

Итак:

а) производительный-2 труд – это труд, **производящий прибавочную стоимость;**

б) **произвести** прибавочную стоимость – это значит **произвести новую стоимость;**

в) **произвести** новую стоимость – это значит **произвести новую потребительную стоимость** (ведь все, что не имеет потребительной стоимости, не может иметь и стоимости), а если произведенный продукт, имеющий стоимость и потребительную стоимость, к тому же предназначен для продажи – это значит произвести товар;

г) является ли произведенный таким образом товар, предназначенный 61//62 для продажи (с целью извлечения прибавочной стоимости), продуктом физического или умственного труда, удовлетворяет ли он духовные или материальные потребности, является ли он «вещью» в собственном смысле слова (т.е. продуктом, сохраняющим – или способным сохранять – свои потребительные свойства в течение длительного времени) или вещь, товаром, вовсе непригодным для хранения, – ни одно из этих различий само по себе не является (и не может служить!) критерием деления труда на производительный и непроизводительный;

д) отсюда вытекает недопустимость отождествления труда, нанятого капиталом, в сфере материального производства с производительным-2 трудом, т.к. первый относится ко второму как часть к целому с ярко выраженной ныне тенденцией уменьшения этой доли;

е) но из а), б) и в) следует, что производительный-2 труд (т.е. труд, производящий прибавочную стоимость) сам относится к производительному-1 труду (т.е. к труду, создающему потребительную стоимость) как часть к целому. В самом деле: коль скоро произвести прибавочную стоимость

невозможно без того, чтобы произвести и потребительную стоимость, то всякий производительный-2 труд является также и производительным-1 трудом (но не наоборот!).

Весьма характерна в этом отношении, например, попытка И.И.Кузьмина показать связь между производительным трудом вообще и капиталистически-производительным трудом (см. [165.28–29]).

Исходя из предпосылки, будто производительный труд вообще – это труд, создающий материальные (и только!) блага, и приписывая эту предпосылку марксизму-ленинизму, а не своей интерпретации последнего (цитата, на которую он опирается в обосновании своего утверждения, относится к труду, производящему не только материальные, но и нематериальные блага, – это уже было показано выше, на [стр. 53–58](#)), И.И.Кузьмин утверждает в полном согласии с К.Марксом, что общее определение производительного-1 труда **сохраняет** свое значение и для специфических условий капиталистического производства, хотя и не исчерпывается им.

Казалось бы, это значит, что и для капиталистических производственных отношений производительный труд (как труд производящий прибавочную стоимость) с точки зрения И.И.Кузьмина должен быть трудом, создающим исключительно материальные блага.

Ничуть не бывало! И.И.Кузьмин это общее определение производительного труда (в его трактовке как труда, **производящего материальные блага**) «**сохраняет**», **существенно модифицируя** его таким образом, что производительным трудом во втором значении (производящим прибавочную стоимость) становится также и труд работников, **не производящих материальные блага**. Тем самым у И.И.Кузьмина определение капиталистически-производительного труда выходит за пределы производительного труда вообще вместо того, чтобы находиться в его границах. **62//63**

С точки зрения выдвигаемой концепции дискуссионность вопроса о производительном труде в первую очередь обязана *подмене определяющей* характеристики как труда, производящего прибавочную стоимость, *дополнительной* характеристикой производительного труда как труда в области материального производства. Делать вид, будто за истекший век в соотношении материального и «нематериального» ничего не изменилось; полагать, что и сейчас вполне возможно и правомерно абстрагироваться от труда в области нематериального производства – это прежде всего значит забыть слова Энгельса о том, что марксизм основан на фактах действительности и вне связи с ними не имеет ни теоретической, ни практической ценности (см. [стр. 35](#)).

В связи с вышесказанным заметим также, что концепция целиком разделяет мнение В.С.Барулина о том, что стремление к материализму, проявляющемуся в непосредственном, лобовом применении общефилософских категорий материального и идеального к категориальному ряду (исторического материализма) способа производства, продиктованное пусть даже самыми благими намерениями, оборачивается карикатурой на материализм, «из истинного в определенных условиях превращается в тормоз познания, ибо применяется не там, где нужно» (см. [88.97, 101]), что «более логично... при рассмотрении производительных сил человека, труда и т.д. на уровне ряда способа производства отказаться от философского, абсолютного противопоставления материального и идеального» [88.96]. Кстати, вся книга философа В.С.Барулина, предостерегающая от грубого, механического оперирования категориями «материальное» и «идеальное» при исследовании явлений общественной жизни, заслуживает самого пристального внимания всех политэкономов и социологов, особенно тех, кто решая проблему производительного и непроизводительного труда, определяя границы между умственным и физическим трудом, рабочим классом и интеллигенцией, материальным и нематериальным производством, забыв о поставленной перед собой задаче, прежде всего стремится показать людям свою пр-р-р-ре-данность материализму. **63//64**

Но предметом дискуссии политэкономов стал и другой вопрос: о соотношении категорий производительного труда и труда в сфере услуг. Вопреки Марксу утверждается, будто труд, производящий услуги, – это всегда непроизводительный труд: и в том случае, если продавец услуг (целесообразной человеческой деятельности), носитель рабочей силы продает ее владельцу *денег*, которого интересует потребительная стоимость услуги, и в том случае, если носитель способности производить услугу продает эту способность владельцу *капитала*, которая потребительная стоимость услуги интересует лишь постольку, поскольку без нее невозможно было бы выколотить из деятельности наемного работника прибавочную стоимость.

Весьма серьезные аргументы против этого распространенного мнения содержатся в работе В.А.Медведева [188], точку зрения которого по данному вопросу я разделяю.

Значение категорий производительного и непроизводительного труда для политической экономии трудно переоценить.

Категория производительного-1 труда, не привязанная к какому-либо конкретному способу производства, позволяет четко выделить в любом из них **фазу производства** среди других фаз общественного воспроизводства и отделить ее от фаз обращения, распределения и потребления. Тем самым при исследовании экономических отношений любого конкретного общественного устройства указанная категория способствует сосредоточению внимания на определяющей фазе общественного воспроизводства – на фазе производства.

Еще большее значение имеет категория производительного-2 труда. «Производительный труд – это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства. Но различие между производительным и *другими* видами труда является в высшей степени **64//65** важны, так как оно выражает как раз ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства и сам капитал» [12.404].

Обозначим всю массу труда через T . Этот труд T , с одной стороны, распадается на массу производительного-1 труда Π и массу непроизводительного-1 труда $\neg\Pi$.

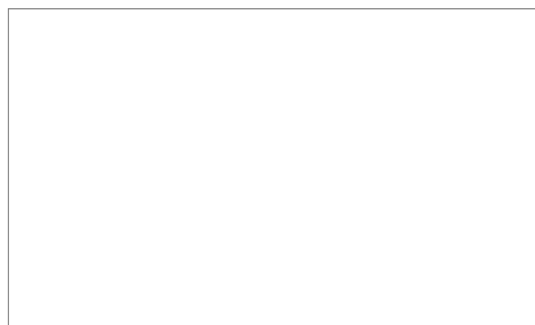

Рис. 2.1

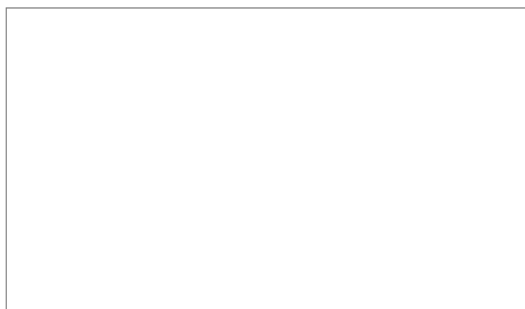

Рис. 2.2

С другой стороны, труд T распадается на сумму капиталистически организованного труда T_k и на массу некапиталистически организованного труда $T_{\neg k}$.

Какое же место занимает капиталистически производительный труд (т.е. производительный-2 применительно к капитализму) Π_k в этих членениях труда на Π и $\neg\Pi$, на T_k и $T_{\neg k}$? Ответ очевиден: он принадлежит Π и T_k , но не принадлежит $\neg\Pi$ и $T_{\neg k}$.

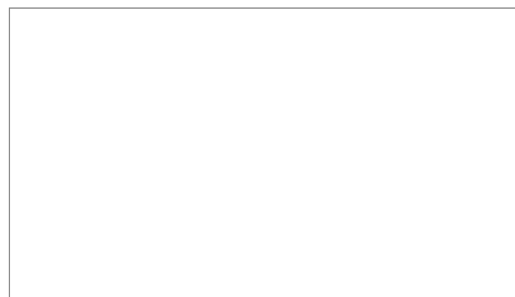

Рис. 2.3

Поэтому чтобы определить Π_k , можно пойти двумя путями.

Путь 1-й. Отбросив от всей массы труда T вначале непроизводительный-1 труд $\neg\Pi$, обнаруживаем, что наш остаток Π (производительный труд безотносительно своей общественной формы) **65//66** распадается на капиталистически организованную составляющую производительного труда Π_k и ее некапиталистически организованную составляющую $\Pi_{\neg k}$: $\Pi = \Pi_k + \Pi_{\neg k}$. Исключив $\Pi_{\neg k}$ из Π , получаем искомый остаток Π_k .

Путь 2-й. Из всей массы труда T вначале исключаем некапиталистически организованный труд $T_{\neg k}$. Таким образом остается лишь капиталистически организованный труд T_k . Но последний распределен (и не может быть не распределенным) между трудом в производстве Π_k и в непроизводстве (в обращении) $\neg\Pi_k$: $T_k = \Pi_k + \neg\Pi_k$. Поэтому исключив из T_k непроизводительный труд $\neg\Pi_k$, получим ту же самую искомую нами массу капиталистически-производительного труда Π_k .

Отметим, что необходимость деления капиталистически организованного труда T_k на Π_k и $\neg\Pi_k$ вытекает из формулы движения капитала

приводившейся выше, на [стр. 55](#). Так же, как и процесс капиталистического производства предполагает процесс обращения капитала, капиталистическая организация общественного труда помимо затрат производительного труда требует еще и затрат непроизводительного труда.

Непроизводительный-1 труд $\neg\Pi$ в свою очередь также распадается на труд, органически присущий капиталистическому способу производства $\neg\Pi_k$ (это труд, связанный с обращением капитала), и на непроизводительный труд $\neg\Pi_{\neg k}$, сосуществующий рядом с капиталистически организованным трудом, параллельно ему: $\neg\Pi = \neg\Pi_k + \neg\Pi_{\neg k}$.

Все эти членения труда T можно отобразить следующей обобщенной схемой:

Рис. 2.4

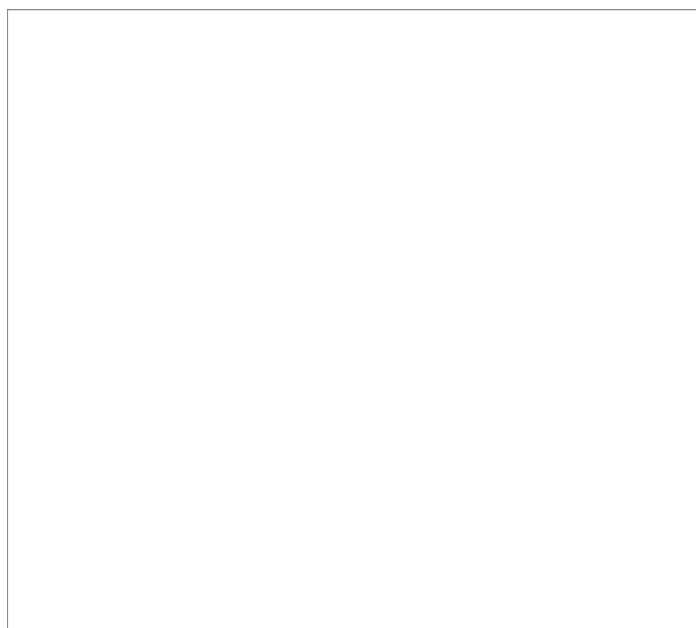

Схема наглядно показывает, что массе капиталистически-производительного труда Π_k противопоставляется сумма остальных трех составляющих **66//67** труда T : $\neg\Pi_k$, $\Pi_{\neg k}$ и $\neg\Pi_{\neg k}$, каждая из которых имеет свою природу. В силу этого противопоставления последние три составляющие условно могут быть объединены понятием «не-(капиталистически-производительного) труда»

$\neg(\Pi_K)$. Однако при этом нужно помнить о всей условности объединения данных подразделений труда в одну категорию, помнить о том, *почему* такой труд является не-(капиталистически-производительным): потому ли, что он является некапиталистически-производительным $\Pi_{\neg K}$ или же потому, что вообще является непроизводительным трудом $\neg\Pi$ ($\neg\Pi_{\neg K}$ или $\neg\Pi_K$). Иными словами, различая труд производительный и непроизводительный, всегда следует помнить, в каком отношении это делается.

Теперь легко показать, что категория производительного труда в своей общественно-экономической определенности может служить показателем развитости данных конкретных производственных отношений.

Например, доля работников, занятых капиталистически-производительным трудом, или другими словами, доля капиталистически-производительных работников в какой-либо стране, или, скажем, регионе, в совокупности всех работников, занятых производительным-1 трудом Π , является важным показателем развитости в нем буржуазных производственных отношений:

$$P_K = \Pi_K / \Pi = \Pi_K / (\Pi_K + \Pi_{\neg K}),$$

где символом P_K обозначена развитость капиталистических производственных отношений. Во всех случаях, когда $0 < P_K < 1$, имеет место сосуществование капиталистически-производительного и некапиталистически-производительного труда. Таким образом, (принимая во внимание, что капиталистически-производительные работники не существуют без эксплуатирующих их капиталистов, равно как и то, что и некапиталистически-производительные работники также могут эксплуатироваться, разумеется, способом, отличным от капиталистического) обнаруживается тесная связь (но не тождество) между производительным-2 и остальными подразделениями производительного-1 труда с одной стороны и основными и неосновными классами буржуазного общества с другой стороны. **67//68**

Всегда, когда $P_K = \Pi_K / \Pi < 1$, или $\Pi_K < \Pi$, наряду с основными классами буржуазного общества – пролетариатом и буржуазией – существует по крайней мере один, если не больше, неосновной класс. Что именно представляет или представляют собой этот или эти классы, выражение Π_K / Π не показывает. Однако обнаружить неосновные классы можно, если знаменатель этого выражения представить в виде суммы $\Pi_K + \Pi_{\neg K}$ и конкретизировать второй член этой суммы, заменив его негативную характеристику некапиталистически-производительного труда на позитивную, т.е. дав его расшифровку (мелкобуржуазно-производительный труд, феодально-производительный труд и т.п.)

При всем сказанном в данном параграфе относительно производительного и непроизводительного труда заметим, что категории производительного и непроизводительного труда – это категории политической экономии, предметом которой является экономический базис общества, а не его надстройка. Поэтому данные категории неприменимы к анализу деятельности политиков, служащих государственного аппарата, служителей культа и т.п.

2.3. Основные и неосновные классы буржуазного общества

Диалектика общественного развития во всех антагонистических досоциалистических формациях – это диалектика классов и классовой борьбы. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [17.424], – писали К.Маркс и Ф.Энгельс в «Манифесте коммунистической партии».

В классовый состав каждой антагонистической формации всегда входит два основных класса (одна пара диалектических противоположностей), из которых один паразитирует на втором: в античном обществе это классы рабовладельцев и рабов, в феодальном – классы феодалов и закрепощенных

крестьян, в буржуазном – классы капиталистов и свободных наемных рабочих.

Но в каждой антагонистической формации наряду с основными могут (а на определенных этапах ее развития – должны) существовать также и 68//69 неосновные классы, которые представляют собой или остатки основных классов предшествующей формации, или зачатки и ростки зарождающихся в ее недрах основных классов последующей формации.

Сильно подозреваю, что во всей истории человечества никогда не существовало какой-либо формации в чистом, рафинированном виде. Соответственно едва ли существовало когда-либо общество, состоящее исключительно из основных классов какой-либо формации.

Что же представляют собой основные и неосновные классы буржуазного общества?

Известно, что основными классами капиталистически организованного общества являются буржуазия и пролетариат. Капиталистическое общество не было бы капиталистическим равно как без класса капиталистов – группы людей, владеющих на правах частной-2 собственности средствами производства, которые не могут быть приведены ими в действие своей рабочей силой, – так и без класса пролетариев, класса наемных работников, не имеющих ни средств производства, ни какого-либо пригодного для продажи товара, кроме своей рабочей силы. Именно эти два класса – буржуазия и пролетариат, – а также их взаимоотношение определяют всю социально-экономическую структуру буржуазного общества.

Отсутствие полного единства мнений – это было сказано мягче мягкого. Советские «марксисты»-«материалисты», громившие кибернетику, генетику, хаббловскую космологию, напрочь забыли марксов термин «Lohnarbeiterklasse» (класс наемных работников) и сделали все, чтобы он был забыт и самим классом рабочих *за плату*; от имени покойного Маркса они переместили акцент в этом понятии на *мускулы рабочих*.

К величайшему сожалению, приходится констатировать, что по вопросу о том, где проходит граница между основными классами буржуазного общества, полное единство мнений среди марксистов пока не достигнуто. Дискуссионным является вопрос о месте интеллигенции в классовой структуре капиталистического общества: распределена ли она между основными (и отчасти неосновными) классами капитализма, является ли она составной частью этих классов, или же интеллигенция не входит в классы, а лишь примыкает к ним?

Обмен мнениями обществоведов-марксистов ряда стран о границах рабочего класса в буржуазном обществе, проходивший на страницах журнала «Проблемы мира и социализма» в 1960–1961 годах, показал, что большинство участников дискуссии высказалось за распределение интеллигенции между классами, с включением основной массы работников умственного труда в один класс с промышленным и сельскохозяйственным пролетариатом (см. [266.62, 63, 130, 175]).

Однако большинство советских ученых, участвовавших в этой дискуссии, 69//70 включая В.С.Семенова, выступило против включения в ряды пролетариата работников умственного труда, продающих свою рабочую силу капиталистам (см. [266.226–227, 265–267, 269–271]). Так, В.С.Семенов под социальным слоем интеллигенции и служащих понимает «большую группу лиц, не входящих в класс, но примыкающую к классу, находящуюся в промежуточном, срединном положении между антагонистическими классами» [248.62]. Обосновывая свою позицию, сторонники этой точки зрения обычно ссылаются на якобы непроизводительный характер труда работников умственного труда. Утверждается, что наемные работники умственного труда, в отличие от наемных работников физического труда, «не создают прибавочной стоимости» [116.32] или утверждается, что они принадлежат непроизводительному населению (см. [269.91]).

Рассмотрим эти утверждения чуть подробнее.

Во-первых, в каком смысле, по мнению противников отнесения наемных работников умственного труда к пролетариату, труд таких работников является непроизводительным? Если в первом (как не участвующий в создании новых потребительных стоимостей, не существующих в природе), то это – глубокое заблуждение. Ведь даже простая дубина – первое человеческое изобретение и творение

на планете Земля – своим появлением была обязана не столько затратам мускульной энергии человекообразных обезьян, сколько огромнейшему напряжению интеллектуальных сил тысяч поколений наших далеких предков. Процесс человеческого труда по Марксу именно тем и отличается от трудоподобной деятельности бобра, муравья, пчелы, паука, что является **целесообразной** деятельностью, требующей затрат не только физической, мускульной энергии, но и умственных способностей, человеческого интеллекта, а также и воли (см. [1.189, 516–517]). Вот почему умственный труд всегда был, есть и будет неотъемлемым элементом *целесообразной* человеческой *производительной* деятельности, или иначе говоря, производительного-1 труда.

Кстати, нелишне напомнить, что обосновывая необходимость воссоединения умственного и физического труда в деятельности каждого человека в будущем коммунистическом обществе, классики марксизма во главу угла ставили именно это обстоятельство (см. [1.516; 5.20]). И умственный, и физический труд **70//71** имеют нечто общее, что позволяет вновь соединить их органически, а не механически. Напротив, отделение умственного труда от физического, получившее свое завершение в крупных капиталистически организованных производствах, есть извращение естественного требования того, чтобы у человека работала и его голова, и его руки. Тем не менее умственного труда от физического вовсе не означает, будто он перестает быть производительным трудом. Маркс определяет умственный труд – противоположность физическому – как «интеллектуальные силы процесса **производства**» [1.434], – выделено мной.

В XIV главе первого тома «Капитала» указывается, что и физический, и умственный труд оба являются элементами производительного труда как при индивидуальном, так и при кооперативном характере производства потребительных стоимостей. При этом Маркс подчеркивает, что «кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций» [1.517]. Данное высказывание К.Маркса очень часто цитируется политэкономистами, но находит **двойное** толкование, одно из которых напрочь исключает другое.

Одни полагают (эту точку зрения разделяю и я), что данную мысль следует понимать буквально: производительным рабочим является не только рабочий физического труда, но и рабочий умственного труда.

Другие же считают, что написанное Марксом нельзя понимать буквально, что он хотел сказать совсем о другом, что де мысль эта гораздо тоньше и ее следует понимать в совершенно противоположном написанному смысле: в конечном счете производительным рабочим является только работник физического труда, но не работник умственного труда.

Положение явно ненормальное: даже теперь, спустя столетие с лишним после написания «Капитала» марксисты все еще не понимают, что же хотел сказать Маркс! **71//72**

Чем же обосновывают свою позицию сторонники второго (вывороченного наизнанку) толкования данной цитаты? Они рассуждают примерно так. Да, действительно, – соглашаются они, – по Марксу «для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки», но читайте дальше, – продолжают они, – «Данное выше... определение производительного труда... не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности» [1.517].

И хотя в этих двух фразах с полнейшей ясностью выражена мысль о том, что при кооперативном характере производства труд (безразлично какой: умственный или физический) каждого отдельного рабочего, *органа* совокупного рабочего становится *частицей производительного* труда (речь у Маркса здесь идет о совокупном производительном труде совокупного рабочего), сторонники второго толкования проделывают следующий трюк: признавая производительный характер труда совокупного рабочего в целом, они делают *произвольное* допущение о том, что производительным может быть труд только тех органов совокупного рабочего, которые

непосредственно прилагают свои руки, но не голову. Рабочий умственного труда, хоть лопни, всегда был и будет непроизводительным рабочим.

При этом они нисколько не задумываются о том, что за нелегкая вынудила, заставила К.Маркса закамouflировать свою мысль настолько, что понимать написанное им (по мнению сторонников рассматриваемого толкования, разумеется) можно только в противоположном смысле. Их нисколько не смущает и то, что чуть ниже К.Маркс прямо называет школьного учителя *производительным рабочим*, если он работает на обогащение предпринимателя: это говорят они, на самом деле не так, это де фетиш, фикция, иллюзия, мираж. Несостоятельность данного объяснения очевидна, она была показана в предыдущем параграфе.

Усилиями легионов квазимарксистских идеологов в фикцию и мираж был превращен пусть и *очень* деформированный, но тем не менее *реальный социализм*. Ни отчаянные попытки генеральных секретарей ЦК КПСС Андропова и Горбачева противостоять им, ни аж целых два пленума ЦК на одну и ту же тему о единстве слова и дела не смогли спасти теорию и практику социализма в Советском Союзе.

Как же решается данный вопрос выдвигаемой концепцией?

В начале XIV главы первого тома «Капитала» речь идет о том, что если **72/73** при индивидуальном характере производства физическая и интеллектуальная составляющие (элементы, компоненты) производительного труда не были разделены между различными работниками*, то при кооперативном характере труда эти составляющие производительного труда закрепляются за *различными* рабочими. Теперь уже продукт труда становится продуктом производительного труда совокупного рабочего, а *каждый отдельный* рабочий становится лишь *органом* совокупного рабочего. Поэтому *каждый* из них, участвуя в производстве потребительных стоимостей, выполняет *не всю совокупность* производительного труда, неотъемлемыми составными частями которого являются как умственный, так и физический труд, а лишь те или иные его отдельные элементы. Именно в этом смысле, по моему мнению, и говорит К.Маркс о том, что первоначальное определение производительного труда (предполагающее соединение умственного и физического труда) при кооперативном характере производства не применимо к каждому из его членов. Только и всего.

Если под производительным трудом мы понимаем всю совокупность производительного труда (совокупный производительный труд), направленную на создание той или иной потребительной стоимости при кооперативном характере производства, то речь может идти лишь о *совокупном рабочем*, но никак не об *отдельном рабочем*, ибо **никто** из них при такой организации производства и соответствующем ей разделении труда **не может** самостоятельно произвести продукт от начала до конца, будь то токарь, кочегар, сварщик, диспетчер, лаборант, дежурный инженер, поскольку **каждый** из них выполняет только одну из подфункций совокупного производительного рабочего.

Если же под производительным трудом мы понимаем также и отдельные элементы совокупного производительного труда, тогда нет никакого основания исключать из числа производительных участвующих в создании той или иной **73/74** потребительной стоимости работников умственного труда.

Предположим теперь, что противники распределения интеллигенции среди основных и неосновных классов буржуазного общества, к которым относится и пролетариат, полагают, будто наемные работники умственного труда – это непроизводительные работники во втором смысле (т.е. не производящие прибавочную стоимость).

Если сторонники критикуемой точки зрения имеют в виду ту часть умственного труда, которая не

* «Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приведя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда (речь идет о производительном-1 труде, – В.А.) соединяются умственный и физический труд» [1.516]

успела еще подчиниться капиталистической организации труда, то такой труд, естественно, не может быть отнесен к капиталистически производительному, как не является таковым, например, труд деревенского кузнеца, имеющего свою кузницу, сапожника – хозяина своей мастерской и т.п. Но с таким уточнением данное утверждение превращается в банальную истину, простую тавтологию, совершенно ничего не выражающую. Оно имело бы определенный смысл лишь в том случае, если бы удалось доказать, что в буржуазных странах умственный труд, не подчиненный капиталистической организации труда, с одной стороны, и вся масса умственного труда – с другой, – это одно и то же.

Однако факты говорят об обратном. Умственный труд все больше и больше подчиняется капиталистической организации. Поэтому остается предположить, что когда говорят, что интеллигенция и служащие – это непродуцирующие работники, то имеют в виду ту составляющую массы умственного труда, которая подчинена капиталистической организации труда, т.е. принадлежащей T_k (см. [стр. 65–66](#)). Но последний, как было показано в предыдущем параграфе, распадается на капиталистически-производительный P_k и капиталистически-непроизводительный $\neg P_k$. Поскольку в соответствии с критикуемой точкой зрения умственный труд на принадлежит P_k , он [74//75](#) должен принадлежать капиталистически-непроизводительному труду $\neg P_k$. Если обозначим зеленым цветом физический труд, а оранжевым – умственный, то получим схему (см. рис. 2.5), из которой следует, что в рамках капиталистически организованного труда производительная составляющая обходится *без* интеллектуальных сил производства. Куда же исчезли последние, где их искать? В обращении? Вне базиса, в надстройке? Или же он на 100 % вытеснен из капиталистического в другие способы производства? А может, умственный наемный труд – это функция капитала, а не рабочей силы?

Словно отвечая на эти вопросы, А.Д.Урсул пишет: «В капиталистическом обществе, где товарно-денежные отношения обладают всеобщностью, *производство* значительной части *научной информации* выступает как форма существования капитала, как *создание* стоимости и *прибавочной стоимости*».

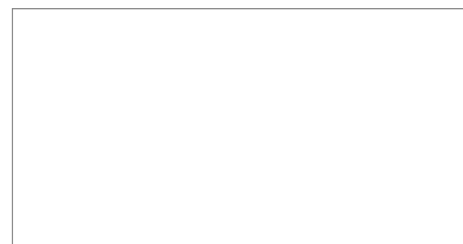

Рис. 2.5

Люди науки в капиталистическом обществе превращаются в *составную часть наемной рабочей силы*, ученый работает для того, чтобы увеличить прибыль для капиталиста... Короче говоря, *отношения капиталиста и ученого* – это в значительной степени *отношения эксплуататора и эксплуатируемого*, отношения собственника и наемной рабочей силы» [[274.233](#), [234](#)], – курсивом и жирным шрифтом выделено мной. В своей гипотезе я и разделяю эту позицию А.Д.Урсула: она непосредственно вытекает из сказанного в предыдущих параграфах этой главы.

Но даже если бы наемные рабочие умственного труда осуществляли только процесс обращения капитала и не принимали бы участия в производственном процессе, то даже и это не было бы доказательством того, будто они не являются составной частью антипода буржуазии – пролетариата. О том, что наемные служащие умственного труда сферы обращения принадлежат *пролетариату*, писали еще К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин.

«Собственно *торговый рабочий принадлежит* к лучше оплачиваемому *классу наемных рабочих*... С прогрессом капиталистического способа [75//76](#) производства рабочая сила этих людей обесценивается, их заработная плата понижается, тогда как их способность к труду увеличивается» [[3.329](#), [330](#)], – курсив мой.

«Насколько оправдалось впоследствии это предвидение участи торгового пролетариата, данное в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3–4 языками, тщетно предлагают свои услуги в лондонском Сити по 25 шилл. в неделю, – значительно ниже оплаты квалифицированного слесаря» [[3.330](#)].

Самой азбучной истиной, с точки зрения марксизма, назвал В.И. Ленин утверждение о том, что «земледельческий наемный рабочий принадлежит к одному классу с фабричным и торговым наемным рабочим» [53.270].

Таким образом, утверждение о том, будто наемные рабочие умственного труда принадлежат к непроизводительному населению и не создают стоимости и прибавочной стоимости, на поверку, при ближайшем рассмотрении, оказывается несостоятельным само по себе, не говоря уже о его претензии служить доказательством того, будто наемные рабочие умственного труда не могут включаться в состав пролетариата.

Дискуссия о границах рабочего класса при капитализме журналом «Проблемы мира и социализма» была продолжена в 1968–1969 годах. И снова целый ряд ее участников высказался за включение в состав рабочего класса большинства работников умственного труда. «Ф.Рише (ФРГ) поддержал вывод, согласно которому в результате научно-технической революции внутри рабочего класса повышается удельный вес служащих и в не очень далеком будущем их число превысит число рабочих» [232.13]

«На самом деле понятие "рабочий класс", очищенное от некоторых догматических искажений, является более сложным и новым, чем мы себе представляли. Эта мысль, высказанная Д.Санто (Венгрия), развивалась и в ряде других выступлений» [232.15].

По мнению Т.Косте (Финляндия), «процесс капиталистического производства 76//77 и обращения является единым процессом. По той же самой причине, по какой капиталисты упомянутых непроизводственных отраслей являются капиталистами, эксплуатируемые ими рабочие и служащие являются частью рабочего класса» [232.17]

М.Гиршл (Чехословакия) считает, что «нет никаких оснований относить работников в белых воротничках к какому-то другому классу и отрицать их смыкание с рабочим классом» [232.18].

К сожалению, дискуссия затянулась. Сторонники выделения интеллигенции в особый, наряду с классами, социальный слой своих позиций не сдают и, судя по всему, сдавать не хотят, несмотря на всю слабость и шаткость своих аргументов. А между тем В.И. Ленин еще в 1902 г. подверг резкой критике ту точку зрения, согласно которой интеллигенция рассматривается как *особый* социальный слой *наряду* с пролетариатом, крестьянством (мелкой буржуазией), буржуазией.

«Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу: "интеллигенция, пролетариат и крестьянство", обнаруживая безнадежную путаницу понятий (выделено курсивом мной,— В.А.). Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству,— значит вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определена социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такового слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией... Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые *еще не заняли* никакой определенной социальной позиции или *уже выбиты* жизнью со своей нормальной позиции переходят на сторону пролетариата,— то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату» [51.389].

Выделять интеллигенцию наряду с пролетариатом, буржуазией, мелкой буржуазией – это все равно, что делить, скажем, человеческий род на прекрасный пол, детей и негров. В обоих случаях нарушается элементарное требование формальной логики: понятие должно делиться 77//78 по одному основанию. Умственный труд является противоположностью физического труда, но не является таковым ни по отношению к наемному труду, ни по отношению к производительному (в любом значении) труду. Это – деление не параллельными, а пересекающимися плоскостями.

Игнорирование этого обстоятельства так или иначе в конце концов заводит теорию в дебри эклектики и далее – в болото оппортунизма, как это произошло с Р.Гароди, выдвинувшего концепцию «нового исторического блока» между рабочим классом (синими воротничками) и интеллигенцией в целом (см. [200.37]) при ведущей роли... интеллигенции (!) в этом блоке.

Внутренняя противоречивость и путаность этой концепции бьет в глаза. Во-первых, к чему этот «стратегический союз», если основная часть интеллигенции, как полагает Гароди (см. [200.12]), сама является составной частью рабочего класса? Во-вторых, и это главное, какова, по мнению Гароди, стратегическая цель этого «стратегического союза»? Во всяком случае, она заключается не в классовой борьбе против буржуазии (см. [200.57]) и, конечно же, не в установлении диктатуры пролетариата (см. [200.59]).

Таким образом, начав за здравие, (включив основную часть интеллигенции в состав рабочего класса), Р.Гароди кончил за упокой: на деле *противопоставил* интеллигенцию пролетариату, «забыв» при этом, что главная плоскость, относительно которой распределяются социальные силы в буржуазном обществе – это водораздел между *буржуазией* и *пролетариатом*. Чьим интересам служит в конечном счете концепция «нового исторического блока» – ясно как и то, что дважды два – четыре. Рабочему классу надо де положиться на интеллигенцию, выдать ей доверенность на распоряжение своей судьбой... и *забыть о борьбе против буржуазии!* Понятно, что эта концепция не может служить делу общественного прогресса.

Однако, разделяя в целом оценку взглядов Р.Гароди, данную в работе [200], выдвигаемая концепция, как это следует из изложенного в этом параграфе, по одному пункту занимает иную позицию, разделяя следующее утверждение В.И.Михеева: «Под понятием "пролетариат" (у Маркса, – В.А.) 78//79 имеется в виду наемный труд в широком смысле слова. Пролетаризация капиталистического общества заключается не в образовании полюсов: капиталисты – промышленные рабочие, а во все большей поляризации его на собственников средств производства и наемных трудящихся разных категорий» [193.156].

Вместе с тем, несмотря на то, что авторы указанной работы [200] в критике ревизионистской концепции Р.Гароди придерживаются критикуемой гипотезой точки зрения на интеллигенцию как на нечто, стоящее *между* классами, а не *в составе* их, важно отметить следующее. Та часть интеллигенции и служащих, которую выдвигаемая гипотеза включает в состав антипода буржуазии, в состав класса наемных работников, очевидно, в целом является наиболее молодым и потому наименее опытным отрядом пролетариата по сравнению с другими его отрядами. Поэтому нет никаких оснований под утверждением, будто из всех отрядов класса наемных рабочих ведущая роль **внутри** этого класса принадлежит работникам умственного труда. Очевидно, костяком рабочего

Сейчас, в 2011 году я бы не был столь категоричен в отношении взглядов Р.Гароди. 30 лет назад мне казалось, что по отношению к ним мне удалось навести мостик, найти дополнительные точки согласия и соприкосновения с официальной позицией КПСС. Другой реальной общественной силы в то время в СССР не было, к тому же я наивно полагал, что у партии нет иного выхода как очистить свою идеологическую парадигму по крайней мере от наиболее одиозных положений, но дискуссия с «вдохновителем и организатором всех наших побед» буквально по всем вопросам, была бы совершенно бессмысленной: организатор и вдохновитель отторг бы ее сходу и бесповоротно.

В своей работе я пользовался только литературой, к которой имелся открытый доступ в советских публичных библиотеках. Поэтому с взглядами Р.Гароди я был знаком лишь по их разносной критике в установочной книге структур КПСС о «фальсификации научного коммунизма ренегатами» [200].

Что теперь можно сказать... *Научного* коммунизма, к сожалению, «марксисты» так и не создали. Да и как вообще можно было говорить о научном коммунизме, если о социальной диалектике социализма, ведущей к коммунистическому обществу, советские идеологи даже и не догадывались!

Ну а то, что они называли этим термином, был *утопический* коммунизм. Его основные штрихи были начертаны Сталиным в конце 1940-х годов (к этим же штрихам примыкают и его чуть более поздние «Экономические проблемы социализма в СССР»); они вошли в программу развернутого строительства коммунизма 1961 года, принятой во время правления Хрущева. Впоследствии эта программа была с треском провалена: о взятии рубежей коммунизма речи нет вообще, зато полностью были сданы позиции социализма.

Так что фальсифицировать по сути дела было-то и нечего, и чье ренегатство было в марксизме похлеще – в этом еще только предстоит разобраться... Если конечно, будет кому, потому что никто не смог дискредитировать марксизм и идею коммунизма как в мировом общественном мнении, так и в глазах пролетариев всех стран больше, чем это сделали «коммунисты»-идеологи первой в мире социалистической державы.

класса является его наиболее сплоченная, наиболее организованная, имеющая за своими плечами опыт классовых битв часть – рабочие крупных промышленных предприятий.

Таким образом, капиталистическое общество характеризуется наличием двух и только *двух взаимодействующих социальных сил*, действующих в противоположных направлениях, сил *двух классов: пролетариата*, интересы которого совпадают с требованиями социального прогресса и направлены на *уничтожение* капиталистических производственных отношений, и *буржуазии*, интересы которой заключаются в *сохранении* буржуазного общественного строя.

Наряду с этими двумя классами в социальной структуре капиталистического общества *могут* существовать также и другие, т.е. неосновные по отношению к нему классы прежних формаций: классы мелкой буржуазии **79//80** (крестьян, ремесленников) и помещиков, в отдельных случаях (например, в гитлеровской Германии) даже классы рабов-невольников и рабовладельцев. Здесь выделены лишь те неосновные классы, которые обусловлены сохранением докапиталистических производственных отношений, или, как в примере с фашистской Германией, с их временной реставрацией.

Что же касается того, могут ли быть в буржуазном обществе какие-либо неосновные классы, связанные с зарождением в недрах капитализма будущего общественного устройства, то здесь, во-первых, следует принять во внимание положение марксизма о том, что социализм есть уничтожение классов, что будущее человеческое общество – это общество без классов; и во-вторых, что наука, исследующая реальный социализм, достигший зрелого состояния, не обнаружила в ней каких-либо новых классов. Сказанное позволяет утверждать, что при капитализме отсутствуют неосновные классы, которые могли бы стать зачатками классов будущего, связанных с отношениями того будущего общественного устройства, которым беременен капитализм.

Главные выводы из сказанного в параграфе 2.3.

1. Любое капиталистически организованное общество имеет два основных класса: буржуазию и пролетариат, без которых оно в качестве капиталистического существовать не может.
2. Кроме того в его составе могут быть (а могут и не быть!) также и неосновные классы по отношению к нему классы – остатки докапиталистических общественных формаций.
3. В каждом конкретном случае количество таких остатков – неосновных классов – и их общий удельный вес в классовой структуре общества различны.
4. С развитием капитализма (благодаря тому, что буржуазные производственные отношения являются прогрессивными по отношению к докапиталистическим, вследствие экспансии капитала) удельный вес, скажем, по их численности, неосновных классов падает и в пределе стремится к нулю. **80//81**
5. Иными словами, наличие в обществе антагонистической пары классов пролетариата и буржуазии при господстве последней является *достаточным* признаком капиталистической организации общественного труда.
6. Более того. Неосновные классы не являются его необходимым элементом.
7. Это обстоятельство дает право при дальнейшем теоретическом рассмотрении вопроса о развитии такого общества и о последующем его отрицании абстрагироваться от неосновных классов капитализма и связанных с ними отношений собственности (и прежде всего от крестьянства и мелкой буржуазии вообще, от частной-1 собственности на средства производства).
8. Интеллигенция не является классом или иным социальным образованием, которое может быть противопоставлено классам буржуазного общества. Распределенная между основными (и неосновными) классами, она самостоятельной силой не является и как таковая из дальнейшего рассмотрения исключается. **81//82**

Глава 3. Отрицание капитализма

3.1. Социалистическая революция

В параграфе 2.1 говорилось о том, что законы развития капиталистического способа производства постоянно воспроизводят и углубляют основное противоречие капитализма – противоречие между общественным характером труда и частнокапиталистическим способом присвоения его продуктов; говорилось о том, что продукты труда становятся продуктами все большего и большего количество людей, в то время как средства производства сосредотачиваются, концентрируются во все сокращающемся кругу частных-2 собственников.

Диалектико-материалистическое миропонимание, как отмечалось в параграфе 1.2, видит конец любого противоречия, и основное противоречие капитализма исключением не является.

На определенном этапе своего собственного развития оно доводится до такой степени, что происходит его разрешение. Диалектическое единство противоположных сторон производственных отношений буржуазного общества (наемного труда и капитала), единство диалектических противоположностей внутри самого общества (пролетариата и буржуазии), качественно определяющие капитализм, лопаются, как мыльный пузырь; сохранением обществом капиталистической качественной определенности оказывается невозможным. Капиталистические производственные отношения перестают быть капиталистическими. Что представляют собой в самых общих чертах этот процесс, – рассмотрению этого вопроса и посвящен настоящий параграф.

Выше (см. параграф 2.1) уже говорилось о том, что основой противоречия между наемным трудом и капиталом является полное отделение средств производства от действительных производителей, т.е. частная-2 собственность. Частная-2 собственность является **необходимой** предпосылкой, *необходимым условием* капиталистической организации общественного производства. Однако наличие одной только частной-2 собственности на **82//83** средства производства еще *недостаточно* для осуществления капиталистического производства. Для этого необходимо также, чтобы на рынке товаропроизводителей свободно продавался бы товар рабочая сила.

Наличие этих *двух предпосылок* и обуславливает *возможность* капиталистической организации общественного производства, т.е. производства прибавочной стоимости и присвоения ее частными-2 собственниками капитала. Механизм этого процесса уже был рассмотрен в параграфе 2.1, из которого следует, что частная-2 собственность на средства производства и наличие на рынке товара рабочая сила вместе взятые являются не только необходимыми предпосылками, но и достаточным признаком капиталистических производственных отношений.

Если обозначим теперь частную-2 собственность символом Ч, товар рабочую силу – буквой Т, а капиталистические производственные отношения как К, то пользуясь языком формальной логики, можно записать:

$K \rightarrow Ч \wedge Т$ (Ч и Т необходимые признаки К)

$Ч \wedge Т \rightarrow К$ (Ч и Т достаточные признаки К)

$Ч \wedge Т \sim К$ (Ч и Т эквивалентно К)

Но процесс производства и присвоения прибавочной стоимости является не чем иным, как процессом эксплуатации пролетариата буржуазией, грабежом среди бела дня, и совершенно ясно поэтому, что отношения между этими классами являются отношениями антагонистов, чьи классовые противоречия – антагонистически непримиримы. «А чтобы эти противоположности, классы с противоположными экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умирала столкновение, держала бы его в границах "порядка"» [31.170], т.е.

государство. «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в одно и т же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, **83//84** который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [31.171].

В капиталистически организованном обществе экономически господствующим классом является буржуазия, и государство верно служит ей, стоя на страже частной-2 собственности – основы основ капиталистической эксплуатации наемных рабочих. Поэтому для того, чтобы положить конец капиталистической эксплуатации и приступить к строительству нового общественного устройства, необходимо уничтожить эту основу основ капиталистической эксплуатации рабочего класса – частную-2 собственность на средства производства. Но поскольку частная-2 собственность охраняется буржуазным государством, пролетариат, чтобы добиться успеха в социалистической революции, чтобы подавить прежде всего сопротивление буржуазии ликвидации частной-2 собственности, должен предварительно разбить старый государственный аппарат, взять власть в свои руки и установить тем самым диктатуру пролетариата.

Сегодня этот абзац был бы написан, конечно, иначе. Даже за эти истекшие три неполных десятилетия уровень развития производительных сил в мире изменился колоссально, что не могло не сказаться на трендах изменения производственных отношений, их диверсификации и укрепления многоукладности в странах с самым разным общественно-политическим устройством (капиталистический Старый и Новый свет, страны «шведского социализма», социалистический Китай, многострадальная Россия – страна криминально-феодализированного госкапитализма).

Текст рукописи 1983 года по необходимости опирался на пройденный Россией (и завершившийся крахом) антагонистический и братоубийственный способ реализации социалистических преобразований. Еще более страшный путь «социалистического» переустройства прошла, пожалуй, только Камбоджа (Кампучия).

«Пролетариат,– пишет Ф.Энгельс,– берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность» [20.291].

Тем самым устраняется, ликвидируется частнокапиталистический характер присвоения, ставший несовместимым с общественным характером производства.

Необходимая предпосылка, условие капиталистической организации общественного производства перестает существовать. Лишаясь необходимого условия своего существования, гибнет капиталистический способ организации общественного труда.

Но вытекает ли *из этого*, что одновременно с установлением диктатуры пролетариата и устранением частной-2 собственности перестает существовать и *второе условие* существования капиталистических производственных отношений – товар рабочая сила?

То же самое, но другими словами: вытекает ли из формулы ЧЛТ~К, **84//85** приведенной несколькими абзацами выше, что из логического отрицания К или Ч вытекает и отрицание Т, т.е. верно ли, что $\neg K \rightarrow \neg T$ и что $\neg C \rightarrow \neg T$?

– Да,– отвечает общепринятая точка зрения.

– Нет,– утверждает элементарная логика.

В самом деле: из отрицания К или отрицания эквивалентного ему ЧЛТ вытекает либо отрицание Ч, либо отрицание Т, либо отрицание и того, и другого: $\neg K \sim \neg(C \wedge T) \sim \neg C \vee \neg T$. И наоборот: из ЧЛТ~К одинаково вытекают и $\neg C \wedge \neg T$, и $\neg C \wedge T$, и даже $C \wedge T$.

Поскольку нам заведомо известно, что социалистическая революция пролетариата отрицает и частную-2 собственность, и капиталистические производственные отношения, имеет место $\neg C \wedge \neg K$ или иначе $\neg C \wedge \neg(C \wedge T)$. Эта формула выполняется (принимает истинное значение) тогда и только тогда, когда выполняется условие $\neg C$. При этом истинным может быть как Т, так и его отрицание $\neg T$, что иллюстрируется следующей таблицей.

Ч	Т	ЧЛТ	¬(ЧЛТ)	¬Ч	¬Т	¬ЧЛ¬(ЧЛТ)
истина	истина	истина	ложь	ложь	ложь	ложь
истина	ложь	ложь	истина	ложь	истина	ложь
ложь	истина	ложь	истина	истина	ложь	истина
ложь	ложь	ложь	истина	истина	истина	истина

Следовательно, из факта отрицания частной собственности в ходе социалистической революции и соответствующего отрицания буржуазных производственных отношений **чисто логически, дедуктивно невозможно определить, является ли истинным или ложным суждение о том, что рабочая сила с уничтожением отношений частной-2 собственности перестает быть товаром.** Изучение этого вопроса требует обращения к фактам социалистической действительности, требует анализа всей совокупности производственных отношений социализма. **85//86**

3.2. Уничтожение классов

Марксизм есть теоретическое обоснование уничтожения классов.

В.И.Ленин [[52.303](#)]

Идея бесклассового общественного устройства была выдвинута еще предшественниками научного социализма – представителями утопического социализма. Величайшей заслугой К.Маркса и Ф.Энгельса является то, что они нашли пути реализации этой великой идеи.

Вскрыв законы развития капиталистического общества, они обнаружили в нем самом силу, способную привести к уничтожению эксплуатации человека человеком, к уничтожению всех известных им классовых различий, поскольку им удалось доказать, что интересы развития общества совпадают с интересами пролетариата и противоречат интересам противостоящего ему класса (буржуазии), а все остальные классы, пришедшие в капитализм из прошлых общественных формаций, приходят с развитием капитализма в упадок. Само развитие производительных сил капитализма требует уничтожения отношений частной собственности и буржуазных производственных отношений в целом, обобществления средств производства, а следовательно, и установления той социальной однородности общества, которой не знала вся предыстория человечества.

*«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но **тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности...**»* [[20.291](#)], жирный шрифт и подчеркивание мои.

Само собой разумеется, что ликвидация частной-2 собственности на средства производства, являющейся экономической основой существования классовой противоположности пролетариата и буржуазии, делает невозможным существование класса частных-2 собственников, эксплуатирующих **86//87** наемный труд. Пролетариат, *особая группа людей*, продававших свои рабочие силы *другой группе людей*, после того как последняя утратила частную-2 собственность на средства производства, не может уже противопоставляться несуществующей уже буржуазии. А раз так, то и пролетариат как антипод буржуазии перестает быть таковым, что и означает его «уничтожение самого себя как пролетариата».

Однако ликвидация частной-2 собственности не есть одновременно и ликвидация частной-1 собственности на средства производства. В случаях, когда буржуазные производственные отношения к моменту победы социалистической революции еще не привели к полному расслоению мелкой буржуазии на буржуазию и пролетариат, – эта самая мелкая буржуазия (в том числе и главным образом крестьянство), труд которой основан на личном труде и на личном присвоении его результатов, остается и после победы социалистической революции **классом** по

отношению к пролетариату, взявшему власть в свои руки, равно как и пролетариат остается **классом** по отношению к единоличному крестьянству.

Поэтому вывод Ф.Энгельса об уничтожении классовых различий и противоположностей, об уничтожении классов по взятии пролетариатом государственной власти справедлив лишь для «идеального» капитализма, абстрагированного от наличия в нем других, неосновных по отношению к капитализму классов.

«Социализм есть уничтожение классов,— писал В.И.Ленин.—

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили... Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочими и крестьянами, сделать *всех – работниками*. Это – задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только... переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к крупному общественному» [56.276–277].

Говоря об уничтожении классов и классовых различий, нельзя не дать определения самих классов вообще. Именно в этом контексте В.И.Ленин и дал классическое определение классов (кстати, в этой же связи В.И.Ленин **87//88** дает определения классов и в других работах): «*Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства*» [34.15],– курсив мой.

Следовательно, уничтожить классы – это значит уничтожить все различия между отдельными людьми – членами общества – по совокупности признаков принадлежности каждого из них к той или иной *группе людей*, отличающейся особым местом в каждом конкретном обществе, отношением к средствам производства и т.д.

Означает ли однако все это, что с уничтожением деления общества на классы вообще исчезает возможность, необходимость и факт появления внутри общества новых противоположностей, возможность, необходимость и факт дифференциации, поляризации общества на новые противоположности? Здесь имеются в виду те самые социальные (коль скоро речь идет об обществе) диалектические противоположности, борьба и взаимодействие которых, подобно борьбе классов (больших групп людей) в классовых досоциалистических общественных устройствах, и является – в полном соответствии со всеобщим законом единства и борьбы противоположностей – движущей силой **саморазвития** послекапиталистического общества.

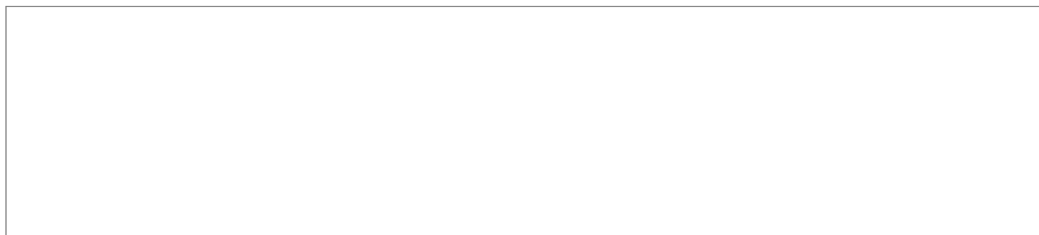
Положительный ответ на этот вопрос с точки зрения выдвигаемой концепции означал бы попытку вложить в тезис об уничтожении классов большее содержание, чем вкладывали Маркс, Энгельс, Ленин; стремление абсолютизировать этот тезис, возвести его в ранг «абсолютной истины», согласно которой бесклассовое человеческое общество в «идеальном» состоянии, каковым представляется общество коммунистическое, вообще не может и не будет иметь в своем составе диалектических противоположностей. По существу это означало бы (как означает и утверждение о «вечности» коммунизма, см. параграф 1.3 (отказ от диалектики **88//89** применительно к исследованию дальнейшего послекапиталистического развития человеческого общества).

С точки зрения выдвигаемой концепции не только внутри классового, но и внутри развивающегося бесклассового общества не только могут, но и должны и будут существовать диалектические противоположности, лишь одной из возможных, и до сих пор единственной известной формой существования которых были общественные классы (большие группы людей).

Что собой представляют указанные диалектические противоположности общества (*дианпротобы*) применительно к социализму или что они могут представлять собой в послесоциалистическом обществе,— эти вопросы мы рассмотрим в следующих главах, а обоснование необходимости

поиска и вскрытия диапротоб в послекапиталистических общественных устройствах будет дано в следующем параграфе.

Несколько слов о принятой в данной работе терминологии. В отличие от **класса** – понятия, обозначающего часть человеческого общества, одну из таких его противоположностей, которая является *большой группой людей*, – под **диапротобой** также понимается часть человеческого общества, которая, однако, может и не быть большой группой людей. *Диапротоба* и *класс* соотносятся друг с другом как понятия рода и вида. Для обозначения другого вида родового понятия диапротоба применяется термин **классоид**, указывающий как на то, что он имеет нечто общее с общественным классом (поскольку они оба являются видами одного рода), так и на то, что данная диапротоба, в отличие от класса, не является группой людей. Схематически соотношение между этими понятиями выглядит так:

Таким образом принимается, что развивающееся общество вообще состоит из диапротоб, в качестве которых в каждом конкретном случае **89/90** могут выступать либо классы (в классовом обществе), либо классоиды (в бесклассовом обществе).

Добавим, что под диапротобами какого-либо определенного общества понимаются лишь его *основные* классы или классоиды, т.е. только те, «борьбой» и взаимодействием которых определяется существование и развитие данного конкретного, исторически определенного типа общества. Несущественные для данного типа социального организма структурные элементы – классы или классоиды – являются неосновными.

3.3. Переход от старого качества к новому. Развитие нового предмета

Прежде, чем перейти к рассмотрению экономических отношений, присущих социалистически организованному обществу, обратимся снова к имеющему неограниченное методологическое значение для исследования, вскрытия сущности *социализма*, его производственных отношений философскому учению марксизма о развитии предмета от его возникновения до его же качественного превращения в новый предмет, о дальнейшем развитии уже нового предмета.

К этому вопросу, который в определенной степени уже был рассмотрен в параграфе 1.3, мы вновь подошли, исследуя вопрос об уничтожении классов – диалектических противоположностей прежних по отношению к социализму и коммунизму общественных устройств.

Всякое качественное превращение, происходящее диалектически, есть разрушение единства противоположностей, которое определяло старое качество. Отрицание старого качества, скачок в развитии – это это уничтожение того старого отношения противоположностей, которое качественно определяло старый предмет, подвергшийся качественному превращению. Уничтожение старого отношения противоположностей вовсе не означает еще уничтожения *обеих* сторон, между которыми существовало это отношение.

Главное заключается в том, что процесс отрицание старого предмета есть *разрушение единства* диалектических противоположностей, его образующих. **90/91** Протекать же этот процесс может по-разному. Как совершается он в каждом конкретном случае, – путем ли поглощения одной противоположности другою, или же из-за разрыва противоположностей, – сейчас для нас это не имеет значения. Важно другое.

Скачок, качественное превращение, переход от одного качества к другому – это не только разрешение старого противоречия, не только уничтожение единства старых противоположностей,

а значит, и самих диалектических противоположностей как таковых, т.е. взятых в определенном отношении – в единстве их – друг к другу. Это только одна сторона дела.

Другая – и *наиболее важная* для нас – сторона дела заключается в том, что в результате диалектического отрицания, скачка в развитии появляется *новый предмет*, а вместе с ним, *следовательно*, и его собственные, присущие ему и только ему *диалектические противоположности*, т.е. такие противоположности, которые находятся в отношении относительного, временного (пока будет существовать этот предмет) единства друг с другом.

Так как законы диалектики носят не конъюнктурный – как полагают сторонники концепции «двух диалектик» (см. [131.287]), – а всеобщий характер, то и на социальной ступени развития материи, характеризующейся наличием и развитием человеческого общества, независимо от его исторической определенности – будь то рабовладельчество или будущий коммунизм, – не может не действовать в полную силу закон единства и борьбы противоположностей.

Суть диалектики по Ленину (и об этом говорилось в параграфе 1.3) есть *«раздвоение единого и познание противоречивых частей его»* [39.317], – курсив мой.

Приходится напоминать об этих азбучных положениях потому, что отдельными философами высказывалась мысль о том, будто к новому социалистическому обществу учение о раздвоении единого на противоположности (на взаимно противоречивые части), учение о **всеобщих** законах развития (т.е. диалектика) уже не относится, что применение **91//92** к новому обществу «старых» положений диалектики классиков марксизма-ленинизма – это будто бы «значит увековечивать старые формулы и не видеть новое социальное содержание общественного развития» (см. Вопр. филос., 1965, № 10, с. 148). Для появления такой точки зрения нет какого-либо удовлетворительного объяснения, тем более оправдания ни теперь, ни два десятилетия назад. Не мог же Ц.А.Степанян всерьез полагать, что к 1965 году политэкономия социализма достигла таких высоких вершин, навела в себе такую стройность и порядок, что с научной неопровержимостью **доказала** (доказала своей практической способностью активно преобразовывать социальную реальность, ускорять социально-экономическое развитие социалистического общества) отсутствие раздвоения социалистического общества на противоположности до такой степени, что это потребовало пересмотра краеугольных камней диалектики. «Приходится слышать порой, – пишет Ю.В.Андропов, – будто новые явления общественной жизни "не вписываются" в концепцию марксизма-ленинизма, что он будто бы переживает "кризис"... Дело здесь, однако, совсем не в мнимом "кризисе" марксизма. Дело в другом – в неспособности иных теоретиков, называющих себя марксистами, подняться до истинных масштабов теоретического мышления Маркса, Энгельса, Ленина, в неумении применять в процессе конкретного изучения конкретных вопросов громадную интеллектуальную мощь их учения... Не размывать марксистско-ленинское учение, а, наоборот, бороться за его чистоту, творчески развивать его – вот путь к познанию и решению новых проблем. Лишь такой подход отвечает традициям и духу нашего учения, потребностям коммунистического движения» [66.22].

В принципе верно говорил о диалектике М.А.Суслов, почти как и И.В.Сталин. Одно только «но»: все научные исследования в области общественных наук проводились под жестким идеологическим (а до XX съезда КПСС к тому же и антагонистическим карательно-репрессивным) диктатом верхушки партии, в которую и входил товарищ М.А.Суслов как блюститель чистоты идеологии. Обществоведы обязаны были шагать стройными рядами, тесно сплоченными вокруг вечно ленинского ЦК (иногда – лично товарища такого-то), восхваляя никем не превзойденную мудрость высшего партийного руководства и встраивая в «теорию» квазимарксизма (т.н. марксизма-ленинизма) любые очередные «теоретические» установки сверху, какую бы глупость они не содержали.

Вот почему внутри научных учреждений партии и государства не могло родиться подлинно диалектико-материалистической, исторической концепции социализма. Вот почему одно из возможных решений (изложенное в этой работе) было найдено беспартийным гражданином страны, не имеющим никакого отношения к научно-исследовательским институтам по идеологии и к их бюджетам.

Какие бы конкретные исторические формы не принимало человеческое общество, сущность

любой из них не может быть понята, пока мы не найдем того, *что* образует противоположности именно этой его исторической формы, пока мы не найдем того, *что* является источником самодвижения данной исторической формы человеческого общества, ее развития.

И социализм, и коммунизм так же противоречивы, как противоречивы и живая клетка, и «мертвая» молекула, и атом, и лептон, ибо ни один из **92//93** этих объектов не существует вне движения. Прекращение движения есть смерть; жизнь объекта – во взаимодействии противоположностей, его образующих. Материя немыслима без движения, движение (в том числе и социальное) – без взаимодействующих и взаимопроникающих *противоположностей*, без противоречий между ними.

Как отмечал М.А.Суслов, «представления о том, будто противоречия в условиях социализма исчезают или являются лишь "болезнью", "недугом", "недостатком", расходятся с основными положениями марксистско-ленинской теории, с практикой социалистического строительства... Развитие через возникновение и разрешение противоречий – всеобщий закон развития природы и общества. Отличительной особенностью социализма является не отсутствие противоречий вообще, а отсутствие антагонистических противоречий» [73.109].

Вместо пустопорожних, схоластических рассуждений о том, существует ли основное противоречие социализма, коммунизма (см., напр., [164.142]), вместо «постановки» этого давно уже решенного диалектикой «вопроса» обществоведам следовало бы сконцентрировать свои усилия именно на *поиске* и *вскрытии* основного противоречия социализма, на вскрытии его диапротоб, на изучении отношений между ними. Рассмотрим рисунок 3.1.

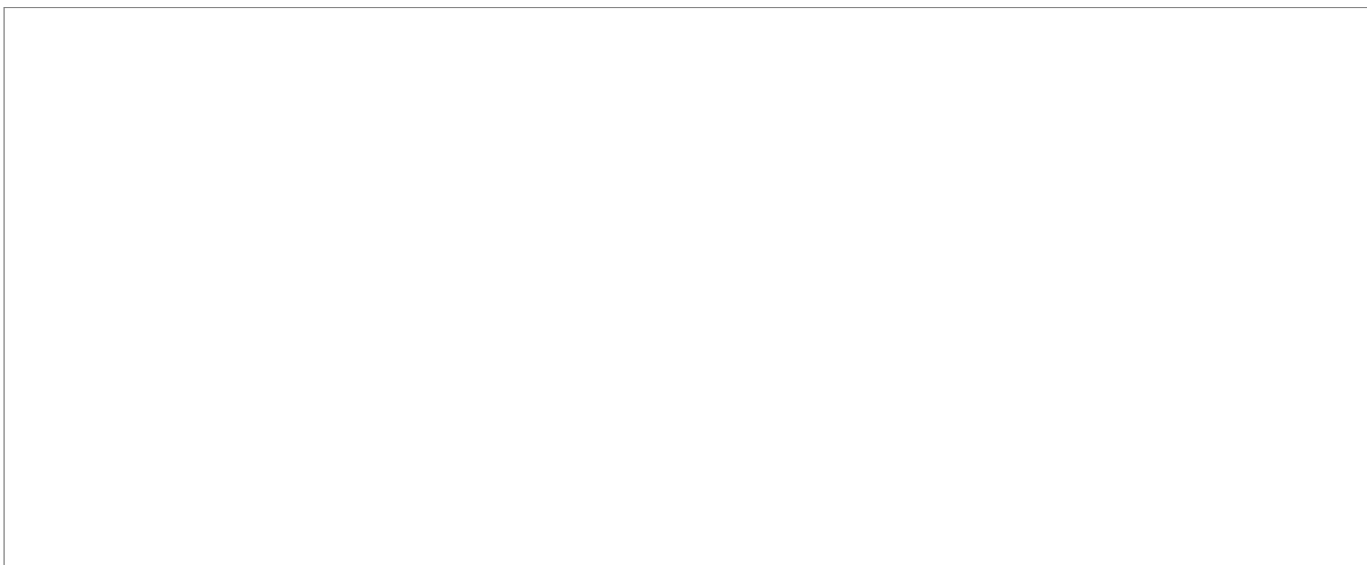

Рис. 3.1

Здесь схематически показана последовательность развития во времени предмета А, развития его противоположностей +А и –А, единство которых и лежит в сущности предмета А, разрыв этого единства и возникновение нового предмета Б с его противоположностями +Б и –Б, дальнейшее развитие предмета Б, достижение им определенной степени **93//94** развития, а также перспектива дальнейшего развития предмета В. Изогнутыми линиями показан момент преемственности нового со старым.

Теперь зададимся вопросом: почему К.Маркс, исследуя буржуазное общество, его экономическую структуру, опирался на факты буржуазной действительности, а не экстраполировал (в «перевернутом» виде) законы развития феодального общества на общество буржуазное? Ведь между феодальным обществом и буржуазным гораздо больше общего, чем у капитализма и социализма.

Вопрос далеко не праздный, хотя ответ на него самоочевиден.

Дело в том, что вплоть до настоящего времени социально-экономические закономерности,

характеризующие социализм, в большей степени связываются с разрешением противоречий капитализма, тогда как следовало бы их связать в первую голову с вновь возникшими и действующими противоречиями социализма, с взаимодействием, борьбой полярных противоположностей социалистического общества, единство которых определяет качество социализма.

Ответим теперь на поставленный чуть выше вопрос. Исследование явлений, закономерностей ставших прямым следствием разрешения противоречий, отношений противоположностей старого предмета А, дает лишь негативную характеристику предмета Б, оно показывает, чем этот предмет не является, чем перестает быть, в то время как главная цель в исследовании предмета Б – дать ему позитивную характеристику, показать, чем он становится, разглядеть, на какие противоположности +Б и –Б он раздваивается, уяснить, взаимодействие каких противоположностей +Б и –Б является источником самодвижения, развития предмета и ведет его в конечном счете к своему неизбежному отрицанию, превращению в новый предмет В.

Негативная характеристика предмета Б, выведенная из факта разрешения противоречий предмета А, одинаково подходит и к предмету В, и к Г, и к Д, и т.д.

Переход от феодальных производственных отношений к капиталистическим – явление, несомненно, прогрессивное. Но и социалистическая революция с последующей коренной перестройкой общественных отношений не **94//95** уничтожает прогрессивных завоеваний буржуазной революции, а наоборот, развивает и укрепляет их. Надо думать, что и коммунизм точно так же сохранит, разовьет и укрепит все свойственное социализму прогрессивное, положительное, имеющее непреходящее значение и для последующих фаз общественно-экономического развития; то же самое, очевидно, произойдет и при последующих прерывах постепенности общественного развития.

Чтобы показать действительные, сущностные отношения капиталистического общества, совершенно недостаточно было выявить, чем капитализм перестал быть. Для этого необходимо было, прежде всего, познать его собственные противоречия. Эти противоречия действительны, объективны, существуют в каждом реально данном буржуазном обществе. Они познаваемы, хотя добраться до них было не так-то просто. Это только теперь, после титанического научного подвига К.Маркса нам кажется все более или менее ясным (хотя иногда спотыкаемся на самых, казалось бы, простых вопросах) и понятным: труд конкретный и абстрактный, потребительная стоимость и стоимость, деньги и товар, стоимость и капитал, капитал и наемный труд, стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость, общественный характер производства и частнокапиталистический способ присвоения, и т.д.

Все сущностные отношения капитализма находятся глубоко под волнами бушующего безбрежного моря фактов и явлений, к тому же порой – весьма обманчивых. И триумф «Капитала» не состоялся бы, если бы его создатель с самого начала не руководствовался бы диалектическим методом. Вслепую, наощупь, чисто эмпирически, не зная генерального направления поиска, добраться до сущности предмета исследования, в данном случае – до буржуазных производственных отношений, – практически вообще было бы невозможно.

То же самое и в политической экономии социализма. Необходимым условием целенаправленного проникновения в сущность ее предмета является неуклонное следование диалектическому методу на деле, а не только на **95//96** словах.

«Беда теперь состоит не в том, что эта диалектика (социалистического способа производства, – В.А.) открыто не отвергается, – заметил А.М.Минасян, – а в том, что ее признают, как говорится, в тексте, а в примечаниях зачеркивают» [114.102].

Важно не столько декларировать положение о диалектике как о методе исследования в общественных науках, сколько вести поиск – и находить! – в самой реальности, в общественном бытии социализма диалектические противоположности предмета исследования, на которые он раздваивается, борьбу этих противоположностей – источник развития, т.е. тех самых

количественных изменений в пределах существования исследуемого предмета, ведущих к его качественному превращению с входом за пределы существования данного предмета. Таким образом диалектика (применительно к науке об обществе, в том числе и о социализме) – это и понимание того, что каждая историческая фаза развития общества имеет **определенные границы** (а не одну границу) своего существования.

Но именно этого-то и не видно ни в систематизированных курсах политической экономии социализма (см., напр., [170; 218; 221]), ни в работах, посвященных отдельным вопросам политической экономии социализма и коммунизма, что с точки зрения выдвигаемой концепции и является первопричиной дискуссионности как самой структуры и внутренней логики политической экономии социализма, так и большинства ее отдельных, частных положений.

Политическая экономия социализма – это составная часть марксизма-ленинизма, современного учения о развитии и преобразовании общества, проверенным фундаментом которого являются материализм и диалектика. Сообразовываться претендовали на его творческое развитие. **96//97**

Глава 4. Экономические отношения социализма

Четвертая – шестая главы посвящены рассмотрению базисных, экономических отношений социализма. Если в четвертой главе рассматривается «статика» социализма, его «срез» на определенный момент времени, то шестая глава посвящена «динамике», движению, развитию экономических отношений социализма. Такая последовательность рассмотрения (изложения) материала предопределена невозможностью фиксации количественных изменений в предмете исследования до качественного определения того, *что* подлежит количественному анализу.

Параллельно с рассмотрением экономических отношений социалистического способа производства ведется также рассмотрение *основных совокупных субъектов* экономических отношений социализма – диапротоб (классоидов) социализма, показывается связь основных классоидов с базисными отношениями социализма. Этому вопросу посвящена специальная (пятая) глава.

4.1. Общие замечания

Суть дурной болезни, называемой начетничеством, состоит не просто в том, что зараженные ею к делу и не к делу приводят цитаты, а в том, что верховным критерием своей правоты они считают не практику, а наличие по тому или иному вопросу высказывания авторитетов. У них теряется вкус к изучению конкретной действительности. Все подменяется подбором цитат и искусством манипулирования ими. Всякое малейшее отступление от цитаты считается ревизией основ. Эта деятельность начетников не только бесплодна, но и вредна.

М.А.Суслов (из речи на XX съезде КПСС)

Итак, мы подошли к рассмотрению экономических, базисных отношений социализма, приняв диалектическую концепцию развития, диалектический метод исследования, диалектико-материалистическое мировоззрение. Оно несовместимо с какой-либо рутинной, косностью мышления, схоластическим теоретизированием, догматизмом, непониманием того, что степень познания каждого конкретного предмета не есть неизменная величина; **97//98** последнее в еще большей степени относится к отражению в человеческом сознании такого быстроразвивающегося предмета, как производственные отношения социалистического способа производства, которые в прошлом веке еще не были реальностью, существовали лишь идеально (как цель и научный прогноз), а ныне не только стали объективной реальностью, но уже обещают подняться на качественно новую ступень.

Поэтому апеллировать к взглядам классиков науки об обществе по тем или иным вопросам теории социализма следует (чтобы не оказать этой науке медвежьей услуги) всегда с большой осторожностью, поскольку исчерпывающих определений того или иного предмета, явления вообще дано быть не может, как невозможно достичь абсолютной истины в процессе бесконечного проникновения в тайны природы и общества. Но даже не это главное.

Теоретические представления Маркса и Энгельса о социализме и коммунизме базировались на точных фактах *буржуазной*, а не *социалистической* действительности, вне связи с которыми они не представляют никакой ценности (см. [стр. 35](#)). Об этом нам забывать тоже нельзя.

Гипотеза рассматривает социалистическое общество и его производственные отношения как качественно определенный, живой, развивающийся в соответствии с законами диалектики социальный организм, а потому видит его таким же исторически ограниченным, как и любое другое общественное устройство, в том числе и любое из тех, что последуют за ним.

Анализ явлений, закономерностей, ставших следствием разрешения старых противоречий (противоречий капитализма), дает лишь негативную характеристику социализма, одинаково справедливую и для всех последующих за социализмом общественных устройств; он показывает, чем социализм не является и чем перестает быть.

Но такой анализ не дает главного – он не дает качественного определения социализма как такового. Так, ликвидация частной-2 собственности на средства производства устраняет анархию производства и утверждает ее противоположность – планомерность, сознательно поддерживаемую **98//99** пропорциональность общественного производства. Но совершенно ясно, что это – прогрессивное завоевание общественного развития, которое – следует предположить – будет сохранено и закреплено в ходе последующего прогрессивного социально-экономического развития, в том числе и в предстоящих прерывах постепенности диалектического характера (скачках), связывающих живой нитью фазы развития человеческого общества.

По этой же причине гипотеза отодвигает на второй план вопросы о преодолении так называемых существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, этими рудиментами их былой социально-классовой противоположности прошлого.

Поэтому главная задача общественных наук заключается в том, чтобы дать позитивную характеристику социализма, показать, чем он является, вскрыть имманентные ему и только ему противоречия, вскрыть те общественные силы, взаимодействие (борьба) которых ведет к его перерастанию в коммунизм (и к диалектическому отрицанию социализма как такового).

Поиск путей к познанию сущности социализма, к вскрытию противоречий, присущих социализму и только ему, может стать успешным только в том случае, если будет опираться на изучение, анализ и обобщение современных нам фактов, процессов и явлений.

«Очевидно, что задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня – одна из центральных проблем», – отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии.

Короче говоря, в гипотезе на первый план ставится исследование тех новых отношений, которые родились вместе с социализмом, тех противоположностей социализма, без которых он был бы не социализмом, а послекапиталистическим обществом вообще. К первоначальному рассмотрению принимается социализм, возникающий при отрицании такого буржуазного общества, в котором капиталистические производственные отношения полностью **99//100** охватили и подчинили себе все общественное производство, а остатки прежних способов производства в нем более не существуют, и, следовательно, само общество состоит (к моменту социалистической революции) только из двух классов: буржуазии и пролетариата – основных классов капиталистического общества. Или иначе: мы абстрагируемся от существования при капитализме его неосновных классов и олицетворенных в них несущественных даже для капитализма общественных отношений.

«Социализм, как он возник и развивается в ряде государств **исторически**, вынужден решать те социальные проблемы, решение которых, в сущности, является предварительным условием его появления на свет. К ним принадлежат индустриализация, превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, электрификация в производстве и быту, ликвидация безграмотности, повсеместная урбанизация, создание густой сети современных коммуникаций и т.п. **Логически** – это задача **капиталистической** формации. Они в основном решены в развитых капиталистических державах. В то же время в части мира, где предреволюционный уровень социально-экономического развития был ниже, чем на Западе, **социализм часто вынужден доделывать то, что не доделал капитализм**» [154.54], – жирный шрифт мой.

Разумеется, в дальнейшем необходимо будет вернуться и к тому, что временно отставлено на второй план, и рассмотреть социалистические производственные отношения уже не «чистом»

виде, а вместе с осложняющими их, но несущественными для них факторами.

4.2. Общепринятый постулат: «рабочая сила при социализме не является товаром»

В параграфе 1.4 отмечалось уже, что принятое концепцией генеральное направление поиска путей вскрытия сущности социализма, познания его диалектики состоит в изучении того специфического для социализма характера и способа, которым осуществляется в нем соединение двух **100//101** факторов производства: средств производства и рабочей силы.

Там же было обращено внимание на диспропорцию в исследованиях данного вопроса, возникшую из-за того, что экономические свойства рабочей силы (не в пример экономическим свойствам средств производства) рассматриваются в отрыве от отношений собственности на нее, в отрыве от товарно-денежных отношений, которые, вопреки первоначальным представлениям середины XIX – начала XX века о послекапиталистическом обществе оказались все-таки имманентными социализму (хотя причины сохранения их до сих пор еще во многом и для многих продолжают оставаться загадкой).

«Отставание исследований проблем рабочей силы... имеет свои причины. Дело в том, что научная разработка вопросов теории и практики использования рабочей силы... предполагает прежде всего исследование экономических свойств рабочей силы. Если этого нет, следовательно, нет прочной методологической основы исследования, и оно неизбежно будет заражено эмпиризмом...

С этой точки зрения научный арсенал политэкономии социализма пока весьма скуден. Главное положение, которым мы располагаем, состоит в том, что рабочая сила не является товаром..., а свойства рабочей силы для товарно-денежных отношений – зона запретная» [\[95.43–44\]](#).

Прежде чем приступить к критическому рассмотрению общепринятого положения о том, что при социализме рабочая сила не является товаром, отметим, что истории политэкономии социализма известно уже немало ошибочных, извращающих сущность социалистических общественных отношений утверждений, истинность которых в свое время не вызывала сомнений, а ныне – научная несостоятельность которых стала совершенно очевидной.

К числу таковых относятся утверждения об объективной обусловленности при социализме диспропорции между платежеспособным спросом населения и его товарным покрытием (отставание спроса от предложения при капитализме и его опережение при социализме); о том, что противоречия являются движущей силой развития лишь в антагонистических формациях; о том, что социалистическим производственным отношениям чужды явления морального износа; о том, что причины сохранения товарно-денежных отношений кроются в сосуществовании двух форм социалистической собственности на средства производства (государственной и колхозной), и т.д., и т.п.

Но кто может поручиться, что сегодня политэкономия социализма уже **101//102** освободилась ото всех ошибочных представлений? И где тот политэконом, который дал бы свою голову на отсечение, если предстоящее, скажем, пятилетие в развитии науки не подтвердит его представлений о том, что такие-то, такие-то и такие-то вопросы уже решены, а такие-то, такие-то и такие-то – еще только ждут своего решения или будут пересмотрены?

«История экономической мысли в нашей стране за годы Советской власти – это в значительной мере история эволюции взглядов на товарное производство. Исходным методологическим принципом долгое время было прямое или замаскированное отрицание товарных отношений в социалистической экономике. И это не случайно. Основоположники марксизма рассматривали социализм как нетоварную форму общественного производства...

Одной из причин запущенности экономической теории социализма явилось "стыдливое" отношение к "несоциалистическим" категориям. До сих пор многие экономические категории социализма рассматриваются однобоко, лишь с позиций их противопоставления категориям капитализма...

В нашей экономической литературе в свое время утвердилась такая тенденция, когда на словах

признавался тезис о творческом характере марксизма-ленинизма, а на деле критерием истинности того или иного положения была соответствующая цитата из произведений классиков. Преобладание такого подхода к оценке теории не могло способствовать прогрессу последней...

Сейчас становится все более очевидным, что от классиков марксизма нельзя требовать готовых ответов на все вопросы, касающиеся конкретного механизма функционирования социалистического способа производства» [151.28, 30, 31], – так писали В.П.Корниенко и Ю.Н.Пахомов в 1966 г., поставив тогда под сомнение истинность общепринятого тезиса о нетоварном характере рабочей силы при социализме. В течение нескольких лет каждый уважающий себя политэконом считал своим долгом выступить против данного сомнения; правда, это не помогло им уйти от той оценки результатов политэкономических исследований, которая была дана на XXVI съезде КПСС и в особенности на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. **102//103**

Поэтому давайте все-таки еще раз посмотрим, насколько безупречно и незыблемо общепринятое утверждение о нетоварном характере рабочей силы; посмотрим, насколько прочными являются доводы, на которые оно опирается, посмотрим, какая связь существует между доводами и аргументируемым тезисом.

Итак, чем же обосновывается общепринятое мнение о том, будто рабочая сила перестала быть товаром?

Аргумент первый. Рабочий класс перестал быть классом, лишенным средств производства, а по Марксу имеющий средства производства не может продавать рабочую силу (см. [169.206; 219.395]).

Аргумент второй. Если допустить, что рабочий класс продает свою рабочую силу, то возникает вопрос: кому? Очевидно, тому, кто владеет средствами производства, т.е. самому себе. Но поскольку продажа самому себе невозможна, рабочая сила товаром не является (см. [147.134; 155.225; 260.44–45]).

Аргумент третий. Потому что исчезла категория найма рабочей силы капиталистами (см. [219.418]).

Аргумент четвертый. Купля-продажа рабочей силы (вообще, а не только при капитализме) есть один из способов ее эксплуатации. Поскольку эксплуатации при социализме нет, то и рабочая сила перестала быть товаром. «Рабочая сила не является товаром, так как... ликвидирована эксплуатация человека человеком» [217.247]

Аргумент пятый. Предположение о том, что рабочая сила при социализме является товаром, отчуждаемым от ее носителю общенародному государству, отпадает, поскольку носитель рабочей силы является одновременно и частичным субъектом отношений общенародной собственности (см. [241]). «В социалистическом обществе рабочая сила не является товаром, так как сами трудящиеся – совместные собственники средств производства» [217.247].

Аргументы шестой и седьмой. «Включение частной (не определено, в каком смысле, – В.А.) собственности рабочих на свою рабочую силу как **103//104** товар в социалистические производственные отношения, возведение ее в один ранг с общественной собственностью на средства производства... означали бы: а) включение наемного труда в определение социалистических производственных отношений и превращение этого определения тем самым в бессмыслицу; б) отрицание коренного различия между капитализмом и социализмом» [94.242].

Перечень этих доводов можно было бы продолжить и дальше, их много. Остановимся лишь еще на одном, который содержится в книге А.Н.Малафеева, посвященной истории вопроса о товарном производстве в политической экономии социализма.

Приведя пятый (разновидность первого) аргумент, автор книги в подтверждение своей (и общепринятой) точки зрения ссылается на опубликованные в «Правде» статьи известных обществоведов, полагая, что в них дана убедительно аргументированная критика контр-тезиса о товарном характере рабочей силы при социализме. Кроме того, он приводит еще один довод: «На

Всесоюзной конференции "Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме", состоявшейся в ноябре 1972 г. в Ленинграде, многие выступавшие критиковали утверждение о товарном характере рабочей силы. Из более чем пятисот участников, выступавших на конференции, никто не поддержал это утверждение» [181.145]. Как видим, тут есть все: ссылки и на коренное различие социализма и капитализма, и на ликвидацию эксплуатации человека человеком, и апелляция к большинству, и обращение к авторитетам.

На первый взгляд эта аргументация даже может показаться убедительной. Но приглядевшись к ней чуточку внимательней, тотчас же обнаруживается в ней два крупных изъяна.

Во-первых, подобные «аргументы» неудержимо несут нас куда-то в сторону от основного вопроса, которым мы задавались: является ли рабочая сила товаром при социализме, или, что то же самое, обладает ли она существенным признаком товара?

Только сравнив экономические свойства рабочей силы при социализме 104//105 с существенным признаком товара, данным в его определении (т.е. доказав наличие или отсутствие у рабочей силы существенного признака товара), можно сделать вывод о том, является ли она им в этих условиях.

Однако сторонников подвергаемой сомнению точки зрения устраивает любой иной подход, но только не названный, хотя нетрудно заметить, что именно этот подход мог бы дать наиболее действенные результаты.

Во-вторых, легко обнаруживается несостоятельность каждого из приведенных аргументов как таковых по отношению к тезису о нетоварном характере рабочей силы при социализме. Рассмотрим эти аргументы подробнее.

Аргумент первый. Действительно, трудящимся в социалистическом обществе, а точнее, всей совокупности трудящихся принадлежат и средства производства, и произведенные при их посредстве все продукты производства, в том числе и продукты личного потребления. В этих условиях, согласно воззрениям Маркса и Энгельса, товарами перестают быть не только рабочая сила и средства производства, но и предметы личного потребления. Подробней этот вопрос мы рассмотрим в параграфе 4.6, а пока лишь отметим, что между куплей товаров (предметов личного потребления) и продажей товара (рабочей силы) существует глубокая связь. Деньги (заработная плата) является лишь посредником в обмене двух товаров. Либо, как полагали Маркс и Энгельс, при социализме исчезают товарный обмен рабочей силы на продукты потребления, а вместе с ним и посредник – деньги, либо этого не происходит.

Поскольку господствующим является все-таки взгляд на предметы потребления как на товары, а на зарплату – как на деньги, то из общепринятого и разделяемого концепцией утверждения о том, что трудящиеся являются собственником средств производства (а потому и всех произведенных при их посредстве жизненных средств), доказываемое оппонентами не только не вытекает, но даже напрашивается противоположное. Не случайно, а вполне закономерно поэтому появление в последнее время точки зрения, согласно которой при социализме товаром не является не только рабочая сила, но и предметы потребления 105//106 (см. [155.229–231; 195.5–6]). Налицо симптомы попятного движения к подвергавшейся в свое время резкой критике концепции И.С.Малышева и В.А.Соболя, выдвинутой ими в начале 1960-х годов.

Аргумент второй. Прежде всего заметим, что если этот аргумент что-либо и «доказывает», то во всяком случае, не коренную противоположность социализма капитализму, а их сходство!

Абсурдность утверждения о рабочей силе как об объекте отношений собственности, субъектом которых выступает весь совокупный *рабочий класс*, якобы продающий свою рабочую силу, очевидна применительно и к социализму, и к капитализму. Сказать, что при капитализме свою рабочую силу продает рабочий класс – значит грубейшим образом нарушить закон тождества, совершить подмену понятия «пролетарий», «наемный рабочий» понятием «пролетариат», «рабочий класс», если считать, что рабочая сила является объектом собственности наемного

рабочего; или же это значит другое: утверждать, будто рабочая сила при капитализме не принадлежит (до ее продажи владельцу капитала) наемному рабочему, своему носителю, а обобществлена в границах рабочего класса в целом. Но насколько это было известно до сих пор, продавцом рабочей силы при капитализме является все-таки не класс наемных рабочих, а наемный рабочий.

Что верно, то верно. *Рабочий класс* рабочую силу не продает при социализме, как не продает он ее и при капитализме. Этот факт не исключает, однако, возможности товарного обмена рабочей силой и продуктами II подразделения между *различными* собственниками: общенародным и обособленными, индивидуальными. Точно так же, как из того факта, что рабочий класс не покупает сам у себя продукты II подразделения, не следует еще, что последние не становятся товарами.

Тяжелое, но совершенно нелепое обвинение в адрес сторонников признания рабочей силы при социализме товаром в том, что они якобы несогласны с формулой «государство – это мы» (см. [147.134]) может вернуться подобно бумерангу бросившим такое обвинение. Во всяком случае, перефразируя их собственные слова, уместно задать вопрос: может быть В.Комаров и Е.Русанов не согласны с тем, что социалистическое 106//107 государство есть государство рабочих и крестьян, ибо в противном случае нельзя было бы представить, что государство продает жизненные средства (хлеб, книги, водку) самому себе в лице трудящихся?

Обычно тех, кто не видит большой разницы между своим и государственным карманом, сажают в тюрьму. Зачем же уподобляться им и затушевывать, замазывать существующие реально различие и противоположность между личной и общественной собственностью, между понятиями «носитель рабочей силы», «рабочий» с одной стороны и «рабочий класс» с другой?

Аргументы третий и четвертый. Как было показано в главе 2, капиталистическая эксплуатация проистекает не из того, что наемный работник *продает* свою рабочую силу, а из того, что он продает ее *частному-2 собственнику* (капиталисту). Прибавочная стоимость возникает не в актах обмена эквивалентов Рс–Д или Д–Жс (Рс – рабочая сила, Жс – жизненные средства, Д – деньги), а в процессе производительного функционирования рабочей силы, соединенной с *чужими* средствами производства.

Принцип «покупатель рабочей силы всегда охмуряет продавца» нельзя возводить в абсолют. Как не всякая эксплуатация зиждется на наемном труде, так и не всякая купля-продажа рабочей силы свидетельствует об эксплуатации ее носителя. Тот факт, что *найм* рабочей силы оказался связанным при капитализме с ее *эксплуатацией*, не дает еще никакого основания утверждать о существовании такой связи и за пределами капитализма.

Аргумент пятый. Легко заметить, что это лишь разновидность второго. Совершенно выбрасывается из поля зрения различие и противоположность субъектов индивидуальной и коллективной собственности. См. также сказанное относительно аргумента первого.

Аргумент шестой. Во-первых, нужно сделать уточнение: *индивидуальная* собственность работников на свою рабочую силу вовсе не является *частной-2* собственностью ни при социализме, ни при капитализме. Если же говорить о проданной капиталисту рабочей силе, то она действительно становится объектом отношений частной-2 собственности, но уже не носителя рабочей силы, а ее нового хозяина – капиталиста. 107//108

Однако передача за определенную мзду носителем своей способности к труду коллективному собственнику средств производства при социализме не означает ни превращения ее в частную-2 собственность, ни отрицания перехода ее от одного собственника к другому. Признание рабочей силы как товара при социализме действительно включило бы наемный (но не капиталистически наемный, не связанный с частной-2 собственностью, а социалистически наемный, связанный с коллективной собственностью на средства производства) труд в систему производственных отношений социализма.

Что касается «бессмысленности» последнего утверждения, то в параграфе 3.1 уже отмечалось, что дедуктивно, формально-логически из факта отрицания частной-2 собственности и капиталистических производственных отношений невозможно определить, истинным или ложным является утверждение о товарном характере рабочей силы при социализме. Чтобы это установить, необходимо, во-первых, оставить в покое схоластику и встать на почву фактов современной нам действительности, а во-вторых, встав на эту почву, следует не столько **озираться назад**, в сторону капитализма, сколько **смотреть вперед**, прямо по курсу нашего движения к коммунизму. **Что** мы при этом увидим – это будет показано в следующих главах.

Аргумент седьмой. Итак, существует мнение, будто признание индивидуальной собственности работников на свою рабочую силу и превращение ее в объект купли-продажи есть коренной отличительный признак капитализма. Оказывается, если согласно этой точке зрения мы признали бы за рабочей силой товарный характер и при социализме, то... отождествили бы социализм с капитализмом!

Ну а что произойдет, если рассуждая подобным образом (думая *только* о том, как бы ненароком не напакостить социализму), будем полагать, что при социализме рабочая сила **не является товаром**? Не подвергнем ли мы тогда «отрицанию» коренное различие между социализмом и феодализмом, между социализмом и рабовладельчеством, т.е. не отождествим ли мы социализм с теми общественно-экономическими формациями, где **108//109** рабочая сила действительно не была товаром?

Абсурдность последнего предположения очевидна: определенные элементы сходства можно найти в любых социально-экономических системах, и их наличие нисколько не указывает на тождество самих систем; абсурдности первого утверждения – не можем (или не хотим?) заметить. Ведь рассуждения по схеме: «при капитализме одно – белое, другое – черное, третье – в крапинку, а при социализме *наоборот*: первое – черное, второе – белое, а третье – в клеточку» стали настолько привычным явлением, что порой складывается впечатление, будто само отрицание социализмом капитализма происходит не диалектически, без момента связи и преемственности между старым и новым.

Капитализм возникает только тогда, когда на рынке появляются свободные рабочие, которых нет в условиях феодального общества. Разрушение феодальных пут личной зависимости людей друг от друга, сама возможность превращения рабочей силы в товар, является одной из ступеней общественного прогресса. Гибнет же капитализм не от того, что у людей снова отнимается свобода (в том числе и свобода распоряжаться своей рабочей силой), не от того, что устраняется товарный характер рабочей силы, а от того, что ликвидируются отношения частной-2 собственности на средства производства.

Что же касается коренного отличительного признака капитализма от социализма или какого-либо другого общественного устройства, то им является не превращение рабочей силы в товар, а *производство прибавочной стоимости, присваиваемой частным-2 собственником средств производства.*

Не в том суть капитализма, что рабочая сила стала товаром (данный признак является необходимым признаком капитализма, но он может оказаться и несущественным, т.е. собственным признаком капитализма; последующие параграфы этой главы покажут, что именно так и обстоит дело), объектом купли-продажи, а в том, что этот товар приобретает частным-2 собственником средств производства с целью производства прибавочной стоимости.

Итак, утверждение о нетоварном характере рабочей силы при социализме **109//110** обосновывается весьма сомнительными приемами: проведением зыбких параллелей между наличием или отсутствием эксплуатации и товарным или нетоварным характером рабочей силы, подменами понятий, механическим противопоставлением социализма капитализму, выведением капиталистической эксплуатации не из сферы производства (в том числе и прибавочной стоимости), а из сферы обращения переменного капитала и т.п.

Сколько-нибудь убедительное доказательство критикуемого утверждения, доказательство, основанное на строгом подведении экономических свойств рабочей силы при социализме под определение товара (о чем говорилось на [стр. 104–105](#)), мне неизвестно. Да и вряд ли оно имеется: ведь существуй оно – не пришлось бы сторонникам господствующего ныне мнения прибегать к подобным приемам.

Поэтому мы не можем и не будем исходить из общепринятого утверждения «рабочая сила при социализме – нетовар», которое рассматриваем как недоказанный постулат, как предположение, которое требует своего обоснования или опровержения; как будет это вопрос выдвигаемой концепцией, читатель поймет, ознакомившись с рукописью в целом. Пока же заметим, что союз «или» (см. предыдущее предложение) может иметь как строго-разделительный, так и неисключающий смысл.

4.3. Найм рабочей силы – одно из проявлений сущности социализма

... мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтобы наши идеи... были чем-то реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего...

Ф.Энгельс [[28.12](#)]

Один из излюбленных приемов противников концепции товара рабочей силы при социализме в борьбе против ее сторонников – это апелляция к тому, что по внешней видимости явлений нельзя судить о сущности изучаемого предмета (см., напр., [[230.264](#); [216.32–33](#); [122](#)]). Последнее утверждение, взятое само по себе, конечно же, бесспорно. Например, видимое движение Солнца, Луны, планет и звезд по небосводу не является **110//111** действительным их движением в космическом пространстве. Видимое движение породило вначале иллюзию геоцентрической системы мира, уступившей со временем свое место гелиоцентрической концепции, а затем и современному представлению о движении небесных объектов.

Однако сказать, что по внешней видимости явлений невозможно судить о сущности предметов или процессов, лежащей в их основе, и на этом поставить точку – это значит войти в логическое противоречие с философским положением марксизма о познаваемости сущности. Сущность именно потому и познаваема, что она обнаруживает, проявляет (и не может не проявлять) себя в явлениях. Сущность является, а явления существенны (см. [[41.227](#)]). И без этого проявления (в нашем примере – видимого движения небесных тел) не могла бы быть познана действительная картина движения окружающих нас космических объектов. Именно из анализа явлений восхода и захода небесных объектов, из сопоставления их с другими связанными с ними явлениями и логическими выводами из них могла только возникнуть современная небесная механика.

После того, как познана сущность предмета, процесса, легко объяснить явления, в которых эта сущность проявляется. Видимое движение Солнца, звезд и планет, в том числе, скажем, и петлеобразное движение планет, находит удовлетворительное объяснение с позиций познанных законов небесной механики.

Итак, от утверждения, что по внешней видимости явлений нельзя судить о сущности предмета, мы пришли к противоположному суждению: о сущности предмета, процесса должно судить по его внешней видимости, ибо кроме явлений действительности нет ничего другого, что мы могли бы взять за исходный пункт любого анализа. От живого созерцания нам, таким образом, все равно никуда не уйти. Так или иначе все начинается именно с него (у материалистов, естественно), в противном случае приходится исходить не из реальной действительности, а из тех или иных идей и представлений.

Раз между сущностью и явлением существует глубокая диалектическая связь, если одно без другого не существует, то сказав А, надо сказать и Б. **111//112**

Говорить, что по найму рабочей силы нельзя судить о сущности социализма, – это значит в лучшем

случае ничего не сказать. Если уж утверждается, что найм рабочей силы – это категория, лежащая на поверхности явлений социализма, а не в глубинах его сущности, если говорится, что найм рабочей силы искажает сущность социализма и по существу не имеет с ним ничего общего, то по меньшей мере следовало бы все-таки найти объяснение этому явлению, исходя из сущности социалистических производственных отношений, показать механизм искажения явлениями найма сущности этих отношений, противоречивых и исторически преходящих.

Любопытная деталь. Сейчас утверждение о том, что о сущности социалистических производственных отношений нельзя судить по явлениям найма ассоциированным собственником средств производства рабочих сил индивидуальных носителей, стало чуть ли не одним из охранных краеугольных камней концепции нетоварного характера рабочей силы при социализме. А ведь в 20-х годах господствовало мнение, будто в отличие от капитализма (все тот же пресловутый принцип «при социализме все наоборот»), где сущность лежит глубоко под обманчивыми явлениями, производственные отношения социализма прозрачно ясны; во всяком случае, само право на существование политэкономии социализма как науки в те годы отрицалось (см. [115.183, 185–186; 94.31–33; 78.294]).

В своей гипотезе я полагаю, что явления найма рабочей силы при социализме не изолированы ни от других явлений социалистической действительности, ни от сущностных отношений социализма. Более того, вряд ли было бы справедливым утверждение о том, что найм рабочей силы – это феномен, случайно забредший в социализм.

Поэтому с точки зрения гипотезы найм рабочей силы при социализме нельзя не рассматривать как одно из явлений, в которых по меньшей мере выражается внешне сущность социалистических производственных отношений.

Вследствие очевидной близости этого явления к вопросу о способе соединения средств производства с рабочей силой при социализме исследование этого явления приобретает особо важное значение.

Но для того, чтобы определить действительное место найма рабочей силы в общей системе категорий политической экономии социализма, мы должны рассмотреть сами категории, к которым вопрос о статусе категории «найма рабочей силы» при социализме имеет непосредственное отношение. К ним относятся в первую очередь категории, выражающие отношения собственности при социализме, категории «стоимость», «товар» и некоторые другие.

112//113

4.4. Социалистические отношения собственности

Особое значение имеет исследование всего комплекса отношений собственности в нашей экономике...

М.А.Суслов [76.19]

Личная собственность зачастую рассматривается экономистами как второстепенная категория, как некий пассивный придаток к общественной собственности на средства производства... Проблемы... ее взаимосвязей с общественной собственностью должны занять надлежащее им место в политической экономии социализма.

Л.И.Гатовский [103.227]

К рассмотрению отношений собственности при социализме мы приступаем с основы, выведенной из разрешения основного противоречия капитализма. Основа же эта заключается в том, что победа социалистических производственных отношений над капиталистическими означает замещение отношений частной-2 на средства производства отношениями общественной собственности на них.

Без общественной собственности на средства производства социализм не был бы социализмом. Это – его его главнейший, важнейший признак, отличающий социалистическое общественное устройство от буржуазного.

Говоря об общественной собственности на средства производства, я имею в виду пока только общенародную форму собственности и абстрагируюсь от наличия колхозно-кооперативной формы собственности по следующим причинам.

Групповая форма собственности возникла (и продолжает возникать) в странах, где капиталистические производственные отношения еще не успели вытеснить натуральное и мелкотоварное производство, основанное на частной-1 собственности на средства производства. Например, в России в 1917 году подавляющую часть населения составляло крестьянство – неосновной класс капиталистического общества, а не буржуазия и пролетариат. Необходимость появления в странах социализма наряду с общенародной формой собственности на средства производства также и групповой, кооперативной формы собственности, вызвана тем обстоятельством, **113//114** что в них до установления диктатуры пролетариата параллельно, наряду с частной-2 собственностью на средства производства, отделенной от трудящихся (от наемных рабочих), еще продолжала существовать и менее зрелая частная-1 собственность на средства производства, принадлежащая трудящимся (крестьянам, ремесленникам и др.), т.е. не отделенная от них.

Наличие частной-1 собственности на средства производства при капитализме не является ни его необходимым, ни его существенным признаком. Более того, законы развития капитализма неотвратимо ведут к превращению частной-1 собственности в частную-2 собственность на деле, о чем уже говорилось в главе 2, не говоря уже о том, что чисто теоретически капиталистические производственные отношения вообще не знают частной-1 собственности на средства производства. Отсюда следует, что наличие колхозно-кооперативной собственности на средства производства являются *специфической особенностью не социализма вообще, а социализма лишь в тех странах, где победа пролетариата над буржуазией произошла в условиях сохранения отношений частной-1 собственности на средства производства и их социального носителя – мелкой буржуазии, неосновного класса капиталистического общества.* Иными словами, групповая форма собственности на средства производства не является необходимым атрибутом социализма. «В стране, встающей на путь социализма, уровень развития производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве может быть столь высоким, что он позволит более и менее одновременно ввести общенародную, государственную форму социалистической собственности в городе и деревне» [247.10]

Полагать, будто без колхозно-кооперативной собственности на средства производства социализм не был бы социализмом, значит либо не видеть непрекращающегося роста поляризации капиталистического общества в странах, где субъективные условия социалистической революции еще не созрели, либо отрицать возможность победы пролетариата над буржуазией, где только эти два класса охватывают собой все общество, **114//115** либо ратовать за частичную (вместо полной) национализацию частной-2 собственности на средства производства в ходе социалистического

К рафинированным социалистическим производственным отношениям, не содержащим примесей от иных способов производства, рассуждения о частной-1 или колхозно-кооперативной собственности на средства производства, вообще-то говоря, не имеют никакого отношения.

Проблема возможности и необходимости мирного сосуществования различных форм (укладов) хозяйствования наряду с общенародным социалистическим – это огромное и совершенно неисследованное советскими (да наверное, и постсоветскими) обществоведами поле. Не была эта тема и предметом рассмотрения в рукописи 1983 года.

Зато хорошо известно решение этой проблемы в СССР по факту. Коллективизация была политическим решением по созданию сельскохозяйственных номинально кооперативных, а фактически, скорее, государственных латифундий (с закрепощенными в них беспаспортными крестьянами), которые создавались насильственными и во многом внеэкономическими методами.

Когда через три десятка лет селянам все-таки выдали паспорта, крестьяне разбежались по городам (благо дефицит рабочей силы создан был везде), а из городов с заводов и учреждений по разнарядкам областных, районных и городских комитетов партии на село стали посылать рабочих и служащих (т.наз. «шефская помощь») на посевные и уборочные работы. Разумеется, эти затраты ложились на себестоимость продукции «шефствующих», а не «подшефных» предприятий; тем самым создавался неучитываемый плановиками и управленцами перекося в показателях производительности труда в отраслях народного хозяйства, в государственном и кооперативном секторах.

преобразования общества с тем, чтобы определенная часть предприятий была передана в собственность коллективов трудящихся на этих предприятиях людей.

Итак, говоря об общественной собственности на средства производства при социализме, мы принимаем пока во внимание только основную – общенародную – форму собственности на средства производства и абстрагируемся от существования групповой формы.

Но если появление общественной собственности на средства производства является закономерным результатом собственного развития капиталистического способа производства, закономерным результатом разрешения основного противоречия капитализма, то иначе обстоит дело с отношениями собственности на предметы потребления, за счет которых осуществляется воспроизводство рабочей силы. Развитие капитализма не подготовило почвы для их обобществления. Разрешение противоречий, имманентных предшествующей социализму исторической фазы развития общества (капитализму), не требует отрицания индивидуальной собственности на предметы потребления.

Таким образом, социализм **сохраняет** институт индивидуальной собственности на жизненные средства. Воспроизводство рабочей силы для ее носителя продолжает осуществляться так же, как и прежде: за счет жизненных средств, как уже имевшихся у него в индивидуальной собственности, так и вновь поступающих в нее. То обстоятельство, что источником индивидуальной собственности при социализме перестают быть нетрудовые доходы (что в известной мере также является теоретической абстракцией) и в первую очередь прибавочная стоимость, что вследствие этого индивидуальная собственность при социализме не может, как правило, принимать гипертрофированных размеров, не меняет существа дела: социализм *не ликвидирует, а сохраняет* индивидуальную собственность на предметы потребления.

«Если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества **115//116** принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную» [17.439].

Индивидуальная собственность на предметы потребления – категория историческая. Возникнув в ходе предшествующего социализму общественного развития общества, она полноправно и полнокровно вошла в социализм его составным элементом, поскольку разрешение противоречий, имманентных капитализму, не требовало ее отрицания. Отношения индивидуальной собственности на предметы потребления являются, таким образом, неотъемлемым элементом социалистических производственных отношений. **Без индивидуальной собственности на предметы потребления социализм не был бы социализмом***.

Было бы ошибкой полагать, что отношения собственности – это отношения между человеком (или группой людей) и вещью. Ведь в своей сущности отношения собственности есть отношения между самими людьми, группами людей, а в самом общем случае – между теми или иными частями, элементами человеческого общества. Лишь на поверхности явлений отношения собственности кажутся отношениями между человеком (группой людей) и вещью. Бессмысленно, например, говорить об отношениях собственности Робинзона на необитаемом острове. Действительными контрагентами отношений собственности является не человек и вещь, а сами люди, составляющие общество.

Если, например, известно, что какой-либо предмет, скажем, автомашина «Жигули», заводской номер 12024668 принадлежит Иванову, то это одновременно говорит и о том, что этот самый Иванов отношениями личной (индивидуальной) собственности на свою машину связан и с

* По мнению Я.С.Кумаченко, высказанным в связи с утверждением Н.Д.Колесова о выражении личной собственностью социалистических производственных отношений, личная собственность «не может выражать собой социалистических производственных отношений. И в отношении предметов потребления социалистический характер имеет лишь общественная собственность, т.е. общественные фонды потребления» [168.31–32].

Мы не согласны с этим мнением. Личная собственность действительно не может выражать всей полноты социалистических производственных отношений, но невозможно выразить специфику социалистических производственных отношений без привлечения категории личной собственности.

Петровым, и с **116//117** Сидоровым, и с Тарасовым, и с Николаевым, и со всеми другими гражданами нашего общества. *Принадлежит Иванову* (являясь его собственностью) эти «Жигули» *не принадлежат* (не являются собственностью) ни Петрову, ни Сидорову, ни Тарасову, ни Николаеву, ни кому-либо другому ни по отдельности, ни в составе какой-либо группы.

Если же известно, что какой-то предмет, например, такая-то пашня, является общенародной собственностью, то это точно так же говорит о том, что *те же самые* Иванов, Петров, Сидоров, Тарасов, Николаев и все остальные без исключения члены этого же общества так же связаны между собой этим отношением собственности, хотя связь здесь иная: эта пашня принадлежит одновременно и Иванову, и Петрову, и Сидорову, и Тарасову, и Николаеву, и всем остальным членам общества, хотя и не принадлежит никому из них в отдельности.

Из этих двух примеров видно, что *все* члены социалистического общества *связаны между собой* как отношениями *общественной* (общенародной) собственности, так и отношениями *индивидуальной* (личной) собственности. Поскольку отношениями и индивидуальной, и общественной собственности связаны одни и те же люди, то очевидно, что отношения индивидуальной собственности на предметы потребления и общественной собственности на средства производства (а также на производимые при их посредстве предметы потребления до их перехода в индивидуальную собственность) образуют *Систему отношений собственности*, охватывающую всех членов социалистического общества. В этой системе отношений собственности социализма названные два типа собственности (индивидуальной и общественной) играют далеко не одинаковую роль. Если отношениями общественной собственности на средства производства члены социалистического общества *объединены*, то отношениями индивидуальной собственности на предметы потребления они *разделены*.

В этом смысле отношения индивидуальной собственности полярно противоположны отношениям общественной собственности. Можно сказать, что если отношения общественной собственности является центостремительной силой, действующей в социалистическом обществе, силой, *цементирующей* **117//118** это общество, то отношения индивидуальной собственности – это его центробежная сила, т.е. сила, *разрыхляющая* общество, которое находится на социалистической фазе общественно-экономического развития.

Система отношений собственности при социализме оказывается внутренне противоречивой. Появление этого противоречия однозначно связано с рождением социализма. В самом деле: при капитализме индивидуальная собственность на предметы потребления и частная-2 собственность на средства производства *однотипны* в том отношении, что *обе* они *разъединяют* людей – членов общества. Там есть только либо *мое*, либо *чужое*. *Нашего* – нет.

Именно социализм уничтожил деление средств производства на *мое* и *чужое*, сохранив, однако, это деление по отношению к предметам потребления. Но тем самым резко изменился и статус *индивидуальной собственности* на предметы потребления в своем отношении к собственности на средства производства: *отношение однотипности* превратилось в *отношение противоположности*. Деление предметов потребления на *мое* и *чужое*, разъединяющее людей, **противостоит** теперь общественной собственности на средства производства, т.е. *отсутствию деления* их на *мое* и *чужое*, объединяющему тех же самых людей. Такого противостояния одновременно существующих типов отношений собственности, входящих в единую систему отношений собственности, входящих в единую систему отношений собственности, капитализм не знал. Вот почему связанные с этим противостоянием противоречия выдвигаемая концепция рассматривает не как «логические противоречия», которые должны быть «изгнаны» из теории, а как противоречия живые, реальные, порожденные самим ходом исторического развития общества, т.е. как **диалектические противоречия**, на изучении которых и должны быть сосредоточены усилия обществоведов.

Сама по себе идея о том, что при социализме общественная собственность на средства производства и индивидуальная собственность на предметы потребления являются сторонами *диалектического противоречия*, характеризующего *социализм*, в общем-то не нова (см., напр., [128.197–198]). Тем не менее это положение обычно (в

тех случаях, когда оно признается, а не отрицается) лишь примыкает к общей характеристике социализма (см. ту же работу) вместо того, чтобы служить связующим, цементирующим стержнем всей политэкономии социализма. [118//119](#)

Однако такое понимание отношений между индивидуальной (личной) и общественной (общенародной) собственностью при социализме (т.е. понимание его как отношения диалектических противоположностей) плохо укладывается в ложе господствующих ныне в политэкономии взглядов на личную собственность как на некую «вечную», внеисторическую категорию. «Личная собственность как собственность на предметы потребления и индивидуального обихода сохранится и при полном коммунизме» [\[199.165\]](#), – утверждают авторы популярного словаря по научному коммунизму. (Напомним, что согласно общепринятым ныне взглядам категория полного коммунизма также является «уникальной» категорией, поскольку означает предмет, «в принципе» неспособный к качественному превращению, к своему отрицанию.)

Ведь стоит только признать диалектический характер этого отношения, как тут же встает вопрос о признании личной собственности исторически ограниченной категорией. И наоборот: признание личной, индивидуальной собственности внеисторической, «вечной» категорией ставит под сомнение диалектический характер отношений между людьми при социализме по поводу объектов личной и общественной собственности.

«Представления о личной собственности как "отношения непосредственного удовлетворения потребностей личности" приобрело характер аксиомы, прочность широко распространенного предрассудка. Можно привести множество определений, утверждающих, что некоторые вещи "по своей природе" являются личной собственностью, что существование личной собственности обусловлено "потребностями индивида", его "физиологическими и духовными запросами" и даже "санитарно-гигиеническими правилами". Между тем... между потребительской природой вещей, условиями потребления продукта и существованием личной формы собственности нет причинной связи» [\[178.28\]](#). Эту точку зрения В.Лоскутова я полностью разделяю. Кстати, в свое время еще В.И. Ленин, беспощадно критикуя взгляды народника Михайловского, писал: «детопроизводство так же мало может объяснить институт наследства, как необходимость принятия пищи – институт собственности» [\[55.151\]](#). [119//120](#)

Индивидуальное потребление, пользование теми или иными благами, необходимость которого обусловлена теми или иными причинами (в том числе и естественно-биологическими), вовсе не является достаточной причиной для отчуждения этих благ в индивидуальную (личную или частную-1) собственность. Например, Марксом отмечен факт исторически имевших место условий, при которых земля, не будучи объектом отношений индивидуальной (частной) собственности, являлась тем не менее объектом отношений частного владения и пользования (см. [\[4.354\]](#)).

Итак, имеется целый ряд доводов в пользу того, чтобы считать отношения между индивидуальной собственностью на предметы потребления и общественной собственностью на средства производства, имеющее место при социализме, отношением *диалектических противоположностей*; более того, некоторые из них требуют постановки вопроса: **не являются ли данная пара диалектических противоположностей и противоречие между ними имманентными социализму и только социализму?**

За постановку такого вопроса говорит следующее:

- стороны данного противоречия находятся в неразрывном единстве друг с другом, взаимоисключают друг друга и в то же время взаимопроникают друг в друга;
- возникновение этого противоречия обусловлено возникновением социализма;
- это противоречие вполне разрешимо хотя бы потому, что по крайней мере одна из сторон его – личная собственность на предметы потребления – не является внеисторической, «вечной» категорией.

Однако в целом в исследованиях отношений собственности при социализме отчетливо прослеживается тенденция любыми способами сгладить, спрятать, укрыть отношение между личной собственностью на предметы потребления и общественной собственностью на средства производства как отношение противоположностей, представить это противоречие чисто логическим, простой ошибкой мышления, с последующим отождествлением противоположных сторон его и подменой одной стороны другой стороной (о 120//121 чем уже отчасти говорилось в параграфе 4.8), лишь бы не представлять это противоречие реальным, живым, т.е. диалектичным.

Например, Г.Б.Правоторов «устраняет» данное противоречие «интегрированной личной собственности» (см. [230.270–272]). Р.И.Косолапов пошел несколько иным путем. Вот что он утверждает. «Продукт, приобретаемый рабочим... – в сущности не товар, ибо здесь нет главного, что характеризует товар – выхода за пределы данной формы собственности, отчуждения продукта. В этом отношении предметы потребления, переходящие в личное распоряжение рабочих, ничем не отличаются от государственных средств производства, хотя и передаваемых одним предприятием другому, но не отчуждаемых иному собственнику» [155.202]. «Рабочий, приобретая в магазине какой-либо предмет, не совершает купли, так как является соучастником собственности на вещи, находящиеся в магазине» [155.207].

Позиции Г.Б.Правоторова и Р.И.Косолапова, как видим, смыкаются. Они оба отрицают существование при социализме суверенных субъектов личной собственности, отдавая предпочтение некоему единому, охватывающему все общество, «субъекту», тождественному самому обществу, «объектами» которого являются все объекты личной собственности. Согласно этим представлениям выходит, будто все общественное богатство при социализме является объектом собственности одного-единственного субъекта – общества в целом, и вроде бы нет никакой разницы, перейдет ли изготовленный на Коломенском заводе тепловоз (объект общенародной собственности) в локомотивное депо ст. Куйбышев (где он по-прежнему остается объектом общенародной собственности), или же он каким-то образом перейдет в личное распоряжение какого-нибудь, скажем, фанатика, одержимого страстью коллекционирования транспортных средств: ведь этот коллекционер является соучастником общенародной собственности, тепловоз для него – не средство производства грузоперевозок, а предмет потребления, удовлетворяющий его хотя и оригинальную, но личную потребность, да и к тому же тепловоз отнюдь не совершил выхода за пределы общенародной собственности, как не совершает этого выхода и любой другой предмет потребления, приобретенный у общества в магазине.

Разумеется, у Р.И.Косолапова и в мыслях не было подвести читателя к мысли о том, что передача каких-либо орудий или предметов труда от одного государственного предприятия к другому – это одно и то же, что и приобретение отдельными гражданами товаров в магазинах, поскольку это приобретение – вовсе не купля, так как здесь нет смены общенародного собственника другим собственником (личным, индивидуальным). Процитированные выше утверждения Р.И.Косолапова вызваны другими причинами.

Все дело в том, что Р.И.Косолапов, в отличие от большинства других политэкономов, прекрасно понимает, что **нельзя говорить о предметах потребления как о товарах, не признавая товаром рабочую силу** (см. [155.168–169]). Кстати, понимание этой связи обнаруживается и у Н.А.Моисеенко 121//122 (см. [195.5]). Но признать рабочую силу товаром для Р.И.Косолапова равносильно отождествлению социализма с госкапитализмом (см. [155.169–170]). Поэтому ему не остается ничего другого, как смазать, затушевать противоположность личной и общественной собственности. «Личная собственность не может быть самостоятельной формой собственности. Она является производной от общественной, ее превращением в сфере индивидуального потребления. Иными словами, личное присвоение... детерминировано не экономическими факторами..., а естественными свойствами потребления» [155.176].

Об отношении концепции к связи «естественные свойства предметов потребления – личная собственность на них» уже говорилось в этом параграфе (см. [стр. 119–120](#)), поэтому ограничимся лишь замечанием по поводу «примата», «верховенства» общественной собственности над индивидуальной.

Верно, конечно, что при социализме личная, индивидуальная собственность не может существовать без общественной. Это было бы иное общественное устройство. Однако это не дает еще оснований для того, чтобы изображать индивидуальную собственность простым отростком от общественной. В системе социалистических отношений собственности связь между общественной собственностью и личной имеет вовсе не одностороннюю направленность (от общественной к

личной), а взаимную, обоюдно двустороннюю. Утверждение Р.И.Косолапова о том, будто личная собственность является производной от общественной собственности, так или иначе предполагает предварительную остановку и решение вопроса: что именно из двух факторов производства – рабочая сила или средства производства – является определяющим в процессе производства? Р.И.Косолапов решает этот вопрос в пользу средств производства. А почему? Ведь с не меньшим успехом можно было бы придти и к тому, что поскольку всё общественное богатство в конечном счете произведено рабочей силой, носители которой экономически обособлены и производят рабочую силу за свой счет и своим трудом, то всё это общественное богатство (и в том числе средства производства) является производным от рабочей силы, а общественная собственность на средства [122//123](#) производства оказывается таким образом «производной» от личной собственности. Сама постановка приведенного выше вопроса является с точки зрения выдвигаемой концепции явно надуманной, т.к. любое из двух возможных решений закрывает путь к проникновению в сущность социализма, в диалектику противоречивой системы отношений собственности, одна сторона которой (общенародная собственность) объединяет всех членов общества в их отношениях между собой по поводу объектов общей для них собственности, *цементируя* социалистическое общество, а другая (индивидуальная собственность) – разделяет этих же самых людей в их отношениях между собой объектов расчлененной и обособленной индивидуальной (личной) собственности, *разрыхляя* общество.

Социалистическая общенародная собственность не может быть понята вне ее взаимосвязи с отношениями индивидуальной собственности, и наоборот, нельзя понять, что такое личная собственность при социализме, если рассматривать ее в отрыве от собственности общественной. Тем более недопустимо выдавать за взаимопenetрование и единство противоположных друг другу отношений обобществленной и обособленной собственности чуть ли не за их логическое тождество (полностью отождествить личную и общественную собственность при социализме сторонникам традиционной точки зрения мешают, видимо, лишь внеэкономические и внесоциальные «естественные свойства потребления».

Отношения собственности при социализме представляют собой **единую систему** отношений *обобществленной* общенародной собственности и *обособленной* (личной, семейной), в которой (системе) и протекает весь производственно-потребительский кругооборот рабочей силы, жизненных средств и средств производства во взаимосвязанных процессах производства первого вида **П** и второго вида **п**.

Но об этом мы порассуждаем ниже, в частности, на [стр. 150](#).

4.5. О признаках товара

Иногда главные выводы обобщающего характера делаются на основе анализа одного из высказываний Маркса без учета всей совокупности взглядов Маркса.

С.П.Дудель, Г.М.Штракс [[118.52](#)]

Как было показано в параграфе 2.2, вывод о том, является ли рабочая сила при социализме товаром, можно сделать, доказав наличие (или отсутствие) у нее существенного признака товара.

Но сторонники общепринятой точки зрения полагают иначе. Тем, кто утверждает, что рабочая сила является товаром, предлагают предварительно [123//124](#) доказать, что она имеет для своего носителя стоимость (см. [[122](#)]). Тем же, кто полагает, что рабочая сила имеет стоимость, – предлагают сперва доказать, что она является товаром (см. [[242.105](#)]). При таком подходе с какой бы стороны ни братья за решение этого вопроса, ответ заранее «ясен»: невозможно доказать ни того, что рабочая сила имеет стоимость, ни того, что она является товаром.

Сторонникам (во всяком случае некоторым) господствующей ныне точки зрения кажется, что они находятся в неприступной крепости заколдованного круга своих требований к доказательству отвергаемого ими утверждения. Здесь, однако, имеется, по меньшей мере, два «но».

Во-первых, не совсем ясно, как вообще в таком случае марксистская политэкономия пришла к выводу, что рабочая сила является товаром при капитализме: ведь для этого надо было доказать, что она имеет стоимость, для чего, в свою очередь, доказать, что рабочая сила товар, и так далее как в сказке про белого бычка.

Во-вторых, сама «крепость» эта не больше, чем карточный домик. В самом деле: если согласно общепринятым взглядам стоимость и товар друг без друга не существуют (в том смысле, что всё то, что имеет стоимость,— это непременно товар, товар — это только то, что имеет стоимость), то справедливым должно было бы быть и обратное утверждение: всё, что не имеет стоимости,— это нетовары, а всё, что не является товаром,— не имеет стоимости. Но в таком случае, чтобы доказать, что рабочая сила при социализме не является товаром, надо было бы доказать, что она не имеет стоимости, а чтобы доказать последнее, следовало бы доказать, что она не является товаром. Ясно, что и такое доказательство также не может существовать.

Поэтому, для того, чтобы выяснить, является ли при социализме рабочая сила товаром для своего носителя, необходимо предварительно определиться с той связью, которая существует между товаром и одним из его признаков — стоимостью. [124//125](#)

«Никому еще в истории не удавалось обнаружить вещь, которая бы имела стоимость, не будучи товаром» [\[230.229\]](#),— безапелляционно заявляет Г.Б.Правоторов.

«Стоимость присуща только товару» [\[302.206\]](#),— утверждает П.Э.Эхин.

В рецензии на брошюру Х.М.Мифтахова [\[192\]](#), в которой утверждалось, что рабочая сила при социализме имеет стоимость, не будучи товаром, Е.Русанов писал: «Такое толкование противоречит марксистскому учению о товаре и стоимости. Поэтому Х.М.Мифтахов решил "подправить" марксизм, утверждая, что стоимость не существует вне товара только в капиталистическом производстве, а в социалистическом производстве, оказывается, такая связь может иметь место. Несостоятельность такого рода позиции и ее несовместимость с марксистско-ленинской теорией вполне очевидна» [\[242.105\]](#).

«Встает вопрос: возможно ли существование цены, стоимости, абстрактного труда, денег без товарных отношений? На этот счет теория марксизма дает ясный и недвусмысленный ответ: нет, невозможно... Стоимость есть сторона товара... и она не может существовать без товара» [\[206.334\]](#),— так полагал К.В.Островитянов.

Подобных утверждений, отрицающих возможность сосуществования стоимости и нетовара — великое множество. Что послужило толчком к их появлению, понять нетрудно. Как правило, они опираются на чеканные слова следующей цитаты Ф.Энгельса: «Единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть стоимость товаров» [\[20.318\]](#). Эта фраза, взятая сама по себе, оторванная от своего контекста, действительно может породить иллюзию, будто по представлениям основоположников товар и стоимость — это сиамские близнецы. Но такая иллюзия может возникнуть только при недостаточно глубоко, поверхностном чтении работ классиков.

Начнем хотя бы с того, что одним из тех, кому в истории все-таки удалось обнаружить имеющие стоимость вещи, не становящиеся товарами, был один немец, живший в XIX столетии. Звали его Карл Маркс. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочитать X главу II тома «Капитала», [125//126](#) где К.Маркс говорит о стоимости продукта труда — семян независимо от того, вступают ли они или не вступают в обращение, т.е. независимо от того, происходит или не происходит смена их собственника в процессе их воспроизводства (см. [\[2.226–227\]](#)).

В другом месте, и опять-таки не кто иной как К.Маркс прямо говорит о стоимости тех продуктов труда, которые производятся не для продажи и которые не становятся товарами, а являются таковыми лишь в потенции (см. [\[12.146–147\]](#)).

Из сказанного уже видно, что в «Капитале» — в **главном** политэкономическом произведении **марксизма** К.Маркс — прямо указывает на **существование** продуктов труда — **нетоваров**,

имеющих стоимость. Уже по одному этому утверждение Е.Русанова о том, будто точка зрения Мифтахова (согласно которой вещь может иметь стоимость и в то же время не быть товаром) противоречит марксистскому учению (см. [242.105]), говоря *очень* мягко,— некорректно.

Ну, а если бы Маркс не привел этих примеров? Что бы мы, бедненькие, делали без них тогда? Вероятно, нам пришлось бы признать правоту мар-р-р-р-рксистских представлений Правоторова, Русанова и иже с ними, что стоимость может иметь только товар. Что ж, попробуем встать на их точку зрения.

В этом случае *производство стоимости, в том числе и прибавочной, необходимо поставить в зависимость от того, становятся ли продукты труда товарами, отчуждаемыми другому собственнику, или не становятся ими.* Тогда выходит, что если капиталист, частный-2 собственник нескольких предприятий, выпускающих предметы потребления, реализует эти продукты труда лишь в таком количестве, чтобы можно было поддерживать процесс простого воспроизводства, а весь избыток произведенных продуктов труда присваивает и потребляет сам в натурально-вещественной форме, то такой капиталист из эксплуататора превращается... в агнца божьего! В самом деле: ведь продукты труда, потребленные им непроизводительно в натурально-вещественной форме, не стали товарами, а **значит 126//127** (как полагают Русанов и Правоторов), они **не имеют стоимости.** Реализованная часть продукции лишь возместила ему авансированный денежный «капитал», но *не дала никакой прибавочной стоимости* (поэтому-то слово «капитал» и взято здесь в кавычки, что можно изобразить следующей формулой:

$$D_{c+v} - T_{c+v} \dots \prod \dots T_{c+v} - D_{c+v} \dots \prod T_{-m}(-T) \quad , \text{ где}$$

$T_{-m}(-T)$ обозначает продукт труда, не принявший товарной формы и, согласно уверениям некоторых ученых политэкономов, не имеющий вследствие этого стоимости (в данном случае – прибавочной стоимости m , вместо которой мы имеем не-[прибавочную стоимость] $-m$). $D=c+v$ как до процесса производства, так и после него. Прибавочная стоимость m исчезла.

А если бы такой капиталист потреблял в натурально-вещественной форме еще бóльшую долю произведенных продуктов (что возможно, например, при свертывании производства), то тогда уже не труд наемных рабочих давал бы капиталисту прибавочную (сверх авансированной заработной платы) стоимость m , а наоборот, капиталист выплачивал бы наемным рабочим антиприбавочную стоимость $m\sim$, равную избытку заработной платы над стоимостью $c+v$ реализованных им продуктов труда (или, что то же самое, как полагают Правоторов и Русанов, над вновь произведенной стоимостью v):

$$D'_{c+v+m\sim} - T'_{c+v+m\sim} \dots \prod \dots T_{c+v} - D_{c+v} \dots \prod T_{-m}(-T) \quad , \text{ причем}$$

$T' > T$ и $D' > D$.

Вот что получается, если ставить знак равенства между стоимостью и стоимостью товара. Несмотря на то, что капиталист положил в свой карман жирнящий ломоть T_{-m} , ему удалось еще и облагодетельствовать наемных рабочих антиприбавочной стоимостью $m\sim$, из эксплуататора превратиться в эксплуатируемого.

Можно рассмотреть и другой пример, в известном смысле противоположный предыдущему.

Нет нужды доказывать, что развитие капитализма сопровождается постоянно идущим процессом концентрации капитала, вследствие чего число частных-2 собственников неуклонно сокращается. **127//128** Благодаря этому все большая и большая доля продукции собственников средств производства свой переход из сферы производства в сферу производительного потребления совершает непосредственно, минуя сферу товарного обращения.

Поэтому мы можем рассмотреть предельный случай, когда одна часть продукции такого частного-2 собственника реализуется и возмещает капитал, авансированный на покупку рабочей силы, а вся остальная часть в своей натурально-вещественной форме не только восполняет выбывающие (вследствие износа) из процесса производства средства производства, но также идет и на расширение производства, причем в нашем примере для простоты принимается, что средства на покупку дополнительной рабочей силы не требуется, поскольку применение вновь произведенных орудий труда, заменяющих старые, выбывающие из процесса производства, дает повышение производительности труда, достаточное для осуществления расширенного воспроизводства без привлечения дополнительного переменного капитала. Непродуктивным потреблением (в отличие от предыдущего примера) мы пренебрегаем. В этом случае формула кругооборота капитала, если взять два цикла, будет выглядеть так:

$$\begin{array}{ccccccc} \Pi_{T_{-c}(-T)} & \dots & \Pi & \dots & \Pi_{T_{-c'+-m}(-T)'} & \dots & \Pi & \dots & \Pi_{T_{-c'+-m}(-T)''} \\ D_v - T_v & \dots & \Pi & \dots & T_v - D_v - T_v & \dots & \Pi & \dots & T_v - D_v \end{array}$$

или сокращенно:

$$\begin{array}{ccccccc} \neg\text{Обр}_{-c} & \dots & \Pi & \dots & \neg\text{Обр}_{-c'+-m} & \dots & \Pi & \dots & \neg\text{Обр}_{-c'+-m} \\ \text{Обр}_v & \dots & \Pi & \dots & \text{Обр}_v & \dots & \Pi & \dots & \text{Обр}_v \end{array}$$

Здесь товарную форму приобретает лишь та часть капитала, которая равна стоимости рабочей силы v , т.е. только переменный капитал. Что же касается средств производства, переходящих от одного цикла воспроизводства к другому во все увеличивающихся размерах непосредственно, минуя стадию обращения, то они не являются товарами, а потому с точки зрения Правоторова и Русанова, очевидно, стоимости не имеют. Но тогда эту часть продуктов труда – средств производства – нельзя считать ни основным капиталом c , ни прибавочной стоимостью m (поэтому соответствующие символы 128//129 обработаны оператором отрицания \neg).

Итак, если быть последовательным в выводах и расставить все точки над i , то из отождествления и признания равенства объемов и содержаний понятий «стоимость» «стоимость товара» (а не «стоимость продукта труда») следует заключить, что развитие капитализма ведет к уменьшению производства прибавочной стоимости без уничтожения частной-2 собственности на средства производства, размеры капитала (т.е. самовозрастающей **стоимости**) падают до размеров переменного капитала или стремятся к ним, а стоимостное строение капитала c/v стремится к нулю, несмотря на рост его технического строения (правда, при этом все-таки оставалось бы загадкой, что же происходит с его органическим строением). *[Абзац дан в редакции 2011 года. Устранена рубрицирующая пометка.]*

Таким образом, вся нелепость утверждения о том, будто стоимость могут иметь только товары, снова выплыла на поверхность во всей своей красе.

Рассмотрим еще одну ситуацию. Представим, что в результате злого умысла или просто по чьей-то халатности произошла пропажа (или порча) семенного фонда совхоза (или колхоза, в этом примере это все равно), образованного из зерна собственного производства. При этих вводных не требуется доказательства того, что данный продукт труда (семена) не является товаром: он не только не подвергался товарному обмену, но даже и не предназначался для этого. И вот виновников привлекают к ответственности, в том числе и уголовной. Государство в лице суда, нисколько не считаясь с приводившейся выше цитатой Энгельса, а точнее, с ее своеобразным толкованием многими современными политэкономами, находит возможным и необходимым определить величину ущерба в стоимостном, денежном выражении – в рублях – и в зависимости от величины ущерба выносит по отношению к виновным горе-сособственникам злополучного нетовара то или иное наказание.

Но может быть, суд теоретически поступает неверно, коль идет вразрез с весьма

распространенной, если не общепринятой, трактовкой цитированного места из «Анти-Дюринга»? Зерно – нетовар, и стоимости (во всяком **129//130** случае по мнению Правоторова и, в особенности, с «марксистской» точки зрения Русанова) потому не имеет, так о каких еще рублях тут может идти речь? Ведь даже признание наличия стоимости нетовара, не говоря уже об определении ее величины, есть идеологическое преступление против марксизма, т.к. «противоречит марксистскому учению о товаре и стоимости» [242.105]! Или, может быть, стоимость возникла у уже пропавшего зерна в ходе судебного разбирательства? А может быть, раньше – в момент пропажи, порчи, уничтожения? Или же стоимость этого нетовара обязана все-таки общественно-необходимым затратам живого и прошлого абстрактного труда и **соизмеримостью** этих затрат с затратами труда на производство других продуктов? Е.Русанову не мешало бы внести ясность в этот вопрос. А может, признать возможность наличия стоимости у нетовара ему мешает Ф.Энгельс?

Ну что ж, обратимся к «Анти-Дюрингу». В этой работе Ф.Энгельс не столько защищает теорию стоимости К.Маркса, сколько искусно применяя ее, разбивает в пух и прах «социалитет» Е.Дюринга. Туманным представлениям о стоимости *в пяти разновидностях* и «выражающих ее в деньгах ценах», представлениям, ведущим к открытию пресловутой «*стоимости труда*» или «*абсолютной стоимости*», Ф.Энгельс противопоставляет Марксову теорию стоимости. «Единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть *стоимость товаров*» [20.318],– пишет Энгельс (курсив мой).

Таким образом, марксистскому понятию **стоимость товаров** Ф.Энгельс противопоставляет дюринговские фантазии вроде **абсолютной стоимости** и **стоимости труда**, а вовсе не **стоимость нетоваров** (которые при необходимости соизмерения затрат на их производство во всех без исключения случаях можно представить как воображаемые товары, как потенциальные товары, как товары, продаваемые самому себе), как это почему-то кажется многим нынешним политэкономам. Другими словами, Ф.Энгельс противопоставляет *стоимость (относительную меру затрат труда) рабочему времени (абсолютному выражению затрат труда)*. «Что бы, однако, ни понимал под "естественной себестоимостью" г-н Дюринг и какой бы из его пяти видов стоимости ни имел честь представлять "абсолютную стоимость", несомненно одно: у Маркса вовсе нет речи **130//131** об этих предметах, а говорит он только о стоимости товаров, и во всем отделе "Капитала", трактующем о стоимости, нет ни малейшего намека на то, считает ли Маркс эту свою теорию стоимости товаров применимой также и к другим формам общества и если считает, то в каком объеме» [20.204].

Кажется, ясно: Маркс исследует товар и говорит о его стоимости, что, однако, еще не свидетельствует о том, что нетовар не может иметь стоимости. Показательно, что Ф.Энгельс нашел возможным дать *определение стоимости, связанное не с товаром, а с продуктом труда*: «сама стоимость есть не что иное, как выражение овеществленного в каком-либо предмете общественно-необходимого труда» [20.205–206]. Если **так** понимать стоимость, то утверждение об отсутствии стоимости у продуктов труда – нетовара равносильно заявлению о принципиальной невозможности хотя бы приблизительно узнать, сколько же общественно необходимого труда содержится в этом продукте, если нам не известно это количество непосредственно в часах общественно необходимого рабочего времени. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Стоимость – это единство ее содержания (субстанции) и ее формы.

В качестве содержания стоимости выступает абстрактный человеческий труд, измеряемый рабочим временем. «*Всякий труд* есть с одной стороны, *расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле*, и в этом качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труда образует стоимость товаров» [1.55],– курсив мой.

Людам с богатым воображением (кому в слове «товаров» мерещится «только товаров») может показаться, что в приведенной цитате Маркс как раз и отрицает возможность существования стоимости нетовара (т.е. противоречит самому себе, когда прямо указывает на возможность существования и на существование стоимости продуктов труда –

нетоваров), поскольку здесь он говорит о стоимости *товара*. Но не будем делать поспешных выводов.

Во-первых, эта мысль Маркса противоречила бы его собственным утверждениям о том, что и нетовар может иметь стоимость, лишь в том случае, если бы он указал на то, что абстрактный человеческий труд образует стоимость товаров и **только товаров**. Но такого ограничения Маркс не делает. Напротив, в тех случаях, когда возникает необходимость **131//132** соизмерения затрат труда на производство товара и нетовара, последний, как это уже отмечалось, всегда можно представить как **потенциальный**, либо как продаваемый самому себе **действительный товар**. Оба эти способа представления нетовара как товара принадлежат К.Марксу (см. [2.226–227; 12.146–147]).

Маркс не стал разжевывать свою мысль до состояния жидкой кашицы, возможно и потому, что у него просто не хватило высоты полета своей фантазии. В страшном сне могло бы только присниться автору «Капитала», что его советские ученики придут к потрясающему умозаключению, будто в стране победившего социализма уже не все продукты человеческого труда будут требовать при их производстве расходования трудящимися человеческой рабочей силы в физиологическом смысле.

Во-вторых, надо помнить, что в I главе I тома «Капитала» предметом исследования является не продукт труда вообще, а товар. Стоит ли удивляться, что здесь Маркс говорит о стоимости товара (а не о стоимости нетовара)?

«Представим себе... Робинзона на его острове. Как ни скромнен он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготовлять мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т.д... Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или иная функция, это зависит от того, больше или меньше трудностей ему придется преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения **часы**, **гроссбух**, **чернила** и **перо**, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет **самому себе**. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано **рабочее время**, которого ему в среднем **стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов**. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г-н Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них **уже** заключаются **все существенные определения стоимости**» [1.86–87], – жирный шрифт мой.

«То, что лежит в основе определения *величины стоимости*, а именно, *продолжительность* таких затрат, или количество труда, совершенно отчетливо отличается от качества труда. Во всяком обществе то *рабочее время*, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересовать **132//133** людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития» [1.81], – курсив мой.

Сегодня я уже не удивлюсь, если в святее Папы римского сочинениях советских академиков, профессоров и доцентов, обнаружится шумная трескотня против «антимарксистских» воззрений ренегатов, недопустимо распространяющих категорию стоимости с производства жизненных средств на производство всех продуктов труда вообще, включая и средства производства. Заставь дурака богу молиться...

«...По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства **определение стоимости** остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было» [4.421].

Эти выдержки из «Капитала» приведены здесь для того, чтобы еще раз показать, какое значение имеет **содержание (субстанция) стоимости** – количество общественно-необходимого абстрактного труда, **естественной мерой** которого является **рабочее время**, – и **определение величины** стоимости для любого способа производства, в котором производство носит общественных характер и в котором действует закон экономии времени.

Возможны и известны **два** принципиально различных, противоположных друг другу способа

оценки, определения величины затрат рабочего времени: **прямой и косвенный**.

При *прямом способе* величина трудовых затрат выражается **непосредственно рабочим временем**, которого в среднем «стоит» производство той или иной вещи, потребительной стоимости, не существующей в природе (или существующей в ограниченном количестве).

Однако прямой способ определения затрат, несмотря на все его действительные достоинства и несмотря на всю его простоту, *не всегда возможен для осуществления* и тем более *не всегда реализуется в действительности*. В этих случаях «за неимением лучшего средства» [20.321] и происходит **косвенное выражение** затрат человеческого труда, рабочего времени на производство того или иного продукта в **определенном количестве другого продукта**, т.е. **относительно**, «посредством шаткой и недостаточной меры» [20.321] в какой-либо из **форм стоимости** (т.е. способа выражения ее содержания, субстанции), начиная с простой и кончая денежной. 133//134

Поэтому если кто-то утверждает, что данная полезная вещь – продукт труда не имеет стоимости, то тем самым он заявляет, что ему и обществу **известны** общественно-необходимые затраты рабочей силы, труда **непосредственно в рабочем времени**, которым он и общество могут оперировать и оперируют в разного рода экономических расчетах, говоря словами Ф.Энгельса, «не прибегая к услугам прославленной "стоимости"» [20.321].

Отсюда видно, что для отрицания стоимости у продукта труда прежде всего необходимо, чтобы были известны общественно-необходимые затраты труда на его производство в их **естественной мере** – в рабочем времени. И до тех пор, пока этих затрат мы знать не будем, слишком опрометчиво заявлять об отсутствии стоимости у продуктов труда – нетоваров.

Более того, даже и в тех случаях, когда то, чего «стоит» в среднем какой-либо определенный продукт труда непосредственно в рабочем времени, окажется известным (а для этого, очевидно, еще нужно решить сложнейшую проблему редукации труда), придется, по-видимому, пользоваться также и «услугами прославленной "стоимости"», выражающей затраты труда на производство этого же самого продукта труда косвенно, скорее всего в денежной форме, поскольку трудно ожидать, что нам одновременно, вдруг и сразу, как по мановению волшебной палочки станут известными непосредственно в рабочем времени затраты труда на производство всех остальных продуктов труда. Этого трудно ожидать хотя бы потому, что всегда стоит задача сопоставления и суммирования затрат прошлого и живого труда. (Легче всего, вероятно, непосредственно в рабочем времени могли бы быть выражены затраты труда на производство тех продуктов, у которых доля живого труда является наибольшей, но чем дальше развиваются производительные силы, тем меньшей становится эта доля и у них.)

Тому, что мы не можем еще определить величину «абсолютной стоимости», т.е. количество часов, минут и секунд общественно-необходимого рабочего времени на производство продуктов труда и поэтому вынуждены пользоваться услугами «товарной стоимости», имеется много причин, и не на последнем 134//135 месте среди них – фактор международного разделения труда, экономические связи с другими социалистическими странами, а также с рынком капиталистических и развивающихся стран. Во всяком случае факт остается фактом: переходя к каждому очередному воспроизводственному циклу, при определении полных затрат труда на производство продуктов, в том числе при подсчете затрат прошлого и живого труда, мы вынуждены каждый раз снова и снова пользоваться **относительной**, а не **естественной мерой труда**, выражать интересующие нас затраты труда **косвенно**, посредством стоимости, а не в рабочем времени.

Как видим, **проблема заключается вовсе не в том, чтобы выяснять, «объявлять» ли ту или иную вещь «стоимостью» или же «провозглашать» ее «нестоимостью»** (этой демагогией – несмотря на всю очевидность того, каким способом, прямым или косвенным, выражаются ныне общественно-необходимые затраты труда, – можно заниматься сколько угодно, особенно если это делается за общенародный счет), **а в том, как перейти от косвенного выражения затрат на производство продуктов труда к прямому, непосредственно в рабочем времени.** .

В этой связи нельзя не остановиться на точке зрения Б.Л.Цыпина, решившего перещегоолять своих учителей –

сторонников широко распространенных взглядов, будто нетовары стоимости не имеют. По его мнению, обнаруживающему, кстати, абсолютное непонимание им связей между понятиями «продукт труда», «стоимость», «рабочее время на производство продукта труда», если вещь не становится товаром, то трудоемкость ее производства **вообще не может быть определена** не только относительно (т.е. посредством стоимостного соотношения ее с другими продуктами), но и абсолютно, т.е. непосредственно «временем, общественно необходимым на ее производство» [285.74]. Кстати, в соединении с постулатом о том, что при социализме рабочая сила не является товаром, это утверждение привело Б.Л.Цыпина к еще одному «открытию»: при социализме де «количественная определенность» рабочей силы определяется рабочим временем, в течение которого она функционирует (см. [285.75])

Не знаю, как с общепринятой точки зрения, но по-моему, эти (и те, о которых еще пойдет речь ниже) выверты Б.Л.Цыпина представляют собой не что иное, как «формалистические упражнения под видом новаторства», от которых политической экономии социализма «нужно решительно избавляться» (см. [76.17]).

Можно предположить, что реализация, осуществление перехода от относительной меры измерения затрат труда к естественной потребует определенного «переходного периода», когда одни и те же продукты труда наряду со стоимостной оценкой будут получать также оценку трудовых **135//136** затрат непосредственно в рабочем времени – поначалу лишь в той части, которая обязана живому труду, но по мере производительного потребления этих продуктов труда при производстве новых продуктов будут становиться известными непосредственно в рабочем времени все бóльшие и бóльшие доли прошлого труда.

Я не берусь утверждать, что переход от косвенного учета затрат труда к прямому будет осуществлен именно таким образом. Поскольку для общества интерес представляют не те затраты, которые были общественно необходимы на момент их производства, а те, которые общественно необходимы на производство таких же продуктов в каждый данный момент (их текущее значение), возможно, потребуются одновременное определение необходимых затрат и живого, и прошлого труда на производство каждого продукта. Решение этой задачи, включающей в себя колоссальное число уравнений и неизвестных, потребовало бы, помимо четких методологических принципов ее решения (включая политэкономические), создания сложнейших автоматизированных систем – технических и программных средств для сбора и обработки необходимой информации.

Однако, как бы то ни было, совершенно очевидно, что при этом переходе общество должно быть защищено от возможного расстройтва или ухудшения связей своего хозяйственного механизма. Но если это так, то возникает еще один вопрос: **а где же тот момент**, когда следует приступить к реализации этого перехода с тем, чтобы можно было извлекать выгоду из выражения затрат труда непосредственно в рабочем времени, и, следовательно, и от отказа от «услуг прославленной "стоимости"», этой «относительной, шаткой и недостаточной меры»?

Пожалуй, мы несколько отвлеклись от основной нити изложения. Вернемся к ней. У сторонников формулы «нетовар стоимости никогда не имел, не имеет и не будет иметь» есть еще один, как они полагают, козырь.

Ни тридцать лет назад в Советском Союзе, ни сегодня в России или мировой экономике, на мой взгляд, ничто не свидетельствовало тогда и не свидетельствует сейчас, будто задача перехода от относительных стоимостных показателей трудозатрат к абсолютным грозит войти где-либо в повестку дня хотя бы в обозримом будущем (в течение ближайших 50 лет).

Тем не менее для советских обществоведов было как мемом намазано там, где можно было порассуждать чуть ли о несовместимости стоимостных отношений с принципами «вечной» «коммунистической общественно-экономической формации», в «первой» (она же якобы и предпоследняя) фазе которого пребывал СССР.

Мне казалось, что гораздо полезнее было бы ученым мужам уразуметь прежде всего ту мысль, что для достижения той самой распрекрасной социалистической «планомерности и пропорциональности» в противоположность поганой «анархии капиталистического производства» прежде всего необходима **единая мера для оценки и подсчета эффективности** общественного производства, для **соразмерения всех без исключения** входных (приходных) и выходных (расходных) потоков рабочей силы, жизненных средств и средств производства во вплетенных друг в друга процессах производства-потребления первого вида **П** и второго вида **п**. Как известно, именно в последнем потребляются жизненные средства и производится рабочая сила.

Но ученые «марксисты» вместо этого предпочитали всячески поносить синичку в руках (товарную стоимость), «доказывая» профнепригодность ее для обслуживания социализма и вешать о журавле в небе (об «абсолютной стоимости», т.е. о рабочем времени, общественно-необходимом для каждого конкретного момента времени и любой точки пространства), нисколько не задумываясь, над тем, **как практически** можно будет запрячь этого журавля в колесницы национальных и мировой экономик.

Ф.Энгельс писал: «Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере внутри общины), а значит, и превращение их в *стоимости*» [20.320].

Действительно, эту мысль Ф.Энгельса можно (при соответствующем желании, конечно) обкорнать и так, что от нее останется лишь «товары – значит стоимости» и по аналогии – «нетовары – значит нестоимости». Но для столь широкого обобщения, абсолютизации сказанного сам Ф.Энгельс **136//137** не дает ни оснований, ни даже повода, в чем нетрудно убедиться.

Во-первых, здесь речь идет не о всех реально существовавших вплоть до XIX века способах производства, и тем более не о представлениях Ф.Энгельса о всей предстоящей истории человечества, а **только** о древнеиндийской общине.

Во-вторых, и это главное: невозможность проявления у нетоваров стоимости (невозможность «превращения» их в стоимости, как пишет Энгельс) имеет место при условии отсутствия всякого товарного обмена. И эта мысль выражена у Энгельса с предельной ясностью. Говорит ли здесь он о том, что в условиях, когда одна часть продуктов труда обменивается как товары, а другая – нет (как это показано в рассмотренных на [стр. 125–130](#) примерах), первая часть продуктов получает стоимостное выражение, а вторая – не может получить? – Нет, не говорит. Можем ли мы сказать, что в условиях нашего социалистического общества отсутствует всякий товарный обмен? – Нет, не можем. Отсюда должно быть ясно, что достаточных оснований для обращения к данной цитате как к подтверждению мысли о том, что только товар может иметь стоимостное выражение (относительное, в других продуктах, а не абсолютное, в единицах общественно-необходимого времени), не имеется.

Если я изготовлю, например, две совершенно одинаковые табуретки и одну из них (какую именно – решит случай, орел или решка брошенной монеты) продам на вещевом рынке, а другую оставляю себе, то есть продам сам себе, потому что она мне действительно очень нужна, чтобы сидеть самому и усаживать дорогих гостей, то тогда:

С точки зрения Островитянова, Русанова, Правоторова и других сторонников критикуемого взгляда	С точки зрения выдвигаемой концепции, если только не Маркса и Энгельса
Первая табуретка – товар, а вторая – нетовар.	Первая табуретка – товар, а вторая – нетовар.
Первая табуретка имеет стоимость, а вторая – нет.	Обе табуретки имеют стоимость. 137//138
Общественно-необходимые затраты труда на изготовление первой табуретки выражены относительно (в стоимости) и не выражены абсолютно (в общественно-необходимом времени). Об отношении авторов к тем же затратам на вторую табуретку теряюсь в догадках. Возможны варианты: а) либо они известны непосредственно в рабочем времени (но тогда почему эти затраты – общественно-необходимые, а не мои личные! – остались неизвестными по отношению к проданной, т.е. общественно-признанной табуретке?); б) либо эти затраты равны нулю; в) либо неопределимы вовсе.	Общественно-необходимые затраты труда на изготовление обеих табуреток выражены только относительно (в стоимости); осталось неизвестным общественно-необходимое на их изготовление рабочее время.
Одно из двух: – или стоимость – результат обращения, а не его предпосылка (что как-то не очень согласуется с учением Маркса);	Стоимость обеих табуреток «выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно она – предпосылка обращения, а не результат его» [1.168]
– или же наличие стоимости (либо ее отсутствие) у табуреток детерминировано сочетанием воли ее изготовителя и всевышнего: ведь от воли хозяина зависит <i>сколько</i> табуреток будет иметь стоимость, а сколько – нет (если бы он не вынес на продажу ни одной табуретки, то у обеих бы исчезла стоимость), и от воли случая зависит, <i>какая именно</i> из табуреток приобретет стоимость (упади монета иначе – и уже не первая, а вторая табуретка имела бы стоимость).	Стоимость обеих табуреток определена заключенным в каждой из них общественно-необходимым абстрактным трудом, общественно-необходимыми затратами нервной, умственной и мускульной энергии.
Общественно-необходимые затраты труда на изготовление этих табуреток несоизмеримы, поскольку отсутствует общая мера этих затрат.	Общественно-необходимые затраты труда на изготовление этих табуреток соизмеримы (они равновелики, т.к. в двух табуретках содержится вдвое больше труда, чем в одной).

Из рассмотренного в параграфе материала видно, что абсолютизация тезиса о том, будто нетовар

ни при каких обстоятельствах не имеет и не может иметь стоимости, авторство которого приписывается ныне Марксу и Энгельсу, приводит не только к полнейшей путанице и неразберихе, но также отрицает возможность и необходимость соизмерения затрат труда на производство продуктов-товаров и на производство продуктов-нетоваров.

С точки зрения выдвигаемой концепции (и, как ей представляется, с точки зрения К.Маркса и Ф.Энгельса) определение общественно **138//139** необходимых затрат труда на производство продуктов необходимо при общественном разделении труда всегда. Эти затраты могут быть выражены либо непосредственно, в рабочем времени (и тогда услуги стоимости становятся обходимыми), либо, как это имеет место при нынешнем уровне развития нашего общества, опосредованно, друг в друге или в деньгах, и тогда мы имеем дело со стоимостью, причем независимо от того, становятся ли продукты труда товарами, меняющими своего собственника, или нет.

Вот почему я в своей концепции рассматриваю стоимость как *собственный* признак товара, т.е. такой признак, который будучи необходимым его признаком, может принадлежать также и нетовару.

Отсюда, в частности, вытекает, что **существование и использование стоимостных категорий как таковых при социализме само по себе еще не означает и не доказывает товарной природы его производства.**

В частности, мы не можем согласиться, например, с С.А.Андреевым, который исходя из представления о том, что «стоимость – явление экономического порядка, присущее только товарному производству», делает вывод «о том, что в социалистическом народном хозяйстве основные фонды предприятий имеют товарную природу» (см. [85.40]).

Если стоимость – это относительное выражение затраченного на производство того или иного продукта однородного, абстрактного труда, труда вообще в потребительной стоимости (результате качественно определенного, конкретного труда) другого продукта, то товар, это такой продукт труда, который будучи произведенным одним субъектом отношений собственности, потребляется другим субъектом, причем переход этого продукта *от одного собственника к другому обусловлен* и сопровождается **встречным** движением другого продукта (или денег) в строго определенном количественном соотношении. Поскольку средства производства при социализме и производятся, и потребляются одним и тем же субъектом отношений собственности (обществом в целом, ассоциированным производителем), то здесь *нет* того главного, что характеризует товар. «Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает **139//140** потребительную стоимость, но не товар» [1.49].

А что такое товар? «Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обменивая на другую вещь» [40.61]. «Чтобы... вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжаться этими вещами: таким образом один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников» [1.94].

Говоря другими словами, одним из неперенных условий превращения продуктов в товары является наличие по меньшей мере двух различных суверенных собственников, которых Маркс назвал частными.

Задержимся на этом моменте. Мы уже обращали внимание на то, что источником всех знаний и представлений являются факты реальной действительности, и что вместе с развитием предмета исследования развиваются и понятия, отражающие данный предмет. В XIX веке основоположники марксизма в своих исследованиях, в том числе и товара, могли опираться лишь на факты современной им действительности или на более ранние, но не факты реального социализма. В прошлом веке продукты труда приобретали качества товаров в условиях существования частной-1 и частной-2 собственности. Необходимость существования товарного производства, товарно-денежных отношений в условиях, когда частная-2 собственность (развившаяся из частной-1 собственности) будет заменена общественной

собственностью, фактами прошлого века не подтверждалась. Однако факты реального социализма таковы, что товарно-денежные отношения ныне существуют как внутри социалистического общества, так и между различными общенародными собственниками, например, Советским Союзом и Республикой Куба.

Социализм с его общенародной собственностью на средства производства и производимую продукцию II подразделения, таким образом, *расширил* известную нам область существования товарно-денежных отношений. Теперь известно, что они могут существовать и за пределами области безраздельного господства частной-1 и частной-2 собственности. Поэтому с точки зрения предлагаемой гипотезы, теперь, когда социализм с его товарно-денежными отношениями стал реальностью, в приведенной мысли Маркса (см. также у Энгельса: [20.318–319]) под «частными собственниками», «частной собственностью» при современном прочтении **этих** мест произведений Маркса и Энгельса уже недостаточно понимать только частных-1 и частных-2 собственников и соответствующие ими отношения частной-1 и частной-2 собственности. Теперь в данном контексте понятие «частная собственность» приобретает обновленный смысл, поскольку оно включает и социалистическую общественную собственность на средства производства и нереализованные потребительские товары, и индивидуальную собственность членов обществ на объекты, о которых пойдет речь в следующем параграфе. По сути дела, мы столкнулись с новым обобщающим понятием, которую обозначим как частную-3 собственность.

Отношения частной-3 собственности, таким образом, возникают всегда, когда имеется более одного собственника. Так, при социализме **140//141** индивидуальный и общественный собственники *по отношению друг к другу* суть частные-3 собственники, поскольку отдельный индивидуальный собственник не вправе по своему усмотрению распоряжаться объектами общенародной собственности и наоборот: тем, что находится в личной собственности, индивидуальной собственности, общество не распоряжается и не может распоряжаться. Точно так же частными-3 собственниками по отношению друг к другу являются общенародные собственники – суверенные социалистические страны, или, скажем, социалистическая страна, например, Венгрия с одной стороны и какая-нибудь капиталистическая фирма с другой стороны.

Из сказанного видно, что понятия «*частная собственность*», «*частный собственник*» – понятия многозначные. Поэтому в каждом конкретном случае следует представлять, в каком из возможных значений эти термины употребляются.

Обозначим владения двух собственников (субъектов отношений собственности) двумя разными цветами, а границу между ними – линией (см. рис. 4.1). Допустим, что собственники имеют в своей собственности некоторые продукты труда $Пт_1, Пт_2, Пт_3, Пт_4$, в том числе деньги. Тогда принадлежность этих продуктов данным собственникам можно изобразить, как это показано на рис. 4.2.

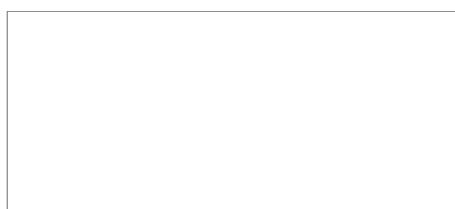

Рис. 4.1

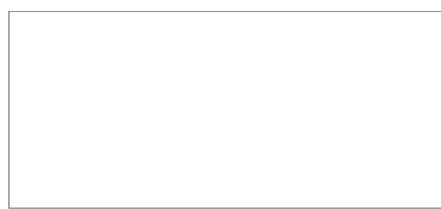

Рис. 4.2

Рис. 4.3

Рис. 4.4

Если продукты не меняют своих собственников, товарами они не становятся. Не становятся они товарами и при безвозмездном переходе к другому собственнику (например, при дарении или разбое), **141//142** см. рис. 4.3. Для того, чтобы вещь стала товаром, необходимо *взаимобуловленное встречное движение* двух продуктов труда, одним из которых могут быть деньги (или их знаки), – см. рис. 4.4. Здесь переход продукта труда $Пт_1$ от одного собственника к другому **обусловлен** встречным переходом другого продукта труда $Пт_2$ от второго собственника к

первому. Взаимообусловленность переходов (изображенных парой встречных стрелок) продуктов труда обозначена точкой на пересечении стрелок. Случай, когда изображенный на рис. 4.4 обмен между двумя собственниками продуктами труда $Пт_1$ и $Пт_2$ опосредован деньгами, показан на рис. 4.5, а на рис. 4.6 мы видим встречное движение тех же продуктов труда и денег между тремя собственниками.

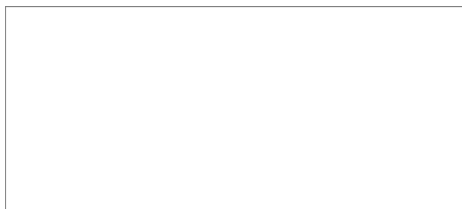

Рис. 4.5

Рис. 4.6

Рассматривая товарный обмен между двумя собственниками, необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Поскольку приобретение одного продукта обусловлено отчуждением другого, приобретаемый продукт должен иметь для покупателя потребительную стоимость. Это значит, что:

- потребительная стоимость является одной из предпосылок превращения продукта в товар;
- превращение продукта в товар доказывает наличие у продукта потребительной стоимости.

Отсюда вытекает, что потребительная стоимость (так же как и стоимость) есть *собственный, а не существенный признак товара. Приходится лишь недоумевать, когда утверждают, будто потребительная стоимость представляет собой «специфическое свойство товара и, следовательно, 142//143 существует там и тогда, где и когда производство осуществляется ради продажи. Иначе говоря, потребительная стоимость есть специфическая форма полезности, такая, которая вне товарного мира даже невысказима» [285.76].* Трудно поверить тому, что Б.Л.Цыпину неизвестно, что понимал под потребительной стоимостью К.Маркс, который писал: «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, *какова бы ни была его общественная форма*» [1.44], – выделено мной для Б.Л.Цыпина. «Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга... и т.д.» [1.49]. «Труд не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы» [5.13].

Тем не менее в интерпретации Б.Л.Цыпина «смысл учения Маркса о товаре и его факторах» [285.75], в частности, заключается в том, что вещь **не может** быть потребительной стоимостью, если она не товар, если она не является стоимостью. Что и говорить, весьма оригинальное понимание марксизма! Надо полагать, что с точки зрения Б.Л.Цыпина, такие потребительские стоимости, как воздух, луга, леса и моря своим появлением и существованием в первую очередь обязаны «товарному миру», вне которого они «даже невысказимы». В таком случае остается сказать только одно: упаси, нас, господи, от коммунизма, коль скоро он хочет положить конец «товарному миру»!

Что же касается существенного признака товара, то им является сам *переход* того или иного продукта от одного собственника к другому, *обусловленный встречным переходом другого продукта* (или денег) в определенной пропорции, основой которой является равенство общественно-необходимых затрат труда на производство обмениваемых продуктов. Или, как пишет Р.И.Косолапов, опираясь на ленинское определение товара (см. [стр. 140](#)), «*суть товара не в его полезности, а в его "обмениваемости"*» 143//144 [155.190].

В свою очередь указанный переход, характерный для товара, предполагает наличие той самой

предпосылки, о которой уже говорилось выше, а именно наличия по крайней мере двух различных собственников. Там, где есть только один субъект отношений собственности, превращение продуктов в товары невозможно.

Но это положение противоречит общепринятым ныне взглядам на средства производства (производимые и потребляемые **одним и тем же** собственником) как на товары. И сторонники этих взглядов это прекрасно понимают. Поэтому не приходится удивляться ни их попыткам «логически» устранить это несоответствие, ни тем шатаниям в решении вопроса о том, являются ли товарами средства производства при социализме.

Вот что утверждается, например, в учебнике.

«Иногда говорят, что самое существенное в товаре – его переход от одного собственника к другому. Действительно, исторически товар возник тогда, когда появились различные собственники. Но еще Ф.Энгельс разграничил вопрос о происхождении товара и о его сущности. Он подчеркнул, что назначение продукта для чужого потребления и переход его от одного собственника к другому еще не составляет существенного признака товара. Не были, например, товарами продукты, которыми средневековый крестьянин выплачивал помещику ренту (продуктовая рента). В одной из вставок к первому тому "Капитала" Ф.Энгельс указывает, что товар – это продукт, который переходит от производителей к потребителям посредством обмена (см. [1.49]). Следовательно, самое существенное в товаре состоит в том, что этот продукт произведен для обмена, что он поступает в потребление через обмен» [217.253].

Как видим, авторы учебника пытаются внушить, будто по Энгельсу товар – это вещь, обмениваемая на другую, но при этом переход от одного собственника к другому для нее *не обязателен*.

Разумеется, утверждение о том, что переход продукта труда от собственника-производителя к собственнику-потребителю уже сам по себе **144//145** является существенным признаком товара, – ошибочно. И именно против такого представления направлена сделанная Ф.Энгельсом вставка, на которую ссылаются авторы учебника. «Я вставил заключенные в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром, Ф.Э.» [1.49]. **Не всякий** продукт, потребленный не тем, кто его произвел, является товаром, – подразумевает Маркс и разжевывает Энгельс. Не о том ведет речь Ф.Энгельс, что товар *может не переходить* от одного собственника к другому, а совсем о другом: о том, что товар *должен* совершать этот переход, но что *этого еще недостаточно* для товара, что *кроме этого* должно иметь место встречное движение другого товара. Это значит, что переход продукта от одного собственника к другому должен рассматриваться **не как существенный**, а как **собственный** (необходимый, но недостаточный) признак товара. Логика рассуждений авторов учебника просто поразительна: раз переход от одного собственника к другому не является существенным признаком товара, значит он является его случайным признаком, т.е. таким, который может либо принадлежать, либо не принадлежать товару! Ведь это все равно, что из правильной посылки о том, что принадлежность человека к мужскому полу еще не означает, что он является мальчиком, придти к ложному выводу, будто существенным признаком мальчика является детский возраст человека независимо от его пола.

4.6. Воспроизводство рабочей силы и средств производства и способ их соединения при социализме

Процесс производства продуктов труда P_t предполагает наличие и соединение двух факторов: рабочей силы P_c и средств производства S_p . При этом в процессе *производства* рабочая сила и средства производства *потребляются*. Таким образом, процесс производства **II** новых продуктов труда P_t (которые состоят из средств производства S_p и жизненных средств **145//146** J_c) в то же самое время – процесс потребления старых средств производства и рабочей силы:

$$\begin{array}{ccc} \text{Pc} \dots & \dots & \text{Жс} \\ \text{Cп (старые)} \dots & \text{П} & \dots \text{Cп (новые)} \end{array}$$

Однако для того, чтобы мог начаться акт производства **П** очередного воспроизводственного цикла, необходимо, чтобы жизненные средства предварительно превратились в рабочую силу: $\text{Жс} \rightarrow \text{Pc}$. Это превращение есть не что иное как процесс производства π личного фактора производства – рабочей силы Pc , в котором потребляются жизненные средства Жс :

$$\text{Жс} \dots \pi \dots \text{Pc}$$

Акты первого и второго вида производства **П** и π , в которых, с одной стороны, потребляются рабочая сила, средства производства и жизненные средства, а с другой – производятся новые жизненные средства, новые средства производства и новая рабочая сила, образуют непрерывную цепь воспроизводства (здесь и ниже мы рассматриваем воспроизводство в масштабах всего общества, в котором господствуют те или иные производственные отношения, а не на уровне того или иного собственника или отдельного производителя):

$$\text{П} \dots \text{Жс} \dots \pi \dots \text{Pc} \dots \text{П} \dots \text{Жс} \dots \pi \dots \text{Pc} \dots \text{П}$$

$$\dots \text{Cп} \dots \dots \text{Cп} \dots \dots \text{Cп} \dots$$

Если принять во внимание, что в процессе производства, как правило, создается прибавочный продукт Пп , то получим следующую схему (дальнейшее движение прибавочного продукта не изображено):

$$\text{П} \dots \text{Жс} \dots \pi \dots \text{Pc} \dots \text{П} \dots \text{Жс} \dots \pi \dots \text{Pc} \dots \text{П}$$

$$\dots \text{Cп} \dots \dots \text{Cп} \dots \dots \text{Cп} \dots$$

$$\dots \text{Пп} \dots \dots \text{Пп} \dots \dots \text{Пп} \dots$$

В таком виде эта схема одинаково справедлива по отношению к любому из способов производства, поскольку она не отражает отношений собственности, не показывает, на чьей стороне идут **146/147** процессы производства **П** и π (и тем более не показывает, как происходит соединение рабочей силы со средствами производства), не показывает дальнейшего движения прибавочного продукта (идет ли он на непроизводительное потребление эксплуататорских классов или на расширение производства), не отражает переходов факторов и продуктов производства от одних субъектов отношений собственности к другим.

Так, при капитализме акты (процессы) производства жизненных средств и средств производства протекают **целиком** на стороне частных-2 собственников, в то время как акты производства рабочей силы ($\text{Жс} \dots \pi \dots \text{Pc}$) осуществляются на стороне индивидуальной собственности членов общества, принадлежащих к противоположному классу. Производство и потребление рабочей силы и жизненных средств, таким образом, происходит на стороне *разных* субъектов отношений собственности, принадлежащих разным (и антагонистически противоположным друг другу) классам капиталистического общества. Из-за того, что рабочая сила не может быть потреблена на стороне индивидуальной собственности, а жизненные средства должны быть потреблены именно на этой стороне, процесс капиталистического воспроизводства необходимо предполагает обмен рабочей силой и средствами жизни между этими субъектами отношений собственности – носителей рабочей силы и капиталистами. Этот процесс, опосредованный деньгами, схематически изображен на рис. 4.7.

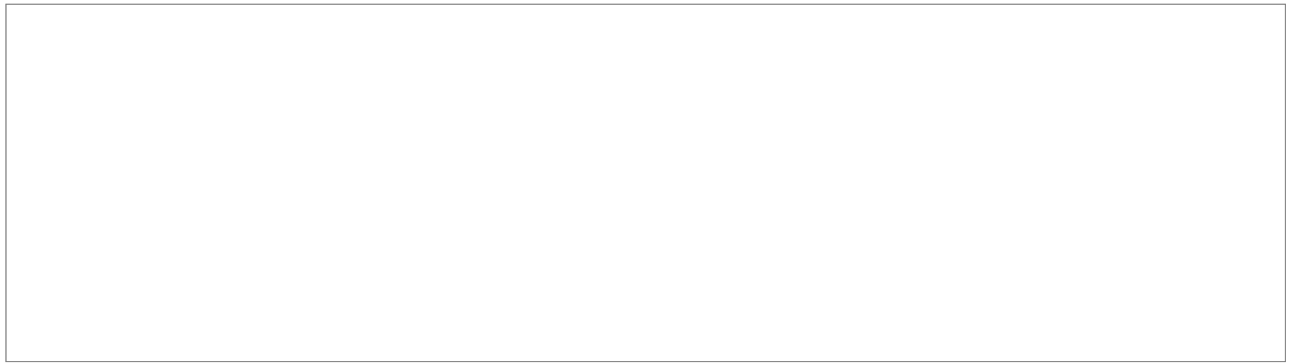

Рис. 4.7

Следует иметь в виду, что на этом рисунке в явной форме выражен лишь товарный обмен между наемными рабочими и частными-2 собственниками (обмен рабочей силой и жизненными средствами), т.е., по выражению К.Маркса, «самый большой обмен» [15.98] товаров при капитализме. 147//148 Средства производства Сп, как правило, тоже являются товарами, поскольку капиталистическое производство, особенно доминирующее – это производство отдельных частных производителей, связанных друг с другом через рынок, хотя во многих случаях средства производства могут производиться и потребляться одним и тем же субъектом отношений собственности (см. параграф 4.5). Но независимо от того, превращаются ли те иные конкретные средства производства в товары или нет, переход средств производства из сферы их производства в сферу их потребления, если рассматривать капитализм в чистом виде, всегда происходит без выхода за границы частной-2 собственности.

Что касается выходящего из процесса производства прибавочного продукта, то он может идти как на расширение производства (и представлять собой в натурально-вещественной форме средства производства и жизненные средства для обмена рабочую силу), так и на непроизводственное потребление. В любом случае прибавочный продукт (или его стоимость после реализации продукта) также остается на стороне частной-2 собственности.

Привяжем теперь процесс общественного производства, схематически представленный на [стр. 146](#), и взятый безотносительно какого-либо конкретного способа производства, к отношениям собственности при социализме.

В параграфе 4.4 говорилось о том, что социализм, утверждающий общественную собственность на средства производства, вместе с тем сохраняет индивидуальную собственность членов социалистического общества на жизненные средства. Процесс производства **II** жизненных средств и средств производства при социализме осуществляется посредством обобществленных средств производства, т.е. на стороне общенародной собственности, чего нельзя сказать о процессе производства личного фактора – рабочей силы. Здесь дело обстоит значительно сложнее, т.к.

Именно усвоение парадокса сохранения семейного производства рабочей силы в условиях обобществления средств производства и является абсолютно непосильным для исследователей социализма в розовых очках.

По их просвещенному мнению обобществление средств производства означает де-факто и обобществление всего личного имущества трудящихся (которое существовало и до, и после обобществления средств производства в форме семейной собственности), и полную утрату семьей своей хозяйственно-экономической функции в базисе социалистического общества, в производстве второго вида – в производстве рабочей силы. Вместе с воображаемой ими «утратой» у них повисает в воздухе и сохраняющееся при социализме **право** личной, семейной собственности, поскольку они не видят в этом праве никакого экономического, базисного содержания и рассматривают ее как бестелесную, бессодержательную правовую форму (тоже тот еще перл «марксизма»).

Один из экземпляров моей рукописи 1983 года сплошь испещрен карандашными пометками такого сорта. Мне непонятно такое упорство. Казалось бы, жизнь давно отмела левацкие планы и реальные эксперименты по уничтожению семьи и ее функций (создание производственно-потребительских коммун, трудовых армий, обобществление фертильных женщин, создание государственных «скотоферм» по рождению, выращиванию, воспитанию и обучению людей – носителей рабочей силы). Ан нет... Смотрим в книгу («Происхождение семьи, частной собственности и государства» [31]), видим фигу. Не проснулись еще господа-«марксисты»!

этот процесс протекает как на стороне обособленной, необобщественной (личной, семейной) собственности – за счет отчуждаемых в личную собственность жизненных средств, так и на стороне обобщественной общенародной собственности. 148//149

При социализме «воспроизводство рабочей силы осуществляется через индивидуальное и совместное потребление» [221.216]. Одна – и большая – часть жизненных средств ($Жс_1$) не может быть потреблена при социализме непосредственно, без предварительного отчуждения их в индивидуальную собственность. Другая – и пока еще меньшая – часть жизненных средств ($Жс_2$) потребляется совладельцами общественной собственности непосредственно.

«Поскольку рабочая сила является совместным продуктом общества (в меньшей мере) и семьи (в большей мере), постольку она является совместной собственностью общества и семьи, причем преимущественную роль играет обособленная семейная собственность на рабочую силу» [177.53].

«Индивидуум – личность, человек, обладающий способностью к труду, или рабочей силой. Он выступает собственником своей рабочей силы при социализме. Социализм не отменяет и не уничтожает права собственности каждого трудящегося на свою рабочую силу, а сохраняет это право как основу личной свободы человека, дополняя ее свободой от эксплуатации» [171.28].

«Непосредственным собственником способностей на труд является сам работник... Непосредственно общественную природу рабочей силы при социализме отрицает и сущность процесса ее воспроизводства... Условно можно сказать, что воспроизводство рабочей силы обобществлено только в объеме, который касается общественных фондов потребления» [281]. Последнее утверждение, принадлежащее Э.Хансбергу, несмотря на некоторые неточности, совершенно верно отражает наличие связей между типом собственности на потребленные в процессе производства второго вида π жизненные средства и типом собственности на произведенную в этом же процессе рабочую силу. Если в процессе производства π личного фактора потребляются жизненные средства, находящиеся и в обособленной личной, и в обобщественной общенародной собственности, то очевидно, что и собственность произведенной таким образом рабочей силы также должна быть *двоякого типа, поляризованной*: и обособленной, и обобщественной. 149//150

Данное обстоятельство важно подчеркнуть особо, поскольку в работах, специально посвященных анализу экономических отношений по поводу рабочей силы при социализме, рабочая сила иногда вообще отрицается как объект отношений каких бы то ни было отношений собственности, не говоря уже о разрывании ее движения между субъектами двух противоположных (обособленного и обобщественного) типов собственности. Сторонники такого отрицания в альтернативном представлении о движении рабочей силы при социализме усматривают лишь «механистический конгломерат» (см. [236.34]).

Рассматривая процесс производства личного фактора, мы обнаруживаем, что значительная часть жизненных средств потребляется на стороне обособленной собственности, вследствие чего по эту же сторону барьера между обособленной и обобщественной собственностью располагается и соответствующая потребленным жизненным средствам часть произведенной рабочей силы. Наоборот, рассматривая процесс производства жизненных средств и средств производства, мы видим, что он целиком осуществляется на стороне обобщественной собственности. А это значит, что здесь уже *вся* рабочая сила (а не только ее часть) и *все* жизненные средства (а не только их часть) являются общенародной собственностью.

Значит, в процессе социалистического воспроизводства происходит переход определенной части рабочей силы со стороны необобщественной (личной) собственности на противоположную сторону обобщественной (общенародной) собственности, равно как и переход определенной части жизненных средств в обратном направлении, причем эти переходы сопровождаются встречным движением стоимостного эквивалента – денег. Сказанное можно проиллюстрировать графически (см. рис. 4.8).

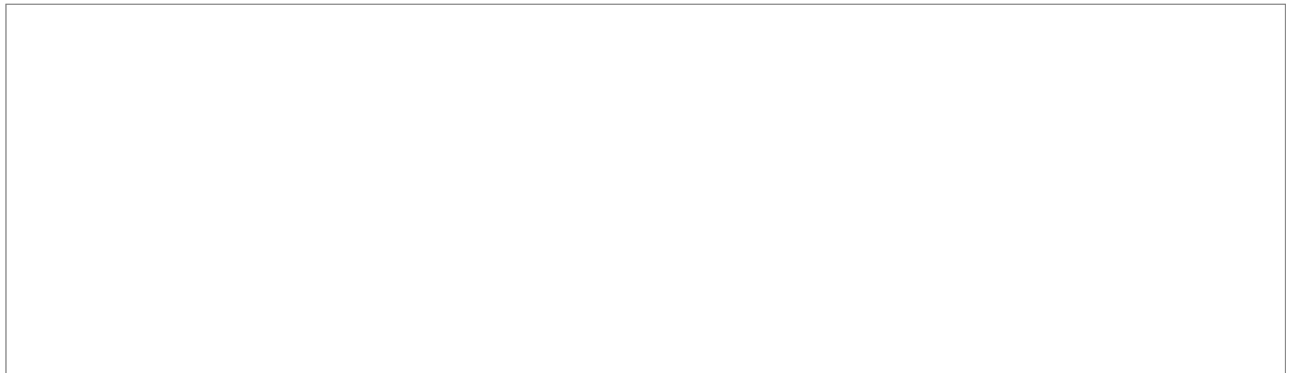

Рис. 4.8

Схему можно было бы дополнить прибавочным продуктом, который производится на стороне обобществленной собственности, однако от него можно отвлечься без всякого ущерба для дела, если считать, что **150//151** мы рассматриваем процесс простого воспроизводства.

Сопоставим эту схему со схемой капиталистического воспроизводства, изображенной на [стр. 147](#).

1. И там, и здесь воспроизводство происходит в условиях существования *двух* противоположных друг другу *типов* собственности (обособленных индивидуальной и частной-2 классов-антагонистов при капитализме и обособленной и обобществленной одних и тех же трудящихся при социализме), т.е. в условиях несомненного существования в пределах каждого из этих общественных устройств частной-3 собственности.

2. И там, и здесь процесс производства продуктов труда (Сп и Жс) происходит на стороне собственников средств производства: для соединения рабочей силы со средствами производства не средства производства перемещаются в собственность непосредственных носителей рабочей силы, а рабочая сила становится объектом собственности собственников средств производства.

3. Если при капитализме процесс производства продуктов труда, протекающий на стороне частных-2 собственников средств производства, как правило, расчленен на отдельные процессы, осуществляемые отдельными (а значит, и многими) субъектами отношений собственности, то при социализме процесс производства всех продуктов труда не расчленен и осуществляется единым (т.е. одним) субъектом общенародной собственности, которому принадлежат все средства производства. Поэтому **при социализме общенародные средства производства**, хотя и приобретают стоимостную (относительную друг в друге и в других продуктах) оценку, тем не менее **не являются товарами в строгом смысле слова, поскольку эти объекты не меняют субъекта отношений собственности при переходе из сферы производства в сферу потребления**. Средства производства при социализме (внутри национальной социалистической экономики) могут рассматриваться лишь как псевдотовары, как формальные товары, как товары, продаваемые самому себе (покупаемые у самого себя).

И при социализме, и при капитализме производство продуктов труда и производство рабочей силы происходит на противоположных **151//152** сторонах – противоположными друг другу субъектами отношений собственности (при капитализме целиком, при социализме – частично, но в настоящее время в основном), вследствие чего **в обоих случаях возникает проблема соединения факторов производства**.

В этой связи остановимся на одном ошибочном, с точки зрения гипотезы утверждения. «Факторы производства – работники и средства производства – в условиях социализма (коммунизма), как и в любых других условиях, разделены и, чтобы процесс производства стал реальностью, должны соединиться», – пишет В.Т.Кондрашов [148.37]. По Кондрашову выходит, будто разделение факторов производства (Рс и Сп) присуще всем без исключения *способам соединения* рабочей силы со средствами производства. В.Т.Кондрашов трактует *соединение* факторов производства как соединение *разделенных* факторов производства, и никак иначе. Разделенных *чем, каким барьером?* Видимо, В.Т.Кондрашову известен, помимо барьера, связанного с отношениями

собственности, какой-то иной, *особый* фактор разделения, однако свою тайну он держит за семью печатями. Иначе он все-таки объяснил, за счет чего и каким образом (по его мнению) рабочая сила мелкого буржуа отделена от его же собственных средств производства, на которых он осуществляет свою рабочую силу. Иначе бы он объяснил, каким (по его мнению) барьером были разделены объекты собственности одного и того же рабовладельца: средства производства и носители рабочей силы – рабы, такой же рабочий скот рабовладельца, как, скажем, его волы или лошади. Наконец, как это будет показано в последующих главах, совершенно неверно и нелепо говорить о разделении факторов производства при коммунизме, т.е. при непосредственном соединении рабочей силы со средствами производства.

Что же касается социализма, то в его условиях, как это признает В.Т.Кондрашов, факторы производства действительно разделены (но – частично!) отношениями собственности, т.к.:

а) все средства производства производятся на стороне одного и единственного субъекта отношений коллективной, общенародной собственности **152//153** и принадлежат ему;

б) определенная часть рабочих сил производится на стороне *других* субъектов (отдельных трудящихся, работающих по найму у всего общества как на одной громадной фабрике, см. [\[36.101\]](#), – субъектов отношений *индивидуальной* собственности) и принадлежит им.

«Основные факторы производства – рабочая сила и средства производства – располагаются при социализме по разные стороны отношения между трудящимися и обществом» [\[271.66\]](#).

То, что участники отношений этих двух противоположных друг другу типов собственности – одни и те же (а не разные, как в условиях эксплуататорских способов производства) люди, не дает основания для отождествления этих субъектов. Свойства песчинок в куче песка не есть свойства самой кучи. Необобщественная и обобщественная собственности и их субъекты при социализме существуют объективно, предполагая друг друга, но не претендуя на самозванное присвоение функций и прав друг друга.

Однако то, что утверждается В.Т.Кондрашовым на 37-й странице, им же самим отвергается на стр. 32. Здесь он *отрицает разделение факторов производства при социализме*, апеллируя к «незыблемому» постулату «рабсила – нетовар». «"Соединение индивидуальных рабочих сил с общественными средствами производства, – пишет В.П.Шкретов, – опосредствуются товарными отношениями, денежной формой вознаграждения за труд и денежной формой реализации предметов потребления". При данном толковании невольно должен напрашиваться вывод, что и рабочая сила должна выступать как товар, а труд – как наемный труд. Такой оказывается логика отрицания непосредственного соединения работника с общественными средствами производства» [\[148.32\]](#).

Эту бьющую в глаза непоследовательность и алогичность рассуждений В.Т.Кондрашова объяснить нетрудно. Придерживаясь общепринятого постулата о рабочей силе как нетоваре, он на стр. 32 пытается изгнать в дверь даже малейшие сомнения в его истинности посредством утверждения о том, будто при социализме непосредственное соединение рабочей силы со средствами производства *дано наперед*. И в том, что несколько ниже, на стр. 37 В.Т.Кондрашов вдруг заговорил о *разделении* факторов производства и о *проблеме их соединения* при социализме, – еще одно подтверждение **153//154** всей шаткости и слабости общепринятого постулата. Изгнанное В.Т.Кондрашовым в дверь, как видим, вопреки его воле, вернулось в окно.

В параграфе 4.2 отмечалось, что самый простой и самый надежный способ доказательства того, является ли рабочая сила товаром при социализме – это определить наличие или отсутствие у нее признаков товара. Собственные и существенные признаки товара были рассмотрены в предыдущем параграфе. Наконец, в данном параграфе был рассмотрен процесс социалистического воспроизводства рабочей силы и средств производства в связи с отношениями собственности. Все это дает нам теперь возможность ответить, наконец, на вопрос о том, является ли рабочая сила трудящихся при социализме товаром.

Заметим сразу, что однозначного ответа (либо только «да», либо только «нет») на этот вопрос дать

невозможно. Отметим также, что если рабочая сила и может на что-либо обмениваться как товар, то этим «нечто» при социализме в конечном счете могут быть только жизненные средства, но не средства производства.

Начнем с предпосылки существенного признака товара – наличия по меньшей мере двух различных собственников (см. рис. 4.8). Поскольку воспроизводство личного фактора протекает на стороне отдельных трудящихся, в пределах их личной собственности, в то время как воспроизводство жизненных средств происходит на другой стороне, на стороне всего общества в целом, эта предпосылка имеет место. Наоборот, поскольку воспроизводство и личного фактора, и жизненных средств протекает на стороне всего общества (в границах общенародной собственности), эта предпосылка не существует.

Но при социализме рабочая сила воспроизводится частично на стороне обособленной личной собственности, а частично на стороне обобществленной общенародной собственности. Значит, *предпосылка* существенного признака товара существует по отношению к одной части рабочей силы и не существует по отношению к другой ее части. Отсюда уже можно заключить, что **та часть рабочей силы, 154//155 которая воспроизводится на стороне общенародной собственности, товаром не может быть и не является им.**

Строго говоря, вопрос о двух собственниках имеет два аспекта:

- является ли рабочая сила объектом собственности одного и того же или разных субъектов в процессах ее производства и потребления;
- меняют или не меняют субъектов отношений собственности объекты собственности – жизненные средства, посредством которых воспроизводится рабочая сила, при их переходе от производства к потреблению (которое в то же самое время является производством второго вида π).

Но и при таком подходе мы приходим к тому же самому результату. В самом деле: часть рабочей силы и производится, и потребляется на стороне одного и того же субъекта (общества), другая ее часть производится на стороне собственности одного субъекта (носителя-собственника рабочей силы), а потребляется на стороне другого собственника (общества).

С другой стороны, производство и потребление одной части жизненных средств происходит на стороне одного и того же собственника (общества), в то время как другая часть жизненных средств производится одним собственником (общество), а потребляется другими – отдельными обособленными собственниками.

Различными собственниками здесь являются и общество и отдельные трудящиеся, т.е. **целое и его части**. В то время как гипотеза признает возможность товарных (опосредованных деньгами или нет) отношений между целым и его частью, например, между обществом и отдельными трудящимися, между обществом и небольшой группой трудящихся (скажем, колхозом или жилищно-строительным кооперативом), то ничего определенного об отношении сторонников общепринятых представлений по этому вопросу сказать невозможно.

Эта возможность признается, когда речь идет об отношениях между обществом и колхозами (колхозы, дескать не приемлют иных, кроме товарно-денежных отношений – таковой представляется сторонникам господствующих взглядов одна из причин существования товарно-денежных отношений при социализме; было время, когда эта причина была выставлена чуть ли не единственной причиной). Указанная возможность признается и тогда, когда речь идет об отношениях между обществом и его членами по поводу жизненных средств. Но эта же самая возможность категорически отрицается, когда речь заходит об отношениях между обществом и его членами по поводу рабочей силы. Правда, для отрицания этой возможности приходится прибегать к такому «пустячку», как к подмене понятий «трудящийся», «рабочий» понятиями «ассоциированный рабочий», «рабочий класс», но на такую «мелочь» сторонники постулата «рабсила – нетовар» внимания не обращают. В ряде случаев вопрос о собственности **155//156** на рабочую силу даже вообще откровенно и демонстративно игнорируется (см., напр., [229.138]).

Еще дальше в «решении» этого вопроса пошла И.А.Ягодкина.

«В противовес капитализму, отделяющему рабочую силу от ее носителя – личности посредством системы наемного рабства, социализм воссоединяет их в полном соответствии со своей социальной сущностью. Социализм воссоединяет рабочую силу не только с личностью ее носителя, но и со средствами производства, именно поэтому рабочая сила в социалистическом обществе экономически не может отделиться от личности.

В условиях социализма рабочая сила, стало быть, не может переходить от одного собственника к другому; это, как мы полагаем, теснейшим образом связано с отсутствием собственности на рабочую силу.» И далее приводится убийственной силы «аргумент»: носитель рабочей силы – не личность, а ассоциированный собственник средств производства, т.е. общество (вот он – не прикрытый даже фиговым листом прием софистики: подмена понятия – «личность» – другим понятием – «общество»; кроме того здесь имеется еще одна подмена, о которой еще будет идти речь в следующих главах: смещение понятий **личностного** и **личнособственнического**), а потому-де и «не видно, каким образом, на какой экономической основе может возникнуть и существовать собственность на способность к труду – личная ли, общественная ли» [306.18].

И не мудрено, что «не видно». Повернувшись к предмету своих рассуждений спиной и подменив его одним своим представлением о нем, согласно которому при социализме по сравнению с капитализмом «ну, всё-всё-всё наоборот», растворив друг в друге понятия личности и общества, разрушив в своем рассуждении связь между собственностью на жизненные средства, посредством которых рабочая сила воспроизводится, и собственностью на рабочую силу, что-либо увидеть, и вправду, невозможно.

Рассмотрим теперь вторую часть рабочей силы, а именно ту, которая воспроизводится на стороне личной собственности трудящихся.

Обладает ли эта часть рабочей силы потребительной стоимостью? Способна ли удовлетворять рабочая сила какие-либо потребности общества? Кроме положительного, других ответов на этот вопрос не существует.

Утверждение Б.Л.Цыпина о том, что рабочая сила не может иметь потребительной стоимости (см. [285.76]), для чего ему пришлось выдвинуть тезис: «потребительные стоимости – это только товары», – совершенно несерьезно и преследует лишь одну цель: попытаться «укрепить» постулат о нетоварном характере рабочей силы при социализме еще одним «доводом». К чему привела эта попытка, было уже показано в параграфе 4.5. Она оказалась очередной медвежьей услугой сторонникам критикуемого постулата.

Но если задать вопрос: а имеет ли эта часть рабочей силы, скажем, водителя троллейбуса, оператора ЭВМ, аппаратчика цеха синтеза аммиака или конструктора авиационного КБ для него самого как *личного собственника*, – ответ будет иным: нет, не имеет. Рабочая сила не может потребляться на стороне личной собственности, поскольку средства производства принадлежат обществу в целом. Именно оно испытывает потребность в рабочей силе, подчас очень острую. Это значит, что воспроизводимая **156//157** на стороне личной собственности часть рабочей силы имеет потребительную стоимость не непосредственно для ее носителя как личного (обособленного) собственника, не для ее производителя, а для общества в целом (частицей которого является каждый носитель рабочей силы), для потребителя рабочей силы – собственника средств производства, т.е. другого субъекта отношений собственности. Таким образом, рассматриваемая часть рабочей силы обладает одним из собственных признаков товара – потребительной стоимостью.

Посмотрим теперь как обстоит дело со вторым собственным признаком товара у данной части рабочей силы.

В свое время резкой критике была подвергнута в общем-то совсем безобидная для общепринятой точки зрения на рабочую силу при социализме как нетовар брошюра Х.М.Мифтахова «Стоимость рабочей силы» [192], причем досталось на орехи не только автору, но и издательству «Фан», и редактору брошюры (см. [242]). В брошюре утверждалось, и гипотеза разделяет эту точку зрения, что стоимость потребленных жизненных средств (продуктов питания, одежды и др.) не исчезает бесследно в процессе их потребления, а переносится на рабочую силу и фиксируется в ней. Только и всего! (Рабочая сила при этом признавалась Мифтаховым нетоваром).

Однако критики усмотрели великую крамолу уже в самой заглавии брошюры, поскольку стоимость и товар, по их мнению, суть близнецы-неразлучники, а признать рабочую силу товаром при социализме – для них значит совершить смертный грех, воздержание от которого в их глазах вполне оправдывает и компенсирует, видимо, их робость и решении всего комплекса дискуссионных вопросов политической экономии социализма. Верно, конечно, что товар без стоимости не существует, но, как было показано в параграфе 4.5, стоимость – это собственный признак товара, т.е. всякий товар имеет стоимость, но не все, что имеет стоимость – товар. И судя по всему, несправедливость критики в адрес Х.М.Мифтахова начинают признавать публично

(правда, в косвенной форме). Вот что пишет В.П.Каманкин: **157//158**

«Существует мнение, что стоимость предметов личного потребления теряется в акте их личного потребления. Если согласиться с этим мнением, то получится, что экономический результат с точки зрения движения стоимости будет совершенно одинаков и в том случае, если рабочие будут использовать все покупаемые ими предметы потребления по назначению, и в том случае, если они их будут сжигать. Ведь в обоих случаях стоимость исчезает бесследно. Однако в действительности это имеет место лишь во втором случае, но не в первом.

Применительно к условиям капитализма эта точка зрения не вяжется с марксовым учением о рабочей силе как о товаре. Само существование стоимости рабочей силы возможно только при условии, если стоимость предметов личного потребления при потреблении рабочим переходит (в общественно необходимых размерах) на его рабочую силу...

Для условий же социализма указанная точка зрения верна лишь формально, поскольку рабочая сила здесь не является товаром. Однако общественный труд, отвлеченный от стоимостной формы, воплощенный в предметах личного потребления, оказывается в результате их потребления воплощенным в рабочей силе работников социалистического общества. Иначе рабочая сила не могла бы выступать в качестве экономической категории, а ее воспроизводство утратило бы экономический характер.

Любые затраты труда, необходимые для воспроизводства рабочей силы, в том числе и труда, овеществленного в предметах потребления, обеспечивают как физиологически-психологическую, так и общественную деятельность человека, обладателя рабочей силы. Поэтому и экономически исчезают эти затраты не в самом акте их свершения..., а в последующей совокупной жизнедеятельности человека, на воспроизводства рабочей силы которого они были направлены, исчезают вместе с жизнью самого человека» [133.216].

Как видим, В.П.Каманкин доказательно обосновывает перенос затрат труда, воплощенных в предметах потребления, и других затрат, связанных с воспроизводством рабочей силы, на саму рабочую силу, однако стоимостную **158//159** т.е. относительную в других продуктах или деньгах) оценку этих затрат он отрицает, поскольку считает стоимость существенным и достаточным признаком товара, которым (согласно общепринятому постулату) рабочая сила не является.

Но здесь у В.П.Каманкина явно не вяжутся концы с концами. Назвался груздем – полезай в кузов; если утверждается, что затраты труда, перенесенные на рабочую силу и зафиксированные в ней, при социализме уже не выражаются *косвенным способом* (окольным путем) в виде *стоимостного отношения*, т.е. в потребительных стоимостях других продуктов, то надо было бы сказать и о том, как тогда выражаются эти затраты, какая **мера** должна быть тут применена. Неужто эти затраты становятся измеримыми прямо и *непосредственно в рабочем времени*, т.е. «без услуг прославленной "стоимости"»? Но этого вывода В.П.Каманкин тоже не делает, поскольку в действительности дело обстоит как раз наоборот: нам неизвестно абсолютное (т.е. в рабочем времени, этой естественной мере труда) выражение общественно необходимых затрат труда на производство потребительных стоимостей (вещей и услуг), которые (затраты) переносятся на рабочую силу ее носителя в общественно необходимых размерах.

Выход из этого затруднения напрашивается сам собой, и гипотеза видит его в одном: в **признании наличия у рабочей силы при социализме стоимости – второго собственного признака товара.**

Подчеркнем еще раз, что наличие у рабочей силы обоих собственных признаков товара – потребительной стоимости и товарной стоимости (она же меновая стоимость, она же просто стоимость, она же одна из известных мер количества абстрактного человеческого труда) – ни в коей мере не доказывает еще ее товарного бытия. Это – лишь предпосылки, благодаря которым *возможно* ее движение как товара. С другой стороны, ликвидация антагонистических буржуазно-пролетарских отношений, основанных на частной-2 собственности на средства производства, отделенной от класса наемных рабочих, создает условия, при которых превращение рабочих сил каждого трудящегося (равным образом так же, как и всех жизненных средств) в нетовары

становится *возможным*.

Но, как известно, *возможное и действительное* – это не одно и то же. Нас же интересуют в первую голову именно то, что происходит с рабочей **159//160** силой в процессе социалистического воспроизводства в *действительности*.

Вернемся к рис. 4.8 на [стр. 150](#). Мы уже говорили о том, что одна часть рабочей силы воспроизводится на стороне личной (необобщественной) собственности, а другая – на стороне общенародной (обобщественной) собственности. Без пищи, одежды, жилья, услуг здравоохранения, просвещения, профтехобразования (в том числе высшего), того же воздуха для дыхания рабочая сила воспроизводится не может. Чтобы была рабочая сила Рс, нужны жизненные средства Жс. Но все Жс, за исключением таких даров природы, как например, воздух для дыхания, имеющих в природе в пригодном для потребления виде в изобилии, производятся обществом в целом (напомню, мы абстрагируемся пока от осложняющих социализм обстоятельств – наличия кооперативного производства в артелях и индивидуального в личных подсобных хозяйствах) и принадлежат ему. А для того, чтобы жизненные средства могли быть потреблены носителями рабочей силы, большая их часть (при нынешнем уровне развитости социалистических общественных отношений) должна сменить своего субъекта отношений собственности. При социализме (его принципы: «кто не работает, тот не ест» и «каждому – по труду») тот, кто не приобретал бы в свою **личную собственность** пищи, одежды, и некоторых других жизненных средств, просто не смог бы существовать. И наоборот, для того, чтобы носитель рабочей силы мог существовать, он в условиях социализма **должен** приобретать в личную собственность определенную долю потребляемых им жизненных средств. Следовательно, здесь имеет место переход их от одного собственника к другому, от общества к отдельным трудящимся.

Обусловлен ли этот переход встречным движением другого продукта (или денег)? Безусловно, да! Лишь по обоюдному соглашению общества и трудящегося в одном общем для них волевом акте происходит при социализме взаимный и **взаимообусловленный обмен** жизненными средствами и деньгами – знаками стоимости. Таким образом, налицо все достаточные основания, чтобы рассматривать указанную часть жизненных средств **товарами**.

В то же время другая часть жизненных средств (например, жилье, **160//161** услуги здравоохранения и др.) поступают к трудящимся в распоряжение, пользование и потребление прямо и **непосредственно**, т.е. **без** отчуждения в их необобщественную (личную) собственность, тем более, что поступление этой части жизненных средств в распоряжение и пользование того или иного трудящегося **не обусловлено** каким-либо движением каких-либо продуктов или денег от трудящихся как обособленных собственников к обществу как к субъекту отношений общенародной собственности. (В СССР по отношению к общенародному жилому фонду это утверждение справедливо лишь отчасти, поскольку пользование трудящимися этим фондом предполагает его оплату, однако арендная квартплата по сути дела носит символический характер и не возмещает всех издержек общества по строительству и эксплуатации жилья.)

Следовательно, эта часть жизненных средств

Оппоненты концепции об этом прямо не говорили, конечно (весь абсурд их представлений вылез бы наружу), но подразумевали следующее. По их мнению, соединение рабочих сил отдельных граждан – носителей навыков и умений определенного качества (электрика Иванова, бортинженера Петрова, фрезеровщика Сидорова, и т.д., их добрая сотня миллионов) с конкретными средствами производства того или иного общенародного предприятия происходит помимо их личной воли и помимо воли администраций (наделенных общенародным собственником соответствующими полномочиями) предприятий, и без их **взаимного** согласия и договоренностей об условиях труда и размере его оплаты.

Напротив, теоретики-«марксисты» своими идеологическими выкладками доказывали нам с пеной у рта, будто при социализме каждый работник трудится не в качестве свободного гражданина, частного лица, подрядившегося на определенных условиях делать определенную работу на каких-то конкретных общенародных средствах производства, а в качестве крупинки некоего «обобщественного», «ассоциированного» гипер-носителя рабочих сил всех специальностей и любого качества, по «трудовому договору» между Союзом Советских Социалистических Республик и его ассоциированным трудящимся классом.

является не товарами, а **продуктами, непосредственно удовлетворяющими** потребности трудящихся. (Заметим при том, что продукты, образующие рассматриваемую часть жизненных средств, имеют не только потребительную стоимость, но и **стоимость**, поскольку они являются продуктами человеческого труда, количественное выражение которого непосредственно в рабочем времени остается пока неизвестным.) С точки зрения гипотезы, это может происходить и происходит благодаря тому, что при социализме каждый трудящийся является не только обособленным собственником принадлежащих ему объектов, но помимо этого (а не вместо этого) одновременно и частицей всего общества – субъекта отношений общенародной (обобществленной) собственности.

Мы уже говорили о том, что переход определенной части рабочей силы из сферы ее *производства* в сферу ее *потребления* сопровождается сменой ее субъекта отношений собственности: из объекта личной собственности рабочая сила превращается в объект общенародной собственности. Ответа на вопрос, почему необходимо такое *превращение*, – далеко искать не приходится. Все средства производства принадлежат всему обществу, а не отдельным его членам, чего нельзя сказать о той части рабочей силы, о которой идет сейчас речь. Но чтобы процесс производства мог стать реальностью, **161//162** *разделенные* отношениями собственности факторы производства *должны соединиться*. И соединение это происходит не путем передачи общенародных средств в личную собственность, (в которой находится значительная часть рабочей силы), а наоборот, путем передачи принадлежащей носителю рабочей силы общенародному собственнику.

Для того, чтобы установить, является ли эта часть рабочей силы товаром, осталось получить ответ только на один вопрос: **обусловлен ли** ее переход из личной собственности в общенародную **встречным движением** других продуктов от общенародного собственника к обособленному собственнику-носителю рабочей силы, или же работник при социализме может передавать свою рабочую силу **безвозмездно, без** какого бы то ни было расчета на индивидуальное вознаграждение со стороны общества и без самого вознаграждения, передаваемого обществом в личную собственность носителя рабочей силы?

При трезвом и непредвзятом подходе к этому вопросу на него можно дать только один ответ; **при социализме** работник не может передавать в распоряжение общества **безвозмездно всю** свою рабочую силу. Не может, т.к. он должен приобретать в *личную собственность* жизненные средства для воспроизводства своей рабочей силы, ведь в противном случае он просто бы умер с голоду.

Поэтому передача определенной части рабочей силы в общенародную собственность при социализме всегда **обуславливается** встречным движением денежного или иного товара. Так же, как и любом другом товарном обмене, встречное и взаимообусловленное движение рабочей силы и денег между субъектами социалистических отношений обособленной и общенародной собственности протекает в одном **общем** для них акте и по **обоюдному** соглашению свободных и суверенных *собственников*. Это означает, что та часть рабочей силы, о которой мы до сих пор говорили, является **товаром**.

Е.И.Лавров как будто отчетливо видит необходимость перехода и сам процесс перехода рабочей силы из личной собственности в общественную при соединении факторов производства (см. [171.28–31]) и даже изображает этот переход формулой: «ИРс → ОФРс, где ИРс – индивидуальная рабочая сила, ОФРс – общенародный фонд рабочей силы» [171.31]. **162//163**

Вместе с тем Е.И.Лавров отрицает **обусловленность** этого перехода встречным движением жизненных средств, видя в нем лишь акт «безвозмездной передачи индивидуальной рабочей силы в общенародный фонд» [171.31]. Что это? Близорукость? Игра в жмурки? Страх оказаться зачисленным в компанию «отпетых антикоммунистов» (см. [195.5])? Или, может быть, это тактический ход, преднамеренно направленный на расшатывание (под видом укрепления) позиций сторонников общепринятой точки зрения на рабочую силу как на нетовар, подарок в виде троянского коня?

Ниже мы еще будем говорить и об обусловленности, и о безвозмездности передачи рабочей силы со стороны индивидуального носителя в распоряжение общества. А пока лишь заметим, что такое понимание способа соединения рабочей силы со средствами производства как труда безвозмездного, во-первых, стирает границу между трудом социалистическим и коммунистическим трудом. Во-вторых, оно противоречит самой социалистической действительности, в которой труд – функционирование рабочей силы – и размеры личного потребления ставятся в зависимость друг от друга: хочешь больше потреблять – больше и лучше трудись, лучше поработал – получи больше.

Критерием истинности всякой теории может быть только практика. А по Лаврову выходит, будто теоретически уже при социализме достигается безвозмездность труда, превращение его в коммунистический в узком смысле. А если лакированная теория и не соответствует шершавой действительности, то это должно быть отнесено на счет неизбежных недостатков отражения вообще, а не данного представления.

В то же время каждый из членов социалистического общества – носителей рабочей силы – является частичным собственником всех общенародных средств производства. Поэтому рабочая сила каждого работника может (или могла бы) соединиться с общенародными средствами производства и **непосредственно**, без расчета на вознаграждение и без самого вознаграждения, специально отчуждаемого от общенародного собственника в личную собственность.

Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в последующих главах; отметим пока, что именно это и происходит уже при социализме с определенной частью рабочей силы, но происходит это, к сожалению, с рабочей силой далеко не каждого носителя. Очень многим из них пока еще кажется, что затрачивать рабочую силу на то, за что не платят чистоганом на руки, на то, что не входит в круг их контролируемых обществом (на поверхности явлений это выглядит как контролируемых начальством) обязанностей, – это лишь напрасная трата времени, и наоборот, подчас с особым рвением и усердием выполняется та работа, иногда даже заведомо бесполезная или даже вредная для общества, которая, сравнительно с другими, при меньших затратах рабочей силы выгоднее оплачивается, чем, в конечном счете, и объясняются все явления и факты формализма, бюрократизма, приписок, «сдачи в эксплуатацию» незаконченных строительством объектов, погони за валом, стремления любыми средствами отстоять «честь» своего подмоченного мундира, низкого качества (или явного брака) выпускаемой продукции, бесхозяйственного отношения к оборудованию, сырью, природным богатствам, энергоносителям и т.д., и т.п.

Таким образом, при социализме лишь определенная масса жизненных средств и лишь соответствующая часть воспроизводимой при их посредстве **163//164** рабочей силы являются товарами, взаимно обмениваемыми друг на друга. Деньги (заработная плата) здесь играют лишь роль посредника – средства обращения – в товарном обмене части рабочей силы на часть жизненных средств между личным собственником и собственником общенародным.

Что же касается социалистического способа соединения рабочей силы со средствами производства, то исходя из рассмотренных выше соображений, его можно сформулировать следующим образом.

Способ соединения рабочей силы со средствами производства внутренне, по самой своей сути противоречив, поскольку противоречива сама система отношений собственности, в пределах которой разворачиваются процессы производства и потребления всех продуктов социалистического воспроизводства: жизненных средств, рабочей силы и средств производства. **Специфика диалектики социалистической системы отношений собственности** (в отличие, скажем, от капиталистической) состоит в том, что взаимодействующие **социальные субъекты** отношений противоположных друг другу типов собственности (интегрированной обобществленной общенародной с одной стороны и дифференцированной обособленной личной и семейной с противоположной стороны) представлены **одними и теми же людьми, а не разными группами людей**. Противоречивость социалистического способа соединения рабочей силы со средствами производства заключается в том, что рабочая сила ее носителей – и обособленных собственников, и в то же время совладельцев объектов общенародной собственности – отчасти отделена от средств производства барьером между личной и общенародной собственностью, а потому функционированию рабочей силы предшествует

Забегая вперед (см. гл. 5 и след.), отметим, что специфика социалистического общества в отличие от буржуазного или феодального не в том, что исчезла его диалектическая поляризация на социальные противоположности (как было, например, раздвоено на классы – большие группы людей общество пролетариев и капиталистов).

Напротив, социалистическое общество сохранило потенциально могучий внутренний импульс (а не уничтожило его) своего саморазвития, потому что оно вновь оказалось раздвоенным на свои противоположности, которыми, однако, оказались не противостоящие друг другу большие группы людей (известные в марксизме как классы), а принципиально иного, нового типа полярные части раздвоенного на свои **диалектические противоположности общества** (сокращенно **диапротобы**), которые я назвал **классоидами** (см. [стр. 89](#)).

Классоиды – это такие полярно противоположные части общества, которые делят его не на большие группы людей, а так, что поляризованным оказывается каждый член общества.

реальный (экономический) процесс ее соединения со средствами производства посредством найма, или продажи рабочей силы собственнику средств производства; отчасти соединена с ними непосредственно, благодаря чему экономического процесса соединения, для того, чтобы она могла проявиться в действии и действительно проявилась в действии, не требуется и не происходит.

164//165

4.7. Проблема непосредственного распределения и непроизводительного труда

В параграфе 2.2 уже говорилось о том значении, которое имеют для политической экономии категории производительного и непроизводительного труда. В частности, было показано, что капиталистически организованный воспроизводственный процесс необходимо требует затрат труда не только в процессе *производства* потребительных стоимостей (которое осуществляется капиталистами ради извлечения прибавочной стоимости), но также и в *обращении* их в качестве товаров. Затраты труда, направленные на создание, производство потребительных стоимостей, не существующих в природе в готовом виде, или существующих, но в ограниченном количестве,— это затраты производительного-1 труда. Затраты же труда, направленные лишь на смену собственников этих продуктов (включая главный межклассовый товарообмен жизненных средств на рабочую силу), т.е. затраты, обеспечивающие товарное движение произведенных продуктов производства первого и второго видов от одного собственника к другому, представляют собой затраты непроизводительного труда.

Двум основным областям (сферам) производства и не-производства (обращения), в границах которых протекает процесс капиталистического воспроизводства, соответствует два вида труда, а именно: *производительный труд* в сфере *производства* потребительных стоимостей и *непроизводительный труд* в сфере *не-производства (обращения)*, где произведенные товары — носители потребительной стоимости и товарной стоимости не производятся, а лишь обмениваются между своими собственниками.

Кроме того, весьма значительная часть затрат труда в капиталистическом обществе осуществляется вне экономического базиса — в институтах надстройки, например, в судах или церкви (в которых новые потребительные стоимости и не создаются, и не обращаются), вследствие чего к труду в этой сфере неприложимо деление труда на производительный и непроизводительный. [Абзац дан в редакции 2011 г.]

Таким образом, при капитализме непроизводительный-1 труд сопряжен со *сферой обращения товаров* между различными собственниками. Товарами, **165//166** принимающими участие в этом обращении, являются: вся рабочая сила наемных работников и все произведенные частными-2 собственниками жизненные средства, которые приобретаются пролетариями на свою зарплату. Что касается средств производства, то в условиях домонополистического капитализма они, как правило, также являются товарами; в условиях государственно-монополистического капитализма число различных частных-2 собственников средств производства уменьшается и возможности *товарного* обмена средствами производства ограничивается. По мере концентрации капиталистического производства производителем и потребителем все большей и большей доли средств производства становится *один и тот же* частный-2 собственник. Иначе говоря, уже при капитализме определенная часть вновь произведенных средств производства свой переход в сферу потребления совершает непосредственно, без товарных метаморфозов.

И наоборот, производительный-1 труд в условиях капитализма сопряжен со *сферой производства потребительных стоимостей* независимо от того, каким способом осуществляется их распределение по потребителям: посредством товарного обмена или же непосредственно, без товарного обмена.

Категории производительного-1 и непроизводительного-1 труда приложимы и к анализу социалистически организованного производства. Трактовка (и ее обоснование) этих категорий выдвигаемой концепцией была дана в параграфе 2.2 (см.) и существенно отличается от общепринятого различения производительного и непроизводительного труда при социализме.

Вот что утверждает, например, в учебнике политической экономии для будущих экономистов.

«Труд, затраченный в сфере материального производства, как труд, создающий продукт, выступает в качестве *производительного труда*» [221.185]. Здесь уже допущена ошибка: под производительным трудом понимается процесс создания *не всех* потребительных стоимостей, удовлетворяющих самые разнообразные потребности, начиная от животных (потребности желудка и тела вообще) и кончая собственно человеческими (высшие, или духовные потребности) – см. параграф 2.2., – а только процесс создания некоторой *части* этих потребительных стоимостей, именно тех, **166//167** которые выходят из материального производства (т.е. преимущественно низших, животных потребностей, если исключить производство средств производства).

Граница между материальным и нематериальным производством во многом условна, и сторонники общепринятых представлений не располагают четкими критериями разграничения этих подсфер производства. Поэтому им и не удастся дать определения сферы материального производства, а тем самым и производительного (в их трактовке) труда. Не случайно в том же учебнике вместо определения сферы материального производства дается лишь понятие о ней: «советская статистика в настоящее время к сфере материального производства относит такие отрасли народного хозяйства, как промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, грузовой транспорт, связь по обслуживанию производства, торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки и личное подсобное хозяйство» [221.184]. Но даже и по поводу этого утверждения учебника приходится недоумевать.

Во-первых, неясно, с каких это пор в основу деления труда производительный и непроизводительный стали класть отраслевой принцип? Целиком согласен с замечанием В.Лоскутова: «Смешивать разнородные понятия, т.е. под "непроизводственной сферой" подразумевать систему отраслей, а не производственных отношений, ошибочно и суть ошибки заключается в том, что отрасли производства не занимают никакого места в системе производственных отношений» [178.26].

Неясно также, с какой целью и по какой причине в этой классификации отраслей материального производства выделено особо личное подсобное хозяйство и чему оно противопоставляется: *общественному* хозяйству, основанному на общенародной (или кооперативной) собственности, или же оно противопоставляется *сельскохозяйственной отрасли*?

Наконец, совершенно непонятно, с каких это пор занятие торговлей стало считаться производительным трудом, а сама торговля, купля-продажа товаров стала рассматриваться как составная часть *производства*, да **167//168** к тому же еще и материального, а не *обращения*, т.е. *непроизводства*? Уж не с тех ли, когда стали считать, что при социализме «всё наоборот»?

Но это все еще цветочки. Противоположностью производительного труда, затрачиваемого в сфере материального производства, по мнению авторов этого учебника, является **непроизводительный** труд, который затрачивается в сфере «нематериального **производства**» (см. [221.184–185]).

А вот и первая ягодка: «в 1975 г. на долю отраслей материального производства в СССР приходилось 75,5% и на долю отраслей нематериального производства 24,5% *всего занятого населения*» [221.185], – выделено мной. Оказывается, при социализме в сфере **производства** (материального и нематериального) осуществляются затраты **всей** (75,5+24,5=100,0%) рабочей силы! Весь советский народ поголовно занят в сфере производства, в ней и только в ней! И никто из граждан СССР не занят ни в сфере обращения, ни **вне** сфер экономического базиса (производства и обращения) – в институтах надстройки, в том числе в органах государства (судах, арбитражах, юридических консультациях, армии, милиции и т.д.)! Ведь не относят же авторы учебника людей, **занятых** в этих важных и нужных институтах государства, к классу **незанятых**, празднующихся бездельников!

Эта ягодка – закономерный результат того, о чем говорилось в параграфе 2.2:

1) подмены определяющей характеристики капиталистически-производительного труда как труда, производящего прибавочную стоимость (которая производится, кстати, в производстве, а не в обращении!) той дополнительной характеристикой как труда, занятого лишь в материальном

производстве (что было справедливым в XIX веке к производительному-1 труду, охваченному капиталистическими производственными отношениями);

2) перемещения акцента со слова «производство» на слово «материальное»;

3) распространения дополнительной характеристики в качестве определяющей на производительный труд вообще, и при социализме в частности. В результате пара противоположных понятий «производство – непроизводство (обращение)» эволюционировали в пару «материальное производство – нематериальное производство», причем понятие «производство» в последней паре стало настолько аморфным, что под ним можно понимать все, что душе заблагорассудится, в том числе и непроизводство. 168//169

Нелишне заметить, что в политической экономии социализма наряду с понятием «сфера нематериального производства», противопоставляемым понятию «сфера материального производства», имеет хождение и термин «**непроизводственная** сфера» (см. [225.183–184]), которым обозначается та же самая «сфера нематериального производства». В итоге получается, что сфера нематериального производства – это сфера непроизводства, или иначе: сфера (нематериального) производства – это **не** сфера производства (нематериального)!

Для уяснения вопроса о том, что же в действительности представляет собой производительный-1 труд и его противоположность (непроизводительный-1 труд) при социализме и где лежит граница между ними, вернемся еще раз к рис. 4.8 на [стр. 150](#).

Труд, функционирующий в процессе производства П и направленный на производство жизненных средств Жс (Жс₁ и Жс₂) и средств производства Сп,– это производительный труд по определению (см. параграф 2.2).

Произведенные средства производства вновь поступают в процесс производства, где происходит их потребление. Поскольку при социализме, который принят к рассмотрению, все общественное производство осуществляется в пределах единой общенародной собственности, то и переход средств производства из акта, в котором они были произведены, в акт, где происходит их потребление, осуществляется *непосредственно*, без товарных метаморфозов. Ведь производителем и потребителем всех средств производства является один и тот же общенародный собственник. (Капиталистическая частная-2 собственность, в отличие от общенародной социалистической, *не исключает необходимости* превращения средств производства в товары, а в тех случаях, когда технологически связанные между собой предприятия принадлежат разным частным-2 собственникам,– *предполагает* товарный обмен между ними.)

Непосредственное, планомерно организованное *распределение* между различными производствами – потребителями произведенных средств производства в условиях социализма тем не менее предполагает «регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными 169//170 группами производства» [4.421], но *не между различными собственниками*, и в этом смысле «определение стоимости остается господствующим» [4.421]. Но, как показывает опыт функционирования экономики социализма, и вопреки предположениям К.Маркса и Ф.Энгельса общественно необходимое время, заключенное в продуктах труда, в том числе и в нетоварных средствах производства, определяется косвенным путем, относительным выражением затрат рабочего времени (абстрактного труда) в потребительных стоимостях других продуктов, т.е. посредством стоимости, носителем которой при социализме являются все не богом данные продукты.

Таким образом, несмотря на то, что все производимые средства производства являются носителями товарной стоимости, товарами они не становятся, т.к. **не совершают движения от одного собственника к другому**. Поэтому распределение средств производства при социализме является прямым, непосредственным и не требует затрат непроизводительного труда.

Некоторые элементы непроизводительных затрат, впрочем, здесь имеются. Но они связаны с необходимостью оградить эти объекты общенародной собственности от их «перетекания» в лапы сопричастных к непосредственному распределению средств производства работников, охочих до общенародного добра.

Учет затрат труда на производство средств производства и сопоставление этих затрат результатами труда, которые вынужденно ведутся посредством *товарной стоимости – собственного признака* товара, создают *видимость* товарного движения средств производства, но не могут превратить их в действительные товары. Поэтому средства производства при социализме в лучшем случае можно рассматривать как товары, «продаваемые» обществом самому себе, т.е. как псевдотовары.

Что же касается характера труда по планированию и учету затрат труда на производство потребительных стоимостей – нетоваров (псевдотоваров), по сопоставлению их с результатами труда, то здесь следует, очевидно, исходить из того, что этот труд является неотъемлемым элементом труда по *управлению*, который «необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не **170//171** является разьединенным трудом самостоятельных производителей... Во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это – производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном процессе производства» [3.422].

Сказанное справедливо также и по отношению к непосредственно (т.е. без товарного обмена) распределяемой части жизненных средств $Жс_2$, а также к непосредственно соединенной со средствами производства части рабочей силы $Рс_2$. (В условиях частной-2 собственности на средства производства рабочая сила полностью отделена от них, а значит, там не может быть и речи о непосредственном их соединении; соответственно этому отсутствует непосредственное, без смены собственников, распределение жизненных средств. Все это товарное движение требует затрат непроизводительного труда, обеспечивающего товарный обмен *всей* рабочей силы на *все* жизненные средства, за счет которых воспроизводится рабочая сила.)

Однако при социализме определенная часть рабочей силы (а именно $Рс_1$) воспроизводится и не может не воспроизводиться на стороне индивидуальных (необобществленных) собственников, а ее переход на сторону общенародной собственности для соединения со средствами производства обуславливается встречным движением жизненных средств $Жс_1$. Вот этот самый товарный обмен (опосредованный к тому же деньгами) между обособленными собственниками рабочей силы и общенародным собственником жизненных средств объектами своей собственности как раз-то и требует затрат **непроизводительного-1** труда, направленного **не** на **производство** потребительных стоимостей (рабочей силы и жизненных средств), а на обеспечение учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, осуществляемого на *стыке*, на *границе* между субъектами отношений обобществленной и обособленной собственности. Рис. 4.8 эти непроизводительные затраты рабочей силы не отражает, но они вытекают из наличия обращения **171//172** денег $Д$, части рабочей силы $Рс_1$ и жизненных средств $Жс_1$.

В самом деле, какие производительные функции выполняют всевозможные кассиры, билетеры, кондуктора, финансовые ревизоры, агенты госстраха, распространители лотерейных билетов, карточек спортлото, инкассаторы, бухгалтеры, начисляющие заработную плату, табельщики, нормировщики, продавцы, буфетчицы, работники сберкасс, налоговые инспектора, билетные ревизоры на транспорте и т.д., и т.п.? Ясно, что они не производят потребительных стоимостей, а лишь обеспечивают товарный обмен между отдельными членами социалистического общества и самим обществом товарами-предметами (вещами) и

При социализме вся эта публика непроизводительно работает в поте лица своего только для того, чтобы обеспечить именно **товарный** обмен, как он показан на рис. 4.4, и чтобы не допустить того, что изображено на рис. 4.3 (см. [стр. 141](#)).

У лотерейщиков другая функция: с их помощью общенародный собственник безвозмездно изымает в свой бюджет часть средств, заработанных обособленными собственниками, сокращая возможности последних по приобретению необходимых им жизненных средств.

товарами-услугами с одной стороны и рабочей силой с другой стороны.

Конечно, некоторые из перечисленных выше работников отчасти (в течение некоторой части своего рабочего времени) выполняют и производительные функции, производя те или потребительные стоимости (или, скорее, их элементы). Но не менее верно и то, что многие производительные работники, производящие потребительные стоимости, часть своего рабочего времени растрачивают непроизводительно. Врач не только лечит больных, удовлетворяя своим трудом потребность пациентов быть здоровыми, но и тратит часть своего рабочего времени на выявление симулянтов, на определение того, действительно ли человек болен или тот просто отлынивает от работы: выписка и продление листков нетрудоспособности – непроизводительная составляющая труда врача. Водитель автобуса, когда он ведет свой автобус по маршруту, перевозя пассажиров, – производительный работник, а сам автобус – средство транспорта (средство производства транспортной услуги). Но когда водитель битком набитого сочлененного «Икаруса» на конечной остановке из восьми створок дверей открывает только одну, наполювину перегородив собой и ее для проверки билетов у пассажиров, то труд водителя превращается в непроизводительный, а автобус – из средства транспортной услуги превращается в высокоэффективное средство социалистического учета и контроля за мерой труда и мерой потребления.

Попутно заметим, что основную причину *безуспешности* поиска причины существования товарно-денежных отношений при социализме гипотеза видит в том, что ее **с завидным упорством ищут там, где ее нет** (в псевдотоварном обмене средствами производства в пределах единой общенародной собственности) и **не ищут там, где она есть** (в действительном товарном обмене значительной части рабочей силы каждого носителя на соответствующую часть жизненных средств между различными собственниками – производителями и потребителями этих частей рабочей силы и **172//173** жизненных средств*).

Именно этим выдвигаемая концепция объясняет то, что «пока, во всяком случае, мы можем лишь констатировать небезосновательную критику всех выдвигаемых причин товарного производства при социализме... Рассматривая литературу по данному вопросу, мы видим скорее удачную перекрестную критику всех выдвигаемых причин, а не позитивное решение» [120.44].

На рис. 4.9 для наглядности представлено сопоставление общепринятой (синие линии) и выдвинутой гипотезой (коричневые линии) точек зрения на производительный и непроизводительный труд при социализме. Серым цветом выделены области со спорной классификацией. **173//174** Как видно из рисунка, точки зрения расходятся в двух основных взаимосвязанных вопросах:

– в определении характера труда в нематериальном производстве (здравоохранении, образовании, учреждениях культуры и искусства и др.);

– в определении самого производительного (и непроизводительного) труда.

Главный недостаток критикуемой общепринятой трактовки производительного и непроизводительного труда при социализме с точки зрения выдвигаемой концепции заключается в том, что такое членение труда ничего не дает политической экономии социализма, не несет в ней никакой смысловой нагрузки, в то время как различение производительного и непроизводительного труда должно играть вполне определенную методологическую нагрузку в этой науке.

Для чего потребовалось К.Марксу различать труд производительный и непроизводительный?

Во-первых, чтобы выделить в экономике область производства (производительный-1 труд) и отделить ее от сферы обращения.

* И это несмотря на то, что еще в 1961 г. С.Г.Струмилин, касаясь проблемы товарного производства при социализме, писал: «...купля – продажа всех предметов потребления, производимых в условиях социализма для рыночного сбыта, т.е. на неопределенного покупателя и с переходом от одного собственника в лице всего общества, к другим – в личную собственность конечных потребителей этих объектов купли – продажи, и становится наиболее типичной в условиях социализма формой товарно-денежного производства и обращения. Средства производства уже перестают в этих условиях становиться товаром..., а предметы потребления... не теряют товарной формы и связанной с ней меновой стоимости» [267.36].

Рис. 4.9

Во-вторых, чтобы различать капиталистическое и некапиталистическое производство (производительный-2 труд, т.е. труд, приносящий прибавочную стоимость или нет), подробнее см. параграф 2.2.

Ну, а что дает общепринятое различие производительного и непроизводительного труда? какое практическое значение имеет утверждение о том, что при социализме труд повара заводской столовой, учителя, работающего в системе народного образования, пилота пассажирского лайнера или зубного техника городской поликлиники является непроизводительным? Может быть, труд этих работников не производит новых потребительных стоимостей? Тогда как объяснить, конкретным трудом какого работника создаются такие потребительные стоимости как жареная котлета, знания учащихся (будущих сталеваров, космонавтов, хлеборобов, ученых), быстрое перемещение пассажиров на дальние расстояния, зубные протезы? Неужто все это не имеет, по представлениям сторонников критикуемой точки зрения, какой-либо потребительной **174//175** стоимости? А может, труд всех этих работников не вписывается в систему производственных отношений социализма? Если так, почему же тогда «нематериальное производство» способно охватываться буржуазными производственными отношениями, а социалистическими – не

способно? Иль, может быть, труд этих людей в исторической перспективе должен исчезнуть, обнаружена несовместимость труда этих работников и их умений с принципами и основами полного и вечного коммунизма?

Что касается значения для политэкономии социализма различия производительного и непроизводительного труда, даваемого выдвигаемой концепцией, то оно будет раскрыто ниже, в последующих главах в связи с:

- основными составными элементами социалистического общества – его социальными диалектическим противоположностями (классоидами), см. параграф 5.4;
- основным экономическим законом социализма (параграф 6.1);
- диалектикой труда, ориентированного на вознаграждение (наемного труда) и труда коммунистического («бесплатного»), см. параграф 5.4;
- исторической перспективой развития социалистического общественно-экономического устройства и отмиранием государства (параграф 7.2).

В дополнение к тому, что уже было сказано в обоснование развиваемой концепцией точки зрения на производительный-1 и непроизводительный-1 труд, рассмотрим упрощенную до предела модель общественного производства, основанного на совместной собственности его участников.

Предположим, что на необитаемый, но пригодный для жизни человека остров судьба забросила четверых бедолаг: земледельца, скотовода, рыбака и мастерового человека, умельца-универсала, назовем его ремесленником. Благодаря их прошлому и вновь приобретенному опыту, благодаря узам братства и товарищества, которые стали только сильнее в результате общего для них несчастья, они ведут общее хозяйство и живут как бы одной семьей, потребляя более-менее поровну все произведенные продукты.

Допустим, что для удовлетворения их потребностей теми продуктами, **175//176** которые они производят, каждому из них приходится ежемесячно затрачивать по 200 часов. Поскольку каждый из них является работником, производящим материальные продукты, весь их труд является производительным с обеих точек зрения (общепринятой и выдвигаемой концепции). Отметим также, что при данных допущениях различие между индивидуальным и общественно-необходимым отсутствует, так как каждый занят своим делом, которое лучше получается именно у него: земледелец – земледелием, скотовод – скотоводством и т.д. Месячный баланс производства, распределения и потребления всех продуктов, выраженный непосредственно в часах рабочего времени, затраченного на их производство, приведен в таблице 4.1.

Табл. 4.1

Наименование продуктов производства	Объем производства	Объем потребления				
		земле- дельцем	ското- водом	рыбаком	ремес- ленником	всеми вместе
Хлеб земледельца	200	50	50	50	50	200
Мясо скотовода	200	50	50	50	50	200
Рыба рыбака	200	50	50	50	50	200
Изделия ремесленника	200	50	50	50	50	200
Итого	800	200	200	200	200	800

Земледельцем произведено хлеба в количестве 200 рабочих часов, столько же хлеба и потреблено всеми, и так по каждому продукту. Общий фонд рабочего времени составляет 800 часов, из них все 800 часов – продолжительность производительного труда.

Прошло какое-то время, и каждый рабочий час обитателей острова стал приносить большее количество продуктов (повысилась производительность производительного труда), в результате

чего для удовлетворения их материальных потребностей им теперь достаточно было бы работать по 160 часов в месяц. Но тут затосковали они. Ведь кроме потребностей тела и желудка, которые они удовлетворяли производимыми ими потребительными стоимостями, 176//177 потребности души оставались совершенно неудовлетворенными как ввиду отсутствия самих потребительных стоимостей, которыми эти потребности могли бы быть удовлетворены, так и из-за отсутствия производителей этих потребительных стоимостей.

Неожиданно, к их общему удовольствию, на остров каким-то образом занесло артиста – великолепного рассказчика, музыканта и певца, который к тому же и сам умел сочинять забавные истории и веселые песни (ничего другого артист не умел). Поднялось настроение у островитян: ведь теперь становятся удовлетворимыми и их духовные потребности.

С этого дня они по-прежнему стали работать по 200 часов в месяц каждый, зато уже впятером, вместе с артистом. Следовательно, суммарный фонд рабочего времени возрос с 800 до 1000 часов. Баланс производства и потребления с точки зрения предлагаемой концепции, для которой труд по *производству отсутствующих в природе потребительных стоимостей, удовлетворяющих человеческие потребности независимо от их конкретной специфики, является производительным-1*, приведен в таблице 4.2.

Табл. 4.2

Наименование продуктов производства	Объем производства	Объем потребления					
		земледельцем	скотоводом	рыбаком	ремесленником	артистом	всеми вместе
Хлеб земледельца	200	40	40	40	40	40	200
Мясо скотовода	200	40	40	40	40	40	200
Рыба рыбака	200	40	40	40	40	40	200
Изделия ремесленника	200	40	40	40	40	40	200
Услуги артиста	200	40	40	40	40	40	200
Итого	1000	200	200	200	200	200	1000

Из сопоставления данных таблиц 4.1 и 4.2 видно, что ассортимент производимых предметов и услуг увеличился (с четырех позиций до пяти), а общий объем производства, выраженный в часах рабочего времени, возрос (с 800 до 1000). Хотя объем потребления материальных продуктов каждым из 177//178 «коренных» островитян сокращен с 200 до 160, зато общий объем потребления произведенных материальных и нематериальных продуктов остался на прежнем уровне (в часах рабочего времени) за счет потребления услуг, произведенных артистом, «стоимостью» в 40 рабочих часов.

Не то получается у сторонников общепринятых в настоящее время взглядов на труд врачей, педагогов, работников культуры, как на *непроизводительный*, поскольку, по их мнению, К.Маркс сообщил им то ли, что такой труд **не создает** материальных благ, то ли, что этот труд создает **нематериальные** продукты (см. таблицу 4.3).

Табл. 4.3

Наименование продуктов производства	Объем производства	Объем потребления					
		земледельцем	скотоводом	рыбаком	ремесленником	артистом	всеми вместе
Хлеб земледельца	200	40	40	40	40	40	200
Мясо скотовода	200	40	40	40	40	40	200
Рыба рыбака	200	40	40	40	40	40	200
Изделия ремесленника	200	40	40	40	40	40	200
Услуги артиста	0	0	0	0	0	0	0
Итого	800	160	160	160	160	160	800

Согласно господствующему в среде советских обществоведов мнению, артист – непроизводительный работник, живущий за счет продуктов прибавочного труда производительных работников, занятых в материальном производстве: земледельца, скотовода, рыбака и ремесленника (см. [221.374, 378–379]), вследствие чего 200 рабочих часов артиста не воплощаются в продукте его труда. Поэтому общий объем *производства* с появлением на острове артиста *не увеличился* и остался на уровне 800 часов, а объем производства в расчете на одного островитянина *сократился* с 200 до 160 часов, хотя все пятеро и трудились по 200 часов.

Но поскольку невозможно потребить того, что не произведено (речь у нас идет не о продуктах природы, а о продуктах труда), то очевидно, аналогичная картина видится большинству обществоведов и в области потребления: общий объем потребления остался равным 800 часам, а объем потребления в расчете на бедолажную душу снизился с продукта 200-часового **178//179** труда до продукта 160-часового труда.

В области потребления дело теперь обстоит совершенно так же, как если бы потребляемые теперь артистом хлеб, мясо, рыба и изделия ремесленника – в общей сложности продукты 160-часового труда – просто топились в океане! Независимо от того, будут ли производимые артистом (и потребляемые всеми островитянами) услуги содержать 0 (артист запил), 200 или 400 (работал, как черт) часов, общий объем производства и потребления во всех этих случаях равновелик и составляет 800 часов!

Получается очевиднейшая нелепость. Весь хлеб, заключающий 200 часов абстрактного труда, произведен и потреблен. Все мясо, заключающее 200 часов труда, произведено и потреблено. Вся рыба, заключающая 200 часов труда, выловлена и съедена. Вся одежда и другие изделия ремесленника, заключающие 200 часов труда, изготовлены и пущены на замену износившихся портняжных и прочих продуктов. Налицо бесспорный факт производства и потребления продуктов 800-часового труда. Но ведь совершенно очевидно, что *помимо* хлеба, мяса, рыбы, одежды и других изделий ремесленника (труд которого, кстати говоря, в свое время также считался – физиократами – «бесплодным») островитяне *потребили* и услуги – *потребительные стоимости, произведенные* артистом, в которых заключен его 200-часовой труд (если говорить о его количественной характеристики как абстрактного труда). Несмотря на то, что в итоге потреблен 1000-часовой труд (в ассортименте пяти разных качеств), общепринято думать, будто потреблен лишь продукт четверых, продукт 800-часового труда, поскольку считается, что артист – непроизводительный работник, вследствие чего «стоимость» произведенного совокупного продукта равна 800 часам.

Но это не смущает сторонников общепринятого мнения. С их точки зрения в услугах артиста производители материальных продуктов потребляют вовсе не *произведенные* артистом потребительные стоимости, а «*переваренные*» им в услуги идеального, нематериального свойства хлеб, мясо, рыбу, одежду и прочие предметы материального, неидеального свойства, произведенные теми, кто эти услуги потребляет. Артист как бы **179//180** и не потребил материальных продуктов, и не производил новых потребительных стоимостей – услуг, а лишь *трансформировал, преобразовал* первые во вторые, превратив материю в идею, нечто в ничто (см. таблицу 4.3).

Выдвигаемая концепция расценивает такое понимание труда, производящего специфические потребительные стоимости – услуги, – как труда непроизводительного, как рецидив взглядов физиократов на несельскохозяйственный труд как на «бесплодный» труд. Правда, политэкономы – сторонники господствующей точки зрения – относят к непроизводительному труду не весь несельскохозяйственный труд, а лишь некоторую часть последнего, именно ту, которая производит специфические потребительные стоимости – услуги. Однако смысл отнесения ремесленников к «бесплодному классу» и оценки работников, производящих услуги (за исключением торговых и надстроечных), как непроизводительных работников один и тот же: предполагается, будто существуют конкретные виды целесообразной *производственной* деятельности человека, результатом которой становятся потребительные стоимости, на которые переносится *не живой*

труд носителя той или иной специфической рабочей силы в ее количественном и качественном проявлениях, а лишь прошлый труд, воплощенный в рабочей силе «непроизводительного» или «бесплодного» учителя, врача, скульптора, художника, артиста.

Предположим невероятное: артист (или врач, или учитель-математик) производит свои услуги, совершенно не потребляя продуктов материального производства. Неужто и в этом случае продукты труда являются лишь «трансформированным» трудом работников, производящих материальные продукты? С общепринятой точки зрения, очевидно, да. Но это означает, что в услугах, произведенных столь невероятным способом, воплощен 0-часовой труд (не воплощено ни капли абстрактного труда артиста или учителя), поскольку, по мнению сторонников критикуемых взглядов, на эти продукты труда труд работников материального производства не переносился.

В современной России по отношению к школьным учителям муниципальных школ это «невероятное» практически осуществлено почти полностью. Зато, правда, некоторые артисты теперь имеют хоромы, соперничающие по метражу и роскоши со дворцами иных государей.

Осуществляя свою целесообразную производственную деятельность, артист, конечно же, что-то потребляет, но это не значит, однако, что своим трудом он ничего не производит. Наоборот, потребляя определенное и одинаковое количество продуктов, содержащих, **180//181** например, 150 часов рабочего времени, он может производить различное количество услуг, заключающих в себе, скажем, 100, 150, 200, 250 или 300 часов труда (речь идет об общественно-необходимых затратах труда). Или так: артист, произведя какое-то определенное количество услуг, в которых заключено, скажем, 200 часов его рабочего времени (в пересчете на общественно-необходимое), может потреблять разное количество материальных продуктов, заключающих в себе 50, 100, 150 или 300 часов труда. Казалось бы, должно быть понятно: то, что потреблено артистом (или врачом, учителем) и то, что им создано, далеко не одно и то же ни в *натурально-вещественном* виде как потребительные стоимости, ни в *количественном выражении*, какой бы мерой мы не измеряли содержащийся в этих продуктах абстрактный труд.

Но сторонники общепринятых взглядов не согласны с этим. Они полагают, что работники сферы обслуживания, культуры и здравоохранения содержатся исключительно за счет прибавочного продукта, произведенного в других отраслях производства, и своим живым трудом не создают новой стоимости, субстанцией которой и является продолжительность (понятное дело, в общественно-необходимых размерах) этого самого живого труда. Отсюда вытекает их утверждения и о принципиальной невозможности создания прибавочного продукта в нематериальном производстве, и о том, что национальный доход создается лишь в материальном производстве, и о том, что сфера бытового обслуживания, коммунального хозяйства, здравоохранения и образования – это сфера-потребительница, но не сфера производительница.

Согласно ученому большинству рабочее время, заключенное в продуктах труда (услугах) того же

Логика потрясающего убожества и маразма!

врача, целиком и полностью детерминировано лишь рабочим временем, заключенным в потребленных им жизненных средствах, но никак не зависит от результатов его труда, от того, как дорого оценивает общество поправленное здоровье, сокращенное время нетрудоспособности, как быстро он вернул члену социалистического общества способность полноценно жить и творить. Услуги врача, оказываемые, имеют стоимость (или «абсолютную стоимость», т.е. рабочее время) не потому, что врач **181//182** затрачивает на их производство свои знания, опыт, интуицию, свое умение своевременно получить объективную информацию об отклонениях в работе организма своих пациентов, а проанализировав ее, наметить и осуществить оптимальную технологию медицинского вмешательства, включая профилактические мероприятия, а потому, что он ест хлеб и не ходит голым!

Именно под таким углом зрения большинство советских политэкономов рассматривают труд артиста, врача, учителя, писателя, машиниста пассажирского локомотива, команды теплохода, экипажа самолета, почтальона, повара и т.д. с той лишь разницей, что во-первых, вместо

«абсолютной стоимости» приходится оперировать товарной стоимостью и во-вторых, во включении в величину стоимости произведенных услуг помимо стоимости жизненных средств, потребленных производителем услуг, также и стоимости второй составляющей прошлого труда – стоимости средств производства услуг.

Если вернуться к нашей упрощенной до предела модели, то очевидно, совершенно иначе обстояло бы дело на острове, если бы вместо артиста туда б занесло работника советской торговли. Уж чей-чей, а его труд вне всякого сомнения пришлось бы отнести к производительному, т.к. по принятой ЦСУ СССР классификации, торговля есть производство, причем не абы какое, а материальное. Ясно дело, по мнению и постановлению большинства политэкономов общий объем производства (исключительно материального!) на острове возрос бы на «продукт» 200-часового труда (времени, в течение которого пятый островитянин в поте лица своего «материально-производительно» трудился бы над дележом продуктов, произведенных «коренными» островитянами), и был бы доведен до продукта 1000-часового труда, а душевой объем производства и потребления не упал бы до отметки 160 часов, а остался бы на уровне 200-часового труда.

В связи со сказанным должен сделать два замечания.

1. При социализме торговля, призванная обеспечить эквивалентность прехода товаров народного потребления от обобщественного общенародного собственника к обособленным, – необходимая составляющая экономики, и в этом смысле труд в торговле является общественно полезным. В том, что этот труд не создает никаких новых потребительных стоимостей и является непроизводительным, не должно быть и нет ничего «обидного», принижающего значимость этого труда в сфере обращения товаров. При социализме без такого труда обойтись невозможно, и «повинны» в этом не работники торговли, а сами производительные работники, создающие материальные и духовные ценности, вся система производственных отношений социализма, основанная на взаимопроникновении двух взаимно противоположных типов собственности (обобщественной и обособленной), частичного разделения факторов производства этими отношениями и необходимости организации взаимообусловленного обмена жизненными средствами и рабочей силой между их владельцами. **182//183**

2. Ироническое замечание по поводу классификации ЦСУ СССР адресовано не статистикам, а обществоведам, которые в принятых статистикой классификациях видят чуть ли не верховный критерий истинности своих логических построений (см., напр., [265.54–55; 261.82, 86–87]). Статистикам нужно делать свою работу; им некогда ждать, пока обществоведы решат, наконец, дискутируемые в течение десятилетий проблемы. Волей-неволей статистике приходится принимать какую-то точку зрения на тот или иной вопрос. Не теория должна сообразовываться со статистическими классификациями, а статистика должна учитывать в своей практике достижения общественных наук, развитие которых предполагает использование фактического статистического материала, его творческое осмысление, а не бездумное использование в готовом виде.

4.8. Экономические отношения социализма и социалистическое государство

В лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу за классовое господство; победивший пролетариат... вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть весь этот хлам государственности

Ф.Энгельс [21.201]

Даже после уничтожения классов в социалистическом обществе (первая фаза коммунизма) пролетарское государство будет необходимо для охраны общественной (социалистической) собственности и равенства труда, для охраны социалистического принципа «Кто не работает, тот не ест».

Н.А.Вознесенский [99.190]

В данном параграфе мы полностью отвлекаемся от всех внешних функций социалистического государства и учреждений, их осуществляющих, и рассматриваем государство таким, каким бы

оно было, если бы отношениями реального социализма было охвачено все население Земли, или, если угодно, если бы размеры суши нашей планеты были ограничены, скажем, территорией СССР.

Несомненно, в условиях существования государств, стоящих на различных социально-экономических ступнях развития, в условиях мирового противоборства социализма и капитализма функции социалистического государства не ограничиваются функциями, имманентными социализму как **183//184** таковому. Более того, в настоящее время в структуре реальных социалистических государств удельный вес институтов, призванных осуществлять внешние функции государства, скорее всего, превышает удельный вес институтов, осуществляющих имманентные социалистической формации (см. [стр. 39–40](#)) государственные функции. Об этом можно судить по соотношению тех затрат живого и прошлого труда, которые необходимы для осуществления социалистическим государственным аппаратом, с одной стороны, своих внешних функций (сюда по-видимому, можно отнести затраты на содержание и материально-техническое обеспечение вооруженных сил и органов госбезопасности, призванных охранять территориальную целостность и суверенитет социалистического государства, защиту его сухопутных и морских рубежей, а также воздушного пространства) и, с другой стороны, своих внутренних функций (затрат на содержание милиции, судов, тюрем и других органов принуждения).

Тем не менее в первую очередь должна быть рассмотрена та составляющая социалистического государства, которая, взаимодействуя с хозяйственным механизмом социалистического общества, определяет функционирование социализма, понимаемого как диалектическое единство его базиса и надстройки. Ясно, что такой компонентой является лишь та часть социалистического государственного аппарата (государства), которая связана с реализацией его внутренних, а не внешних функций. (Разумеется, имманентная социализму надстройка, взаимодействующая со своим базисом, помимо государства, включает и другие институты, например, идеологию, мораль.)

В параграфе 3.1 отмечалось, что в ходе социалистической революции пролетариат – антипод буржуазии – берет государственную власть и свои руки и разбивает старый государственный аппарат, являвшийся средством насильственного подавления и угнетения трудящегося большинства меньшинством эксплуататоров. Без взятия пролетариатом государственной власти невозможны изъятие средств производства из частной-2 собственности – основы основ буржуазных производственных отношений – и передача **184//185** их в общенародную собственность; это обусловлено необходимостью преодоления сопротивления буржуазии, в интересах которой сохранение (а не уничтожение) системы капиталистической эксплуатации.

Именно подавление сопротивления свергнутого, но не уничтоженного класса капиталистов является одной из важнейших функций пролетарского государства в переходный от капитализма к социализму период.

Однако для социализма в целом (а не только для переходного периода) указанная функция характерной не является; тем не менее *государство как элемент надстройки* продолжает сохраняться и в условиях развитого социализма.

Отметим здесь, что выдвигаемая концепция разделяет точку зрения А.М.Еремина, который в том, что принято ныне называть социалистическим **государством**, видит, выражаясь словами В.И.Ленина, «полугосударство», «переходное государство», «неполитическое государство». «В этом специфика социалистического государства в "собственном" (т.е. сугубо "надстроечном") смысле, не как государство, осуществляющее лишь "вмешательство" в экономику..., а как общественной организации экономического развития страны» [[119.22](#)]

Тот кровопролитный, дикий и варварский способ, которым большевики установили диктатуру пролетариата над буржуазией (путем методического физического истребления ее бывших представителей и членов их семей, продолжавшегося даже тогда, когда капиталисты уже фактически были превращены в пролетариев) в сочетании с бесславным финалом своего безраздельного правления, едва ли были идеалами I и II Интернационалов, идеалами марксизма во времена живых Маркса и Энгельса.

Очень похоже, что установившийся режим лишь номинально был диктатурой пролетариата, фактически это была диктатура верхушки партии над всей страной, которая до конца своего правления вынуждена была носить и всячески оправдывать маску радетеля интересов рабочих и всего трудового народа.

В этой связи мы должны коснуться о так называемой хозяйственно-организаторской функции социалистического государства. Считается, что социалистическое (в отличие от досоциалистических) государство выполняет целый ряд новых функций, и в первую очередь, функцию управления экономикой социалистического общества, в собственности которого находятся средства производства. Так, Л.И.Абалкин пишет: «Новое заключается прежде всего в том, что государство, осуществляя присущие ему функции политического руководства обществом, все более превращается в организацию, выполняющую функции управления экономикой. Социалистическое государство становится в силу этого экономическим центром страны и организатором общественного производства. Оно планомерно осуществляет развитие производительных сил, их рациональное размещение по территории страны, обеспечивает ускорение научно-технического **185//186** прогресса» [80.48].

С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы Л.И.Абалкин сделал оговорку о том, что под «государством» он имеет не государство в строгом, собственном смысле, а лишь «государство» в обыденном (ненаучном) словоупотреблении, как обозначение полугосударственного института, выполняющего не только все государственные (в собственном смысле), но и целый ряд исключительно важных для общества негосударственных функций. Ведь то новое, о чем говорит Л.И.Абалкин, принадлежит вовсе не надстройке (элементом которой и только которой является государство), а базису; более того – по отношению к труду по управлению единым хозяйством социалистического общества остается справедливой следующая характеристика, данная К.Марксом: «Это – производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства» [3.422], – более полно это место уже цитировалось на [стр. 170–171](#).

Иначе говоря, данная составляющая социалистического «государства» и его функций на деле оказывается негосударственной; в противном случае пришлось бы придти к нелепейшему выводу о том, что государство должно сохраниться и при коммунизме, а труд по реализации (осуществлению, исполнению) государственных (надстроечных) функций лежит в сфере производительного труда.

Но если социалистическому государству, являющемуся при социализме одним из основных элементов надстройки, взаимодействующей со своей противоположностью – базисом – и образующей с ним (базисом) социалистическую общественно-экономическую формацию, внутренне не присущи ни внешние функции, выходящие за пределы социалистической формации, ни функции управления социалистической экономикой, то что же в таком случае, собственно говоря, остается от социалистического государства?

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся еще раз к тому, о чем уже говорилось в предыдущих параграфах, и обратимся к работе В.И.Ленина «государство и революция». **186//187**

В параграфе 3.1 было отмечено, что собственное развитие капиталистически организованного общества приводит к такому обострению основного противоречия капитализма (между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением продуктов труда), что происходит его разрешение: частнокапиталистическое присвоение прекращает свое существование благодаря уничтожению частной-2 собственности на средства производства.

Вместе с тем (см. параграф 4.4) было обращено внимание на то, что поскольку разрешение противоречий капитализма не вызывает необходимости уничтожения семейного способа присвоения жизненных средств и производства рабочей силы на базе обособленной (семейной, личной) собственности, то институт обособленной собственности сохраняется и при социализме.

Наконец, в параграфе 4.6 был показан механизм движения продуктов труда (средств производства и жизненных средств) и рабочей силы в двуедином процессе социалистического воспроизводства, включающего процессы производства π рабочей силы и производства Π продуктов труда.

Социалистический способ производства, который функционирует в противоречивой системе противоположных типов собственности: обобществленной общенародной на средства

производства (а значит, и производимых при посредстве последних всех продуктов труда, в том числе и всех жизненных средств) и обособленной на предметы потребления (а значит и на воспроизводящуюся при их посредстве часть рабочей силы) основан на постоянном взаимообусловленном встречном движении определенной части жизненных средств и соответствующего этой части эквивалента, выраженного рабочей силой, через границу этих противоположных друг другу типов собственности.

Но для того, чтобы это движение носило действительно взаимообусловленный характер, необходимо создать и поддерживать такие условия, при которых никто не мог бы потреблять продукты, принадлежащие обществу (или другим его членам) без передачи общенародному собственнику своей рабочей силы, без своего трудового вклада. Поэтому общество организует государственную охрану (т.е. охрану со стороны государства) как обобществленной, так и обособленной собственности. Или иначе: взаимообусловленность **187//188** переходов жизненных средств и рабочей силы через границу межсобственнических владений регламентирована *правовыми нормами*, а значит, *необходимо сохранение «хлама государственности»* (см. [36.80–83]), «ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права» [36.99].

Таким образом, необходимость существования государства – понимаемого как *«особый аппарат для принуждения»* (см. [36.89]) и в первую очередь принуждения к труду, – являющегося элементом надстройки, и при социализме (как и в более ранних общественных устройствах) полностью определяется экономическим базисом общества, а само социалистическое государство служит обеспечению функционирования хозяйственного механизма социализма, основанного на общенародной собственности на средства производства и обособленной собственности на определенную часть жизненных средств. Без особого напряжения ума легко можно себе представить, что произошло бы с экономикой социализма, исчезни вдруг **сейчас** (т.е. при нынешнем уровне социально-экономического развития советского общества) государство – особая надстроечная система учреждений для принуждения (в первую очередь – к труду). Экономические, производственные отношения социализма, его базис нуждаются в *сохранении* государства, и при социализме этот «хлам государственности» действительно сохраняется (и даже, как часто говорят, укрепляется).

Вот как пишет об этом В.И. Ленин.

«...Один... переход средств производства в общую собственность всего общества ("социализм" в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства "буржуазного права", которое *продолжает господствовать*, **поскольку** продукты делятся "по работе"...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества... "буржуазное право" отменяется *не* вполне, а лишь **отчасти**, лишь **в меру** уже достигнутого **экономического переворота**, т.е. лишь по отношению к средствам производства. "буржуазное право" признает их частной **188//189** собственностью отдельных лиц. Социализм делает из *общей* собственностью. *Постольку* – и **лишь** постольку – "буржуазное право" отпадает.

Но оно **остается** все же в другой своей части, остается в качестве **регулятора** (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества...

Это – "недостаток", говорит Маркс, но он неизбежен, ибо... нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и **экономических предпосылок такой переход** отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме "буржуазного права", нет. И **постольку** **остается** еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта» [36.94–95], – жирным шрифтом выделено мной.

Как видим, позиция В.И. Ленина – величайшего продолжателя учения и дела Маркса и Энгельса – ясна и определена. Вместо рассуждений по схеме: «при капитализме – одно, при социализме –

всё наоборот»,– со всей глубиной показан *момент преемственности* между новым и старым, между социализмом и капитализмом во взаимосвязанных и взаимодействующих формационных слоях: экономике, праве и государстве.

В.И. Ленин пишет: «Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма...

В первой своей фазе, на первой ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение "узкого горизонта *буржуазного* права" – при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права...

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни **189//190** капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек "буржуазного" права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма» [[36.98–99](#)]. **190//191**

Глава 5. Социальная структура социалистического общества

В великой битве за коммунизм (внутри страны) качественно изменился фронт борьбы нового против старого. Сейчас в нашей стране не класс противостоит классу, а весь советский народ борется против того, что стало старым, рутинным и в рабочем классе, и в колхозном крестьянстве, и в советской интеллигенции.

С.П.Дудель [117.204]

5.1. Общие замечания

Центральным пунктом, ядром диалектики общественного развития являются социальные противоречия.

Г.М.Штракс [296.3]

Как было отмечено в параграфе 4.6, специфической особенностью социализма (в отличие от прежних, антагонистических общественных устройств) является то, что здесь *субъекты отношений противоположных друг другу общественной (обобществленной) и личной (обособленной) форм собственности, наличием которых определяются производственные отношения социализма, представлены одними и теми же (а не разными) людьми.*

Это обстоятельство исключает использование *классового* подхода при анализе внутренних, имманентных социализму процессов и явлений, поскольку классы – это *большие (отдельные) группы разных людей.* (Еще раз напомним, что мы по-прежнему абстрагируемся от факта существования в реальных социалистических обществах групповой формы собственности на средства производства. Однако во всех случаях, когда речь идет не о внутренних, присущих социализму как таковому, процессах и явлениях, а о явлениях, связанных с внешним взаимодействием социализма, например, с капиталистическим миром, – классовый подход должен сохранять свое первостепенное значение.)

Вместе с тем марксистская теория классов и классовой борьбы, которая не может быть механически перенесена на уничтожающее классы **191//192** послекапиталистическое общество, но которая «впервые проводит это стремление (сводить индивидуальное к социальному, – В.А.) с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки» [57.428], которая «потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью» [57.429], настолько богата по своему содержанию, что полный (абсолютный) отказ от нее при исследовании чрезвычайно сложных и разнообразных явлений внутри послекапиталистических обществ был бы равносильен тому, как если бы с водой выплеснули и младенца.

«Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации.* Взявши за исходный пункт основной для **всякого** человеческого общежития факт – способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ними те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений ("производственных отношений" по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями мысли. **Каждая** такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и **перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм.** Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты... На место рассуждений

субъективистов об "обществе" вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мешанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов) – было поставлено *исследование определенных форм* устройства общества. Во-вторых, действия "живых личностей" в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были **192//193** обобщены и сведены к действиям групп личностей...– одним словом, к действиям *классов*, **борьба** которых определяла **развитие** общества... На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс,– воззрение, без которого, конечно, не могло бы быть общественной науки» [57.429–430],– жирный шрифт и разрядка мои.

Как видим, проблема вырисовывается предельно ясно.

С одной стороны, марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы и **только эта** теория освободила общественные науки от субъективизма и превратила социологию в подлинную **науку** об обществе. Именно эта теория, теория классов и классовой борьбы позволила вскрыть движущие силы развития досоциалистических общественных устройств – исторически определенных социальных организмов.

С другой стороны, эта теория в том ее виде, который был достаточен для научного анализа капиталистического (и более ранних феодального и рабовладельческого_ общества, а также общества переходного от капитализма к социализму периода, непригодна для исследования социалистического, исторически определенного и реально данного общества, не говоря уже о попытках исследования безбрежного социализма-коммунизма.

В то же время научный, основанный на методологии историко-диалектического материализма подход к вскрытию сущности социализма (социализма как общества и как формации, см. параграф 1.4) предполагает вскрытия его *социальных противоположностей*, борьба которых и является движущей силой превращения его в **высшую по отношению к нему** фазу. А равноценным теории классов и классовой борьбы эквивалентом, который мог бы быть применен к анализу развивающегося по всеобщим законам диалектики социализма, наука пока не располагает.

Читатель, должно быть, догадался уже, куда гнет автор выдвигаемой концепции, поскольку в третьей главе мы подходили к этому вопросу вплотную. **193//194**

Из теории классов и классовой борьбы нам известно, что борьба классов определяет развитие того или иного классового общества вплоть до его отрицания, до превращения его в высшую по отношению к нему форму. Но это развитие – и в итоге превращение – определяется борьбой не всяких, а лишь *основных* для данной формации *классов*. А что такое основные классы? – Да не что иное, как противоположные социальные полюса, *диалектические противоположности общества*, которые сокращенно я называю **диапротóбами**. Рабы и рабовладельцы, крестьяне и помещики, пролетарии и капиталисты – таких классов (больших **групп** людей), интересы которых были бы диаметрально противоположным, социализм не знает, поскольку отсутствует экономическая основа для такого деления общества и такого

Номинальное равенство всех к средствам производства по Конституции СССР, безусловно, было. Однако последовавшая через десяток лет приватизация показала нечто дополнительное. *Фактически* некоторые оказались более равными, а большинство – менее равными.

В результате очень многим «слугам народа» удалось повернуть то, чего не получилось, наверное, ни у кого из представителей «его величества рабочего класса».

Штука в том, что партийное, советское, отраслевое, профсоюзное и прочее чиновничество районного и повыше масштаба было ближе к **фактическому распоряжению на деле** общенародными средствами производства, чем остальные хозяева (господа, если хотите) общенародного богатства.

Это все равно как в старое время смышленный крепостной крестьянин, которого богатый барин-помещик оставлял за себя управляющим своего поместья, расположенного где-нибудь в Саратовской губернии (барин-то предпочитал жить в Петербурге или Москве и блистать там на балах), на деле, фактически разорял своего помещика (из-за отсутствия должного контроля за управляющим) и на деле сам превращался в полновластную держиморду по отношению к своим землякам – братьям по классу.

противостояния внутри общества. **Все** члены социалистического общества одинаково владеют средствами производства.

Классов (больших групп людей) с противоположными интересами, а значит, и классовой борьбы – **нет; борьба противоположностей** развивающегося по диалектическим законам социалистического общества – **должна быть, ее не может не быть**, а значит, **должны быть** и социальные образования – **диалектические противоположности общества** (диапротобы) социализма. Таким образом, выдвигаемая концепция каждую пару основных классов рассматривает как пару диапротоб, но не всякую пару диапротоб – парой основных классов. На поиск диалектических противоположностей общества социализма, не являющихся классами – большими группами людей, – и которые я называю **классоидами** социализма, на вскрытие этих полюсов социалистического общества, взаимодействие и борьба которых определяет развитие социализма и его качественное превращение в коммунистическое общество, на их поиск и направлена, в конечном счете вся данная работа, начиная с ее заглавия и кончая последней страницей рукописи.

Понятие диапротоб шире понятия классов. К началу XX века диапротобы успели проявить себя лишь в специфической, несовершенной уродливой форме, в форме *классов* с антагонистическими противоречиями между ними. Лишь после социалистической революции, которая кладет конец эксплуатации одних классов другими, начинается подлинная история **194//195** человеческого общества. Ему предстоит еще долгий путь социального развития в полном соответствии с законами диалектики. Но именно поэтому этот процесс не может протекать без раздвоения общества на противоположности – на диапротобы, – без борьбы, протекающей внутри, в самом обществе – без борьбы диапротоб (без диапротобной борьбы), – ведущей к разрешению противоречий между ними и... к рождению новых диапротоб, а значит, и к продолжению борьбы (но уже между новыми диапротобами нового общества), к продолжению развития общества и восхождения его на все более высокие ступени социально-экономического прогресса!

Таким образом, концепция диапротоб (классов и классоидов) и их борьбы включает в себя как частный случай теорию классов и классовой борьбы и должна будет взять из последней все, что имеет непреходящее значение и для бесклассового (классоидного) общества. В первую голову это относится ко всем цитированным в данном параграфе положениям из «Экономического содержания народничества» В.И.Ленина.

В этой связи нетрудно заметить, что выдвигаемая концепция разделяет приведенную И.И.Кузьминовым в «Очерках политической экономии социализма» следующую мысль А.Богданова: «Кто считает борьбу между людьми необходимым условием их развития, тот просто обобщает свой узкий опыт, грубо перенося прошлое в будущее. Нередко человек, воспитанный на розге, считает невозможным без ее помощи научить детей чему-нибудь» [164.141]. Однако с тем, для чего И.И.Кузьминов приводит эту цитату, согласиться не представляется возможным, и вот почему.

Полемизируя с Я.Кронродом по вопросу о движущих силах развития социалистического общества, полагая, будто при социализме роль движущих сил развития переходит от противоречий и борьбы противоположностей к силам единства, коллективизма, товарищеского сотрудничества (см. [164.140–142] и ср. с учением П.А.Кропоткина о «взаимопомощи» людей, противопоставляемым марксистской теории классов и классовой борьбы в качестве движущей силы общественного развития, – см. [222.315]), И.И.Кузьминов утверждает: «Еще А.Богданов справедливо замечал: "противники **195//196** товарищеских отношений утверждают, что сами по себе эти отношения застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми, в виде войн, конкуренции, группового антагонизма... только она, по их мнению, вызывает развитие и гарантирует его непрерывность". Автор совершенно правильно указывал на огромное значение отношений товарищества как могучего стимула и движущей силы общественного развития» [164.141].

Как видим, А.Богданов, а вслед за ним и И.И.Кузьминов полагают, что если общество

поляризовано на противоположности, между которыми имеются противоречия и идет борьба (а именно этому, только безо всяких «если» учит диалектика; именно столкновение противоположных устремлений, противоположных интересов, за которыми кроются какие-то социальные силы нашего общества – силы, которые нам пока еще не удалось идентифицировать, но которые действуют не по ту сторону социализма, а в нем самом, – а не идиллическую картину гармонии и товарищеского сотрудничества по принципу «один за всех, все за одного» видим мы в повседневной жизни реального социализма), то, во-первых, эта борьба должна быть непременно классовой борьбой (борьбой между группами людей) и, во-вторых, по их мнению, борьба эта должна быть обязательно борьбой антагонистов.

Но грубым переносом прошлого в будущее является не признание всеобщности диалектики, ее законов и категорий, признания их действия не только в природе, но и в общественной жизни, абсолютизация социальных *антагонизмов, классовых форм* борьбы внутри общества.

И.И.Кузьминов полагает, что разделение общества на классы, т.е. на большие группы людей является единственно возможным делением общества на диалектические противоположности (см. рис. 5.1). Он не допускает и мысли о том, что в социалистическом обществе, в котором нет *классовых* противоположностей, деление общества на диалектические противоположности, а следовательно, и «фронт» борьбы между ними могут оказаться совсем не такими, как в антагонистически-классовых обществах, а принципиально иными (см. рис. 5.2): «основное противоречие присуще лишь **196//197**эксплуататорским формациям, основанным на расколе общества на антагонистические классы, и не присуще социализму и коммунизму, характерной чертой которых являются глубокое внутреннее единство» [164.142].

Рис. 5.1. Диалектические противоположности классового общества. Кружками обозначены отдельные люди, члены общества; совокупности кружков, окрашенных соответственно в белый и черный цвета, – это диапротобы (классы) общества.

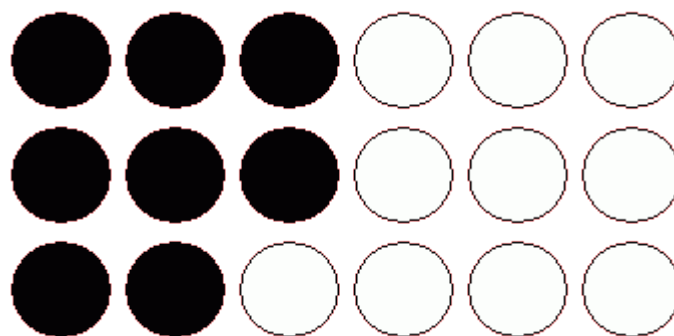
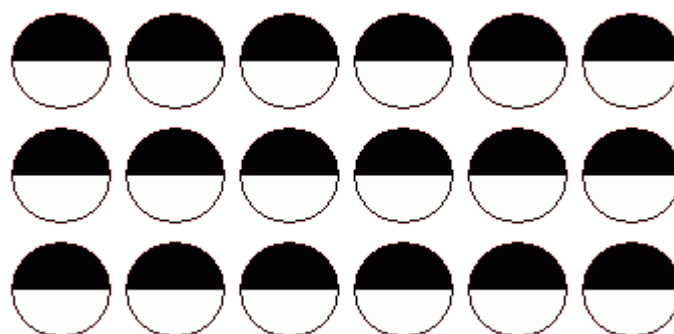

Рис. 5.2. Диалектические противоположности бесклассового (классоидного) общества. Кружками обозначены отдельные люди, члены общества; совокупности частей кружков, окрашенных соответственно в белый и черный цвета, – это диапротобы (классоиды) общества.

Словно возражая И.И.Кузьминову, А.М.Минасян, точку зрения которого я полностью разделяю по данному вопросу, пишет: «Есть и такие авторы, которые... без обиняков, прямо заявляют, что не противоречие, а единство является источником развития... При этом они ссылаются на классиков марксизма-ленинизма, которые будто не утверждали, что развитие осуществляется на основе противоречий».

Однако ссылка на классиков марксизма-ленинизма является просто извращением фактов, ибо классики с научной неопровержимостью доказывали, что противоречия носят *всеобщий* и

объективный характер, что развитие происходит именно на основе противоречий и иначе происходить не может» [114.117]. Сущность действительных явлений «как раз и есть их внутренняя противоречивость. Нет и не может быть единства, которое не раздваивалось бы на противоположные стороны. Допускать единство без его раздвоения – значит увековечивать его, возвести в абсолют, т.е. значит отрицать развитие и впасть в метафизику» [114.118]. 197//198

Что же касается сил единства, коллективизма, товарищеского сотрудничества, то при социализме им принадлежит исключительно важная роль. Именно эти силы социалистического общества, имеющие своего социального носителя, о котором мы будем вести речь в этой главе, являются наступательными силами за преобразование социалистических производственных отношений в собственно коммунистические. В этой борьбе им противостоят другие силы, противодействующие преобразованию социалистических производственных отношений в коммунистические, о социальном носителе которых также будет идти речь в нижеследующих параграфах.

Видеть источник развития социалистического общества лишь в отношениях коллективизма и товарищеского сотрудничества и взаимопомощи – значить не видеть того, что любые социальные изменения в обществе могут быть либо прогрессивными, либо регрессивными, что эти изменения происходят в результате изменения соотношения противостоящих друг другу социальных сил с их противоположными интересами, в результате борьбы взаимодействующих противоположностей общества.

5.2. Критика общепринятого деления социалистического общества на рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию

Уже давно многие социологи и экономисты... высказали мнение, что существование классов вовсе не является всеобщей закономерностью социализма, что они не присущи внутренне социализму.

Н.А.Антонов [82.40]

Принято считать, что социалистическое общество состоит из рабочего класса, класса колхозного крестьянства и кроме того (*а не в том числе*) интеллигенции, *не являющейся классом*.

Такое представление о социальном составе социалистического общества сложилось не сразу.

«То, что я сделал нового, – писал К.Маркс в 1852 году, – состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [10.427].

«Создатели теории научного коммунизма считали, что классовые различия исчезнут уже на низшей стадии коммунистической формации, т.е. при социализме... Такая точка зрения о ликвидации классовых различий высказывалась и в партийных документах вплоть до середины 30-х годов» [173.433].

Однако в 1936 году И.В.Сталин, основываясь на эмпирике социально-экономических преобразований, осуществленных в СССР (фундаментальной социально-экономической теории, обобщающей закономерности диалектического развития социализма и перерастания его в коммунизм мы не имеем и по сей день), сделал вывод о том, что советское социалистическое общество состоит из двух дружественных классов – рабочего класса и колхозного крестьянства, – а также народной интеллигенции (см. [259.510–512]). Эта точка зрения была, конечно же, поддержана, а впоследствии распространена и на социалистическое общество вообще, что аргументировалось, например, следующим образом: «В реальной действительности и мировой системе социализма нет ни одной страны без кооперативно-колхозной собственности и есть основания думать, что и не будет» [207.208]. «Наличие двух форм собственности составляет одну из основных особенностей социализма, отличающую его от высшей фазы коммунизма... Народ, являющийся собственником

государственных средств производства, при социализме состоит из двух классов: рабочего класса и колхозного крестьянства, что определяется наличием двух форм социалистической собственности» [207.207],– курсив мой.

«В формуле "два класса и один социальный слой" схвачено главное в структуре социалистического общества, где нет эксплуататорских классов и групп, где остатки мелкого производства ничтожны. И нет оснований отказываться от этой формулы» [136.136],– утверждает М.Н.Руткевич. 199//200

При этом рабочий класс и колхозное крестьянство рассматриваются как **основные классы** социалистического общества (см., напр., [173.15; 222.304]).

Позиция более, чем странная.

Во-первых, наличие колхозно-кооперативной формы собственности с странах социализма обусловлено, как уже отмечалось в параграфе 4.4, лишь тем, что к моменту победы социалистической революции в этих странах еще не вся экономика оказалась охваченной буржуазно-пролетарскими отношениями, а в социальном составе этих стран, таким образом, *сохранился неосновной даже для капитализма класс мелкой буржуазии* (в большинстве своем крестьянства). «Из всех классов, которые противостоят теперь *буржуазии*,– писали основоположники научного социализма в 1848 году,– **только пролетариат** представляет собой действительно революционный класс. **Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются** с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт» [17.434],– курсив и разрядка мои.

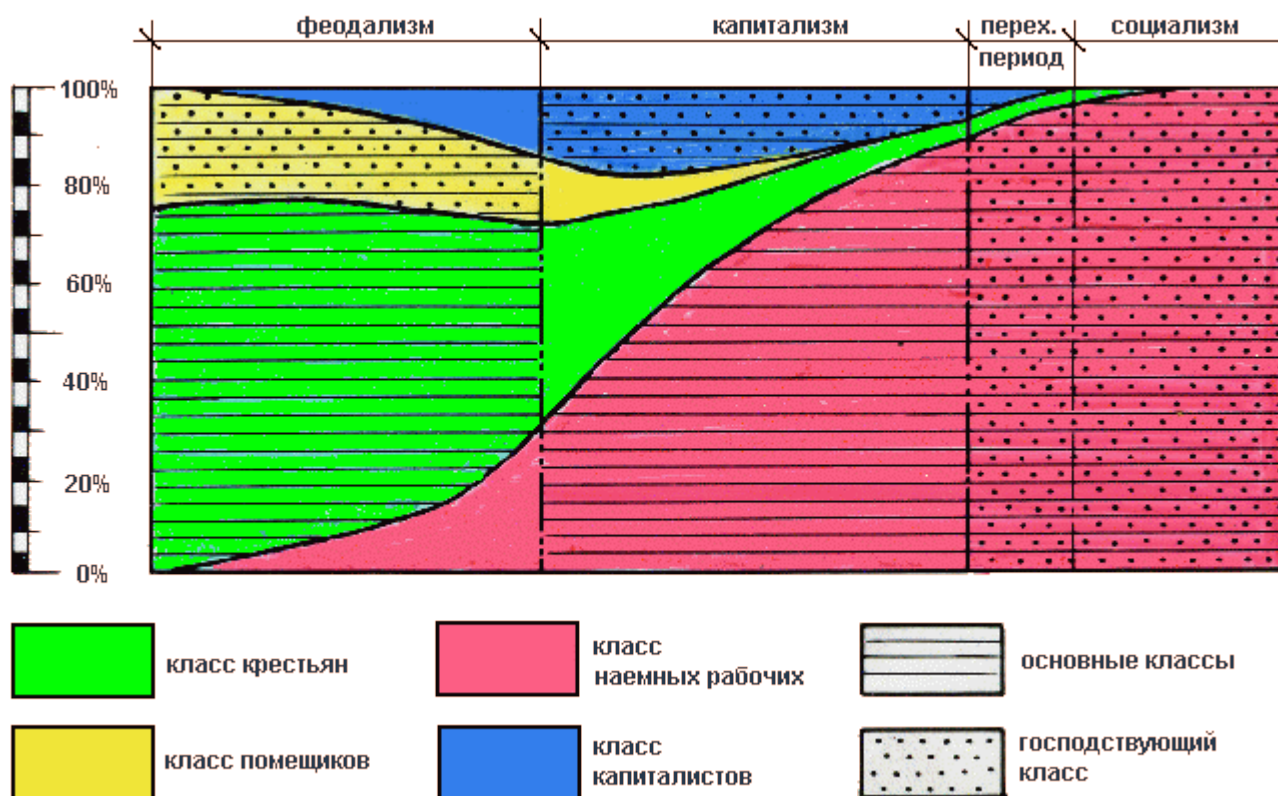

Рис. 5.3. Изменение классового состава общества в процессе его развития от феодализма до социализма.

Как видим, по Марксу процесс *уничтожения всех классов*, за исключением **буржуазии** и **пролетариата**, происходит (хотя и не всегда доходит до своего завершения,– см. рис. 5.3) уже в капиталистической фазе развития общества. Именно этим теоретическим выводом, являющимся составной 200//201 частью марксизма (т.е. теоретического, по выражению В.И.Ленина, обоснования уничтожения классов вообще) я руководствовался в параграфе 2.3, когда обосновывал необходимость абстрагирования от следствий, вытекающих из *случайного* факта сохранения в

буржуазном обществе к моменту социалистической революции несущественного для капитализма неосновного класса мелкой буржуазии (о необходимости абстрагирования от всего случайного см. в параграфе 1.4). Но именно с этим теоретическим выводом и расходится утверждение о том, будто в социалистическом обществе «крестьянство, являющееся в своем роде уникальным классом» (основным при феодализме, неосновным при капитализме) «опять становится одним из двух основных... классов» [173.15].

То, что кооперированное крестьянство не является *необходимым элементом* социалистического общества, хорошо понимают многие обществоведы. Так, Н.А.Цаголов еще в 1959 году отмечал, что «наличие классов (рабочего класса и колхозного крестьянства, – В.А.) не является позитивным конструктивным признаком социализма... Никто не доказал, что на всем пути развития социализма существование двух классов обязательно» [283.396]. В.С.Семенов в 1965 году писал: «Вовсе не всегда обязательно сохранение при социализме, до его полной и окончательной победы, классовых различий между рабочими и крестьянами» [247.10].

Г.Е.Глезерман в 1966 г. утверждал, что разделение на классы не является конституитивным признаком социализма и что в принципе мыслимо существование социалистического общества и без классов (см. [157.145]).

О.И.Шкаратан, 1970 г.: «Существование классов не продиктовано имманентно присущими социализму как первой фазе коммунизма социальными отношениями, а является рудиментом классово антагонистического общества» [294.84].

А.И.Пашков утверждал в 1973 г.: «Теоретически можно допустить, что классовые различия между рабочим классом и крестьянством исчезнут раньше, чем будут другие сложные задачи коммунистического строительства... Иначе говоря,... общество может стать полностью бесклассовым, оставаясь социалистическим» [212.38]. Данное утверждение ценно тем, что высказано автором, который в 1960 г. предполагал, что полное слияние колхозной и общенародной собственности не будет предшествовать превращению социалистического общества в коммунистическое (см. [210.40–41]).

Таким образом, если рабочие и кооперированные крестьяне по отношению друг к другу даже и были бы при социализме классами (решение этого вопроса гипотезой будет дано чуть ниже), то кооперированное крестьянство могло бы рассматриваться лишь как *неосновной* (т.е. случайный) класс *социализма*, а не как его *основной* (необходимый) класс.

Во-вторых, сам довод о том, что наличие различных *форм* однотипной *общественной социалистической собственности* на средства производства, 201//202 различающиеся лишь *уровнем* социалистического обобществления, *предопределяет* и *обуславливает* деление общества на классы – собственников обобществленных до общенародного уровня средств производства и собственников средств производства, тоже обобществленных, но до несколько менее высокого уровня*, – этот вывод является слишком поспешным и опрометчивым.

До сих пор никому еще не приходила в голову мысль о том, чтобы при рассмотрении современного буржуазного общества расчленив буржуазию на отдельные, самостоятельные «классы» или пускай даже «не вполне классы», обусловленные наличием *различных форм* однотипной буржуазной (т.е. частной-2) собственности, например, на «класс» самостоятельных капиталистов, «класс» акционерных капиталистов и «класс» государственных капиталистов.

Мало того. До сих пор никому еще не приходила в голову мысль и о том, чтобы расчленив пролетариат переходного от капитализма к социализму периода на «класс» рабочих, работающих уже на *своих* общенародных средствах производства, и на «класс» рабочих, продолжающих еще работать на *чужих* средствах производства, принадлежащих хозяевам частного-2 капитала. А ведь между тем социальные различия между последними двумя «рабочими классами» куда значительнее, нежели различия между «рабочим классом» и «классом колхозного крестьянства».

Если уж и стоять на позициях, согласно которым собственники различных форм общественной социалистической собственности относятся к разным классам, то куда логичнее было бы полагать, что в СССР общенародной социалистической собственности соответствует не «рабочий класс», а «народный класс», в который входят и рабочие, и колхозники, и работники умственного труда; что групповой форме собственности соответствует «класс колхозного крестьянства». Это было бы логичнее, поскольку отношениями общенародной собственности *объединены все*

* «...Основной классообразующий признак – различие в отношении к средствам производства – еще не утратил своего значения, хотя это различие уже не коренное, поскольку оно касается лишь разновидностей однотипной социалистической собственности» [106.119].

трудящиеся, в том числе колхозники и интеллигенты, а не одни рабочие. Это было бы логичнее, поскольку одно из важнейших **202//203** средств производства сельскохозяйственных продуктов – земля, – на которой трудятся колхозники, является *общенародным* достоянием, а не собственностью колхозов.

Любой тип собственности, в том числе и на средства производства, в различных конкретных условиях может приобретать самые разнообразные формы. Но в том-то вся штука и заключается, что надо всегда видеть то содержание, которое скрывается за разнообразием форм собственности. Это требование вполне соблюдается сторонниками общепринятых взглядов по отношению к досоциалистическим обществам, но о необходимости его соблюдения и при анализе социалистического общества они просто не задумываются.

Мало того, что в качестве главного аргумента приверженцы точки зрения о том, будто при социализме классы сохраняются, руководствуются сомнительным постулатом о том, будто различные формы *однотипной по своему содержанию собственности* определяют *различные* классы; мало того, что этот постулат не только ничем не обоснован, но и противоречит хорошо известным явлениям досоциалистической действительности, – сторонники общепринятого деления общества на на классы даже применительно к последним не до конца последовательны при реализации в теории своей идеи о том, что наличие различных классов при социализме детерминировано различными по форме отношениями собственности к средствам производства различных категорий трудящихся. В самом деле, как можно принимать за чистую монету, скажем, вот это утверждение: «рабочих и колхозников отличает друг от друга... прежде всего не вполне одинаковое отношение к средствам производства, которое является результатом существования двух форм социалистической собственности» [106.119]? Ведь *основная* (общенародная) *форма* социалистической собственности на средства производства не *отличает*, а объединяет и рабочих, и колхозников, которые в своем отношении друг к другу по поводу объектов общенародной собственности абсолютно тождественны, и не только формально.

Надо сказать, что господствующая и в целом общепринятая пока точка зрения на существование классов и на причины их существования при **203//204** социализме не является единственной в современной марксистской литературе.

Так, по мнению О.Н.Альтеровича «не всегда различные формы собственности фатально определяют наличие различных классов» [231.125], а если в силу каких-либо причин в какой-нибудь стране две формы собственности (кооперативная и общенародная) возникнут в промышленном производстве, то «такие разные формы собственности, принципиально единые по своей социалистической природе, **не приведут к расчленению рабочего класса на два класса**» [231.125], выделено мной. Что же касается классов советского общества, то они, по мнению О.Н.Альтеровича, «уже не есть классы в собственном смысле» [231.124].

Еще ближе к взглядам, которых я придерживаюсь в своей концепции, следующая мысль, высказанная Н.А.Аитовым: «Различие в формах одной и той же собственности в условиях капитализма или феодализма не было критерием для различия классов, было лишь основанием для различия отдельных слоев внутри классов. Если подходить строго логически с этой точки зрения к классам социалистического общества и определить, в какой степени они еще классы, то различия между ними будут ближе не к различиям классов, а к различиям слоев» [231.123]. «На наш взгляд... более правильным было бы характеризовать наши классы как не вполне классы, как не классы в полном смысле этого слова» [82.39].

Наиболее близкой к выдвигаемой концепции в вопросе о том, существуют ли классы при социализме, является точка зрения Р.Г.Варганова, который «рассматривает социализм как бесклассовое общество» [231.114] и приводит целый ряд убедительных доводов (см. [231.113–120]) в пользу такого понимания проблемы, подавляющее большинство которых я целиком разделяю (исключение составляют утверждения о товарности общенародных средств производства; о том, что неделимые фонды колхозов лишь формально являются их собственностью и некоторые другие).

С точки зрения выдвигаемой концепции сторонники общепринятых взглядов не заметили **самого главного**. Они не заметили того, что процесс преобразования единоличных, основанных на частной-1 собственности на средства производства крестьянских мелкотоварных хозяйств в крупные коллективные хозяйства, базирующихся на общественной собственности на средства

Здесь, конечно, дана приглашенная оценка процесса кооперирования крестьянства по советскому сценарию. Поначалу крестьяне были просто *закрепощены* в колхозах. *Пролетаризация* их (освобождение от крепостной зависимости и предоставление им личной свободы) произошла позже, после выдачи колхозникам паспортов. Именно тогда у них появился реальный *выбор*, где им выгоднее реализовывать свою рабочую силу.

производства, является в социальном плане не чем иным, как процессом **социалистической пролетаризации** крестьянства, говоря иначе, процессом уничтожения *классовых* различий между крестьянством и рабочим классом. Этот процесс я называю *пролетаризацией* потому, что в нем, как в процессе капиталистической пролетаризации, прежние частные-1 собственники средств производства **перестают** быть индивидуальными собственниками орудий и предметов труда. Этот процесс я называю *социалистической пролетаризацией*, так как в ходе него прежние частные-1 собственники *одновременно* со своей пролетаризацией (т.е. с лишением частной-1 собственности на средства производства), так же, как это происходит в ходе социалистических преобразований с лишенными **204//205** прежде какой бы то ни было собственности на средства производства пролетариями, *становятся совладельцами* отношений *общественной*, т.е. социалистической по своей природе, *собственности* на средства производства. (Кстати, процесс некапиталистического пути развития вообще, очевидно, также основан на социалистической пролетаризации крестьянства.)

Обратимся еще раз к мысли В.И.Ленина, которая уже приводилась в параграфе 3.2.

«Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех – работниками...* Это – задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная... Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен... Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне» [56.276–277].

Та *организационная перестройка* хозяйственного уклада на селе, заключающаяся в переходе от единичного, обособленного к крупному общественному хозяйству, о которой писал В.И.Ленин, *совершена*, иначе трудно было бы объяснить, почему в повестке сегодняшнего дня не стоит вопрос о необходимости перехода в деревне от единичного, обособленного мелкотоварного хозяйствования к крупному общественному. В корне *преобразилась* и *материально-техническая база* сельскохозяйственных предприятий, которые переведены на рельсы высокопроизводительного машинного производства. Но ведь *именно в этом* и видел В.И.Ленин решение второй, и наиболее трудной задачи уничтожения классов рабочих и крестьян. **205//206**

«...Взгляды основоположников марксизма на социализм, опирающийся на общественную собственность на средства производства, как на общественный строй, исключающий классовые различия, в том числе и между рабочими и крестьянами, сформулированы во всей полноте и не допускают никаких кривотолков» [159.322]. В 1936 году теория социализма рассталась этими взглядами, причем рассталась без какой-либо их серьезной критики: просто они были вытеснены, замещены известными положениями доклада И.В.Сталина на Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. (см. [стр. 199](#)). За истекшие с тех пор годы эти сталинские представления о сущностном составе социалистического общества прочно внедрились в сознание, пожалуй, подавляющего большинства обществоведов, что с точки зрения выдвигаемой концепции явилось одной из причин тех затруднений, которые испытывают ныне общественные науки. Жизнь, однако, берет свое: XXVI съезд КПСС, одоббивший Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС, в котором было высказано предположение о том, «что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма» [60.53] (см. также [60.81]), сделал тем самым крупный шаг в направлении преодоления критикуемых концепцией диапротобности (диалектической социальной противоположности) социализма представлений о сущностном социальном строении социалистического общества. По крайней мере, качественная определенность социализма в целом, социализма как такового уже не связывается с его *необходимым* делением на рабочий класс, колхозное крестьянство и

интеллигенцию

Продолжим, однако, критику ставших было чуть ли не ортодоксальными представлений о делении социалистического общества на два класса и один слой. Такая трактовка состава социалистического общества, помимо двух рассмотренных, обладает еще одним крупным изъяном. Чтобы показать его, мы можем оставить в стороне проблему деления социалистического общества на классы рабочих и крестьян и допустить, что оно состоит именно из них. Речь пойдет о месте интеллигенции в социальной структуре социалистического общества.

В параграфе 2.3 уже говорилось о неправомерности деления буржуазного **206//207** общества на буржуазию, пролетариат (т.е. классы) и интеллигенцию («слой»), поскольку отдельные составные части интеллигенции сами принадлежат различным классам и включаются в них.

Каково же место интеллигенции социалистического общества среди называемых ныне классами частей общества, которые детерминированы различными формами однотипной социалистической собственности?

Отметим сразу, что представление об интеллигенции как особом социальном слое, не являющимся классом и *не входящим в классы*, разделяется не всеми исследователями, а иногда оно принимается с оговорками. Так, Р.И.Косолапов видит недостаток «трехчленной формулы рабочий класс – колхозное крестьянство – народная интеллигенция» прежде всего в том, что интеллигенция выделяется «из массы трудящегося населения *не по классовобразующим признакам, а по профессиональной (и только) принадлежности к сфере преимущественно умственного труда*» [155.444], и считает, что «в зависимости от принадлежности к работникам общенародного или кооперативно-колхозного сектора социалистической экономики соответствующие отряды интеллигенции *обладают уже в той или иной степени основными классовобразующими признаками либо рабочего класса, либо колхозного крестьянства, тяготеют к ним*» [155.446].

В этой связи заметим, что в основе возведения И.М.Забелиным интеллигенции в ранг самостоятельного **класса** (см. [127.180]) лежит именно нарушение логического правила деления понятия по одному основанию, та же самая ошибка, на которую обращает внимание Р.И.Косолапов в критике трехчленной формулы.

По мнению А.И.Степонавичюса, интеллигенция также «является органической составной частью трудящихся нашей страны, в том числе рабочего класса и его передового отряда – Коммунистической партии» [208.107].

Остановимся подробнее на утверждениях еще одного обществоведа – О.И.Шкаратана. «В современном советском обществе,– писал он в 1968 году,– учитывая социально-экономические и социально-политические признаки рабочего класса, нам представляется целесообразным отнести всех работников как физического, так и умственного труда отраслей материального производства и обращения, занятых на предприятиях и в учреждениях, **207//208** являющихся общенародной собственностью» [231.111],– см. левую часть рис. 5.4.

Эта же точка зрения высказывалась О.И.Шкаратаном и в 1970 году (см. [294.94–162]), где он дает убедительно аргументированную критику взглядов, согласно которым работники умственного труда, связанные с общественной собственностью на средства производства, отделены от рабочего класса в отдельный слой.

Однако к 1973 году он пересмотрел свою точку зрения. «Один из авторов данной книги принадлежал к тем, кто придерживался этой неверной точки зрения...

Известно, что дискуссии по этому вопросу возникали вначале применительно к капиталистическим странам, и некоторыми учеными была допущена ошибочная аналогия между процессами в капиталистических странах и странах социализма. На самом деле подход к исследованию границ рабочего класса при капитализме и социализме не может быть одинаковым. Ведь в первом случае в основе анализа кладется марксистская концепция пролетаризации широких народных масс, во втором – марксистская концепция ликвидации классов и классовых различий, сближения классов, социальных групп» [90.161–162].

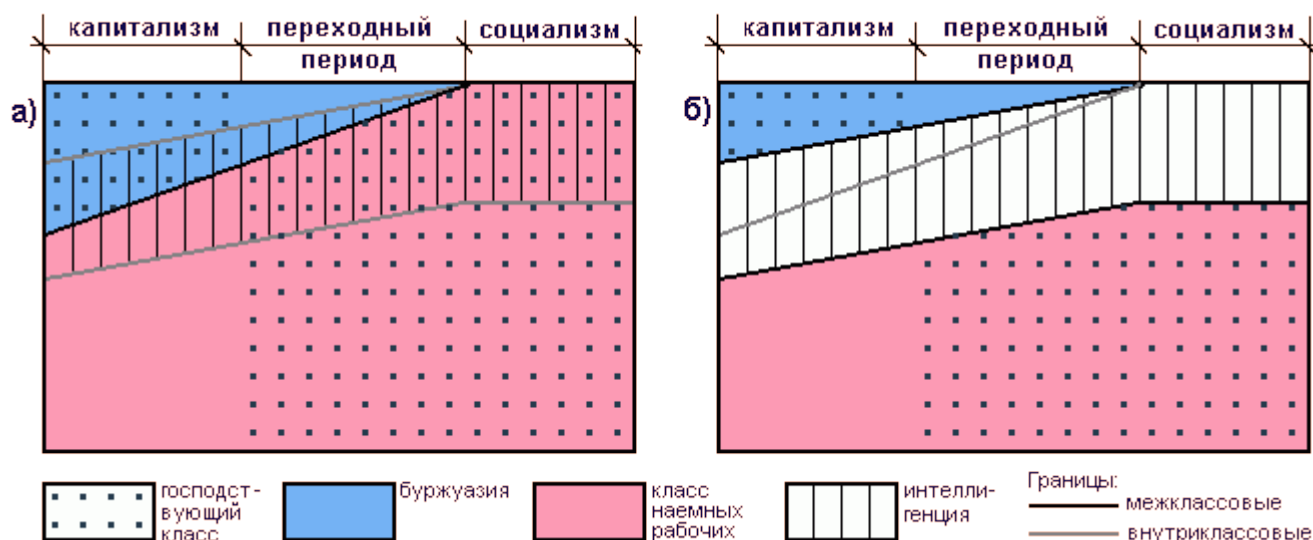

Рис. 5.4. Изменение социально-классовой структуры общества в процессе его развития от капитализма к социализму при проведении «ошибочных аналогий» между социализмом и капитализмом: а) по О.И.Шкаратану (1970 г.); по В.С.Семенову (см. [стр. 69–70](#))

Вот оно, оказывается как! Две разные и несвязанные между собой марксистские концепции! до этого, действительно, надо было додуматься!

В начале этого параграфа уже указывалось на то, что при капитализме «все прочие (кроме противостоящего буржуазии пролетариата и, разумеется, самой буржуазии,— В.А.) классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности» [17.434]. Имеется ли связь между процессом уничтожения всех прочих, кроме пролетариата и буржуазии, классов, процессом, отражение которого является органической составной частью марксизма — теоретического обоснования уничтожения классов — с одной стороны и пролетаризацией капиталистического общества с другой стороны? По «новейшим» взглядам О.И.Шкаратана, видимо, это разные процессы, не имеющие даже общей точки соприкосновения, поскольку описываются, по его мнению, «разными» марксистскими концепциями. 208//209

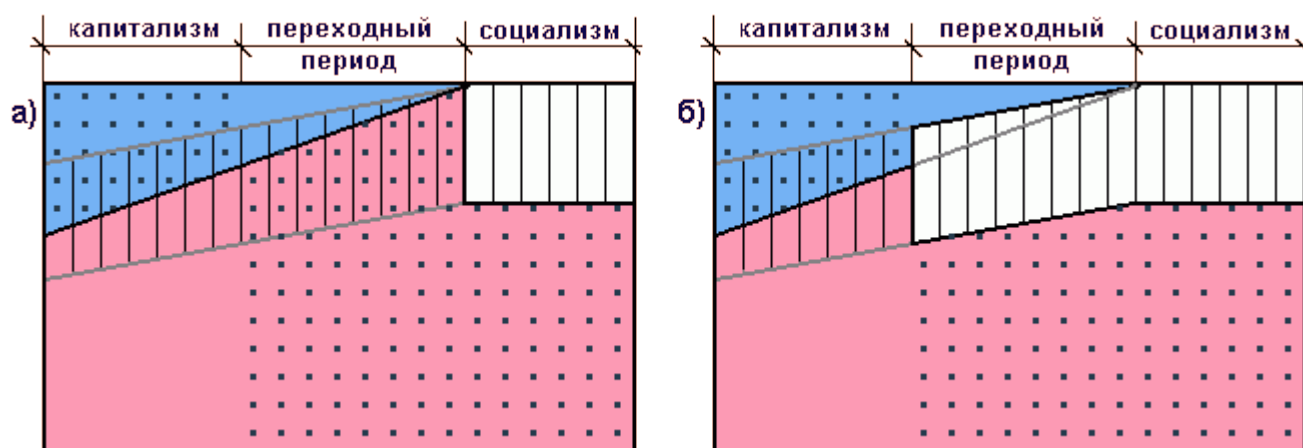

Рис. 5.5. Изменение социально-классовой структуры общества в процессе его развития от капитализма к социализму «в соответствии с двумя марксистскими концепциями» О.И.Шкаратана (1973 г.). Структура переходного периода дана по: а) «первой марксистской концепции»; б) «второй марксистской концепции»

При капитализме «все увеличивающаяся часть работников нефизического труда по всем признакам может быть отнесена к пролетарским отрядам. (Это пишет сам О.И.Шкаратан, и от этой мысли он как будто не отказываясь,— В.А.) Так, в США в 1965 г. в рядах работников наемного

труда они составляли 62%» [294.111]. Представим теперь мысленно, что в этой стране происходит социалистическая революция и устанавливается диктатура пролетариата, т.е. рабочего класса. Тогда что сие должно означать? С какой из «двух разных» марксистских концепций следует оценивать произошедшие изменения в положении рабочего класса?

Если исходить из «первой марксистской концепции», то диктатура пролетариата – это диктатура *всего* того класса (и «синих», и «белых» воротничков), который противостоит в классовой борьбе буржуазии (см. рис. 5.5а). Если же исходить из «второй марксистской концепции», то диктатурой пролетариата окажется диктатура только *части* (в наших 209//210 рассуждениях – тридцати восьми сотых, $100\% - 68\% = 38\%$) того класса, который противостоял в условиях диктатуры буржуазии классу капиталистов в классовой борьбе (см. рис. 5.5б). Получается очень странная и несуразная вещь: когда пролетариат перешагивает из капитализма в социализм, то вследствие смены действия «различных марксистских концепций» он распадается на класс и слой! (Неясным остается, правда, одно: когда – в начале или в конце переходного периода – происходит смена действия этих концепций.) Выходит, что переход от капитализма к социализму, если отказаться от «ошибочных аналогий» и следовать «двум марксистским концепциям» (пролетаризации и уничтожения классов), оказывается не только процессом уничтожения буржуазно-пролетарской классовости, но и процессом, в котором сами социалистические преобразования общественных отношений становятся источником, порождающим новые социальные группы людей. Вот к какой теоретической нелепице приводит абсолютное противопоставление процессов пролетаризации в буржуазном обществе процессам уничтожения классов.

Полагаю, сказанного здесь, а также в параграфе 2.3 уже достаточно, чтобы читатель понял точку зрения предлагаемой концепции относительно существующих представлений о «классовой» структуре социалистического общества и о месте интеллигенции в этой структуре. Она изображена на рисунках 5.3 и 5.4а.

«...Никогда с тех пор как возникли классы, – писал Ф.Энгельс, – не было такого времени, когда общество могло обходиться без рабочего класса. Название, социальное положение этого класса изменялось, место раба занял крепостной, которого в свою очередь сменил свободный рабочий – свободный от крепостной зависимости, но свободный также и от обладания чем бы то ни было на земле, кроме своей собственной рабочей силы. Но всякому ясно: какие бы изменения не происходили в высших, производящих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно придти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество» [26.296]. 210//211

С точки зрения выдвигаемой концепции, это время, когда рабочий класс перестает быть классом, приходит вместе с утверждением социалистических производственных отношений во всех сферах экономики страны (еще раз см. рис. 5.3 и 5.4а).

Подобными выкладками псевдомарксистские теоретики давали понять интеллигенции (и в странах капитала, и в соцстранах): забудьте про марксов Lohnarbeiterklasse, да будь вас не 62%, а хоть все 98% в составе этого класса, все равно в случае социалистического переустройства гегемоном станет класс рабочих физического труда и только он; и вы, и осоциалистиченные крестьяне по уровню социального развития *ниже* нас, а потому, хоть мы и вместе боролись против капитала, то теперь вы выпали из обоймы пролетариата и вместе с буржуазией попадаете *под* диктатуру рабочих физического труда! Знайте свое место, умники-очкарики, да помалкивайте! Править балом и вправлять всем мозги от имени рабочих физического труда будем *мы*, его *певцы-идеологи!*

Как видим, еще задолго до краха своего правления советские ревизионисты, ряженные в шкуры марксистов, четко и ясно обозначили «социалистическую» перспективу как пролетариату в целом (он будет расщеплен, см. рис. 5.5), так и его и интеллектуальному и наиболее образованному отряду (будет поставлен в новом обществе на ступеньку ниже «р-р-рабочего класса»).

Насколько такие посылы способствовали успешному распространению учения Маркса и его дела, думайте сами.

С ее точки зрения при рассмотрении структуры социалистического общества нет **никаких** оснований отказываться не от трехчленной формулы «два класса плюс внеклассовый слой», а от представлений Маркса, Энгельса, Ленина по этому вопросу, т.е. той точки зрения, которая оставалась господствующей вплоть до середины 30-х годов.

Что же касается мнения М.Н.Руткевича, будто формула «2 плюс 1» схватила «главное» – отсутствие эксплуатации, то с этим невозможно согласиться, и не только потому, что отсутствие эксплуатации могут выражать и другие формулы, например, «1 плюс 1» (рабочий класс и интеллигенция), «1 плюс 0» (рабочий класс, в состав которого входит интеллигенция) или «0 плюс 0» (бесклассовое общество).

Ведь главное заключается вовсе не в том, чтобы показать чем (или каким) *перестало* быть общество, а в том, чтобы выявить, чем же оно *стало*. Но для этого формула должна была бы отразить диалектические противоположности социалистического общества (т.е. обнажить диалектически противоречивую сущность **саморазвивающегося** общества социализма, вскрыть присущую ему внутренне способность к **самодвижению**, вытекающую из раздвоения его на социальные противоположности в их неклассовой, принципиально новой классовидной, как я ее называю, форме), чего она сделать *не в состоянии*. Больше того. Она не только не отражает диапротобы социализма, но и *препятствует* их вскрытию.

Главное с точки зрения выдвигаемой концепции заключается в том, чтобы:

– знать, какие именно социальные силы внутри общества являются передовыми, новыми, а какие – косными, старыми (в литературе по философии и научному коммунизму этот вопрос сформулирован как вопрос о структурных элементах социалистического общества, о субъектах исторического развития при социализме, – см. [108.82–83; 272; 289]); **211//212**

– знать *реальное соотношение этих сил*. Только в этом случае, зная противоборствующие социальные силы нашего общества «в лицо», зная сильные и слабые стороны каждой из них, оказывается возможным *научное* управление социальным развитием (движением) нашего общества вперед, к коммунизму. В противном случае в управлении развитием общества неизбежны проявления субъективизма, а в самом развитии общества – усиление стихийных начал с вытекающим из этого замедлением темпов его социально-экономического развития.

5.3. Отношения собственности и диапротобы (основные классовиды) социализма

Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его.

В.И.Ленин [42.194]

Экономический интерес каждой личности при социализме неизбежно содержит две составляющие – его, трудящегося общественный интерес, т.е. интерес в улучшении жизни общества (вместе с ним и своей), и личный материальный интерес в непосредственном улучшении своего экономического положения.

Д.Энттейн [301.20]

Итак, рассмотренный в предыдущих двух параграфах материал позволяет сделать следующий вывод. С реальным обобществлением частных-2 средств производства, с реальным уничтожением системы капиталистической эксплуатации и с реальным обобществлением труда, основанного на частной-1 собственности мелкой буржуазии (т.е. социалистической пролетаризацией крестьянства) научное предвидение основоположников марксизма о том, что «должно придти время, когда он (рабочий класс, – В.А.) не будет уже классом, когда он будет охватывать собой все общество» [26.296], стало действительностью. Однако *бесклассовость социалистического общества не исключает, а напротив, предполагает диалектическую структуру* общества, только благодаря которой оно и сохраняет способность к своему дальнейшему **саморазвитию**. **212//213**

Так как в основе социальных отношений лежат отношения экономические, анализ структуры социалистического общества, выявление его диапротоб должно опираться на анализ экономических отношений социализма и прежде всего, на анализ социалистической системы отношений собственности. Поскольку в главе 4 и, в частности, в параграфе 4.4 этот вопрос мы уже рассматривали, перейдем к непосредственному рассмотрению тех изменений, которые произошли в положении пролетариата, охватывающего теперь уже все общество.

Взяв в свои руки политическую власть, установив диктатуру над своим антиподом – буржуазией, обобществив частные-2 средства производства, ликвидировав эксплуатацию одних (производителей – носителей рабочей силы) другими (собственниками капитала), а тем самым, ликвидировав один из двух основных классов буржуазного общества (или, что то же самое, ликвидировав деление общества на основные классы капитализма – буржуазию и пролетариат, – или еще иначе: ликвидировав вообще деление общества на классы, поскольку социалистическое переустройство общества *не* сопровождается появлением каких-либо *новых* классов или слоев), пролетариат уже не смог оставаться тем, чем он был прежде, находясь под пятой буржуазии. Возникновение отношений обобществленной собственности на средства производства, субъектом которых стал пролетариат, обусловило глубочайшие, коренные изменения внутри самого пролетариата.

С одной стороны, пролетариат не только перестал быть классом, но и как *совокупность* людей перестал быть неимущим средств производства. Пролетариат *превратился в свою противоположность*, от *стал* коллективным *собственником средств производства*.

С другой стороны, поскольку развитие капитализма еще не подготовило почвы для обобществления предметов потребления, социалистические преобразования не отменили, а *сохранили* институт обособленной (личной, семейной) собственности на жизненные средства. Воспроизводство рабочей силы продолжает при социализме осуществляться (если отвлечься от общественных фондов потребления, – к ним мы обязательно и не раз еще вернемся) как за счет предметов потребления, *оставшихся* в обособленной собственности рабочих (т.е. приобретенных еще на заработную плату, **213//214** полученную за продажу своей рабочей силы капиталисту), так и за счет тех средств существования, которые *продолжают переходить* в обособленную собственность трудящихся.

Поэтому, став своей противоположностью, пролетариат *продолжает оставаться и самим собой* – совокупностью *обособленных собственников* – носителей *необобществленной рабочей силы*, *не имеющих в своей семейной или индивидуальной собственности средств производства*.

Пролетариат в одно и то же время *и остался* самим собой, *и стал* своей противоположностью. Этот диалектический процесс дифференциации, раздвоения пролетариата на противоположности обусловлен самим переустройством общества на социалистических началах; он обусловлен, с одной стороны, появлением *новой, обобществленной (общенародной) собственности* на средства производства и, с другой стороны, сохранением *старой, обособленной (семейной, личной, индивидуальной) собственности* на предметы потребления и жизненные средства вообще, сохранением экономической обособленности отдельных носителей рабочей силы. Другими словами, внутренне противоречивая, т.е. способная к дальнейшему развитию *экономическая система отношений собственности*, возникшая в ходе социалистического превращения общества (см. параграф 4.4) породила адекватное ей диалектическое противоречивое *социальное строение общества*. Говоря еще иначе, и при социализме отношения собственности сохранили свою способность поляризовать и бесклассовое общество на социальные противоположности (на диапротобы, не являющиеся классами – на классоиды), т.е. и при социализме отношения собственности сохраняют свой диапротобогенный характер.

Одной из главных причин того, что обществоведы до сих пор не заметили дифференциации пролетариата (или, что то же самое, – социалистического общества) на противоположности, является излишнее увлечение внешним противопоставлением социализма капитализму в ущерб поиску и вскрытию внутренних противоречий самого социализма. Что получается, когда исследователь стремится лишь показать, насколько социализм непохож на капитализм (вместо того, чтобы попытаться логически увязать между собой различные положения общественных наук

в цельную концепцию), показывает следующий пример.

Для обоснования своего утверждения о том, что «советский рабочий класс... перестал быть пролетариатом в собственном смысле слова, поскольку под пролетариатом понимают класс, лишенный собственности на средства производства» [255.150], Г.Л.Смирнов ссылается на сочинения Маркса и Энгельса. На первый взгляд, в этом утверждении все верно, а ссылка на классиков «внушает». Обратимся, однако, к самой ссылке. «Под "пролетариатом" в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего...» [1.628]. Г.Л.Смирнов ведет речь о целом классе, 214//215 но не полагаясь на свои собственные силы, призывает себе на помощь К.Маркса, который, однако, говорит здесь совершенно о другом: о пролетарии, а не о пролетариате, что далеко не одно и то же. В огороде бузина, потому что в Киеве – дядька! Ни к чему другому не может привести этот метод рассуждений, когда вначале постулируется «громкая», «звучная» фраза, а затем под нее «подводится» (и очень часто совершенно не к месту) цитата классика.

Причем противопоставления однобокого, восторженного, связанного с исключительным восхвалением социализма и всяческим порицанием капитализма. В таком противопоставлении нет места трезвому анализу диалектики социализма, нельзя понять, что в социализме нового, перспективного, а что в нем – старое, отживающее, умирающее. При таком подходе все новое в социализме распространяется на социализм в целом; старое тем самым рядится в одежды нового, и хорошо еще, если не начинает изгонять своего прогрессивного соперника и помыкать им.

Да, действительно, обществоведы сейчас понимают под пролетариатом **класс**, лишенный собственности на средства производства, но классики понимали под ним **класс** свободных рабочих, лично не зависящих ни от каких сюзеренов, не имеющих ни средств к существованию, ни орудий или предметов труда и вынужденных в силу этого продавать свою собственную рабочую силу хозяевам средств производства.

Подчеркнем еще раз: дифференциация пролетариата (или общества, поскольку пролетариат охватывает собой теперь все общество – буржуазии и других классов уже нет) на противоположности, однако, вовсе не является его *классовой* дифференциацией, поскольку обе диапротобы охватывают собой *одних и тех же* людей, а не *группы разных* людей. Следовательно, речь здесь идет о *классоидной* дифференциации общества при социализме.

На вопрос о том, что же представляет собой каждый из этих двух основных классоидов социализма в самых общих чертах, можно дать следующий ответ: классоид, связанный с отношениями обособленной (семейной, личной) собственности на жизненные средства и на воспроизводящуюся за их счет рабочую силу – это **хранитель старого** в пролетариате (или, что то же самое, в бесклассовом социалистическом обществе); противоположный ему классоид, связанные с отношениями обобществленной (общенародной) собственности на средства и продукты производства, а также на часть рабочей силы, воспроизводящуюся за счет продуктов общественного производства, поступающих в процесс производства второго вида π прямо и непосредственно, т.е. без товарного обмена (см. рис. 4.8 на [стр. 150](#)), – это **носитель нового** в пролетариате (или обществе).

Возникает вопрос: а каково же отношение каждого из членов бесклассового социалистического общества к диапротобам (основным классоидам) социализма? Ведь в классовом, например, буржуазном обществе вопрос этот, как правило, решался довольно просто: каждый член общества объективно либо целиком входит в пролетариат, либо целиком включается в группу людей, образующих буржуазию. 215//216

Но поскольку социализм, уничтожая деление общества на буржуазию и пролетариат, не порождает каких-либо новых классов, отношение каждого из членов социалистического общества к его диапротобам по сравнению с прежними, эксплуататорскими общественными устройствами принципиально меняется, о чем уже говорилось в параграфе 5.1.

Рассмотрим это отношение в двух аспектах:

- а) с точки зрения социалистической системы отношений собственности (объективный аспект);
- б) со стороны практических результатов активных действий субъектов (участников) социалистических производственных отношений – членов социалистического общества (субъективно-объективный аспект).

Такое «двойное» рассмотрение данного вопроса обусловлено тем, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» [23.271], интересы же, представляющие собой единство объективного и субъективного (поскольку имеют объективную обусловленность, но выражаются через волю и сознание людей), *воплощаются* в действиях людей, *в их практической деятельности*.

Но между диапротобами вообще и классоидами в частности (точно так же, как и в другом частном случае – между классами) с одной стороны и их интересами – с другой существует неразрывная связь. Этой взаимосвязью между диапротобами-классоидами, их интересами и экономическими отношениями мы и воспользуемся при рассмотрении социальной структуры социалистического общества.

При этом рассмотрении важно, однако, не впасть в ту ошибку, из-за которой в свое время Л.Фейербах, будучи, по выражению Ф.Энгельса и В.И.Ленина, «материалистом снизу», продолжал оставаться «идеалистом сверху». Объективно существующие интересы диапротоб принадлежат *общественному бытию*. Отражаясь и преломляясь в сознании людей, эти интересы, разумеется, становятся элементом общественного сознания (идеи), но при этом сама реализация так или иначе (верно или ложно, превратно) понятых, осознанных интересов воплощается в практических *действиях* людей, в реальных результатах этих действий, которые так же отличны от *представлений* об этих действиях и их результатах, как отлична материя от сознания, общественное бытие от общественного сознания.

Следовательно, такое двухаспектное рассмотрение социальной структуры общества сквозь призму интересов людей – носителей общественных отношений – является рассмотрением объективной реальности и выражает тем самым материалистический подход к данной социально-экономической проблеме.

Рассмотрим сперва принадлежность членов социалистического общества 216//217 к названным диапротомам в их объективной связи с социалистической системой отношений собственности. В этом плане каждый из членов социалистического общества как равный со всеми другими совладелец обобществленной собственности заинтересован в сохранении и приумножении общественного богатства – объектов общенародной социалистической собственности, заинтересован в укреплении могущества своей социалистической Родины.

В то же время каждый из членов социалистического общества как обособленный собственник жизненных средств и рабочей силы объективно заинтересован в увеличении личнособственнического (или семейнособственнического) потребления, так как при социализме **необходимым условием** удовлетворения большинства личных потребностей является **переход** соответствующих потребительных стоимостей из обобществленной собственности в обособленную, смена одного собственника (общенародного) другим (личным, семейным).

Могут, правда, возразить, что приумножение общественного богатства не есть самоцель, а в конечном счете является лишь средством для удовлетворения личных потребностей членов социалистического общества, а поэтому никаких противоречий внутри социалистического общества нет и быть не может.

По этому поводу заметим следующее.

Во-первых. *Единство* противоположностей, их взаимопроникновение, как известно не доказывает не отсутствие противоположностей, а как раз обратное. Именно так обстоит дело с любой парой диалектических противоположностей и в природе, и в досоциалистической истории: одна предполагает другую и в рамках данного единства существовать не может; точно так же обстоит дело и при социализме с противоположными друг другу обобщественным и обособленным типами собственности (см. также параграф 4.4).

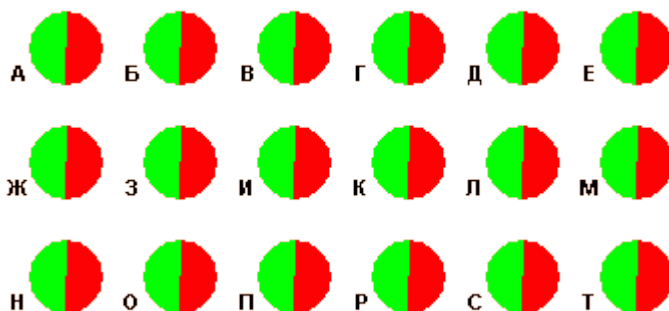
Во-вторых. В настоящем параграфе отношение классоидов социализма друг к другу детально не рассматривается, а даются лишь первоначальные понятия о них.

Таким образом, деление социалистического общества на классоиды, связанные с *обобществленной* и *обособленной* собственностью, рассматриваемое в первом аспекте (объективном) по месту людей в социалистической системе отношений собственности таково, как это показано на рис. 5.6.

Однако рассмотренный подход к отнесению членов социалистического общества к диапротомам социализма является явно недостаточным. При таком подходе может возникнуть ложное представление (ведущее в конечном счете 217//218 к нереалистическим планам и прогнозам коммунистического преобразования социалистического общества), будто при социализме

результаты практических действий *всех* членов общества, объективно заинтересованных в приумножении общественного богатства, действительно всегда направлены только на пользу обществу (а не во вред ему), всегда направлены в сторону социально-экономического прогресса общества (а не в противоположную сторону).

Рис. 5.6. Дифференциация социалистического общества по объективному отношению его членов к новой обобщественной (зеленый цвет) и старой обособленной (красный цвет) собственности.– С ростом зрелости общества и с приближением к высшей фазе коммунизма пропорция меняется в пользу нового, и при достижении коммунизма новые отношения полностью вытесняют старые.

С другой стороны, такой подход, рассматривающий каждого члена социалистического общества как обособленного собственника (части своей рабочей силы и тех жизненных средств, за счет которых существует он как носитель этой части своей рабочей силы), объективно заинтересованного в личнособственническом потреблении, мог бы послужить «теоретической базой» бытующего среди определенной части населения обывательского представления о том, будто у нас «все воруют», будто «все только в дом тащат».

Ясно, что это не так. Подтверждение тому – вся наша повседневная жизнь.

Если шофер Виктор Юрченко ценой своей жизни спасает от огня не свое – общее! – хлебное поле (см. [252]), то начальник цеха Е.Попова, начальники смен Л.Ивашова, Т.Шевченко и др., чтобы сполна получить причитающуюся им невесть за что премию,... выливают в канализацию тонны сметаны (см. [203]).

Если бригада чабанов гауреата Государственной премии СССР Гилага 218//219 Алталиева, проявив подлинные мужество и героизм, спасет от гибели тысячи голов общественного скота, то у пастуха Паксюаткина от истощения и обезвоживания погибло 76 годовалых бычков только потому, что он сутками «пас» их в загоне (см. [253; 243]).

Если бухгалтер-ревизор О.А.Менафов, выполняя свой служебный (и гражданский) долг, вскрывает хищение в особо крупных размерах, то министр Э.С.Меликов, руководствуясь отнюдь не интересами дела, интересами общества, освобождает ревизора от работы, по существу, именно за вскрытие этого преступления (см. [174])^{*}.

Нетрудно представить себе, какой силы и направленности была вся активная деятельность этого наемника, какое «воспитательное» воздействие на окружающих и подчиненных она оказывала, какой «вклад» внес этот министр в дело строительства коммунистических общественных отношений.

Если комсомолец Михаил Мороз в мирное время гибнет от разрыва снаряда при переносе его в безопасное для других людей место, если другой комсомолец, тракторист Анатолий Мерзлов погибает, спасая от пожара не ему лично принадлежащие, а общественные сельскохозяйственную технику и урожай пшеницы, то старший инженер-механик Петренко хладнокровно расстреливает в упор девушку, озорства ради сорвавшую в *его*, инженер-механика Петренко, *собственном* саду горсть вишен (см. [194]).

А.Богданов, *несмотря* на свое служебное положение, проводит на себе научный медицинский

^{*} Потребуется еще целых три года, чтобы Э.Меликов, наконец-то, был снят с должности министра легкой промышленности Азербайджана «за неудовлетворительное руководство отраслью, систематические срывы заданий, низкое качество выпускаемой продукции, непринятие должных мер по обеспечению сохранности социалистической собственности, пресечение фактов обмана государства, приписки, серьезные нарушения в подборе и расстановке кадров, покровительство недостойным людям» (см. [227]).

эксперимент, от которого затем погибает; другие – директор завода, главный инженер, начальник управления, помощник министра, – *используя* свое служебное положение, занимаются... спекуляцией автомашинами (см. [67])!

Одни – дарят свои книги строителям БАМа, другие – разворовывают и губят книги общественных библиотек.

Неизлечимо больному хирургу Михаилу Доагэ, знавшему о своей **219//220** обреченности и умершему в 28 лет, не только отдыхать, но и болеть было некогда (см. [172]); вместе с тем ни для кого не секрет, как велики у нас потери рабочего времени даже не столько из-за прогулов и опозданий, сколько из-за ничегонеделания в течение всего рабочего дня некоторых сособственников общенародных средств производства.

Все эти факты, явления выдвигаемая концепция рассматривает *не как представления* людей о реальностях общественной жизни, не как явления общественного сознания, а *как явления самого общественного бытия*, самой жизни, современной истории, которую творят наделенные сознанием (тут уж ничего не поделаешь, такова специфическая особенность исторического, общественного в отличие от природного) люди.

Даже термин такой был, понятный всем без перевода: **подснежник** – оболтус, имеющий волосатую руку высокого покровителя, и не способный выполнять свои функции на занимаемом им рабочем месте; его работу делают другие.

Приведенные выше примеры проявления индивидуализма и коллективизма наглядно показывают, что дифференцированность членов социалистического общества на части, принадлежащим различным диапротобам, не всегда полностью соответствуют действительному положению членов социалистического общества в объективно существующей диалектически противоречивой социалистической системе отношений собственности.

Система отношений обособленной и обобществленной собственности, существующая при социализме, поляризует общество, но таким образом, что поляризованным оказывается каждый из его членов. С одной стороны, каждый из нас является носителем отношений и одного, и противоположного ей типа собственности (обособленной семейной и обобществленной общенародной), и та пропорция между ними, в которой мы являемся их носителями, объективно (не зависимо от нашей воли и сознания) одинакова для каждого из нас. По крайней мере, каждый член социалистического общества, вступая (поначалу – пассивно, а затем, включаясь в трудовые отношения, – активно) в общественные, и, прежде всего, экономические отношения, застаёт их готовыми, такими, какими они стали в результате практической деятельности членов общества, активно вступивших в эти отношения до него.

С другой стороны, если мы рассматриваем себя в плане объективных результатов нашей практической деятельности (всегда направленных в той **220//221** или иной степени на укрепление или ослабление отношений обобществленной общенародной собственности между людьми, на увеличение или сокращение общественного богатства в тех или иных размерах), то здесь уже то соотношение, в котором мы проявляем себя как совладельцы общенародного богатства и как обособленные собственники, в значительной мере зависит от субъективного фактора, от того, как мы, каждый из нас понимает наши коренные, объективно существующие интересы.

Понимание индивидуумом своей роли в обществе двояко: с одной стороны – это понимание им своих объективно существующих сиюминутных и долговременных интересов, вытекающих из того места, которое член социалистического общества занимает в объективно существующей и внутренне противоречивой социалистической системе отношений собственности; с другой стороны – это субъективная оценка своих собственных действий, объективно всегда направленных либо в сторону социального прогресса, либо в противоположную сторону. И в том, и в другом случае *субъективное*, т.е. преломленное сознанием *объективное*, не тождественно непреломленному сознанием человека объективному.

Честных, добросовестно работающих людей в большинстве случаев отличает личная скромность, и как правило, эта скромность является не показной, рассчитанной на внешний эффект, сопровождающийся прибавками к жалованию, премиями и другими приятными вещами, а происходит из понимания ими того, что своих вершин они еще не достигли, что могли бы и смогут добиться значительно больших успехов (причем не в зарплате, а в результатах своей

трудовой деятельности, которые-то и являются первоисточником роста благосостояния общества и его членов). Наоборот, лодыри и бездельники, стремящиеся урвать от общества как можно больше, отдав ему как можно меньше,

видящие свои интересы прежде всего в том, чтобы набить свои квартиры «престижным» барахлом, напаять на себя побольше золота, камней, и вообще в том, чтобы «красиво» жить *самому*, наплевав на всех остальных, т.е. не понимающих *своих* же (и объективно существующих) *общественных* интересов, заключающихся, если говорить конкретно применительно к современным условиям, в росте общественного богатства, в укреплении обороноспособности нашей державы и стран Варшавского договора, всех наших союзников, в поддержке всех прогрессивных сил, участвующих в антиимпериалистической борьбе за дело мира, демократии и социализма, вынуждены это непонимание «компенсировать» видимостью их понимания, причем эта видимость принимается иногда окружающими за чистую монету. Ведь призывали же, например, работнички районной газеты «Красное знамя» спустя **десять** дней после ареста знакомого уже нам пастуха Паксюаткина, *на смерть заморившего голодом* без малого сотню бычков, равняться на **мастера откорма** (не меньше!) скота... Паксюаткина (см. [243])!

В двойственности субъективного отражение индивидуумом своих объективно существующих связей в системе отношений собственности имеет несравненно большее значение, чем представления людей о результатах своей практической деятельности.

Ведь важно не то, что человек думает о своих действиях, своей роли **221//222** в обществе, а важно то, какова направленность плодов его действий объективно, какова его действительная роль в обществе, которая, однако, зависит не только от объективно существующих интересов человека, но и от субъективного восприятия и усвоения им этих интересов.

Важно для нас и ответ на вопрос о том, почему же, несмотря на равенство всех членов социалистического общества в системе отношений собственности, практические результаты деятельности различных людей оказываются *противоположно* направленными: в то время как *одни* своим самоотверженным трудом укрепляют экономическую и оборонную мощь нашей социалистической Родины, приумножают общественное достояние, приближают наше коммунистическое завтра, *другие* своим ханжеством, лицемерием (на собраниях – высокие и громкие слова, на деле, в работе – нуль- или минус-эффект), бюрократизмом, косностью, местничеством, «патриотизмом» в масштабах своей избы (министерства, области, предприятия, района, участка), подхалимажем, очковтирательством, приписками, нежеланием расстаться с не по праву занимаемыми пригретыми теплыми местечками, протекционизмом, мздоимством,

Когда писалась эта работа (в конечном счете отторгнутая руководством КПСС), ее автору казалось абсолютно невозможным то, что вскоре фактически произойдет с нашим социалистическим обществом.

Теперь же представляется (мне во всяком случае) вполне возможной следующая составляющая подкованного сценария произошедшего краха социализма в СССР.

Идеологи КПСС, всячески маскируя реальную диалектику социализма (диалектику борьбы коммунистического, коллективистского нового против старого), воспевая на все лады свою партию, деятельность ее органов и членов, любые «плоды» их деятельности, создали идеальные условия для огромной армии индивидуалистов, для которых все средства были хороши, чтобы попользоваться общенародным добром в своих шкурных интересах.

Как энцефалитные клещи, проникли они в перевозносимое тело «руководящей и направляющей», позанимали важные посты на всех уровнях отраслевого и территориального управления экономикой и идеологией и стали действовать так же, как уже знакомый нам крепостной управляющий барина из-под Саратова (см. врезку на [стр. 194](#)).

Когда скопилась достаточная критическая масса временщиков, эти «слуги народа» перестали нуждаться в «коммунистическом» прикрытии, побросали партбилеты, и довершили начатое ими до конца: всему, чем они пока еще только *располагались* (но располагались **де-факто!**) по своему усмотрению якобы от имени народа, они придали статус **де-юре** как своей *частной собственности*. А чтобы задурить мозги трудящимся – бывшим собственникам общенародного богатства, их «слуги» во всем произошедшем обвинили «банду четверых»: Горбачева, Ельцина, Гайдара и Чубайса.

Что же касается тех неудачников, кому ничего не досталось при хищническом дележе общенародного и государственного пирога и кто сохранил не только свои партбилеты, но и свою активность в осколках КПСС, то их вполне устраивает байка о «банде четверых», потому как она не требует скрупулезнейшего разбора своего полета хотя бы на катастрофическом участке 1964–1990 гг. (от косыгинского «нэпа» и его разгрома до полного банкротства политики КПСС). Но так ничего не поняв ни в диалектике социализма, ни, следовательно, в сути «строительства коммунизма», они готовы вновь ринуться в борьбу за построение какого-то «нового» немарковского социализма под чудовищным «единением» сталинских знамен и церковных хоругвей.

вымогательством, мошенничеством, обвесом, обсчетом, спекуляцией, браконьерством, казнокрадством, разбоем и грабежом, убийствами, предательством Родины – в общем кто как может, – ослабляют наше (т.е. всем нам принадлежащее) общественное хозяйство, противодействуют продвижению нашего общества вперед, к коммунизму.

Ответ на это вопрос, с точки зрения выдвигаемой концепции, заключается в следующем.

Жизненная позиция каждого члена социалистического общества, ее направленность, ее сила (степень, или величина активности) формируются в условиях поляризованной, внутренне противоречивой по самой своей сути социалистической **системы** отношений собственности, охватывающей всех членов общества отношениями не только обобществленной общенародной, но и обособленной собственности. Но сознание разных людей по-разному воспринимает и отражает свои объективно существующие интересы (именно потому, что любое отражение какого угодно предмета, явления сознанием не **222//223** тождественно и не может быть тождественным самому предмету, явлению). Сознание каждого отдельного человека может как **отставать** от достигнутого в среднем по обществу уровня развития общественных отношений, так и **опережать** его. Есть люди, которые только потому и работают (соединяют свою рабочую силу со средствами производства), что размеры их потребления поставлены обществом и государством (в строгом смысле слова) в зависимость от их трудового вклада, а когда открывается лазейка для выхода из-под этого контроля, либо работа тотчас прекращается, либо начинается чрезмерное (т.е. сверх заработанного) потребление, либо начинает происходить и то, и другое вместе. Есть и другие люди. Люди, осознавшие себя как коллективистов, как коммунистов, способные щедро дарить свой труд, свои способности, а если надо, то и жизнь, на благо своей страны, своего народа (частицей которого является каждый из нас), не требуя себе взамен за это непременно оплаты (в виде соответствующего оклада или тарифной ставки, премий ли, похвал или славы), причем труд таких людей протекает если не вопреки, то во всяком случае, независимо от принципа «я – тебе (обществу), ты (общество) – мне». Практическая деятельность людей (результаты которой объективно имеют ту или иную направленность) является продуктом их объективного положения в обществе, их объективно существующих интересов, но продуктом, оплодотворенным тем или иным (верным или превратным) пониманием ими своих ближайших (выступающих на поверхности) и более глубоких, подчас скрытых интересов, своих сегодняшних и долговременных целей и задач.

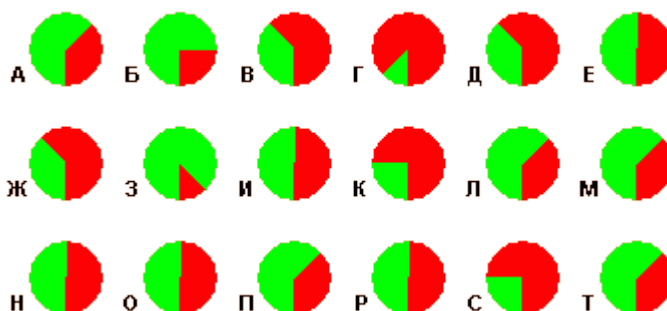
Итак, диапротобная (классоидная) дифференциация членов социалистического общества, то соотношение, в котором каждый член общества относится к диапротобам социализма, если мы рассматриваем эту дифференциацию с точки зрения объективных результатов практической деятельности людей, – **лишь** в общем и целом, т.е. в **среднем** соответствует классоидному раздвоению общества, рассматриваемому в плане сложившихся отношений собственности. **223//224**

Соответствие между объективным положением людей в социалистической системе отношений собственности с одной стороны и практическими действиями этих же самых людей, наделенных волей и сознанием, с другой стороны, существуя в масштабах всего общества, как правило, не существует, если мы рассматривает принадлежность к указанным двум диапротобам каждого отдельно взятого члена общества (см. рис. 5.7 и ср. с рис. 5.6).

Рисунок наглядно показывает, что практические действия членов общества А, Б,З, Л, М, П и Т объективно направлены на укрепление всего того, что спланирует общество, что соответствует его интересам и целям. Это – те, кто ради общественной пользы может поступиться своим заработком, здоровьем, иногда – жизнью (например, В.Гаганова, О.Кошевой, Н.Островский, Н.Кузнецов). Целая галерея подлинных коллективистов предстает перед нами в «Воспоминаниях» Л.И.Брежнева: парторг Салахутдин Валлиулин, комсорг Мария Педенко, солдат, требовавший направить его в свою часть, находившуюся в пекле боев, бригадир бетонщиц Анна Лошкарева, трубомонтажник Иван Румянцев, такелажник Иван Чепига, начальник управления Марк Иванович Недужко, сталевары Ф.И.Маклес и Г.А.Панкратенко, механизатор, ветеран войны Иван Иванович Иванов, студент Василий Рагузов (см. [\[70.65–66, 74, 81–83, 99–100, 108–109, 113, 120–121, 212–215\]](#)) и

многие другие.

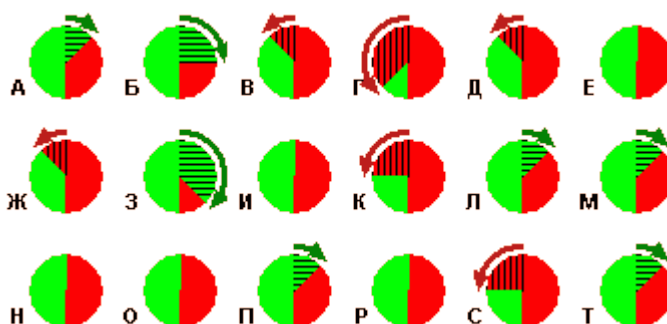
Рис. 5.7. Дифференциация социалистического общества по субъективному отношению его членов к новой общественной (зеленый цвет) и старой обособленной (красный цвет) собственности. Вся совокупность зеленого – это коллективистский (коммунистический) классоид, красного – его обособленно-собственнический антипод.

Напротив, члены общества В, Г, Д, К и С – это те, кто при 224//225 случае не преминет урвать у своего общества потребительские блага, ими не заработанные. Большая серия впечатляющих примеров такого поведения людей содержится, например, в интервью Г.А.Алиева «Литературной газете» (см. [68]).

Сознание первых, опережающее достигнутый обществом в целом, или в среднем уровень общественных (социально-экономических) отношений и отражающее коренные, долговременные, глубинные интересы общества, неотъемлемыми частицами которого являются они сами, выражаются в действиях, ведущих к прогрессивному изменению этого уровня. Сознание вторых, отстающее от достигнутого обществом уровня общественного развития, порождает действия, препятствующие, противодействующие социально-экономическому прогрессу, строительству коммунизма. Наглядно это изображено на рис. 5.8, на котором объединены оба среза дифференциации социалистического общества на диапротобы, которые выше были рассмотрены в прямом (непосредственно данном) и преломленном (оплодотворенном сознанием) свете.

Рис. 5.8. Обобщенная схема дифференциации социалистического общества.– Стрелками изображено направление и сила воздействия практических действий (продукта и человеческого сознания тоже) людей на достигнутый обществом уровень своего развития, на сложившуюся систему отношений собственности.

5.4. Социальная структура общества и характер труда при социализме

В предыдущем параграфе мы рассмотрели социальную структуру социалистического общества исходя из адекватной социализму *системы* отношений собственности на средства производства и жизненные средства, в пределах 225//226 которой протекает *весь* процесс социалистического воспроизводства. Там было показано, что:

- структурные элементы социалистического общества детерминированы отношениями собственности;
- структура социалистического общества внутренне противоречива, т.е. диалектична;
- состав социалистического общества классоиден, т.е. бесклассов.

Структурные образования социалистического общества имеют, таким образом, природу, принципиально отличающуюся от природы противостоящих друг другу полюсов (точнее – диалектических противоположностей общества, которые я называю диапротобами) в прежних классовых общественных устройствах. Это следует из того, что диапротобы социализма –

социальные полюса социалистического общества – неразрывно связаны с производственными отношениями социализма, т.е. с отношениями между членами общества (а в социализме члены общества – это только трудящиеся) в сложившемся процессе производства, распределения, обмена и потребления всех продуктов производства (жизненных средства, средства производства и рабочей силы), основанном на фактическом равенстве всех членов общества между собой в отношениях общенародной собственности к средствам производства.

Следовательно, диапротобы, или полюса социалистического общества являются социальным выражением экономических, производственных отношений социализма, свободных от антагонизма, эксплуатации и паразитизма.

Однако при определении социальной структуры социалистического общества недостаточно ограничиться одной только связью ее с отношениями собственности. Диапротобы социализма являются концентрированным выражением в социальной плоскости всей совокупности внутренне противоречивых и исторически определенных социалистических производственных отношений, среди которых одно из центральных мест принадлежит отношениям между членами социалистического общества по их участию в общественном труде, т.е. присущей социализму исторически определенной форме труда, или проще – характеру труда при социализме.

Рассмотрению взаимосвязи между выделенными структурными образованиями **226//227** (основными классоидами) социализма с присущей социализму и только ему общественной формой труда и посвящен этот параграф.

Как известно, труд – это процесс функционирования соединенной со средствами производства рабочей силы. Поэтому уяснить характер, или общественную форму труда при социализме невозможно не только вне связи с системой социалистических отношений собственности на средства производства, жизненные средства и рабочую силу, но и без рассмотрения тех специфических особенностей, которые присущи исторически определенному социалистическому способу соединения рабочей силы со средствами производства. Для рассмотрения взаимосвязи между основными классоидами социализма и характером труда при социализме обратимся к рисунку 5.9 – видоизмененной схеме социалистического воспроизводства рабочей силы, жизненных средств и средств производства, которая была изображена на рис. 4.8 ([стр. 150](#)).

Напомним, что изображенные на рис. 5.9 части рабочей силы Pc_1 и Pc_2 – это не рабочие силы разных людей или разных групп людей, а части рабочих сил одних и тех же членов общества, которые воспроизводятся в процессе производства второго вида π за счет жизненных средств, поступающих в распоряжение носителей рабочих сил соответственно как к собственникам обособленного и обобществленного имущества. В отличие от рис. 4.8 здесь процессы производства рабочей силы (они же – процессы потребления жизненных средств), совершающиеся на сторонах обособленной и обобществленной собственности, для удобства рассмотрения материала представлены отдельно. Кроме того, на рисунке дополнительно показано движение жизненных средств $Жс_{\text{н}}$ для непроизводительных работников, обеспечивающих учет и контроль за мерой труда и мерой потребления всех членов общества.

Данная схема позволяет наглядно представить основные характерные черты и особенности социалистического способа соединения рабочей силы со средствами производства (социалистического способа производства) и **227//228** непосредственно связанной с ним социальной структуры социалистического общества.

Все движение разворачивается в условиях существования двух полярно противоположных типов собственности.

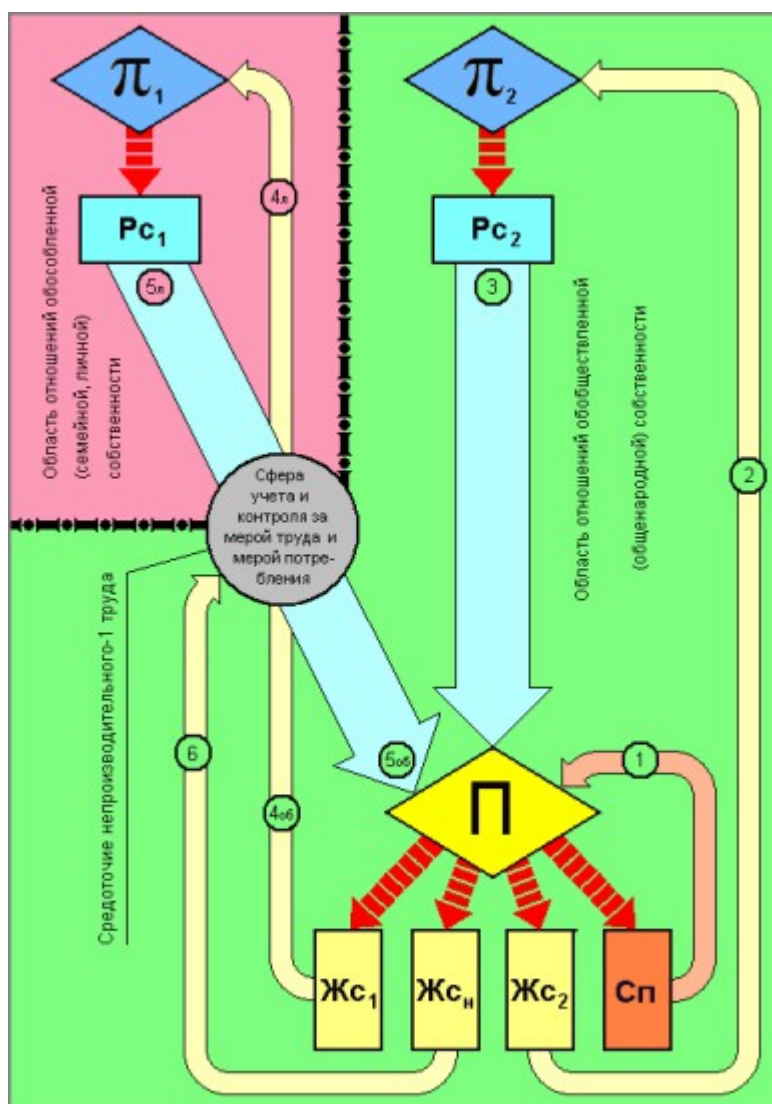
Хотя об этом в рукописи уже достаточно много говорилось, нелишне обратить внимание на данное обстоятельство еще раз, поскольку игнорирование отношений необобществленной (обособленной) собственности при социализме имеет в политической экономии давнюю и довольно прочную

традицию (см., напр., [238.89; 159.325; 257.70–73; 78; 251.142–143; 245.15–16]), хотя эта традиция становится уже и объектом все более и более усиливающейся, наступательной критики (см., напр. [267.35–36; 141.38–42, 72 и др.; 275.24; 152; 167; 97.20, 52 и др.; 103.227; 288.21, 22; 293.29–30]).

Рис. 5.9. Социалистический воспроизводственный процесс и его основные потоки.

Наиболее интересные из них: встречные рабочей силы и жизненных средств между сферами производства Π и π :

- а) взаимообусловленные товарные (со сменой собственника) 5-й Pc_1 – Π и 4-й $Жс_1$ – π_1 ;
- б) независимые нетоварные 3-й Pc_2 – Π и 2-й $Жс_2$ – π_2 .

Итак, в движении факторов и продуктов производств обоих видов мы видим три самостоятельных контура и один незамкнутый, обрывающийся поток.

Первый контур (или иначе, цикл) – самый простой. Он целиком протекает на стороне обобществленной собственности, на стороне одного и единственного (общенародного) субъекта отношений собственности, поэтому здесь нет и не может быть какого-либо *действительного* товарного обмена. Контур представляет собой поток 1 средств производства Sp , которые выходя из процесса производства первого вида Π , в него же и возвращаются, замыкая на нем свой цикл.

Второй контур также всецело осуществляется в области отношений обобществленной (общенародной) собственности. Он состоит из потока 2 тех жизненных средств $Жс_2$, которые поступают к членам общества как к сособственникам средств производства прямо и непосредственно, вне учета за мерой труда и мерой потребления (т.е. не обуславливаясь количеством рабочей силы Pc_2 во встречном движении), потребления этой части жизненных средства в процессе производства второго вида π_2 соответствующей им части рабочей силы Pc_2 и потока 3 последней, которая возвращается в процесс производства первого вида Π также прямо и непосредственно, не обуславливаясь встречным движением жизненных средств. **228//229**

Во втором контуре, как и первом, нет разных субъектов отношений собственности, а значит – нет и

товарного обмена между ними. «Капиталистический способ присвоения,— предположил в своем предвидении Ф.Энгельс,— ...будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, **прямым общественным присвоением** продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — **прямым индивидуальным присвоением** их в качестве средств жизни и наслаждения... Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство» [20.291, 294],— выделено курсивом и жирным шрифтом мной. Этот прогноз, как нетрудно заметить, блестяще подтвердился. Действительно, устранение капиталистического производства привело и к прямому общественному присвоению всех средств производства, и к прямому, также не обусловленному никаким товарным обменом, индивидуальному присвоению жизненных средств, поступлению их в распоряжение членов общества.

Некоторая неточность прогноза применительно к социализму, если она вообще имеется (об этом см. чуть ниже), заключается вовсе не в том, что Энгельс ошибся насчет ликвидации товарного производства в отношении средств производства. Неточность (вернее, неполнота) прогноза может быть усмотрена лишь в том, что Энгельс не дополнил его указанием на то, что после устранения капиталистического способа производства помимо поступления жизненных средств в индивидуальное потребление прямо, непосредственно, определенная их часть (и поначалу наиболее значительная) будет поступать в индивидуальное потребление не прямо, а по-прежнему через товарный обмен на рабочую силу, и что соответственно товарное производство будет устранено не полностью, а сохранится в части определенной доли жизненных средств.

Но ведь надо учитывать, что Энгельс дал научный прогноз будущего, а не слепок с реально существующих общественных отношений социализма. Первое гораздо сложнее второго, но посмотрите, каких только фантастических картин реального социализма нам не рисовала теория, да и 229//230 сейчас еще продолжает рисовать! Главное же заключается в том, что Ф.Энгельс все-таки *допускал возможность* превращения при социализме некоторой части рабочей силы в товар, а значит, и возможность сохранения общественным производством частично товарного характера! Всего лишь через два года, в 1890 г. году Ф.Энгельс писал: «Конечно, нам не хватает еще техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов и т.д., но на худой конец мы **можем купить** их для себя **так же, как это делают капиталисты**» [27.381],— выделено мной.

Не будем чрезмерно строги и требовательны к основоположникам за то, что они не дали развитой теории несуществовавшего в их время реального социализма, за то, что представление о способе соединения рабочей силы со средствами производства носило у них несколько расплывчатый, смазанный характер. Дай бог нам самим разобраться в этом вопросе, когда перед нами уже имеется реальный объект исследования.

Третий контур, которого большинство современных политэкономов не видит только потому, что не хочет видеть, на рисунке 5.9 закручен «восьмеркой» и состоит из двух самостоятельных подконтуров, один из которых осуществляется в области отношений общенародной собственности, а второй — в области отношений обособленной собственности этих же самых членов общества. В целом этот контур представляет движение тех произведенных (на стороне общенародной собственности) в процессе производства Π жизненных средств $Жс_1$, которые обмениваются (посредством денег) на рабочую силу $Рс_1$ (поток 4), меняя при этом субъекта отношений собственности (общенародного на обособленного), потребления этих жизненных средств в процессе производства второго вида π_1 , также, разумеется, протекающего на стороне обособленных собственников, в результате которого производится рабочая сила $Рс_1$, и дальнейшего движения ее (поток 5) к своему конечному пункту — процессу производства Π , где и происходит ее потребление на стороне общенародной собственности. Ясно, что меняя своих обособленных собственников на общественного, рабочая сила $Рс_1$ дополняет второй составляющей товарный обмен жизненными средствами $Жс_1$ и рабочей силой $Рс_1$ между общенародным и обособленными собственниками.

Рассмотрим теперь каждый из малых циклов третьего контура в 230//231 отдельности. Первый его

подконтур расположен на стороне обобществленной собственности и начинается в процессе производства первого вида П, откуда выходят жизненные средства $Жс_1$. Далее они поступают (поток 4об) в сферу обращения между общенародным и обособленными собственниками, где последовательно превращаются в деньги, а затем и рабочую силу $Рс_1$ (подробнее см. этот момент на рис. 4.8). Выйдя из сферы обращения, превращенная в общенародную рабочая сила $Рс_1$ поступает (поток 5об) в процесс производства П, на котором этот малый цикл и замыкается.

Второй подконтур в противоположность первому протекает целиком на стороне отношений обособленной собственности членов социалистического общества. Рассмотрение его начнем с процесса потребления жизненных средств (уже отчужденных обособленными собственниками от общенародной собственности), т.е. с процесса производства π_1 рабочей силы $Рс_1$. Из этой точки рабочая сила перемещается (поток 5л) в ту же сферу обращения между общенародным и обособленными собственниками, где последовательно превращаются сперва в деньги, а затем – в жизненные средства $Жс_1$ (детальнее эти процессы изображены на рис. 4.8), которые возвращаются в потоке 4л к исходной точке второго малого цикла третьего контура – к процессу потребления жизненных средств $Жс_1$.

И наконец, обрывающийся поток 6 показывает движение жизненных средств $Жс_n$ для непроизводительных работников, обслуживающих сферу товарного обмена рабочей силы на жизненные средства между общенародным и обособленными собственниками. На схеме в целях разгрузки ее от второстепенных деталей не показано превращение этих жизненных средств в рабочую силу непроизводительных работников, которая точно так же, как и рабочая сила производительных работников, раздвоена; не показаны процессы непосредственного и опосредованного товарным обменом (на жизненные средства) соединения рабочей силы непроизводительных работников со сферой ее приложения; не показано движение материальных средств, обеспечивающих функционирование непроизводительной сферы (сферы обращения). Но в любом случае, рассматриваем ли мы движение выходящего из процесса производства продукта, направленного на обеспечение функционирования **231//232** системы учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, подробно или свернуто – результат один: он ведет к обрыву движения продуктов производительного-1 труда в результате непроизводительной деятельности работников сферы учета и контроля. Непроизводительный-1 труд не только сам не создает новых потребительных стоимостей (а значит, и товарных стоимостей), но и не переносит результаты прошлого труда, воплощенного в средствах труда производительного-1 на какой-либо продукт из-за того, что в сфере обращения таковые просто-напросто не производятся.

На рисунке 5.9 потоки 2, 3, 4 и 5 изображают движение жизненных средств и рабочей силы в масштабе всего общества. В действительности каждый из этих потоков является как бы жгутом, состоящим из многих десятков миллионов нитей, каждая из которых направлена к тому или иному носителю рабочей силы или исходит от него. При этом каждая нить жгутов 4л и 5л расположена в отдельной плоскости наложенной одна на другую, и пакет которых вместе с протекающими на них процессами производства второго вида π_1 образуют всю область обособленной (личной) собственности на жизненные средства $Жс_1$ и рабочую силу $Рс_1$. Само собой разумеется, что эти плоскости внутри области обособленной собственности также отграничены одна от другой (на рис. 5.9 отдельные плоскости и их обособление друг от друга не показаны). Все это необходимо иметь в виду, когда речь будет идти о движении рабочей силы не в масштабах всего общества в целом, а применительно к отдельным членам общества – потребителям жизненных средств и носителям рабочей силы.

В политэкономической литературе за редкими единичными исключениями наличие в социалистическом способе производства товарного обмена жизненных средств на рабочую силу категорически отрицается. При этом доводами служат:

– то, что производство рабочей силы осуществляется не только за счет жизненных средств,

отчуждаемых от общенародной собственности в собственность личную, но и за счет непосредственного, бесплатного, вне товарного обмена поступления в распоряжение членов общества жизненных средств (см. [257.72; 162.107]); 232//233

– отрицание отношений обособленной собственности на рабочую силу и даже вообще любых отношений собственности по поводу рабочей силы (см. [101.21–22; 123.13; 257.78; 89.33; 191.31; 189.60; 236.34] и др.);

– цитаты классиков (см., напр., [162.106]).

Разумеется, имеются и другие доводы, часть из которых была проанализирована в параграфе 4.2. Остановимся на последнем доводе. На том, что согласно учению классиков рабочая сила будто бы никак не может быть товаром. О прогнозах Ф.Энгельса по этому вопросу уже было сказано выше. Рассмотрим одно очень важное теоретическое положение, содержащееся в той самой работе В.И.Ленина, которая заканчивается знаменитыми словами: «Мы придем к победе коммунистического труда!» [48]. Но начнем с небольшого отступления.

«Логическое заключение о рабочей силе как товаре в условиях социализма заставляет... делать и дальнейшие выводы. "Товар рабочая сила" может быть "куплен" лишь социалистическим государством. Последнее поэтому придется, как это делают отпетые антикоммунисты, объявить "совокупным капиталистом"», – вот так, очень уверенно, черным по белому пишет Н.А.Моисеенко [195.5].

Оставим на совести Н.А.Моисеенко справедливость утверждения о возможности товарно-денежных отношений между экономическими субъектами обособленной собственности и институтом надстройки – государством. Скажем о другом: выдвигаемой концепции нет дела до того, что пишут отпетые антикоммунисты. Если бы при разработке вопросов политической экономии коммунисты выворачивали наизнанку все утверждения антикоммунистов относительно социализма, то у наших классовых противников имелась бы великолепная возможность навести исследователей, заинтересованных в научном познании объективных закономерностей функционирования социализма, на скользкий и тонкий лед. Едва ли такая возможность упускается нашим идеологическим противником; он неглуп и коварен.

Не знаю, зачисляет ли Н.А.Моисеенко в разряд «отпетых антикоммунистов» В.И.Ленина, который писал, что «социализм есть не что иное, как 233//234 государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [37.192], но вот что в нашей литературе встречается еще недопустимое искажение взглядов В.И.Ленина на проблему превращения при социализме рабочей силы из товара в нетовар, – это факт. Так, М.Д.Плинер нашел возможным утверждать, что еще при жизни В.И.Ленина по словам самого Ленина купля-продажа рабочей силы в Советской России уже была ликвидирована. «Уже в первые годы существования Советского государства В.И.Ленин писал о ликвидации купли-продажи рабочей силы: "Мы сдвинули с места... глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычек "свободной торговли" и "свободной" купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара"» [214.100]

Ну что ж, обратимся к ленинской работе, на которую ссылается М.Д.Плинер. Сделать это тем более необходимо, что ни в одной другой работе В.И.Ленина, насколько это мне известно, не содержится его взглядов, столь непосредственно касающихся проблемы превращения при социализме рабочей силы в нетовар.

В этой статье, посвященной итогам всероссийского субботника, проводившегося 1 Мая 1920 года, В.И.Ленин пишет: «Как ни слабы еще все наши субботники, как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, дисциплинированности, а все же главное сделано. Тяжеловеснейшая махина сдвинута с места, а в этом-то вся суть и есть.

Мы нисколько не обманываем себя насчет того, как мало еще сделано и как бесконечно много предстоит еще сделать; но только злостные враги трудящихся, злостные сторонники буржуазии...

способны осуждать использование Первомайского праздника для массовой попытки введения коммунистического труда...

Нас не пугали поражения в ходе великой революционной войны против царизма, против буржуазии, против всемирно-могущественных империалистических держав.

Нас не испугают гигантские трудности и неизбежные в начале **234//235** труднейшего дела ошибки, ибо дело переработки всех трудовых навыков и нравов – дело десятилетий. И мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, – борьбе с силой привычки, – что мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук. Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: "каждый за себя, один бог за всех", чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплачиваемый по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, а привычку, в повседневный обиход масс правило: "каждый по своим способностям, каждому по его потребностям", чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд.

Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычек "свободной торговли" и "свободной" купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскоружные привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь... Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда!» [48.107–109].

Как видим, **Ленин говорит не о том, будто рабочая сила к 1920 году перестала быть товаром.** Напротив, во всей этой ленинской работе, от первых до последних ее строк, совершенно ясно прослеживается глубоко диалектическая мысль о том, что весь исторический период, начиная от победы социалистической революции и вплоть до победы коммунистического труда, до реализации на деле принципа коммунизма «от каждого по способностям, каждому по потребностям» есть период «самой трудной борьбы» против выработанной веками привычки людей трудиться в расчете только на «оплачиваемый по известной норме труд», против «косности, невежества, упорства в отстаивании привычек "свободной торговли" и "свободной" купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара». В.И. Ленин, **235//236** насколько это можно понять из написанного им в строках, а не между ними (не писал же он загадками в газетной статье!) утверждает, что диалектика борьбы нового, коммунистического, бесплатного труда *непосредственно* на общество («все за одного и один за всех») против труда старого, ориентированного на *личное вознаграждение* («каждый за себя, один бог за всех»), против труда наемного проявила себя 1 Мая 1920 года на деле, фактически уже в масштабах всей Советской России. Суть достигнутого к маю 1920 г. в этой борьбе против старого, против косного, против купли-продажи рабочей силы состоит не в том, что рабочая сила перестала быть товаром, не в том, что люди уже научились работать без норм «буржуазного права» (см. [стр. 188–189](#)), а в том, что стало заметным фактическое *начало процесса ее превращения* в нетовар, в том, что «тяжеловеснейшая махина», «глыба неслыханной тяжести» привычки огромной массы людей продавать свою рабочую силу как товар поколеблена, стронута, сдвинута с места, но что было бы *самообманом* полагать, будто эта глыба, махина уже опрокинута, перевернута.

Эта борьба нового, передового против старого, косного в 1920 году делает еще свои первые шаги; на ее пути, только в начале которого она еще находится, – гигантские трудности (сравнимые с трудностями борьбы против царизма, национальной буржуазии и международного империализма) и неизбежные ошибки, и нужны будут еще многие годы и десятилетия, чтобы победить в этой *самой трудной борьбе* за превращение труда наемного в труд коммунистический, за победу коммунизма. Задача же передовых сил общества состоит в том, чтобы устояв, выдержав, преодолев гигантские трудности предстоящей борьбы, победить в ней и привести общество в коммунистическое завтра.

Наоборот, согласно общепринятым взглядам рабочая сила уже чуть ли не с момента социалистической революции автоматически, сама собой, без какой бы то ни было борьбы превратилась в нетовар; согласно им она просто «не может быть» товаром; их вполне устраивает не всегда формулируемое 236//237 (кроме М.Д.Плинера на подобное явное утверждение ранее отваживался П.Э.Эхин,— см. [302.172]), но очень прозрачно подразумеваемое ходячее суждение, будто сам Ленин – основоположник политической экономии социализма – говорил о том, что рабочая сила при социализме не товар. Согласно этим взглядам не существует никакой связи между борьбой за победу коммунистического труда и борьбой за поражение наемного труда, борьбой против него; не существует никакой связи между победой коммунистического труда и прекращением какой бы то ни было купли-продажи рабочей силы; согласно им глыба неслыханной тяжести, тяжеловеснейшая махина привычки людей продавать свою рабочую силу давным-давно сброшена в Лету и таким образом вести дальнейшей борьбы с этой машиной нет никакой надобности и т.д.

В то же время сторонники критикуемых взглядов (а критикуются они концепцией диапротобной классоидности социализма не за то, что, как они полагают, рабочая сила при социализме обладает признаками нетовара,— *это же самое* утверждает и настоящая концепция,— а за то, что по их мнению, она обладает **только этими** признаками, и никакими другими, что **всякий** иной подход к данной проблеме они считают не только «несостоятельным» в идейно-теоретическом отношении, но даже «опасным» для политэкономии социализма,— см. [305.29]) не проявляют *ни малейшего интереса* к вопросу о том, как конкретно, в какие исторические сроки проходила борьба (и по их мнению, борьба уже законченная, завершенная) с глыбой неслыханной тяжести, тяжеловеснейшей машиной вековых, заскоружлых привычек, которую В.И.Ленин охарактеризовал как **самую трудную** борьбу. Почему же никто из тех, кто стоит горой за тезис «рабсила – нетовар», кто считает себя диалектиком и материалистом, **не исследовал** этот, казалось бы, чрезвычайно интересный и исключительно важный вопрос теории и практики социализма? Ведь на эту неисчерпаемую тему можно было бы одних только кандидатских диссертаций написать не одну сотню, вроде такой: «Полная и окончательная победа трудящихся над тяжеловеснейшей машиной, глыбой неслыханной тяжести (на примере рабочих такого-то уезда такой-то 237//238 губернии)». В самом деле, почему?

Да потому, что **нет** такой темы.

Но тем не менее сторонникам критикуемых взглядов такое исследование следовало хотя бы попытаться провести и *доложить* научной общественности *о его результатах*. Следовало бы для того, чтобы не разводить схоластические рассуждения о том, будто рабочая сила перестала быть товаром на все 100%, а либо обосновать это утверждение конкретным фактическим материалом, либо отказаться от имеющегося решения данного вопроса, которое выдвигаемая концепция расценивает как метафизически альтернативное и однобокое.

Всех участвующих в действительном поиске решения накопившихся в течение многих десятилетий проблем политической экономии социализма (а не в поиске диссертабельных тем и не в написании публикабельных, приносящих гонорар монографий) на самые серьезные размышления должен навести том факт, что такое исключительно важное для нее положение, затрагивающее «самые ее основы» (см. [121.102–103]), будто рабочая сила перестала быть товаром, **отсутствует** в работах В.И.Ленина. Даже «теоретически» очень трудно, а практически и невозможно предположить, чтобы В.И.Ленин не отразил хотя бы в двух-трех работах из своего богатейшего литературного наследия столь важного изменения в жизни общества, имей оно место в действительности. Даже там, где В.И.Ленин пишет о превращении *всех* граждан в трудящихся по найму при социализме, он не только не делает никакой оговорки, что этот найм уже более не означает куплю-продажу рабочей силы, но и не делает ни малейшей попытки навести (например, заключив слово *найм* в кавычки) своего читателя на мысль об этом (см. [36.101]); зато он пишет статью, специально посвященную **самой трудной** проблеме **социализма** (до его превращения в собственно коммунизм) – проблеме преодоления привычки людей продавать свою рабочую силу.

«Загадку» эту пора бы уже разгадать, хотя для непредвзятого читателя, который «не знает» того, будто рабочая сила при социализме не 238//239 является товаром, никакой загадки здесь нет.

Вернемся, однако, к основной нити параграфа.

Рабочая сила при социализме может соединяться и соединяется (возможность и действительность – разные вещи, их не надо путать между собой) двояко:

- 1) непосредственно, безусловно, поскольку каждый член общества является таким же сособственником средств производства, как и все остальные (на рис. 5.9 это цикл потоков 2 и 3);
- 2) опосредованно, на условиях обмена на вполне определенное количество жизненных средств, поскольку каждый член общества является обособленным собственником-производителем существенной и значительной части рабочей силы (на рис. 5.9 это цикл потоков 4 и 5).

В первом случае мы имеем труд непосредственно на общество, членом которого является каждый участник социалистических производственных отношений, то есть труд коммунистический, без расчета на личное вознаграждение (но с расчетом на то, что этот труд дает действительный прирост общественного богатства – единственного рукотворного источника роста благосостояния всех членов общества) и вне контроля за мерой труда и мерой потребления; во втором случае – труд наемный, ориентированный на индивидуальное (личное, персональное) вознаграждение, то есть труд, предполагающий строгий контроль за мерой труда и мерой потребления.

Но члены общества, носители рабочей силы трудятся по найму как обособленные собственники, а как таковые они составляют одну из двух диапротоб социализма, один из его классоидов. Точно так же те же самые члены общества трудятся непосредственно на общество, по-коммунистически как сособственники общенародных средств производства и всей производимой при их посредстве продукции, а как таковые они образуют вторую диапротобу социализма, его второй основной классоид. Соответственно этому данные диапротобы социализма можно назвать либо по связанным с ними отношениям собственности, либо по связанным с ними характером труда, а именно: первый классоид (носитель нового, связанный с 239//240 отношениями обобществленной, общенародной собственности; классоид, цементирующий общество) – это классоид-носитель отношений обобществленной, общенародной собственности, или классоид-носитель коммунистического труда, короче – коммунистический классоид (коммунистическая диапротоба); второй классоид (носитель старого, связанный с отношениями обособленной собственности; классоид, разрыхляющий общество) – это классоид-носитель отношений обособленной собственности, классоид-носитель наемного труда, проще – наемный классоид (наемная диапротоба).

Вероятно, сторонники общепринятых взглядов скажут: независимо от того, осознает ли тот или иной член общества, трудящийся, что он трудится и должен трудиться не только на себя, но и на все общество, или не осознает этого, – тем не менее объективно труд каждого члена общества является не только трудом на себя, но и трудом на общество («коммунистическим трудом» по терминологии концепции), но нельзя применять столь высокое слово *коммунистический* к хапуге, бракоделу, бюрократу, имитатору кипучей деятельности, лентяю, белоручке, к человеку, безответственно относящемуся к поручаемой ему работе, сырью, материалам, топливу, электроэнергии и т.п.

Верно, нельзя. Отношения *между* классоидами проходят *сквозь* каждого члена общества, но *по-разному* у каждого отдельно взятого участника производственных отношений социализма. Отношения между наемным и коммунистическим трудом при социализме глубоко (диалектически) противоречивы, и это не логическая ошибка мышления. В самой реальности общественной жизни один не только исключает другой, но и предполагает его, проникает в него и даже превращается в другой. Было бы бессмысленным говорить о характере труда при социализме вообще, спорить о том, является ли он непосредственно общественным или опосредованным, рассуждать о степени его непосредственной общественности и т.п. Такие рассуждения ничего не дают, ибо превращаются в спор о дефинициях. Поэтому рассмотрим характер труда при социализме хотя бы

на одном из конкретных примеров, которыми изобилует вся наша повседневная жизнь, а только затем 240//241 сделаем некоторые выводы и обобщения.

Возьмем в качестве примера двух программистов-повременщиков Борисова и Степанова, которым в силу каких-то причин (допустим, ведомственной разобщенности) поручена совершенно одинаковая работа, которую они выполняют независимо друг от друга.

Разработанные ими программы, хотя и рассчитаны на одни и те же технические средства вычисления, существенно различаются. Так, решение одной задачи по программе, составленной Борисовым, требует всего лишь 115 минут дорогостоящего машинного времени, а по программе Степанова – целых 40. Исходные данные пользователь программы Борисова может подготовить за полтора часа, пользователь программы Степанова затрачивает на это как минимум четыре часа. Обладает и другими преимуществами программа Борисова. Чем же объясняется столь различный результат работы, если известно, что ни по способностям, ни по опыту и стажу работы, ни по имеющимся в их распоряжении средствам программирования, ни по знаниям ни одному из них нельзя отдать предпочтения, а времени на разработку и отладку своей программы Степанов затратил даже больше, чем Борисов?

И Борисов, и Степанов как сособственники общенародных средств производства равны, и как таковые они оба должны и могли бы, казалось, выполнить работу так, чтобы результаты их личного труда принесли наибольший экономический эффект, чтобы разработанные ими программы имели высокие эксплуатационные технико-экономические характеристики. Объяснить различие результатов труда Борисова и Степанова, на первый взгляд, не удастся и с учетом того, что они оба являются обособленными собственниками-потребителями жизненных средств (или, что в известном смысле одно и то же, собственниками-производителями рабочей силы), поскольку при одинаковой повременной оплате (одинаковом окладе) и одинаковом составе своих семей также трудно обнаружить какое-либо заметное различие между ними как обособленными собственниками. В чем же дело?

А все дело в том, что процесс программирования помимо всего прочего, 241//242 требует творчества, *самоотдачи*, интенсивной работы мозга, которые меньше всего поддаются какой бы то ни было регламентации, учету и контролю за мерой труда. Здесь качество выполненной работы в значительной степени зависит от собственного отношения исполнителя работы к труду, зависит от мотива его трудовой деятельности.

В параграфе 5.3 говорилось о необходимости двойного подхода при рассмотрении принадлежности каждого члена общества к диалектикам социализма. И если обратимся к рисункам 5.6, 5.7 и 5.8, то в кружках Б и С, обозначающих отдельных членов общества, узнаем наших программистов Борисова и Степанова. В чем же их различие?

1. Хотя они оба являются сособственниками общенародных средств производства, при прочих равных условиях у Борисова наблюдается крен в сторону большего осознания им своих интересов как носителя общенародно-собственнических отношений по поводу средств производства и его продуктов, у Степанова же – крен в противоположную сторону, в сторону большего осознания им его интересов как обособленного собственника.

2. Для Борисова мощнейшим стимулом к труду, к высоким результатам его личного труда является уже сама общая собственность на средства производства, сам факт, что плоды его труда поступают не кому-нибудь, а тому самому бесклассовому обществу, членом которого он сам же и является; на Степанова же этот стимул действует слабо, ему требуется *особый стимулятор* трудовой деятельности, «материалистично» называемый «*материальным стимулом*», хотя под ним понимается только *личный* интерес в чистогане, в деньгах, в заработной плате и всевозможных премиях, на которые можно приобрести те или иные материальные и нематериальные блага, но который ничуть не более материален, чем тот интерес в процветании всего общества, непосредственно общественный материальный интерес, которым руководствуется Борисов, и по сравнению с которым этот особый стимулятор является настоящим суррогатом.

3. И Борисов, и Степанов – участники социалистических производственных отношений, принцип которых «от каждого по способностям». Но Борисов 242//243 действительно сработал программу по способностям, быстро и хорошо, а Степанов – ниже своих возможностей. Чтобы трудиться по способностям, Борисову и не требуется особой системы учета и контроля за мерой труда. Иное дело со Степановым. Он трудится по способностям лишь постольку, поскольку существует учет и контроль за количеством и качеством его труда. Это ради него, для того, чтобы активизировать функционирование его рабочей силы, постоянно изыскиваются все новые и новые системы оплаты его способностей к труду, это ради него ломают головы светлые умы, как бы лучше, полнее, всестороннее учесть каждое шевеление извилины мозга и каждое сокращение мышцы Степанова и уложить эту систему в бухгалтерские параграфы, нормирующие оплату труда с тем, чтобы он, Степанов, думал и действовал бы, по возможности, в полную силу своих способностей. Если же такой системы нет, а есть повременка – то труд Степанова, будучи гораздо больше наемным, чем коммунистическим, из труда по способностям превращается в труд по оплате.

4. И Борисов, и Степанов значительную часть своей рабочей силы производят как обособленные собственники, а потому передают ее в распоряжение общества только в обмен на жизненные средства, посредством которых она восстанавливается и развивается. Но и здесь за внешним сходством – глубокое различие, доходящее до противоположности. Эта часть рабочей силы для Борисова является товаром вынужденно, поскольку существующие производственные отношения исключают пока еще возможность поступления всего набора жизненных средств к Борисову как к их сособственнику прямо и непосредственно в потоке 2 (см. рис. 5.9), и он, Борисов, прежде, чем потребить их, должен купить их в свою обособленную личную собственность. С содержательной же стороны Борисов, будучи сособственником общих средств производства, соединяет свою рабочую силу с ними прямо и непосредственно, в потоке 3 (это относится и к той части рабочей силы Pc_1 , которая произведена за счет жизненных средств $Жс_1$, отчужденных от общенародной в его личную собственность), и лишь по форме (но и в сущности!) происходит обмен между частью его рабочей силы Pc_1 и жизненными 243//244 средствами $Жс_1$ как товарами, принадлежащими обособленному собственнику Борисову и обществу в целом.

Что касается Степанова, то тут дело обстоит совсем наоборот. Сама система учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, равно как и связанные с ее функционированием непроизводительные затраты живого и прошлого труда в сфере обращения между рабочей силой Pc_1 и жизненными средствами $Жс_1$ существуют (сохраняются) потому, что прямое и непосредственное (собственно коммунистическое) соединение рабочей силы Степанова в потоке 3 как сособственника общих средств производства с последними носит лишь формальный характер, потому, что данное соединение не оплодотворено сознанием Степанова. Напротив, такому программисту-наемнику ничего не стоит ввергнуть в лихорадку и остановить главный конвейер автозавода-гиганта, лишь бы привлечь к своей персоне внимание начальства, лишь бы набить себе цену повыше (см. [303]).

Как видим, в рамках данного параграфа мы лишь слегка коснулись проблемы соотношения и взаимообусловленности диалектоб социализма и диалектики наемного и коммунистического труда, которые находят свое выражение в таких категориях, как сущность и явление, содержание и форма, причина и следствие, старое и новое.

Выдвигаемая концепция по существу стоит еще только на пороге, в самом начале исследования данного вопроса и с ее точки зрения изучение и углубленная разработка именно этого вопроса, имеющего огромное и теоретическое, и практическое значение, должны стать одним из первоочередных и важнейших направлений дальнейшего развития выдвинутой концепции. Проблема эта исключительно содержательна, и лишь в силу крайней ограниченности возможностей одного человека в разработке теоретических проблем социализма мы прерываем рассмотрение данного вопроса в надежде, что у автора рукописи и (может быть,– или) будущих сторонников его концепции когда-нибудь все-таки откроется возможность уделить этому 244//245

вопросу такое внимание, которого требует данная проблема.

Но пока на этом направлении все еще горит красный стоп-сигнал, который запрещает сопрягать процессы производства и потребления рабочей силы при социализме со стоимостными отношениями и отношениями собственности. И хотя, вероятно, мало уже кто помнит и знает, кем именно и при каких обстоятельствах был зажжен этот запрещающий огонь, имя которому «рабсила – нетовар», он с завидным усердием оберегается от малейшего дуновения ветерка. Его, конечно, нельзя не оберегать: слишком немощен питающий его источник, слишком шатко основание, на котором он стоит. Но он оберегается, причем оберегается несмотря даже на то, что проведение исследователей в другом, «научно состоятельном» и «истинно верном» направлении не принесло (а с точки зрения выдвигаемой концепции – и не принесет) ничего, кроме накопления нерешенных проблем в политической экономии социализма, ничего, кроме возникновения серьезных затруднений в теории исторического материализма и научного коммунизма.

И тем не менее наука развивается и будет развиваться не по правилам железнодорожного движения. У нее свои законы развития. Противодействие развитию конкурирующих гипотез и концепций, выражающееся в форме попыток монополизировать право выбора того или иного направления в развитии науки, со стороны тех ученых, кто сам увяз в неразрешимых проблемах, – бессмысленно, абсурдно и противоестественно. К такого сорта противодействию обычно прибегают только тогда, когда сторонники господствующих взглядов больше уже не располагают иными средствами поддерживать свои пошатнувшиеся теоретические построения.

Глава 6. Развитие производственных отношений социализма

6.1. Основной экономический закон социализма

Политическая экономия социализма должна, по нашему мнению, изучать экономические законы как законы оптимума...

Н.П.Федоренко [276.56]

Прежде, чем приступить к рассмотрению таких вопросов политической экономии социализма, как основной экономический закон социализма, основное противоречие социализма, мы должны хотя бы вскользь затронуть вопрос о предмете политической экономии социализма. Последний в свою очередь распадается на два самостоятельных вопроса:

- 1) о предмете политической экономии исторической общественно-экономической фазы развития общества;
- 2) о месте социализма в общем ряду исторических фаз развития общественных отношений.

Предметом политэкономии той или иной исторически определенной фазы развития человеческого общества является та часть объективно существующих общественных отношений, которая охватывается производственными отношениями. Однако изолированное рассмотрение производственных отношений как таковых, вне их связи с производительными силами общества не может быть плодотворным, поскольку в этом случае в тени остался бы основной источник развития общественных (и прежде всего производственных) отношений. Ведь производственные (а вместе с ними и иные общественные) отношения развиваются благодаря их диалектическому взаимодействию с производительными силами в рамках того или иного исторически (качественно) определенного способа производства.

В этом и заключается вся сложность вскрытия основного экономического закона социализма: с одной стороны, его формулировка должна отражать закономерности развития производственных отношений социализма (являющихся и общественной формой социалистического способа производства, и экономическим базисом социалистической общественно-экономической **246/247** формации), а с другой – этот же самый закон должен отражать в то же самое время и закономерности социалистического способа производства, в котором производственные отношения являются уже лишь одной из сторон способа производства.

Что касается места социализма в общем ряду фаз исторического развития человеческого общества как определенной последовательности сменяющих друг друга способов производства (или общественно-экономических формаций), то я исхожу из того, что данная фаза исторического развития общества, как и все остальные, является исторически ограниченной и преходящей. Развивающийся по всеобщим законам диалектики социализм именно в силу диалектичности своего развития, как и каждая из предшествовавших ему (и последующих за ним!) фаз исторического развития общества – и вопреки мнению многих обществоведов – в свое время непременно будет подвергнут диалектическому отрицанию несмотря на неантагонистическую специфику диалектики социализма.

Многие исследователи исходят из противоположного представления: они полагают, будто социализм не является социально-экономической качественной определенностью, что посему превращение социализма в собственно коммунизм не будет в полном смысле диалектическим отрицанием социализма, не станет его превращением в несоциализм. Но здесь мы имеем дело с порочным замкнутым кругом. Ведь питательной средой всех аргументов в пользу концепции коренной однокачественности социализма и коммунизма, в пользу концепции, рассматривающей всё посткапиталистическое развитие общества как развитие в пределах одной-единственной общекommунистической формации, одного-единственного способа производства служит лишь то, что обществоведам пока не удалось вскрыть *социально-экономическую диалектику социализма*, а именно: нам пока еще неизвестно основное противоречие социализма, не удалось еще обнаружить социальных носителей сторон (социальных противоположностей) данного противоречия. А не зная и не понимая диалектики социализма, мы продолжаем пребывать в иллюзии об

исключительности социализма и коммунизма, начинаем изобретать специально для них новую, особенную «диалектику», отличную от всеобщей (концепция «двух диалектик») и... уже не ищем и не хотим искать ни основное противоречие социализма, ни социальные противоположности (диапротобы) социалистического общества.

Ну что ж, время покажет (и думаю, теперь уже скоро), какой из этих двух подходов плодотворен и сумеет, наконец, вывести общественные науки на путь бурного подъема, превратит их в действенное средство коммунистического преобразования социалистических общественных отношений.

Социалистические общественные отношения не являются застойными и окаменевшими: они развиваются. Материальной основой (экономическим базисом) изменяющегося и развивающегося социализма являются его производственные отношения, взаимодействующие с его производительными силами. **247//248** Для обнаружения, вскрытия, познания механизма, причин и направленности эволюции социалистических общественных отношений наше внимание должно быть направлено в первую очередь на взятый в целом процесс функционирования производственных отношений социалистического способа производства как таковых, а также на взаимодействие их с производительными силами. А для этого необходимо сформулировать основной экономический закон социализма – закон, определяющий сущность социалистических производственных отношений, закон движения и развития последних вплоть до их перерастания в собственно коммунистические производственные отношения.

Основной экономический закон социализма неразрывно связан с основным противоречием социализма: и первый, и второе выражают **диалектику** развития **одного и того же** социализма, его социальных противоположностей (коммунистического и наемного классов). «Не вызывает сомнений, что в основном экономическом законе социализма представлено его основное противоречие» [296.94]. Выражая диалектику одного и того же способа производства, одних и тех же производственных отношений, основной экономический закон концентрирует наше внимание на том, каковы движущие мотивы и определяющие цели социалистического процесса производства; основное же противоречие сосредотачивает его на том, какие противостоящие социальные силы (и какие связанные с этими силами общественные отношения) стоят за основными закономерностями функционирования и тенденциями развития социалистических производственных отношений и способа производства. Ни тот, ни другое поэтому не могут быть вскрыты независимо и обособленно не только друг от друга, но и вне связи с диапротобами социализма.

Процесс обнаружения, вскрытия и основного экономического закона, и основного противоречия социализма в рамках выдвигаемой концепции протекал параллельно и одновременно друг с другом, и совершенно невозможно сказать, что чему предшествовало и что из чего вытекало. Но чтобы не оказаться в положении буриданова осла, приступим к изложению этого двуединого вопроса и начнем его с основного экономического закона **248//249** социализма.

Как мы увидим это ниже (см. рис. 6.4 на [стр. 268](#)), парадокс социально-экономического развития при социализме заключается в том, что *стихия* развития производственных отношений под воздействием развивающихся производительных сил не приближает социалистическое общество к высшей фазе, а удаляет его от коммунизма (в СССР даже столкнула его назад, в капитализм).

Стихия социалистического развития вместо попутного коммунистическому строительству сокращения и размывания сферы товарообмена жизненных средств на рабочую силу требует противоположного: увеличения доли трудозатрат, вкладываемых в эту непроизводительную сферу учета и контроля за мерой труда и мерой потребления каждого.

Здесь, очевидно, действует принцип, аналогичный хорошо известному в термодинамике и суть которого выражена поэтом: «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей».

Партия, которая сняла с повестки дня твердое обещание ее основателя в течение десятилетий (вплоть до полной победы коммунизма) вести самую трудную борьбу против продажи рабочей силы, не могла не деградировать. Называясь коммунистической, но вооруженная ложной теорией, абсолютно слепой по отношению и к диалектике социалистического общества, и как следствие – к его прогрессивному коммунистическому классоиду, она не стала организатором коммунистического сопротивления стихии наемного труда, но привела социалистическое детище Маркса, Ленина и народов Российской империи к полному краху.

Социалистические производственные отношения, непосредственно определяющие социалистический способ производства, – это самовоспроизводящаяся система, которая (по крайней мере, с чисто внешней стороны) воспроизводит именно себя, именно социалистические, а не какие-либо иные (например, собственно коммунистические) производственные отношения.

Процесс производства, определяемый социалистическими производственными отношениями, уже был достаточно подробно рассмотрен в параграфах 4.6 и 5.4, схематически он представлен на рис. 5.9 и 4.8. Взглянем на них еще раз.

Необходимыми условиями и признаками социалистических производственных отношений является наличие отношений:

а) обобществленной (общенародной) собственности на средства производства;

б) обособленной (личной, семейной) собственности на определенную часть жизненных средств и рабочей силы,

а также (что при этих предпосылках само собой разумеется) наличие субъектов этих отношений.

Многие исследователи отношений собственности при социализме гипертрофируют роль и значение общенародной собственности на средства производства, видя только в ней отношения собственности, достойные внимания ученого-исследователя (см., напр., [238.89; 145.103]).

Речь у нас идет не о том, что сущность социалистического способа производства может или должна выражаться иными, отличными от отношений общей (и прежде всего общенародной) собственности на средства производства, а о том, что помимо отношений собственности на средства производства во внимание должны быть приняты также и отношения собственности на второй, не менее важный, чем средства производства, фактор производства – рабочую силу, а также и на жизненные средства, посредством которых рабочая сила воспроизводится.

Речь идет о том, что для исследования социалистического способа соединения рабочей силы со средствами производства совершенно недостаточно привлекать к анализу одни только отношения собственности на средства производства и игнорировать, будто их не существует вовсе, отношения собственности на рабочую силу и на жизненные средства.

Рассматриваем ли мы возобновляющийся процесс производства первого вида П (средств производства и жизненных средств) или же процесс производства второго вида п (рабочей силы), мы видим только одно: после каждого очередного воспроизводственного цикла по поводу вновь произведенных **249/250** и средств производства, и рабочей силы складываются такие же общественные отношения, которые имели место по поводу потребленных факторов производства и жизненных средств.

В самом деле.

Сохраняется и воспроизводится вновь общенародная собственность на средства производства; сохраняются и воспроизводятся вновь существующая система отношений обобществленной и обособленной собственности на жизненные средства и рабочую силу.

Сохраняется и воспроизводится барьер между объектами обособленной и обобществленной собственности, ибо без него невозможно функционирование социалистической системы учета и контроля за мерой труда и мерой потребления.

Значит, сохраняются и воспроизводятся в экономическом базисе общества (а не где-то в надстроечных сферах – в политике, идеологии, сознании) непроизводительные затраты труда, обеспечивающие товарный обмен рабочей силой и жизненными средствами между противоположными друг другу субъектами обособленной и обобществленной собственности, т.е. вновь и вновь воспроизводится непроизводительно поглощающая человеческий труд сфера учета и контроля за мерой труда и мерой потребления.

Значит, сохраняется и государство – институт надстройки, обеспечивающий и поддержание барьера между объектами личной и общественной собственности, и принуждение членов общества к соблюдению закрепленных правовыми нормами всего того существующего при социализме порядка, который необходим для нормального функционирования сферы товарного

обмена рабочей силы и жизненных средств.

Но ведя поиск основного экономического закона социализма (и его основного противоречия), мы хотим, очевидно, обнаружить другое: как и куда движутся современные общественные отношения? как и почему социализм должен превратиться в несоциализм, в высшую по отношению к нему фазу исторического развития? в силу действия каких факторов в процессе перерастания социализма в несоциализм (в коммунизм) засыпает **250//251** государство, отмирают товарно-денежные отношения? в результате борьбы каких социальных сил современности происходит это движение?

Если бы мы подошли к решению проблем основного экономического закона социализма и его основного противоречия, вооруженные концепцией «коренной однокачественности» лучевого социализма-коммунизма, то, во-первых, мы вынуждены были бы рассматривать социализм лишь как чрезвычайно слаборазвитый, находящийся в зачаточном состоянии «вечный» коммунизм, во-вторых, для выведения основного экономического закона и основного противоречия социализма мы были бы должны обратиться не только к эмпирически наблюдаемым фактам и явлениям реального социализма, но и к представлениям о пока еще не существующей высшей по отношению к социализму исторической фазы развития общества (что говоря довольно-таки мягко, мало соответствует материалистической теории познания), и в-третьих, это только бы затруднило обнаружение той самой объективно существующей, наиболее существенной, устойчивой и повторяющейся причинно-следственной связи, которая характеризует именно социализм и именно его развитие в высшую фазу.

Выдвигаемая концепция исходит из того, что основной экономической закон социализма (как, впрочем, и другие *его* законы) должен быть выведен в результате творческого политэкономического осмысления фактов и явлений объективно существующих, диалектически противоречивых, неантагонистических социалистических производственных отношений. В этой связи она положительно оценивает то обстоятельство, что многочисленные разновидности имеющихся формулировок основного экономического закона социализма отражают основанную на фактическом равенстве *всех* членов общества между собой по поводу средств производства преодоленность явлений антагонизма, эксплуатации одних классов другими. Так, в энциклопедии «Политическая экономия» содержание этого закона определяется как «обеспечение наиболее полного благосостояния и всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства» [[223.192](#)]. **251//252**

Однако данная и близкие к ней формулировки, как это уже отмечалось в литературе (см., напр., [[196.101](#)]), не отражают специфики именно социалистических производственных отношений, в них не видно и намек на содержание движения именно социалистических производственных отношений к коммунистическим в строгом смысле, поскольку они полностью применимы (после замены слова «социалистического» на «коммунистического») и о второй фазе послекapиталистической истории, и, очевидно, будут применимы и к последующим историческим фазам социально-экономического развития человеческого общества. По сути дела, все содержание основного экономического закона, характеризующего социализм, здесь сводится к следующему: нет эксплуатации, а потому творим максимум возможного для нашего же блага. Этот недостаток формулировки может быть преодолен, если в содержание закона включить наиболее существенные, закономерные связи, характеризующие социализм (и только его!), если связать его с основным принципом социализма «от каждого по способностям, каждому по труду» (одна из таких попыток также была предпринята И.А.Морозом, см. [[197.108](#)]), если этот закон будет отражать диалектику основных социальных сил социализма, если он будет показывать, каким именно образом в социалистическом способе производства достигается максимум производства продуктов, обеспечивающий наиболее полное благосостояние и всестороннее развитие членов общества, показывать, как этот максимум связан с уровнем развития основных сторон социалистического способа производства (взаимодействующих и взаимовлияющих друг на друга производительных сил и производственных отношений), относительно чего этот максимум берется, куда и почему этот максимум движется, и т.п. [*Абзац дан в редакции октября 1985 года.*]

Чтобы предметно вести дальнейшее изложение, еще раз напомним следующее. Под производительным и непроизводительным трудом здесь имеются в виду не те ходячие трактовки, согласно которым труд педагога, библиографа, хирурга, водителя трамвая непроизводителен (в отличие от труда ветеринара, водителя грузовика, рабочего ОТК). Под производительным и непроизводительным трудом понимается изложенное в параграфах 2.2 и 4.7 (см.) различие производительного-1 и непроизводительного-1 труда, согласно которому под производительным-1 трудом понимается труд, создающий все те потребительные стоимости, которые либо вообще не существуют **252//253** в природе (например, жилой дом, шариковая ручка, медицинское воздействие на организм человека), либо существуют в природе в недостаточном, ограниченном количестве (например, алмазы) и посредством которых только и возможно удовлетворение разнообразных потребностей отдельных членов трудового социалистического общества и общества в целом.

Под ресурсами прошлого труда мы понимаем не только ресурсы, «материалистически» понимаемые как вещественные (станки, аппараты, оборудование, оснастка, сырье, энергоносители), но и наличные результаты того прошлого труда, который воплотился в таких элементах производительных сил, как открытия, изобретения, знания и профессиональные навыки производительных работников.

Введем обозначение: $Дп = П / (П + \neg П)$, где

Дп – безразмерный параметр, выражающий долю затрат производительного труда в общей массе труда, затрачиваемого в социалистическом базисе;

П – масса производительного-1 труда, создающего всевозможные потребительные стоимости, может быть выражена в часах рабочего времени;

$\neg П$ – масса непроизводительного-1 труда, занятого учетом и контролем за мерой труда и мерой потребления в сфере обращения рабочей силы и жизненных средств и не создающего никаких потребительных стоимостей; выражается в тех же единицах, что и величина П.

Очевидно, что параметр Дп, характеризующий долю производительного-1 труда, осуществляемого во всей массе затрат труда, если исключить не имеющие смысла отрицательные значения величин П и $\neg П$, может принимать значения от 0 до 1. Этим двум предельным значениям параметра Дп соответствуют следующие случаи.

1. Параметр Дп стремится к нулю, если значение величины П стремится к нулю ($Дп \rightarrow 0$ при $П \rightarrow 0$). Достижение этого предела означало бы, что общество сплошь состоит из нормировщиков, учетчиков, табельщиков, бухгалтеров, кассиров, продавцов, ревизоров и других непроизводительных работников, осуществляющих свой труд исключительно в не производящей никаких потребительных стоимостей сфере обращения рабочей силы и **253//254** жизненных средств, в сфере регулирования и надзора за мерой труда и мерой потребления, осуществления социалистических принципов «кто не работает, тот не ест» и «каждому по труду». Величина произведенного продукта труда оказалась бы в этом случае равной нулю.

2. Безразмерный параметр Дп стремится к единице, когда значение величины $\neg П$ стремится к нулю ($Дп \rightarrow 1$ при $\neg П \rightarrow 0$). Однако достижение этого предела означало бы, что в обществе уже нет сферы учета и контроля за мерой труда обособленных носителей рабочей силы и мерой обособленного потребления жизненных средств, нет *товарного* обмена между обществом и его членами как *различными* субъектами отношений собственности по поводу жизненных средств и рабочей силы. В рамках социализма этот предел также недостижим, поскольку социалистический способ производства предполагает учет и контроль за мерой труда и мерой потребления каждого члена общества. Если бы в условиях наличных на сегодняшний день факторов производства весь ресурс рабочего времени был бы направлен в сферу производительного труда, масса произведенного продукта, хотя, может быть, и была бы больше нуля, но едва ли она оказалась бы далекой от него: общественное производство было бы полностью дезорганизовано. Думаю, это тоже очевидно каждому.

Отсюда ясно, что для каждого данного момента времени, которому соответствует вполне определенный уровень развития производительных сил и вполне определенный уровень развития производственных отношений социалистического общества, существует своя «золотая середина», вполне определенное соотношение между затратами производительного и непроизводительного труда, при котором обеспечивается наибольший, максимальный уровень производства продуктов труда (средств производства и жизненных средств) и, соответственно, максимальный уровень их потребления и накопления как в масштабах общества, так и в расчете на одного человека.

Сказанное можно проиллюстрировать графиком, по осям которого для какого-то вполне определенного момента времени отложены безразмерный параметр D_p и масса произведенного продукта труда P_t как функции от D_p (см. рис. 6.1). 254//255

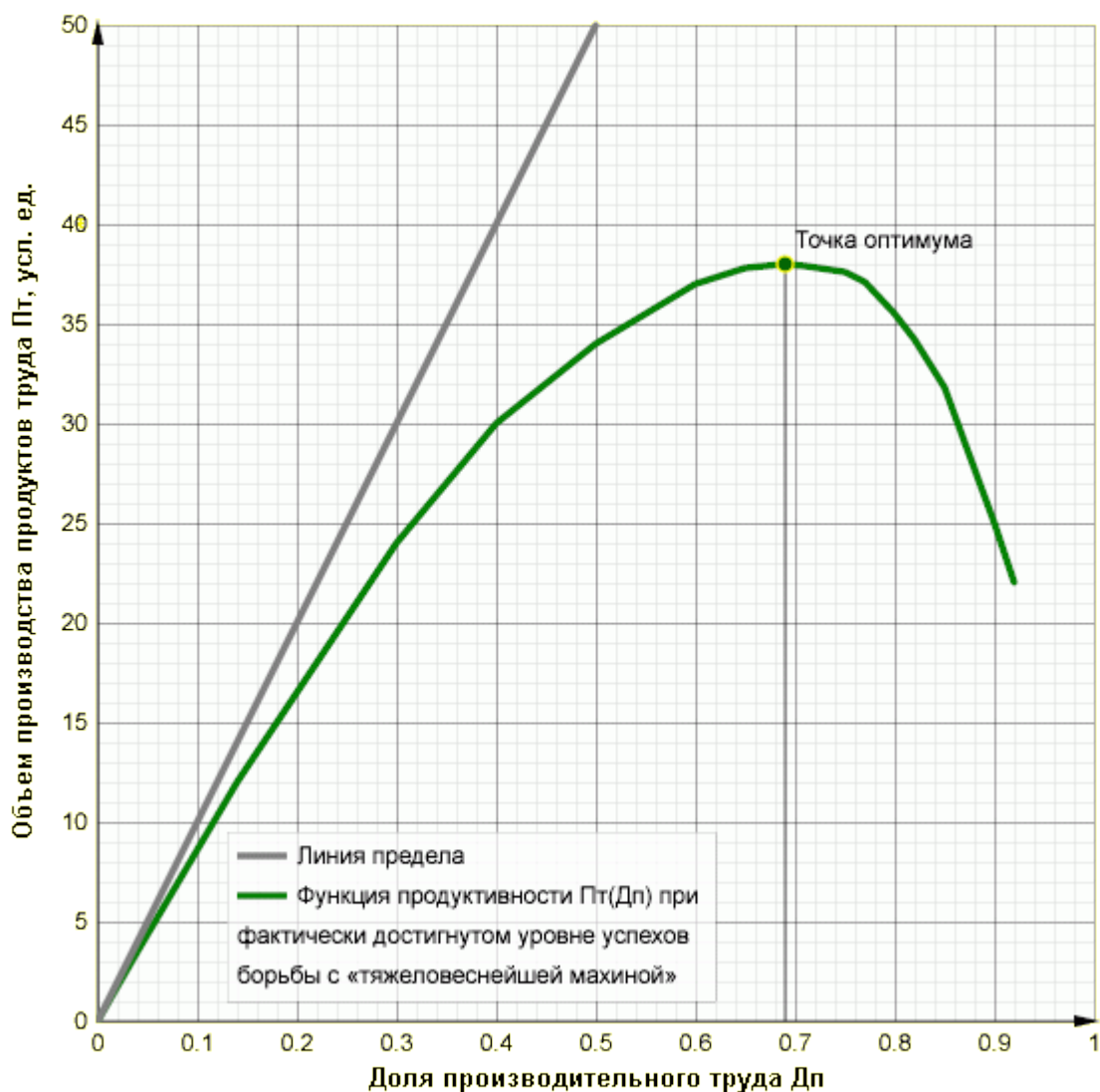

Рис. 6.1. Функция продуктивности и оптимум доли непроизводительного труда.

Кривая показывает, какова была бы величина произведенной продукции, если бы соотношение между затратами производительного-1 и непроизводительного-1 труда на выбранный нами момент времени имело то или иное значение. Из этого графика, хотя он и не опирается на какие-либо конкретные данные (приходится лишь сожалеть, что ЦСУ СССР не ведет статистики, которая позволила бы выявить динамику изменения соотношения этих затрат во времени), можно сделать весьма любопытные построения и выводы.

Почему кривая выходит из точки с координатами (0; 0) – мы уже объяснили. Поясним теперь, почему начальный участок кривой (в нашем примере в интервале значений D_p от 0 до 0,2)

представляет собой линию с почти не меняющимся наклоном к оси Дп. При весьма значительной доле непроизводительного труда, когда на одного производительного работника приходится несколько непроизводительных, учитывающих и контролирующих меру труда и меру потребления каждого (при Дп, равном, 0,2, это соотношение составляет 1:4, при 0,1 – 1:9, а при 0,05 – 1:19), учет и контроль осуществляется с очень высокой степенью точности. Поэтому в этом диапазоне изменения параметра Дп снижение относительной доли затрат непроизводительного труда почти не оказывает влияния на скорость роста производства продуктов труда Пт; решающее значение на этом участке имеет рост доли производительного-1 труда. 255//256

На следующем участке кривой при значениях Дп от 0,2 до 0,69 с увеличением доли затрат производительного труда объем продуктов труда продолжает расти, однако здесь всё заметнее начинает сказываться снижение точности учета и ослабление контроля за мерой труда и мерой потребления каждого. При соотношении затрат производительного и непроизводительного труда 69:31 (т.е. при Дп, равном 0,69) дальнейшее приращение затрат производительного труда уже не дает приращения производства продуктов труда. Это – точка оптимума доли производительного труда Дп для заданного (наличного на выбранный момент времени) соотношения уровней развития производительных сил социалистического общества с одной стороны и его производственных отношений – с другой. Именно к нему, к этому оптимуму, осознанно или неосознанно (методом проб и ошибок) стремится социалистическая экономика, обеспечивая тем самым максимально возможный и практически доступный социалистическому способу производства уровень производства продуктов труда, удовлетворяющих общие и индивидуальные потребности членов социалистического общества.

И, наконец, последний участок зависимости Пт(Дп) показывает, что здесь, на участке дальнейшего роста доли производительного труда (и, соответственно, снижения доли непроизводительного труда) приращение доли затрат производительного труда приводит уже не к увеличению, а к сокращению объема произведенного продукта труда Пт вследствие резкого снижения качества учета и контроля за мерой труда и мерой потребления наемных работников – членов социалистического общества, пока неспособных еще работать в полную меру своих способностей только непосредственно на общественный материальный интерес, не способных отдавать обществу все свои способности к труду (рабочую силу) в потоке 3 (см. рис. 5.9).

На рис. 6.1 изображена еще одна весьма характерная зависимость: линия предела объема производства

Рукопись была закончена в 1983 году, за несколько лет до того, как в нашей стране появился новый измеритель УЕ (американские баксы). Условные единицы на рисунках 6.1 – 6.3 не имеют к ним никакого отношения.

продуктов труда, который мог бы быть достигнут для любого заданного значения Дп при данном уровне развития производительных сил и при заданном (имеющемся) фонде рабочего времени и при условии, что каждый производительный работник в соединении со 256//257 средствами производства максимально использует свою трудоспособность (т.е. рабочую силу) для достижения полезного производственного эффекта независимо от точности и качества учета и контроля за мерой труда и мерой потребления. Так, при практически идеальном учете и контроле за мерой труда и мерой потребления 10% работников, занятых производительным трудом, дают 10 условных единиц продуктов труда, удовлетворяющих разнообразные потребности общества и его членов. Это говорит о том, что для заданного уровня развития производительных сил обеспечение максимального использования способностей к труду (т.е. рабочей силы), или другими словами, обеспечение работы всех производительных работников в полную силу своих способностей при 20-процентном вложении труда в производственную сферу могло бы дать 20 усл. единиц продукции, при 40-процентном – 40 усл. единиц, при 80-процентном – 80 единиц. В точке оптимума Дп, равного 0,69 долей единицы, потенциал продуктивности равен 69 усл. единицам продуктов труда вместо фактических 38 усл. единиц. Но это значит, что качество учета и контроля в данных конкретных условиях, при оптимальном соотношении затрат производительного и непроизводительного труда обеспечивает использование суммарной трудоспособности 69% членов общества, занятых производительным трудом, лишь на 55% от потенциала (38 у.е./69

у.е.×100%=55%).

Разумеется, это – усредненная величина использования трудоспособностей членов общества, причем правила усреднения здесь очень напоминают принцип «ложка дегтя в бочке меда», и чем выше уровень развития производительных сил, тем сильнее действует этот принцип. Например, один руководящий работник или работник планирующих органов, усердствующий (ради получения средств личного материального и даже морального стимулирования или ради удержания под собой престижного и удобного служебного кресла) в выполнении лишь учитываемых и контролируемых параметров своей трудовой деятельности, может свести на нет усилия целого коллектива трудящихся предприятия или учреждения, подчиненного ему или обслуженного им своими услугами планирования.

Закончим на этом краткое рассмотрение зависимости Пт(Дп) при неизменных 257//258 и вполне определенных уровнях развития производительных сил и производственных отношений и перейдем к рассмотрению влияния изменяющихся производительных сил и производственных отношений на размер оптимальной доли производительного труда Дп.

Зависимость оптимума Дп от развитости производственных отношений. Примем, что производительные силы неизменны. Это допущение не только необходимо для теоретического анализа влияния развитости производственных отношений на положение оптимума Дп, но и оправдано с практической стороны, поскольку между уровнем развития производительных сил и производственных отношений нет жесткой, однозначной детерминации: как показывает опыт истории, одним и тем же производительным силам могут отвечать даже качественно различные производственные отношения.

Под развитостью социалистических производственных отношений мы понимаем соотношение классовых сил социалистического общества, т.е. *степень преодоленности* «глыбы неслыханной тяжести», «тяжеловеснейшей махины», достигнутую степень преодоления товарной формы и содержания рабочей силы, которая (степень) характеризуется тем или иным соотношением мощностей совокупных потоков 3 и 5 двух основных (обособленных и обобществленного) подразделений производства рабочей силы Pc_1 и Pc_2 (см. рис. 5.9), соединяющихся с общенародными средствами производства опосредованно и непосредственно.

Измерение количества производимых продуктов труда Пт будем вести в условных единицах, приняв за 100 единиц предельный объем их производства, который мог бы быть достигнут при полном отсутствии непроизводительных затрат труда (т.е. при Дп, равным единице) с одной стороны и при труде по действительным способностям каждого члена общества – с другой.

Нетрудно сообразить, что при одном и том же уровне развития производительных сил, но при различном соотношении сил социальной (диапротобной, классовоидной) дифференциации социалистического общества точка оптимума Дп перемещается в сторону увеличения доли производительного труда, в сторону увеличения 258//259 объема производства продуктов труда при увеличении относительной мощности потока рабочей силы, соединяющейся со средствами производства прямо и непосредственно, а при увеличении относительной мощности противоположного потока рабочей силы, т.е. того потока, который соединяет рабочую силу ~~прямо и непосредственно~~ опосредованно товарообменом на жизненные средства, – происходит перемещение точки оптимума в противоположном, неблагоприятном для общества (а тем самым в итоге – и для всех членов общества) направлении. [Редакция 2011 года: исправлена грубая описка.]

Это происходит потому, что ослабление точности учета и контроля за мерой труда и мерой потребления членов общества меньше сказывается на степени использования их способностей к труду при прочих равных условиях там, где больше относительная мощность (или доля) потока непосредственного соединения рабочей силы со средствами производства, т.е. там, где позиции коммунистического классовоида сильнее. И наоборот. Там, где коммунистический классовоид слабее, где сильнее позиции наемного классовоида, для достижения заданной степени использования

трудоспособности требуется более тщательный учет и контроль за мерой труда и мерой потребления (что, естественно, требует снижения величины безразмерного параметра D_p). Но снижение доли производительного труда при постоянной степени использования трудоспособности производительных 259/260 работников приводит к снижению величины произведенного продукта труда P_t .

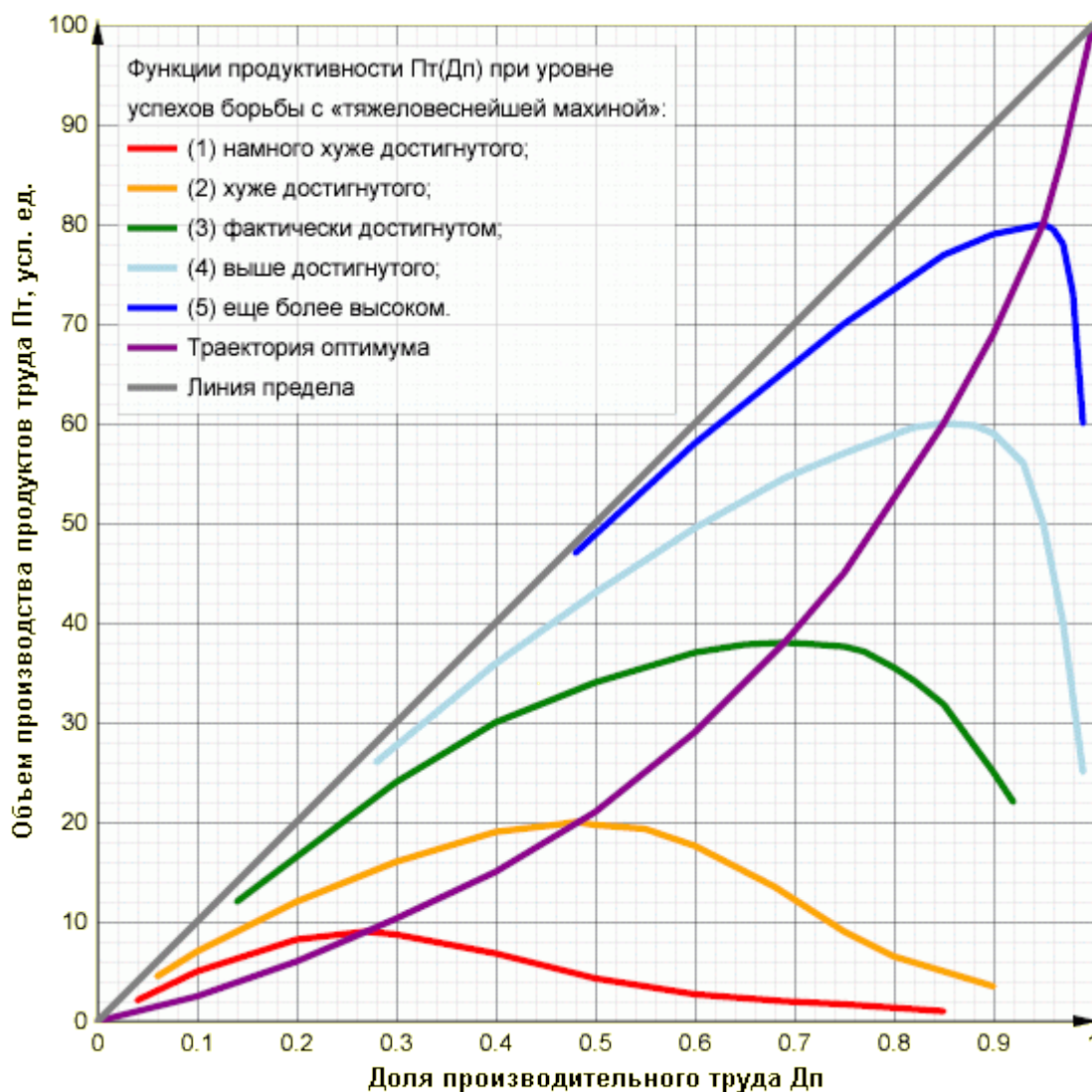

Рис. 6.2. Зависимость оптимума D_p от развитости производственных отношений (производительные силы неизменны).

В качестве примера рассмотрим рис. 6.2. Изображенные на нем линия предела (серого цвета) и функция продуктивности (3) – зеленая кривая, – повторяют показанные на рис. 6.1. Кривыми (1) и (2) красного и оранжевого цвета показана зависимость $P_t(D_p)$ для случаев, когда в соотношении классовых сил социалистического общества удельный вес ретроградной социальной силы социализма (наемной диапротобы) выше и, соответственно, прогрессивной силы (коммунистической диапротобы) – ниже, чем в случае, отражаемом зеленой кривой (3). Наоборот, голубая кривая (4) и синяя (5) отражают случаи, когда социалистическое общество по уровню развития своих производственных отношений занимает более дальние от капитализма и, соответственно, более близкие к собственно коммунизму рубежи.

Наконец, фиолетовая кривая, проходящая через максимумы функций продуктивности $P_t(D_p)$, соответствующих оптимумам аргумента D_p для различных уровней развития производственных отношений социализма, – это траектория оптимума D_p по переменному уровню развития социалистических производственных отношений, но при постоянном (или заданном) уровне

развития производительных сил.

Пример, приведенный на рис. 6.2 – чисто условный, он не привязан ни к одному из конкретных состояний того или иного определенного (скажем, советского, болгарского или кубинского) социалистического социально-экономического организма. Более того, на нем нет даже ни одной точки, которая бы характеризовала какое-либо фактически определенное состояние социалистических производственных отношений. Чтобы получить реальную картину для, скажем, советской экономики и советского общества 1982 года (а эта картина выльется всего-навсего в одну точку), требуется серьезный анализ не только имеющихся статистических данных, но и организация целенаправленного сбора данных специальных экономико-социологических исследований как по некоторым выборкам, так и по всей совокупности предприятий и отраслей народного хозяйства СССР. Само собой разумеется, такая картина была бы гораздо ценнее и интереснее, а ее использование могло бы дать практически ориентиры для планирования и осуществления руководства хозяйственным и социальным развитием страны. Несомненно, со **260//261** временем такие сведения о состоянии, динамике и прогнозах на перспективу в конце концов будут получены. А пока – что поделаешь, приходится довольствоваться лишь тем, что есть – приведем некоторые данные из нашего условного примера.

Табл. 6.1

Наименование показателей	Показатели для уровней развития производственных отношений				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Оптимальная доля производительного труда Дп	0,27	0,48	0,69	0,85	0,95
Оптимальная доля непроизводительного труда Дп	0,73	0,52	0,31	0,15	0,05
Потеря продукта труда за счет вложений непроизводительного труда, усл. ед.	73	52	31	15	5
Объем продуктов труда, который мог бы быть создан при полном использовании рабочей силы производительных работников, усл. ед.	27	48	69	85	95
Фактический объем продуктов труда, усл. ед.	9	20	38	60	80
Усредненная степень использования рабочей силы производительных работников, %	33	42	55	71	84
Объем потерь продукта от недоиспользования способностей к труду производительных работников, усл. ед.	18	28	31	25	15

Повторяю, мы не даем здесь отображения конкретного, фактического состояния экономики того или иного социалистического общества на конкретный момент (или промежуток) времени. Мы лишь констатируем тот факт, что в социалистическом способе производства:

- необходимо предполагают затраты непроизводительного труда, осуществляющего учет и контроль за мерой труда и мерой потребления каждого;
- наличие непроизводительных затрат труда связано с определенными потерями для общества;
- доля затрат непроизводительного труда по учету и контролю за мерой труда и мерой потребления не

Не факт, что в советском социализме объем производства соответствовал максимуму возможного где-то вблизи точки оптимума. Судя по чудовищной путанице понятий и представлений, царившей в политической экономии, такой вопрос не только не решался практически, но и не мог быть даже поставлен, ибо был предан забвению и ленинский завет ведения многотруднейшей борьбы против наемного труда, для чего стал отрицаться и сам факт сохранения при социализме наемного труда, и факт растущего бремени издержек общества по товарообмену рабочей силы на жизненные средства. Выходит, управление важнейшими, стратегическими параметрами коммунистического строительства велось втемную?

может быть равной нулю, но она не **261//262** может равняться и единице;

– существует определенный оптимум этой доли, при котором достигается максимум производства продукта для общества и его членов;

– такой способ достижения максимума производства продуктов неизбежно сопровождается потерями продукта, которые имеют две составляющие:

а) из-за наличия непроизводительных затрат труда;

б) за счет неполного использования способностей к труду (т.е. рабочей силы) производительных работников;

– оптимум, к которому стремится социалистическая экономика, зависит при прочих равных условиях от соотношения диапротобных сил социализма.;

Отсюда следует, что:

а) было бы желательным иметь более высокий уровень осознания всеми членами общества (как равными соучастниками отношений собственности на средства производства) своих общенародных интересов; было бы желательным сдвигать соотношение между основными социальными силами общества в пользу коммунистического классоида (на что, собственно говоря, и направлена вся идеологическая, политико-воспитательная работа коммунистической партии);

С позиций носителя общенародных интересов, то есть коммунистического классоида в интересах всего общества устранить доставшийся социализму в наследство от прошлого обособленный способ производства рабочей силы и связанные с ним товарообмен рабочей силы на жизненные средства вместе со всеми сопутствующими непроизводительными затратами труда, обслуживающими эту сферу товарного обращения.

б) в результате развития коммунистического отношения к труду, выливающегося в реальное становление коммунистического, ненаемного труда, в результате коммунистических успехов труднейшей борьбы с глыбой неслыханной тяжести, тяжеловеснейшей махины привычки людей продавать свою рабочую силу как всякий другой товар можно добиться значительного сдвига в повышении эффективности социалистического хозяйствования.

Перейдем теперь к рассмотрению *зависимости оптимума Дп от развитости производительных сил*. Для этого примем уровень развития производственных отношений неизменным, а уровень развития производительных сил – меняющимся. Могут сказать: такого не бывает. Рост производительных сил, **262//263** дескать, с фатальной предопределенностью и независимо от субъективного фактора вызывает прогрессивное изменение производственных отношений. Разумеется, в широкой исторической перспективе производственные отношения в силу действия объективных законов общественного развития неумолимо развиваются от низших к высшим. Но история человечества, а тем более отдельных локальных обществ движется не размеренным, церемониальным маршем. Периоды взлета могут сменяться относительно длительными периодами застоя, иногда – заметным даже невооруженному глазу регрессом. Так, польские уроки 1980-х годов практически доказали, что в определенных условиях вместо движения вперед может произойти сползание общественных отношений чуть ли не вплоть до качественно низшей (капиталистической) ступени даже когда во главе общества стоит антибуржуазная партия рабочего класса. Так что бывает и не такое. Нам же данное допущение (постоянство классоидного соотношения сил при социализме) так же, как и рассмотренное выше непостоянство уровня развития производственных отношений при зафиксированном уровне развития производительных сил, необходимо как предварительное условие последующего синтеза основных политэкономических закономерностей развития социалистического способа производства, в котором взаимодействуют изменяющиеся и производительные силы, и производственные отношения.

Итак, рассматриваем случай, когда производительные силы развиваются в условиях неизменного соотношения диапротобных сил социализма. В этом случае рост уровня развития

производительных сил вызывает, естественно, рост объема производства продуктов труда P_t (см. рис. 6.3, на котором кривые (1) – (5) показывают зависимости $P_t(D_p)$ при заданном соотношении диапротобных сил социализма для различных, возрастающих от кривой (1) красного цвета к кривой (5) синего цвета, уровней развития производительных сил. Разумеется, рост объема производства продуктов труда здесь происходит тогда, когда обществу удастся найти и реализовать оптимальное соотношение долей производительного и непроизводительного труда, в противном случае может случиться и так, что развитие производительных сил приведет к «неожиданному» 263//264 эффекту – к падению объема производства продуктов труда.

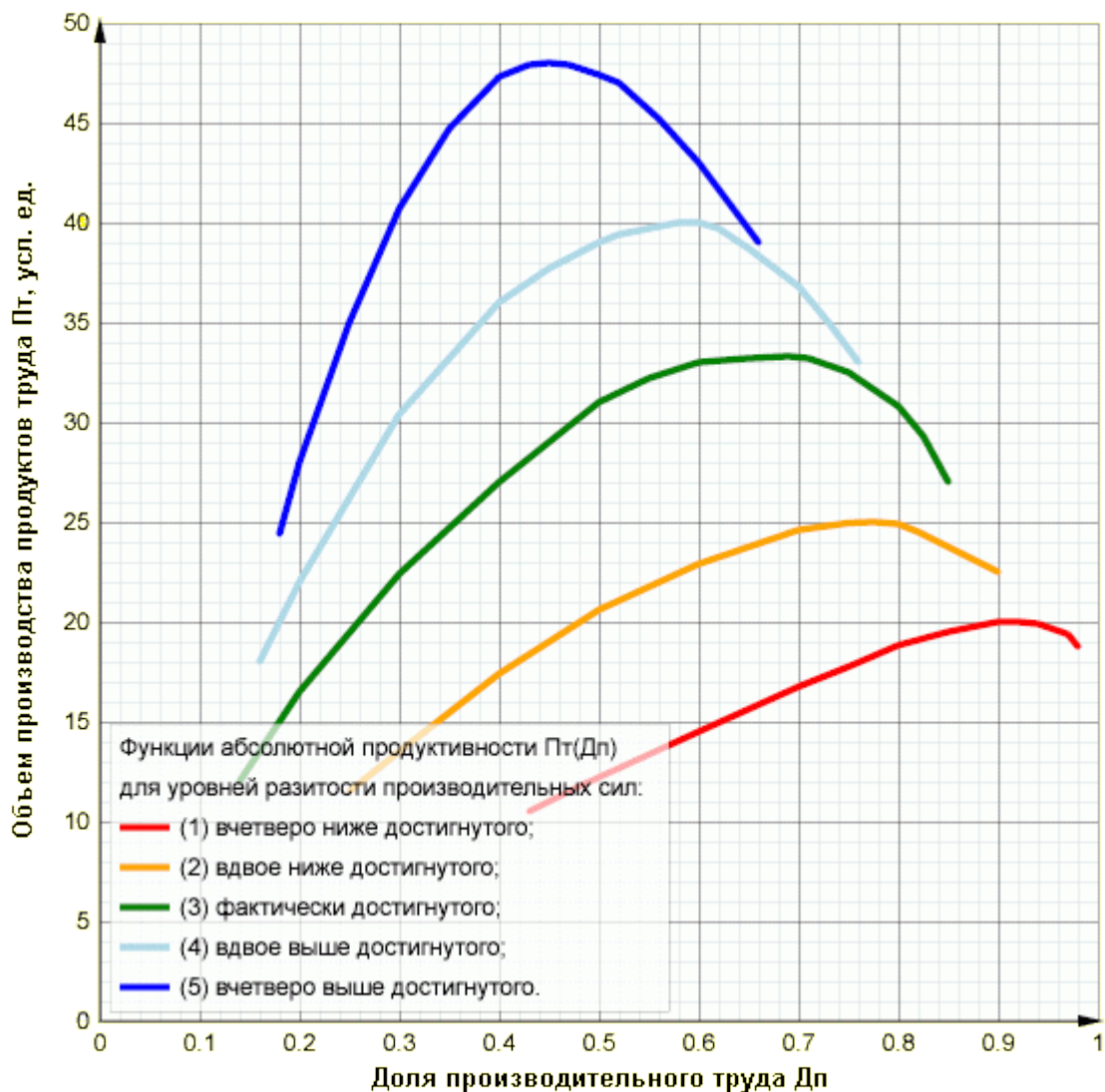

Рис. 6.3. Зависимость оптимума D_p от уровня развития производительных сил (соотношение классовых сил неизменно, «глыба неслыханной тяжести» лежит в покое) в абсолютной шкале ординат.

Рисунок показывает, что с прогрессом производительных сил точка оптимума D_p , перемещаясь по оси P_t (на которой отложены абсолютные размеры произведенного продукта в условных единицах) вверх, в то же самое время по оси D_p сдвигается влево, т.е. в сторону роста затрат непроизводительного труда. Объясним, чем это вызвано.

Рост уровня развития производительных сил вызывает рост объема (массы) вовлекаемых в воспроизводственный процесс средств производства. Непрерывно растет номенклатура продукции I подразделения общественного производства первого вида. Появляются новые производства, часть которых выделяется в самостоятельные отрасли. Происходит усложнение хозяйственных связей между социалистическими общенародными предприятиями, связанное с процессами

углубления их специализации и кооперации. В результате научно-технического прогресса появляется новая техника и новые технологии, ожидающие и требующие своего промышленного освоения и вытеснения собой (где это экономически целесообразно) старых техники и технологий.

Аналогичные изменения происходят и в отношении жизненных средств, поступающих в обособленную собственность членов социалистического общества: по мере роста производительных сил общества возрастает объем и ассортимент продукции II подразделения общественного **264//265** производства первого вида (увеличивается масса и разнообразие потребительских товаров и товарных услуг; возрастает и масса бесплатных услуг – впрочем, это это сейчас не имеет непосредственного отношения к рассматриваемому нами вопросу).

Наконец, развивающиеся производительные силы социалистического общества предъявляют неуклонно повышающиеся требования к качеству рабочей силы, а также вызывает необходимость увеличения числа профессий и специальностей производительных работников. Особенно заметны эти изменения в науке. Разнообразие видов конкретного труда, осуществляемого в общественном производстве, имеет ярко выраженную тенденцию к росту, при этом наблюдаются значительные сдвиги в содержании труда работников сохраняющихся профессий, а кроме того происходит еще и исчезновение некоторых старых профессий и специальностей или их интеграция.

Уже один только количественный рост объема объектов обобществленной и обособленной собственности ведет к росту барьера между ними, а значит, и к росту сферы учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, т.е. сферы товарного обращения между производителями и потребителями рабочей силы и жизненных средств как субъектами обобществленной и обособленной собственности. Но рост сферы учета и контроля за мерой труда и мерой потребления обуславливается и всеми другими перечисленными выше моментами. Затраты непроизводительного труда при прочих равных условиях неизбежно увеличиваются из-за непрерывного усложнения сферы производства, роста ассортимента и номенклатуры продукции общественного производства первого вида, повышающихся требований к профессиональным качествам производительных работников общественного производства, необходимости объективной экономической оценки трудоспособности (рабочей силы) в ее фактическом проявлении в процессе труда каждого члена общества (заметим, кстати, при помощи такой, по выражению Ф.Энгельса, «относительной, шаткой и недостаточной меры», как стоимость, – см. параграф 4.5) в целях использования экономических рычагов для воздействия на максимально возможное при данных условиях раскрытие способностей к труду всех членов общества. **265//266**

К тому же надо еще принять во внимание, что не только сам по себе уровень развитости производительных сил влияет на относительные размеры сферы учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, но и скорость роста производительных сил. Чем быстрее развиваются производительные силы, тем больше труда и средств (ресурсов) должно вкладываться в непроизводственную сферу на приведение системы цен на рабочую силу в соответствие со складывающейся конъюнктурой предложения рабочей силы и имеющимися свободными и занятыми рабочими местами в отраслевом, территориальном и др. распределении, на разработку норм оплаты работников новых профессий и специальностей, на организацию пересмотра норм выработки и расценок на единицу выполненных работ, на поиск новых, более эффективных систем оплаты труда и премирования (включая и поиск новых критериев оплаты и премирования труда) работников буквально каждой категории, начиная от подсобного рабочего и кончая министром, считающим зазорным получать (потреблять лично-собственнически) меньше своего подчиненного.

Всё это значит, что с развитием производительных сил социалистического общества в производственных отношениях имеет место тенденция укрепления товарно-денежных форм связи воспроизводственных процессов первого и второго видов II и π , растет товароборот рабочей силы и жизненных средств между обществом и его членами. Данная тенденция существует объективно и с ней нельзя не считаться.

Каким бы парадоксальным не казался вывод о том, что по мере развития производительных сил

происходит расширение сферы действия товарно-денежных отношений между обществом и его членами, это действительно так. И не случайно М.А.Сулов подверг критике взгляды тех экономистов, которые в нынешних условиях вопреки требованиям жизни ратуют за ослабление (вместо усиления) стимулирующей роли заработной платы (см. [74.7–8]), что диапротобной концепцией трактуется как призыв к свертыванию товарно-денежных отношений в соединении рабочей силы со средствами производства вопреки реальному соотношению классовых сил. 266//267

Дело в том, что за тенденцией необходимости усиления учета и контроля за мерой потребления скрывается вполне определенная социальная сила, одна из двух диапротоб социализма, а именно классовый, связанный с отношениями обособленной собственности на жизненные средства и воспроизводящийся при их посредстве рабочий класс. Указанная тенденция объективно обусловлена данным классом, но зато она и существует лишь постольку, существует и имеет определенную силу классовый наемный труд.

Короче говоря, прогресс производительных сил общества, если он не сопровождается ростом доли коммунистической диапротобы, требует сокращения доли затрат производительного труда Дп (в пользу доли затрат непроизводительного труда) для того, чтобы в этих изменившихся условиях выйти на достижение того максимума продукта труда Пт, который возможен для данного соотношения классовых сил социалистического общества, что и изображено на рис. 6.3.

Но тенденция роста доли затрат непроизводительного труда, роста сферы учета и контроля за мерой труда и мерой потребления в связи с развитием производительных сил общества, усложнением общественно-экономических связей между отдельными звеньями, ячейками и членами социалистического общества, существуя реально, находится в живом противоречии с одним из всеобщих экономических законов – с законом экономии времени.

«Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, – писал К.Маркс, – его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени» [15.117]. 267//268

Развитие производительных сил при социализме, если оно не сопровождается соответствующим развитием производственных отношений (то есть реальным размытием сферы товарного обращения рабочей силы и жизненных средств на деле, а не в воображении политэкономов), приводит во все возрастающему отклонению от требований закона экономии времени. Ведь производительные силы общества позволяют производить все больше и больше полезных продуктов, потребительных стоимостей, а общество вынуждено в этом случае растрчивать всё возрастающие количества труда на учет и контроль за мерой труда и мерой потребления. Разрыв между потенциальными возможностями производства (и потребления!) с одной стороны, и реальным уровнем производства (и потребления) с другой стороны – увеличивается. Углубление этого разрыва становится еще более наглядным и ощутимым, если преобразуем кривые, изображенные на рис. 6.3, приведя их «к одному знаменателю», для чего изменим единицу измерения объема производства продуктов труда. Отложим по оси Пт вместо абсолютной величины продукта труда (в условных единицах) его относительную величину, т.е. отнесенную к потенциалу производительных сил.

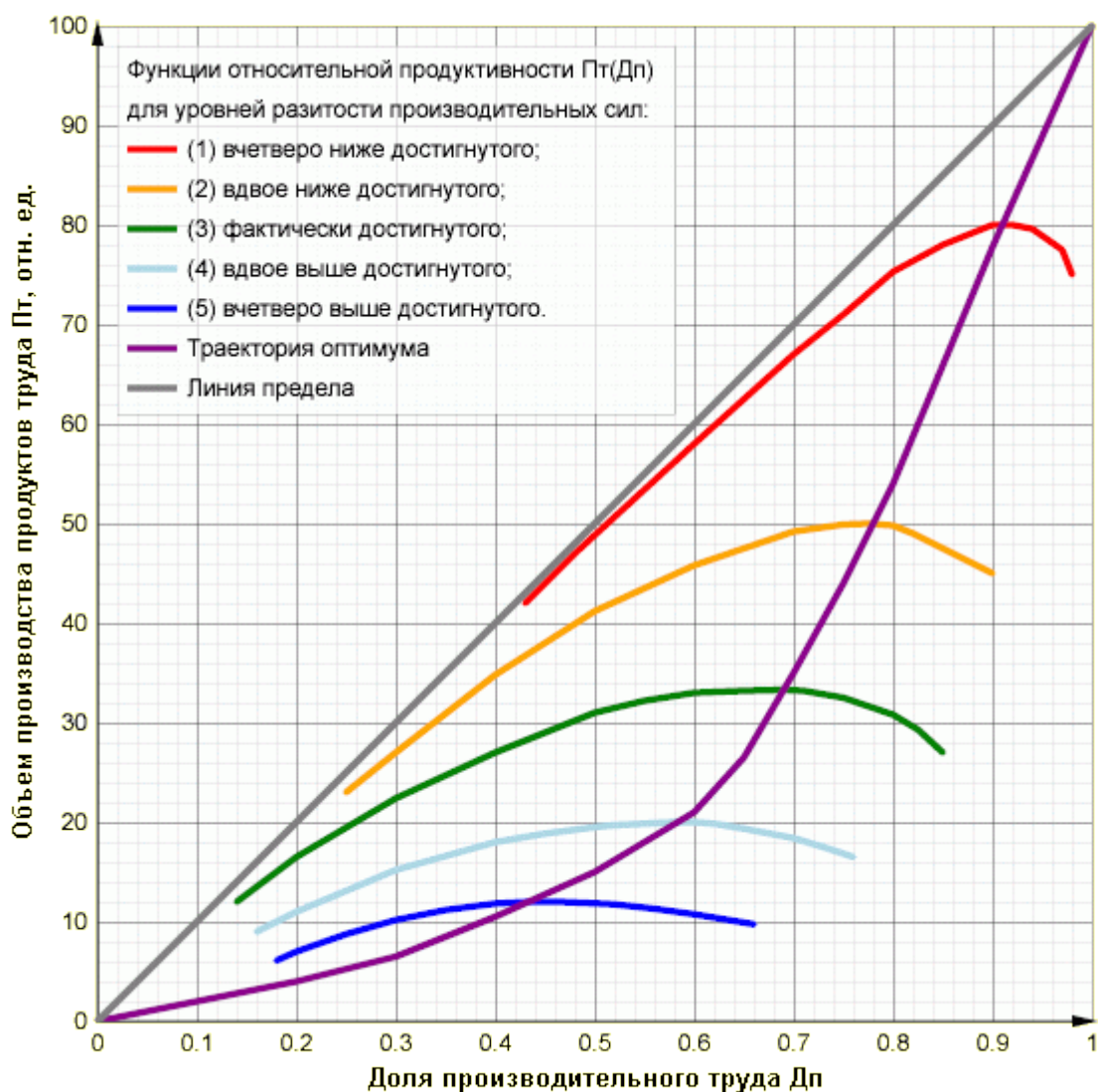

Рис. 6.4. Зависимость оптимума D_p от уровня развития производительных сил (соотношение классовых сил неизменно, «глыба неслыханной тяжести» лежит в покое) в приведенной шкале ординат.

268//269

На рис. 6.4 изображены те же самые кривые (1) – (5), что и на рис. 6.3, только величина P_t здесь выражена уже в относительных единицах, где за 100 единиц принят предел объема производства жизненных средств и средств производства, который мог бы быть достигнут, трудись все члены общества действительно в полную меру своих способностей безо всякого учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, т.е. действительно не продавая ни малейшей крупинки своей рабочей силы своему же обществу, причем принято, что производительность труда производительных работников при переходе от одного изображенного на рис. 6.3 уровня **269//270** развития производительных сил к другому возрастает вдвое. В таблице 6.2 представлены численные значения некоторых параметров, характеризующих различные уровни развития производительных сил при неизменном уровне развитости производственных отношений, соответствующих кривым (1) – (5) на рисунках 6.3 и 6.4

Выше, на [стр. 262](#) был сделан в общем-то вполне очевидный вывод о том, что значительного сдвига в повышении эффективности социалистического хозяйствования можно добиться в результате изменения соотношения сил между диапротобами социализма в пользу коммунистического классоида, т.е. за счет реального становления коммунистического, ненаемного (не ориентированного на личнособственническое вознаграждение) труда. Теперь же, рассмотрев, как влияет повышение уровня развития производительных сил на использование открывающихся

возможностей экономического развития при сохранении наличного соотношения диапротобных сил социализма, мы должны сделать следующие выводы:

Табл. 6.2

Наименование показателей	Показатели уровней развития производительных сил				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
1. Оптимальная доля производительного труда Дп	0,91	0,78	0,69	0,58	0,44
2. Оптимальная доля непроизводительного труда Дп	0,09	0,22	0,31	0,42	0,56
3. Теоретически возможный объем (потенциал) продуктов труда при полном использовании рабочей силы всех членов общества только в производственной сфере, усл. ед.	25	50	100	200	400
– то же, отн. ед.	100	100	100	100	100
4. Потеря продукта труда за счет вложений непроизводительного труда, усл. ед.	2,25	11	31	84	224
– то же, отн. ед.	9	22	31	42	56
5. Теоретически возможный объем продуктов труда при полном использовании рабочей силы работников производственной сферы, усл. ед.	22,75	39	69	116	176
– то же, отн. ед.	91	78	69	58	44
6. Фактическая величина произведенного продукта, усл. ед.	20	25	33	40	48
– то же, отн. ед.	80	50	33	20	12
7. Усредненная степень использования рабочей силы производительных работников $[6]÷[5]×100, \%$	87,9	64,1	47,8	34,5	27,3
8. Объем потерь продукта от недоиспользования способностей к труду производительных работников $[5]–[6],$ усл. ед.	2,75	14	36	76	128
– то же, отн. ед.	11	28	36	38	32
9. Общий объем потерь продукта $[4]+[8],$ усл. ед.	5	25	67	160	352
– то же, отн. ед.	20	50	67	80	88

а) развитие производительных сил как таковое само по себе, хотя и ведет к некоторому росту абсолютных размеров производства полезных продуктов труда, вместе с тем приводит и к росту доли непроизводительных, расточительных затрат труда по учету и контролю за мерой труда и мерой потребления, и к снижению коэффициента полезного использования возможностей, открываемых научно-техническим прогрессом, развитием производительных сил;

б) радикального сдвига в деле ускорения темпов экономического развития социалистического общества, в повышении экономической эффективности социалистического хозяйствования можно добиться *только* в результате успехов коммунистического классоида в его неклассовой, но диапротобной борьбе против классоида наемного труда, – что еще раз подтверждает правильность вывода о повышающейся роли субъективного фактора (роли народных масс, передовых социальных сил социалистического общества и их партии, и того состояния теории, которой эта

Трагедией советского народа стало то, что он так и не сумел понять, какое общество он построил. Обладая гигантскими возможностями и колоссальным социальным потенциалом интересов общей собственности, он доверился безраздельно властвовавшей КПСС.

Последняя же, вопреки своему названию, на деле оставалась партией *арьергарда* советского общества (классоида наемного труда), поскольку открыто отказалась (с подачи И.В.Сталина) от ведения провозглашенной В.И.Лениным «самой трудной борьбы» против труда наемного, против товарообмена рабочей силы на жизненные средства. Предательски обманутые, советский народ и его коммунистический классоид в этих условиях не смогли противостоять стихии сползания социализма в низшую фазу.

партия руководствуется в своей практической деятельности по сознательному и планомерному развитию и **270//271** преобразованию существующих общественно-экономических отношений) в современных условиях.

Итак, мы рассмотрели одну из важнейших закономерностей развития социализма как производственных отношений и как способа производства. Выяснили, что при социализме действует закон *оптимального соотношения между производительным трудом – единственным рукотворным источником общественного богатства – и непроизводительным трудом по учету и контролю за мерой труда и мерой потребления каждого члена общества; критерием данного оптимума является максимум поступающего в распоряжение всего общества и его членов общественного продукта* при имеющихся в наличии природных ресурсов, ресурсов прошлого труда и наличного фонда рабочего времени.

Действие этого закона вполне очевидно, и вряд ли оно будет оспариваться политэкономиями, придерживающимися тех или иных точек зрения. Вместе с тем этот закон отвечает тем требованиям к основному экономическому закону социализма, которые были приведены в начале параграфа. Поэтому имеются основания полагать, что именно этот закон и является основным экономическим законом социализма.

Этот закон говорит нам о том, что без активной, наступательной классовоидной борьбы коммунистической диалектики против наемнического отношения к труду и к потреблению продуктов труда социалистическое общество по мере роста своего научно-технического потенциала вынуждено увеличивать затраты непроизводительного труда на учет и контроль за мерой труда и мерой потребления своих членов, что приводит к снижению коэффициента полезного использования наличных производительных сил.

Этот закон говорит нам о том, что работа с оглядкой на то, как бы тебе не переработать лишка или недополучить денег (на которые приобретается все, что угодно: от хлеба и средств духовного обогащения и развития личности до каких-нибудь паршивых, но в определенной среде весьма **271//272** высоко котирующихся «фирмовых» заокеанских порток с звездно-полосатой нашлепкой), не дает обществу, а в итоге – и каждому из его членов, ничего, кроме напрасной растраты материальных и трудовых ресурсов социалистического общества.

Этот закон еще раз подтверждает всю справедливость ленинской мысли о том, что учет и контроль за мерой труда и мерой потребления, который, будучи тем главным, что необходимо для функционирования социализма, вместе с тем «никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью» (см. [\[36.101\]](#)).

Этот закон говорит и о том, что на данном и трудном для нас этапе развития социалистической, в том числе и советской экономики, когда, как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, «главный показатель эффективности экономики – производительность труда растет темпами, которые не могут нас удовлетворить» [\[64.15\]](#), с одной стороны, следует вложить в сферу учета и контроля за мерой труда и мерой потребления такие затраты непроизводительного труда, добиться такой точности учета и контроля, которые позволили бы выйти на максимум производства и потребления полезных продуктов труда, возможный при нынешнем уровне развития производительных сил и нынешнего классовоидного состояния общества, а с другой – и это, пожалуй, намного важнее, – что осуществление радикального *перелома* в экономическом развитии нашего общества (заключающемся в переходе от замедления к ускорению темпов этого развития) не может быть достигнуто экономическими рычагами воздействия только на обособленные личностно-индивидуальные интересы членов общества. Напротив, этот закон говорит о том, что коренное разрешение наблюдаемых ныне уже невооруженным глазом противоречий экономического развития социалистического общества может быть обеспечено лишь соответствующим социальным развитием общества, неуклонным сдвигом соотношения диалектических сил социализма в пользу коммунистического классовоида. **272//273**

6.2. Взаимодействие производительных сил с производственными отношениями и социальная диалектика социализма

Можно сказать, что диалектический характер *взаимодействия* производительных сил и производственных отношений при социализме получил, наконец, права гражданства в общественных науках. Во всяком случае, отрицать его *открыто* уже никто не рискует. Это, конечно, не ахти какое достижение по отношению к теоретическим положениям работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, тем не менее – известный шаг вперед от «плодов» дискуссии 1940 года о диалектике производительных сил и производственных отношений, когда, например, один из тогдашних «победителей» дискуссии А.Кашенко утверждал об отсутствии при социализме даже самих противоречий между производительными силами и производственными отношениями*.

Однако и до сих пор понимание диалектики развития производительных сил и производственных отношений в послекapиталистическую эпоху вообще и при социализме в частности затуманено пеленой лучевой концепции моноформационного социализма-коммунизма. А отсюда – не только логическое отрицание качественной определенности социалистических или собственно коммунистических производственных отношений, способа производства (см., напр., [250.87]), но и смазывание, затенение и игнорирование того, что в способе производства и (и социалистического в том числе) не только производственные отношения воздействуют на производительные силы, но и имеет место и обратное воздействие.

Остановимся на этих моментах подробнее. Теоретическое отражение диалектического взаимодействия социалистических производственных отношений со своими производительными силами не доведено пока еще (причем не 273//274 видно и особого стремления к этому) до признания накопления в развивающихся производственных отношениях и в определяемом ими способе производства таких изменений, которые обуславливают превращение социализма в нечто другое, в иной, высший по отношению к нему способ производства.

Здесь нам придется повторить известное. Взаимодействие производительных сил и производственных отношений, согласно марксистско-ленинскому учению, ведет к *необратимому изменению* и производительных сил, и производственных отношений. И те, и другие рано или поздно, но *неизбежно* достигают такого рубежа, когда способ производства, а вместе с ним и соответствующая надстройка, образующая с ним общественно-экономическую формацию, претерпевает качественное превращение (см., напр., [9]).

Но каждый способ производства, каждые качественно (исторически) определенные производственные отношения могут существовать в сравнительно широком диапазоне развитости производительных сил. Между ними нет и не может быть абсолютно жесткой, однозначной детерминации: более развитые производительные силы могут находиться в диалектическом единстве и взаимодействии с отсталыми производственными отношениями и наоборот (ср. капитализм Соединенных Штатов Америки конца XX и социализм Советского Союза первой половины нашего столетия). Однако рамки, границы развитости производительных сил, при

Вероятно, все сказанное можно считать справедливым для общества с однородными производительными силами, образующими лишь один единственный (или подавляюще господствующий) уклад производства.

Но очень похоже на то, что в социальном мире (производительные силы – производственные отношения) дело обстоит аналогично экобиологическому миру (природная среда – приспособленные к ней биологические виды растений и животных). Ведь появление тех же многоклеточных, а затем и высших животных (млекопитающих) не привело к исчезновению ни вирусов, ни бактерий, ни инфузорий, ни вообще огромного видового разнообразия живой природы. Более того, условием возникновения и существования, скажем, тех же приматов или человека, является сохранение низших видов бактерий, без которых, например, пищеварение высших было бы просто невозможным.

* Любопытна мотивировка этого утверждения: по мнению А.Кашенко, при капитализме носитель производительных сил – это пролетариат, противостоящий другому классу – буржуазии, являющейся носителем производственных отношений; при социализме же носители и производительных сил, и производственных отношений совмещены в одном и том же – рабочем – классе (см. [205.49–50]).

которых может существовать тот или иной способ производства, основанный на соответствующих ему производственных отношениях, не безграничны. Существует какая-то вполне определенная нижняя граница уровня производительных сил, ниже которой данный способ производства еще не может существовать, и имеется верхняя граница уровня развития производительных сил, за пределами которой данный способ производства уже существовать не может.

История свидетельствует, что диапазоны уровня развития производительных сил различных (смежных во всяком случае) способов производства *перекрываются*, причем весьма значительно. Дело в том, что каждая данная система производственных отношений обладает способностью [274//275](#) к адаптации к развивающимся силам в рамках качественной определенности существующего способа производства и, соответственно, общественно-экономической формации. Автоматически, сам собой своего существования не прекращает ни один способ производства. Для превращения старого способа производства в новый, высший по отношению к старому, необходимы активные, преобразующие действия субъективных сил по перестройке общественных отношений, сил, выступающих против существующего положения вещей, сил, стремящихся изменить существующий мир (см. [\[18.42\]](#)). Новый (будущий) способ производства устанавливается не результате непосредственного и слепого одностороннего воздействия на него развивающихся производительных сил, а активно-преобразующими действиями передовой социальной силы старого (существующего) общества, осуществляемыми не иначе, как в борьбе с противостоящими ей *внутри* самого общества социальными силами, не иначе, как в борьбе, опирающейся на достигнутый уровень зрелости материальных условий и общественного сознания, на объективные требования дальнейшего развития производительных сил общества. Такими противоборствующими силами являются диапротобы (классы – в классовом, классоиды – в бесклассовом обществе). «Кардинальные изменения в производственных отношениях в отличие от производительных сил не могут происходить стихийно, самопроизвольно: они требуют сознательных, целенаправленных действий людей» [\[189.53–54\]](#).

Очевидно, что по мере восхождения человеческого общества на все более и более высокие ступени социального прогресса роль и значение субъективного фактора возрастают. Это значит, что увеличивается и ширина перекрытия (наложения) диапазонов развития производительных сил, при которых могут существовать смежные способы производства. А отсюда вытекает, что теоретически возможны два крайних варианта социально-экономического развития социализма, которые я называю вариантами активного и пассивного развития.

«Производительные силы социализма... обретают простор для развития в рамках социалистических производственных отношений, которые не ставят никаких социальных преград их развитию, а, напротив, сообщают им [275//276](#) мощный стимул в форме всеобщей заинтересованности общества в этом процессе. Для изменения же производственных отношений нужно время, чтобы общество их познало и осуществило планомерные изменения в системе производственных отношений, отказавшись от устаревших форм. Это и есть способ движения, развития, совершенствования экономических отношений социализма» [\[224.515\]](#). Данное высказывание Я.А.Кронрода, безусловно, свидетельствует о его (или) редакторов энциклопедии приверженности к первому варианту развития социализма: перед производительными силами – *полный* простор для своего развития, *никаких* социальных преград, а жизнь, мол, сама подскажет, со временем, конечно, когда и как следует менять производственные отношения. И для большей убедительности Я.А.Кронрод добавляет, что «всякие попытки оторвать развитие производственных отношений от развития производительных сил могли бы нанести только ущерб коммунистическому строительству» [\[224.516\]](#).

Спрашивается, однако: зачем же нужно вообще изменять производственные отношения, если они и без того дают *полный, ничем не ограниченный* простор развитию производительных сил, если это развитие *не наталкивается ни на какие* социальные преграды? Далее, с каких это пор ускоренное развитие производственных отношений стало считаться «отрывом» от производительных сил? Конечно, если под развитием производственных отношений понимать только или преимущественно переход к бесплатному распределению всех жизненных средств между всеми

сотворцами высококачественной продукции, необходимой обществу (с ними мы познакомимся в параграфе 6.4), а проще говоря, между всеми членами общества, какие они есть сегодня (т.е. не способные пока еще трудиться в полную меру своих способностей только в расчете на непосредственно общественный – а стало быть именно *в этом* смысле и на свой личный – материальный интерес), разумеется, такое понимание развития производственных отношений было бы отрывом от развития производительных сил, но лишь в том смысле, что оно оторвалось от уровня развития одного из важнейшего своего элемента – социального развития массы людей, трудящихся. Но, [276//277](#) как мы это показали в предыдущем параграфе, степень (уровень) развитости социалистических производственных отношений определяется относительной силой (или слабостью) коммунистической диалектики, в зависимости от которой становится возможным (или необходимым) усиление или ослабление непосредственно общественных (т.е. бестоварных) или товарно-денежных форм связей факторов социалистического производства между носителями рабочей силы и обществом. Сторонники пассивного социально-экономического развития социализма по сути дела предлагают следующее: худо-бедно, а от развития производительных сил никуда не спрячешься, они все равно движутся вперед. Что же касается соответствующего изменения ведомых ими производственных отношений, то торопиться некуда и незачем: уровень развития производительных сил, сам собой и независимо ни от чего возрастающий, все равно доведет социалистический способ производства до такого состояния, когда общество (хочет или не хочет оно того) должно будет превратить социалистические производственные отношения в коммунистические. Не надо стремиться форсировать течение этого процесса, а лучше просто довести социалистический способ производства до такого состояния, когда он уже не сможет более оставаться социалистическим.

«...В советской и зарубежной марксистской литературе получила широкое распространение точка зрения, в прямой или косвенной форме отстаивающая тезис о неподвижности, неизменности социалистических производственных отношений. Здесь имеются в виду высказываемое многими экономистами и философами мнение о том, что после победы социализма в ряде в прошлом экономически отсталых стран Европы, в том числе СССР, развитие производственных отношений во всех своих аспектах значительно опережало достигнутый уровень развития производительных сил.

Политика партии «строителей коммунизма», реализовала именно этот вариант. Выбросив на свалку сформулированную Лениным задачу борьбы с «глыбой неслыханной тяжести», партия действительно довела социалистические производственные отношения до той точки, когда они и в самом деле перестали существовать, превратившись, однако, к ее собственному удивлению и изумлению всего мира, не в коммунистические, а в буржуазные. Как позже скажет (по другому поводу) В.С.Черномырдин, «хотели как лучше, получилось как всегда».

При таком подходе установившиеся после окончания переходного периода социалистические производственные отношения рассматриваются как своеобразная социальная "оболочка", "платье на рост", в которое предстоит "вмонтировать" и социалистические производительные силы, и культуру. Отсюда само собой подразумевалось, что на протяжении целого этапа фазы [277//278](#) социализма (этапа построения развитого социализма) общественное развитие будет происходить преимущественно за счет материально-технической базы. Действительно, есть ли необходимость как-то перестраивать производственные отношения, совершенствовать их, если и так дистанция между ними и отстающими производительными силами велика. Лучше уж обождать!» [\[284.177\]](#).

Напротив, сторонники *активного* развития социалистических общественных отношений полагают, что вовсе не является фатальной необходимостью доведение социалистического способа производства, социалистических производственных и иных общественных отношений до такого состояния, когда они уже не смогут оставаться социалистическими; они полагают, что в социалистическом способе производства *обе* его стороны, диалектически *взаимодействуя* между собой, активно влияют и воздействуют друг на друга, что прогрессивное развитие производственных отношений влечет за собой ускорение роста производительных сил общества, а

это ускорение, в свою очередь, создает благоприятные условия для более быстрого повышения уровня развитости производственных отношений.

Таким образом, социалистическое общество стоит перед дилеммой:

– ориентироваться на достижение обществом такого состояния, когда его производственные отношения, уже не смогут более содействовать дальнейшему развитию производительных сил общества и, следовательно, волей-неволей обществу придется тогда форсировать становление собственно коммунистических производственных отношений (последнее же есть не что иное, как развертывание той самой борьбы с глыбой неслыханной тяжести, тяжеловеснейшей машиной, о которой говорилось в параграфе 5.4, но о которой принято умалчивать, будто ее и не существует вовсе), или же

– ориентироваться на то, чтобы развертывать коммунистические производственные отношения на возможно низком уровне развития производительных сил, когда существующие производственные отношения не стали еще прочной преградой дальнейшего развития производительных сил.

Решая эту дилемму, общество должно принять во внимание еще и **278//279** внешние материальные условия своего существования. По-видимому, советское социалистическое общество сейчас просто не может позволить себе роскошь лишь спокойно созерцать, как оно развивается ныне и какими темпами оно будет развиваться дальше. Судя по всему, имеется не только возможность, но и настоятельная необходимость форсирования развития достигнутых производственных отношений. Пассивное ожидание условий коммунистического преобразования социалистического общества беспочвенно и ничем не оправдано: ведь на дворе уже не 1961 год. Такое ожидание, без активной борьбы коммунистического классоида против своей противоположности, как это следует из действия основного экономического закона социализма, рассмотренного в предыдущем параграфе, повлечет за собой лишь:

– углубление разрыва между возможностями, открываемыми современной научно-технической революцией, и степенью использования этих возможностей;

– углубление разрыва между тем объемом производства полезных продуктов труда, который мог бы быть получен при имеющемся (достигнутом) уровне развития производительных сил, но при действительно коммунистическом отношении к труду (проявляющимся в труде каждого члена общества по своим действительным способностям без экономического принуждения посредством товарно-денежной связи процессов воспроизводства рабочей силы и жизненных средств) с одной стороны и фактическим (реальным) объемом их производства с другой стороны;

– увеличение доли непроизводительных затрат труда в общественном хозяйстве по учету и контролю за мерой труда и мерой потребления членов общества;

– и многие другие негативные явления (потребительство, инфантильность, мздоимство, недисциплинированность, бесхозяйственное отношение к народному добру), которые дают нам о себе знать в последнее время все ощутимее и больше.

История – это живая деятельность наделенных сознанием больших масс **279//280** людей. В том, как разворачивается историческое развитие человеческого общества, очень многое (а в известном смысле – практически всё) зависит от субъективного фактора. От развитости социально-экономической теории. От способности теории выразить в своих понятиях, категориях и законах объективные интересы передовых, устремленных в будущее социальных сил общества. От наличия политической силы (партии), вооруженной передовой, активно-преобразующей социально-экономической теорией. От активного восприятия этой теории массами, от их готовности и решимости развернуть внутри общества наитруднейшую борьбу с глыбой неслыханной тяжести, тяжеловеснейшей машиной, опрокидывание которой и явится отказом от принципов личной (личнособственнической) материальной заинтересованности в пользу принципа непосредственно общественной материальной заинтересованности – главного основания коммунистической организации общественного производства, базирующегося на

всенародной собственности на средства производства.

Необходимым предварительным условием активного и, что самое главное, результативного и действенного воздействия передовых социальных сил социалистического общества на ход строительства коммунистических общественных отношений (а тем самым – и на ускоренное развитие производительных сил нашего общества) является самоосознание коммунистической диалектики социализма самой себя как таковой. Для развития, роста данной диалектики вплоть до охвата ею всего общества не существует *непреодолимых* объективных ограничений: общественная собственность на средства производства – это то главное, на что она опирается в своем существовании и развитии. Единственным серьезным препятствием (объективного плана) ее роста, которое должно быть преодолено, является основа существования противостоящего ей классоиды наемного труда, а именно личнособственнический характер потребления жизненных средств и производства рабочей силы. Однако гораздо более серьезной помехой восходящему развитию социалистического общества является то, что в общественной психологии сложился (а теорией, односторонне защищающей существующий при социализме 280//281 способ распределения жизненных средств посредством отчуждения их в личную собственность в соответствии с принципом распределения «по работе», в определенной мере и поддерживается) прочный предрассудок, будто для общества наиболее ценны те виды деятельности, которые лучше оплачиваются, что по возможности следует трудиться там (или так), где (чтобы) твоя трудоспособность оценивается (оценивалась бы) большей суммой*. Выдвигаемая концепция стремится разрушить этот предрассудок, показать, что не погоня за рублем, а стремление достичь больших результатов в труде сможет принести и дать действительное и весьма значительное увеличение реального объема производства (а значит и потребления) жизненных средств. «Сейчас особенно важно и нужно, – подчеркнул на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю.В. Андропов, – ...чтобы все хорошо понимали ту простую истину, что чем лучше мы будем трудиться, тем лучше будем жить» [64.21].

Диалектика социализма – это социальная диалектика его диалектики, которая, как было отмечено в параграфе 5.4, неразрывно связана с диалектикой производственных отношений социализма. Рассмотрение же развития производственных отношений не может вестись изолированно, вне связи с развитием производительных сил; производственные отношения должны рассматриваться с взаимодействующими с ними производительными силами в рамках исторически определенного способа производства.

Диалектика способа производства (его производительных сил и производственных отношений) такова, что «каждая из его сторон предполагает 281//282 другую в качестве условия своего существования и в то же время наталкивается на ограничения, идущие от нее. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями является основным противоречием данного способа производства» [224.18]. Выдвигаемая концепция не видит причин не распространить данное положение и на социалистический способ производства.

* Насколько глубоко проник этот предрассудок в общественное сознание, можно судить, в частности, по тому, что даже представители общественных наук порой полагают, будто «одним из важнейших путей повышения эффективности научных исследований служит... разработка предложения по совершенствованию материального стимулирования труда ученых» [228.15]. Выдвигаемая концепция не отрицает необходимости использования товарно-денежных форм связи между обществом и его членами по поводу рабочей силы и жизненных средств. Но она подчеркивает ограниченность этой формы связи, она показывает, что необходимость использования этой формы предопределена лишь наличием наемного классоиды (хотя ни один ученый, а точнее «ученый», даже когда единственным стимулом его труда являются приятно шуршащие купюры, не скажет во всеуслышание: «Я – наемник!») и вызывает дорого и всё дороже стоящие обществу непроизводительные издержки.

6.3. Основное противоречие социализма

... в наше время в нашем обществе нет более серьезной конфронтации в сфере морали и поведения, чем конфронтация коллективизма и индивидуализма

В.П.Киселев [[135.29](#)]

... до сих пор политическая экономия социализма обращает внимание, как правило, на противоречия сравнительно поверхностного слоя, при этом противоречия, подчас действительно связанные с ошибками субъективного порядка, не концентрируют внимания на раскрытии противоречий в «самой сущности» социализма.

В.В.Падаев [[233.31](#)]

Еще совсем недавно в среде философов имела хождение теория «двух диалектик», законной родительницей которой по праву можно считать политическую экономию социализма, а именно то ее состояние, когда она, не сумев еще (в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств) вскрыть имманентные социалистическому способу производства противоречия, «научно» доказывала, будто последних в сущности социализма как такового нет и не может быть. Как попытка привести столь диссонирующий с марксистским учением о развитии вывод политэкономов хоть в какое-то соответствие с диалектикой, и была выдвинута данная концепция. К чести философов, ныне эта концепция отвергнута ими.

Однако похороны концепции «двух диалектик» в философии не стали ее погребением в политической экономии социализма, в теории научного коммунизма. Так, в передовой статье журнала «Научный коммунизм» в 1980 году (не в 1940, не в 1961, а именно в 1980!) лишь после рассуждений о гармонии, единстве и сплоченности снисходительно признавалась **282//283** правомерность обсуждения (!) вопроса о противоречиях, «своевременное раскрытие и преодоление которых *также* способствует успешному строительству коммунизма в нашей стране» [[83.6](#)], – курсив и жирный шрифт мои. В том же 1980 году Г.Л.Фурманов после показа классовой борьбы как движущей силы развития обществ, предшествовавших социалистическому, утверждал: «Принципиально иной характер движущих сил социалистического общества... Основной и главной движущей его силой является социальное единство, совпадение коренных интересов классов и социальных групп, отражаемых и цементируемых господствующей научной идеологией» [[113.53–54](#)].

Но подобные представления своими корнями уходят в те времена, когда наличие противоречий при социализме вообще связывалось лишь с внешними противоречиями (между социализмом и капитализмом, между социалистическим бытием и капиталистическими пережитками в сознании); когда наличие имманентных социализму противоречий категорически отрицалось: «Когда мы говорим о противоречиях в социалистическом обществе, об источниках его развития, о его движущих силах и т.д., то мы говорим не о социализме вообще, а о конкретном, о нашем социалистическом обществе, которое существует в условиях капиталистического окружения» [[205.59](#)].

Разумеется, в «диалектике» «дружественных классов» невозможно увидеть диалектику полярных противоположностей. Но одно дело – год 1940-й, почти соседствующий с годом 1936-м (годом провозглашения «классовой» структуры социалистического общества) и совсем другое дело – конец XX века, когда со всей очевидностью выявилось, что несмотря на действительно имеющее место единство объективно существующих интересов всех без исключения членов социалистического общества, объединенных отношениями общественной собственности на средства производства, реальный социализм бурлит противоречиями, а строительство нового, коммунистического общества наталкивается на нечто очень прочное и сильное, противодействующее этому процессу.

Но это нечто и есть не что иное, как та самая глыба неслыханной тяжести, тяжеловеснейшая машина (см. параграф 5.4), преодоление которой, **283//284** по В.И.Ленину, требует наитруднейшей борьбы. Развитие производственных отношений социализма, процесс превращения социалистических производственных отношений в собственно коммунистические происходит не иначе, как в этой борьбе, имеющей *социальную* природу и протекающей и в экономике, и в идеологии, и в теории. На нынешнем этапе развития советского общества, по-видимому, именно теоретическая борьба (в силу заметного отставания теории от требований практики) имеет первостепенное значение. Ибо глыба неслыханной тяжести тем больше будет давать о себе знать в экономике, чем меньше ее желают видеть сторонники общепринятых пока воззрений на природу социализма в теории.

Как отмечает А.П.Бутенко, «в общественной психологии – на самых различных уровнях, – еще широко распространено примитивное, обывательское представление о противоречиях как о чем-то "ненормальном", "противоестественном" для социализма» [92.18]. Выдвигаемая концепция диапротобности как раз и направлена против подобных представлений, рассматриваемых ею как реакционную апологетику настоящего, идейно разоружающую прогрессивную и устремленную в будущее *реальную* социальную силу (диапротобу коммунистов) социалистического общества. Передовая социально-экономическая теория, соответствующая и интересам развития общества в целом, и интересам прогрессивной социальной силы социалистического общества, не может не ставить во главу угла социальную *диалектику* (в *полном* смысле этого слова) социалистического общества, не знающего *старых* форм проявления диалектики общественного развития (классов и классовой борьбы).

Социализм – это *историческая* реальность, т.е. переходящая *фаза* в социально-экономическом *развитии* человеческого общества, которая не всегда существовала, а существуя, под воздействием вполне определенных, имманентных этой фазе движущих сил, развивается в направлении своего отрицания, в направлении превращения в несоциализм, в *другую*, высшую по отношению к нему фазу, в коммунизм. Теоретическое отражение социализма как такового, как **284//285** исторической фазы социально-экономического развития человеческого общества только тогда окажется способным стать не только средством научного объяснения явлений социализма, но и фактором прогрессивного *преобразования* общественных отношений, когда теория вскрыет диалектическую сущность социализма, доберется до его движущих сил, т.е. до его противоречий, в том числе и до основного противоречия социализма.

«В нашей философской литературе нет особых разногласий в определении основного противоречия вообще... Однако среди философов нашей страны да и других социалистических стран наблюдаются самые кардинальные расхождения в том, что конкретно считать основным противоречием социализма. Более того, имеются большие расхождения и в другом – формулировать основное противоречие всей коммунистической формации или только ее первой фазы – социализма или вообще отказаться от проблемы основного противоречия социализма как надуманной» [197.94–95].

Не будем тратить время на «изучение» вопроса о том, существует ли основное противоречие социализма: решение этого вопроса предопределено самим подходом настоящей концепции к социализму как к качественно определенному уровню развития общества (см. выше параграф 1.4 и ниже параграф 7.1). Мы делаем слепок не с послекапиталистической истории вообще, а с реального, объективно данного социализма. Мы проводим это теоретическое исследование не для того, чтобы умиляться и восторгаться прелестями социализма, а исключительно ради вскрытия объективно существующих противоречий социализма, без разрешения которых социализм никогда не перерастет в коммунизм, как бы торжественно это не провозглашалось. Одно из двух: либо мы довольствуемся настоящим, и тем самым не проявляем никакой социальной активности по его *преобразованию*, либо видим в реальной действительности социализма рутину и новь и активно действуем по преодолению, разрешению противоречий, конституирующих социалистическую фазу (ступень) развития человечества. Но социально активные действия прогрессивной силы **285//286** социалистического общества могут быть по-настоящему результативными и

плодотворными только тогда, когда они научно обоснованы, когда они учитывают объективные законы общественных отношений социализма. Безусловно прав И.М.Бровер, со всей определенностью заостряющий внимание на том, что познание объективно существующих противоречий именно социализма, а не коммунизма вообще (правильнее было бы сказать – всей послекапиталистической истории) является не самоцелью, а **необходимым** условием и средством преобразования существующих низших общественных отношений в новые, высшие. «Абстрагирование от особенностей социализма,– пишет он,– лишает само исследование противоречий социализма, в том числе основного его противоречия, какого-либо практического смысла, ибо этот смысл состоит в научной разработке путей и средств разрешения и постепенного преодоления противоречий, специфически свойственных социализму...» [91.30]. «Безусловным требованием марксистской теории,– писал В.И.Ленин,– при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки» [47.263].

В этой связи заметим, что и сегодня исключительно актуально звучит мысль З.И.Файнбурга, высказанная им еще в 1966 году. «Все варианты научной схемы, научной логики политической экономии социализма, выдвинутые в последнее время, на наш взгляд, имеют тот *основной* недостаток, что в качестве стержня для них предлагаются самые различные послышки, *кроме* единственно естественной для диалектической логики: противоречий данной совокупности явлений как источнике самодвижения, источнике развития этой системы в целом» [275.15],– курсив мой.

Анализ имеющихся точек зрения на то, что же конкретно является основным противоречием социализма (а не всей послекапиталистической истории), показывает, что подавляющее большинство исследователей не связывают его с социальными противоположностями социалистического общества (хотя бы предполагаемыми, поскольку теорией они пока не обнаружены), а ряд авторов даже акцентируют свое внимание на этом, как чуть ли не основном достоинстве своей точки зрения. В этом отношении несколько особняком стоит И.А.Мороз, страстно и убедительно отстаивающий идею 286/287 социальной противоположности социалистического общества (см. [197]). Данный подход в философско-методологическом отношении не вызывает возражений со стороны выдвигаемой концепции, и она всецело поддерживает и разделяет его.

Однако попытку практической реализации этого подхода И.А.Морозом трудно назвать удовлетворительной, поскольку она была осуществлена без должного политэкономического анализа производственных отношений социализма, без которого невозможно разглядеть лежащие в сущности социалистических общественных отношений социальные противоположности.

Так, И.А.Мороз с первых страниц своих книг [196; 197] проводит параллели между классово-противоречивой структурой и противоположностным строением капиталистического общества и социальной противоречивостью и противоположностью социалистического (см.: [197.10–15, 110–111; 196.6]), но при этом без каких-либо оговорок переходит к критике представлений об отношениях между городом и деревней, между умственным и физическим трудом при социализме как о различиях. Напротив, И.А.Мороз утверждает, что исследоваться должны противоречия (а не только различия) между ними и прямо называет город и деревню, умственный и физический труд социальными противоположностями (см.: [196.6]). Хочет того автор или нет, но отсюда явно напрашивается вывод о том, будто существуют и социальные носители названных им противоположностей, которыми по логике вещей должны быть рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция, тем более, что деление общества именно на эти группы людей он выдвигает на первый план как определяющее «сущность структуры первой фазы коммунизма, ее качественное отличие от второй, высшей фазы» и «существо всех других социальных отношений в обществе» [197.118]. Видимо, из-за этой явно неудачной попытки практического приложения идеи диалектности социализма указанные работы И.А.Мороза не получили пока еще в среде обществоведов того резонанса, которого они по праву заслуживают. [Текст абзаца дан в редакции октября 1985 г. (исправлен в соответствии с замечаниями и разъяснениями И.А.Мороза).]

Здесь мы хотим обратить особое внимание на высказанную Г.М.Штраксом в 1980 году на симпозиуме «Актуальные вопросы марксистско-ленинской диалектики» мысль о том, что основное противоречие социализма должно быть основой социальной структуры социалистического общества (см. [111.74]). Такая постановка вопроса означает существенное продвижение в исследовании и основного противоречия социализма, и социального строения

социалистического общества, поскольку она вплотную подводит к тому пониманию идеи диапротобности социализма, которое связывает воедино диалектику социалистического способа производства и его производственных отношений с диалектическим строением социалистического общества. Во всяком случае, это – гораздо больше, чем утверждение о внеклассовости (см. [287.6]) основного противоречия социализма и, пожалуй, – уже совсем не то, что понимает Ц.А.Степанян под социальной беспротивоположностью неантагонистически противоречивого социализма (см. [264.127–128]).

Основное противоречие социализма, будучи неразрывно связанным с диапротобами социализма, вновь возвращает нас к диалектике обособленного и 287//288 обобщественного. Следует отметить, что уже давно и не одним исследователем высказывалась мысль о том, что основное противоречие социализма связано с объективно существующими при социализме отношениями личной и общественной собственности, с индивидуальными и общенародными интересами членов общества.

«Суть основного противоречия социализма состоит в том, – писал в 1967 году Н.Д.Колесов, – что оно выражает противоречие между общественным характером производства и социалистическим индивидуально-общественным присвоением. ...Личная собственность в известной степени может вступать в известное противоречие с общественным характером производства» [144.16]. Несколько ранее такая же мысль была выражена З.И.Файнбургом (см. [275.16, 19, 21]).

Очень близок к разрешению проблемы основного противоречия социализма, с точки зрения настоящей концепции, был М.С.Кукушкин (см. [167.200–203]), однако он, не сумев преодолеть лучевой концепции бескрайнего моноформационного социализма-коммунизма, не смог вскрыть данное противоречие.

Еще раньше, в 1963 г. М.В.Колганов, рассматривая личную собственность как прямую противоположность общественной собственности в качестве специфического общественного отношения, характеризующего именно социалистическую фазу общественного развития, в отличие от Н.Д.Колесова (см. [143.244]) прямо указывал на перспективу отмирания в политэкономическом смысле отношений личной собственности в процессе перерастания социализма в коммунизм (см. [141.72, 77]).

Против понимания основного противоречия социализма как противоречия, связанного с личными и общественными интересами, выступил А.М.Румянцев. «Некоторые экономисты, наблюдая поверхность явлений социалистического общества, особенно на первых ступенях его развития, усматривают движущую силу развития экономики социализма в противоречии между общими и личными интересами ассоциированных производителей. Но эти экономисты упускают из виду, что в условиях социализма общественной заботой становится удовлетворение потребностей всех и каждого члена общества, всестороннее свободное развитие личности человека. Характерным для 288//289 социализма является, таким образом, не противоречие, а единство этих различных интересов» [239.234]

Концепция диапротобной классоидности социализма относится к данному утверждению неоднозначно, и связано это с тем, что А.М.Румянцев не разграничил понятия личного как личнособственнического и личного как личностного. Например, когда мы говорим: личное счастье, личная жизнь, личные заслуги, – то совершенно отчетливо подразумеваем под определением «личный» признак, характеризующий отношение к личности как к таковой. Наоборот, если мы говорим: личная дача, личный автомобиль, личная книга, – то так же недвусмысленно подразумеваем под термином «личный» характеристику определяемого объекта как относящегося к данному субъекту отношений личной собственности. Но если мы говорим, например: личный материальный интерес, – то под этим можно подразумевать совершенно разные вещи, а именно: либо интерес члена общества как личности, а не как личного собственника, либо его интерес как личного собственника, как субъекта отношений личной собственности.

Личность и общество – это такая пара понятий (и субъектных объектов социальной ступени ряда развития материи), которые никогда не существовали и не будут существовать одно без другого. Поэтому после уничтожения деления общества на антагонистические классы меньше всего имеется оснований, чем когда-либо ранее, говорить о личностным и общественным как о специфической особенности социализма. При таком понимании личного (как личностного) можно только согласиться с утверждением А.М.Румянцева о единстве общих и личных интересов членов общества. Но возражение А.М.Румянцева несостоятельно, если он понимает под личным личнособственническое. Противопоставление социалистических отношений обособленной личной собственности отношениям обобществленной общественной собственности вполне правомерно и естественно. Столкновение этих отношений, столкновение стоящих за ними интересов мы наблюдаем ежедневно, ежечасно, ежеминутно в миллионах и миллиардах фактов общественной жизни, что является наглядным свидетельством протекающей внутри социалистического общества классовидной борьбы.

При этом следует иметь в виду, что диалектика социалистических классовидов – это не диалектика общества и личности. Коммунистический и наемный классовиды – это противостоящие и воздействующие друг на друга (борющиеся друг с другом) две составные части социалистического общества. Общество так относится к любому из своих классовидов, как целое относится к своей части. Поэтому грубейшей ошибкой было бы понимать под коммунистической диапротобой общество, а под противостоящим ей классовидом – личность (или совокупность личностей).

Общество и личность находятся в *отношении целого и части*, в отношении *субординации*, точно так же, как и такие пары как общество и классы, общество и классовиды.

Иные отношения, а именно отношения *координации* возникают между отдельными личностями, между отдельными классами или между наемным и коммунистическим классовидами социализма.

В связи со сказанным возникает вопрос: если при социализме личностные и общественные интересы не противостоят друг другу, если они совпадают и однонаправленны, то в каком отношении друг к другу находятся личнособственнические интересы и интересы общества как субъекта отношений общественной собственности на средства производства и всей произведенной при их посредстве продукции?

Что касается последних, то они не противостоят ни интересам личности, ни тем более интересам общества. Но справедливым ли было бы утверждение о том, что и между личнособственническими интересами с одной стороны и личностными и общественными – с другой не существует противоречий, что они однонаправленны, совпадают, гармоничны и т.п.? Приведем еще один вопрос, опубликованный недавно в «Комсомольской правде».

«Я никак не могу понять, сколько социалистического и тем более коммунистического заложено в личных автомобилях, стиральных машинах, пианино и прочих дорогостоящих предметах, которые при личном использовании чаще простаивают, чем эксплуатируются.

Наша стиральная машина, к примеру, работает в месяц не более трех часов. Но любой механизм дает пользу, только работая. А если автомобили стоят в гаражах, если пианино служит лакированной подставкой для ваз, – кому от этого польза?» [254].

Ю.Склярков попал в самую точку. Если, как это утверждается в большинстве популярных и многих научных публикациях, социализм – это такая историческая форма организации человеческого общества, при которой личные интересы (включая интересы, связанные с отношениями между членами общества по поводу объектов личной собственности) совпадают по направлению с общественными, если в социалистическом способе производства и распределения продукты производятся и распределяются в целях всестороннего развития каждой личности, то и в самом деле невозможно ни понять, ни объяснить растрату материальных и трудовых ресурсов общества (которые всегда и без того ограничены) на производство дорогостоящих предметов потребления, используемых лишь на 5, 2, 1 и менее процентов, а то и просто престижных вещей, не имеющих для покупателей иной потребительной стоимости, кроме как удовлетворить свое тщеславие («вот

мы какие! вот что у нас есть!)), вызывая нездоровую зависть окружающих. А ведь каждая такая лишняя и ненужная вещь кроме того захламляет квартиру и вызывает стремление их владельцев расширить свои апартаменты (как правило, за общенародный счет).

Проблема взаимосвязи личной собственности на предметы потребления с личностными интересами, с интересами общества, с перспективой превращения социалистических производственных отношений в коммунистические уже давно попала в поле зрения обществоведов, в том числе и политэкономов (см., напр., [97; 168; 167; 141; 273]). При этом отмечается, что «начали обнаруживаться явления, указывающие на проникновение в наши страны идеалов так называемого "потребительского общества": погоня за материальными благами, за символами высокого материального благополучия», что «рост материального благосостояния выдвигает проблему разработки его модели» и что «если мы не сможем дать ответа на этот вопрос на уровне общегосударственного социально-экономического планирования, то возникнет угроза оказаться вовлеченными в стихийно складывающиеся процессы». Эта проблема «может показаться сущим пустяком,— резюмирует Г.Х.Шахназаров.— Между тем она относится к числу наиболее сложных проблем, стоящих ныне перед социалистической мыслью» (см. [292.160–161]). Такое отношение к данному вопросу можно только приветствовать. Но вот несколько ниже, говоря о настоятельной необходимости своевременного решения задачи выработки оптимальных норм и способа потребления, а также отмечая отставание в 291//292 теоретическом решении этих вопросов, Г.Х.Шахназаров пишет: «вовсе ни к чему создавать десятки моделей автомобиля, в том числе и дорогостоящих, становящихся средством роскоши и порождающих престижные соблазны» [292.163].

Задержимся на этом моменте. «К чему» или «ни к чему» – это еще бабушка надвое сказала. Конечно, с точки зрения разумных (действительных, а не мнимых) потребностей членов общества, осознающих свои коллективистские интересы, осознающих свою принадлежность к коммунистической диаспоре, видящих свои личностные интересы в труде не по оплате, а по способности, в труде не от сих и до сих, а с полной самоотдачей на благо своего общества, которое ой как нуждается в колоссальных усилиях своих членов для того, чтобы приобрести такую богатырскую силу и такое могущество, которые позволили бы обеспечить надежный мир на планете, одержать убедительную победу в экономическом соревновании с мировой капиталистической системой, выиграть в идеологической битве за умы и сердца всех трудящихся земного шара,— это и в самом деле ни к чему. И как порой в свете сказанного смешно и нелепо выглядят лоснящиеся от самодовольства и сытости физиономии «важных персон», выходящих из солидных учреждений, универмагов или ателье мод и направляющихся к своим «Москвичам», «Волгам», а то и лимузинам западных марок, этак небрежно поигрывая связкой ключей к запорам своей собственности. Знай наших, не лыком шиты!

Поэтому не будем забывать, что принцип социализма – каждому по труду. А что значит «по труду», если все сыты, одеты, обуты, имеют крышу над головой? Это значит, что одним – мойву, другим – балычок и икорочку, черненькую-с; одним – набитый битком трамвай, другим – комфортабельный автомобиль; и т.д. Всем хочется балычок и икорочку, никому не хочется добираться до работы в переполненном трамвае (правда, иногда за счастье считается, когда после получасового ожидания, наконец, трамвай нужного маршрута, будто сделав великое одолжение, подкатывает к остановке и тебе удастся втиснуться в него). Хочешь балычок – развивай свои способности, общество оценит их, и чем полнее ты будешь их отдавать, тем больше возможностей 292//293 у тебя будет для приобретения более дорогих и более качественных и даже просто тебе ненужных, зато престижных и модных вещей и продуктов. А трудишься вполсилы, не развиваешь свои способности к труду, не осваиваешь навыки новаторов и передовиков – питайся мойвой, между

Сегодня мерседесом или тойотой никого не удивишь. Неважно, что от обилия частнособственнического транспорта уже и муниципальному транспорту не проехать по муниципальным же дорогам. Новой «белой кости» с плебейской душой и асоциальным, агосударственным мышлением простого наемника (да простят меня скромные пролетарии) подавай теперь еще и мигалку, да лучше бы с матюгальником!

прочим, румяно поджаренная на подсолнечном масле – тоже пальчики оближешь.

Ну, а что случится, если социалистическое общество перестанет предлагать своим членам товары, «порождающие престижные соблазны»? Это уже чревато. На кой ляд тогда буду выкладываться, скажет наемный работник, если взамен на полную отдачу своих способностей к труду я получаю простые бумажки, на которые и купить ничего путного нельзя?! Я, профессор, как простой доцентик, тоже, по-вашему, должен на «Запорожце» ездить?! Взамен на такое урезанное предложение потребительских товаров лучше отдам-ка я только часть своей рабочей силы.– И с этой философией, обывательской и постыдной, общество вынуждено считаться. Оно сохраняет институт обособленной (личной, семейной) собственности, без которого невозможно осуществления принципа «по труду». Оно сохраняет государство, без которого невозможно обеспечить ни право личной собственности, ни право общенародной собственности, сосуществующей при социализме с личной. Оно производит и предлагает носителям рабочей силы и бесплатное пользование несметными книжными сокровищами общественных библиотек, и приобретение книг в личную собственность; и недорогое пользование общественным транспортом, и автомашину за десять тысяч рублей; и дешевенький плафон, и хрустальную люстру, хочешь – за две тысячи, а хочешь – за все пятнадцать; и т.д.

И пыхтит непродуманная сфера обращения рабочей силы и предметов потребления, обеспечивая возможно более полный и точный учет и контроль за мерой труда и мерой потребления, и исчезает в ней довольно приличная часть материальных и трудовых ресурсов общества, и воображают некоторые теоретики, что потому социализм не превращается в коммунизм, что нет еще изобилия, и даже не говорят они о том, что *внутри социалистического общества, в нем самом идет социальная (диапротобная) борьба* против «глыбы неслыханной тяжести», «тяжеловеснейшей махины» **293//294** наемнического отношения к труду, и не видят они, *какой реальной материальной силой могла бы стать в этой борьбе теоретическая поддержка коммунистического классоида, коммунистически-диапротобное идеологическое обеспечение строительства коммунизма*, без которого (обеспечения), вне всякого сомнения, нашему обществу суждено надолго задержаться на социалистической фазе своего развития.

После сделанных выше предварительных замечаний мы можем перейти к непосредственному рассмотрению темы данного параграфа.

Выдвигаемой концепции в целом (за исключением тех частных, на которых мы остановимся) импонирует точка зрения Н.Д.Колесова на проблему основного противоречия социализма, изложенная им в 1982 г. (см. [\[142\]](#)).

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с этой статьей, – это понимание социализма как общественно-экономической формации. Хотя Н.Д.Колесов и не говорит об этом прямо, тем не менее пишет довольно определенно: «Если при капитализме существует основное противоречие, то это не означает, что его нет при *социализме*. Наоборот, общий методологический подход к анализу экономических явлений требует исследования основного экономического противоречия *каждой* общественно-экономической *формации*... Какой бы сложной ни была совокупность противоречий (социализма, – В.А.), в ней... всегда имеется и такое противоречие, которое выражает основную особенность социалистических производственных отношений и лежит в основе других противоречий *социализма*. Поэтому для *каждой* общественно-экономической *формации* существует *свое* основное противоречие» [\[142.97\]](#), – курсив мой. Несомненно, это одна из тех самых позиций, «смысл которых, – по мнению В.В.Радаева, – по сути состоит в стремлении строить систему социализма *отдельно* по сравнению с системой коммунистической формации», причем, полагает он, такой подход теоретически несостоятелен и практически вреден (см. [\[233.28\]](#)). Но вся соль ведь в том **294//295** и заключается, чтобы не только постулировать необходимость сосредоточения внимания политэкономов на вскрытии сущностных противоречий социализма, как это делает (и делает совершенно справедливо) В.В.Радаев в той же самой работе (см. эпиграф параграфа), но и осуществить проникновение в «самую сущность» социализма». И это

проникновение невозможно осуществить, если объектом исследования становится не четко очерченная историческими рамками реально существующая система социализма, приобретающая развитые формы, а нечто неопределенное, некое раннее или первоначальное проявление наших идеальных и, надо сказать, очень неясных пока *представлений* о системе *всей* (т.е. не столько прошедшей и настоящей, сколько будущей) послекапиталистической истории. Поэтому подход Н.Д. Колесова к социализму как к реально данной качественной определенности, противоречия которой могут и должны быть разрешены, причем так, что при этом возникает новое качество и новые противоречия (см. [142.95]), а стало быть, возникает новая, другая социально-экономическая система, является методологически безупречным: такой подход полностью соответствует марксистско-ленинской традиции при решении любого социально-экономического вопроса ставить его в конкретные исторические границы.

Формулировка основного противоречия социализма, которую дает Н.Д. Колесов в рассматриваемой работе 1982 года («между непосредственно общественным характером производства и социалистическим обобществленно-обособленным присвоением» [142.105]), практически повторяет предложенную им пятнадцатью годами раньше (см. [стр. 288](#)). Отличие состоит в том, что теперь вместо «индивидуального» Н.Д. Колесов говорит об «обособленном», поскольку последнее определение, по его мнению, «гораздо полнее выражает особенность присвоения при социализме» [142.104] Вот с этим-то и невозможно согласиться. (И забегая несколько вперед, скажем почему: «общественно-индивидуальное» глубже схватывает противоречивую сущность социально-экономической системы социализма, в то время как различные формы проявления этой сущности охватываются полнее понятием «обобществленно-обособленного»).

Сегодня колесовский термин **обобществленно-обособленное** у меня не вызывает никакого отторжения (которое три десятка лет назад мне показалось менее предпочтительным перед более привычным в то время *общественно-индивидуальным*). Более того, в этой редакции «Концепции социализма...» вместо *общественной* и *личной* (или *индивидуальной*) собственности я широко употребляю термины *обобществленной* и *обособленной* собственности.

Обособленность присвоения Н.Д. Колесов видит, во-первых, в **295//296** индивидуальном присвоении предметов потребления в личную собственность (заметим, что эту особенность он ставит на первый план, – ср. [145.43] и сказанное относительно этого на [стр. 249](#)), во-вторых, в групповом присвоении производственными кооперативами (видимо, средств и продуктов производства), и в-третьих, в экономической обособленности производственных звеньев и отраслей. Что касается первого вида обособленности, то он совершенно однозначно связан с социалистическими отношениями личной собственности, и поэтому термин «индивидуальный» в данном случае является более точным и определенным. Относительно наличия при социализме производственных кооперативов, базирующихся на групповой форме общественной собственности, можно еще раз повторить, что данная форма хозяйственной организации не является необходимой формой социализма: социалистическое общество не перестает быть социалистическим, если в нем отсутствует кооперативно-групповая форма организации производства (и наоборот, с большой натяжкой, видимо, можно назвать общество социалистическим, если оно базируется исключительно на групповой собственности на отдельные производственные предприятия в промышленности и сельском хозяйстве). Поэтому те осложнения, которые вносит наличие данной формы в освобожденную от второстепенных деталей теоретическую модель социализма, должны стать предметом специального (частного), а не общего исследования. Остается последнее – экономическая самостоятельность отраслей и других организационных подразделений общенародного хозяйства.

Но чтобы показать, что обособленность отраслей, предприятий, объединений и других хозяйственных подразделений выступает лишь как поверхность явлений более глубоких, сущностных отношений индивидуального и обособленного, нам придется повернуть рассмотрение данного вопроса в несколько иную плоскость.

«Экономические противоречия социализма характеризует двойственность проявления: аспект

социально-политический и непосредственно воспроизводственный,— пишет В.Ф.Щербина.— В проявлении экономических противоречий социализма на первый план выступают преимущественно аспекты 296//297 непосредственно воспроизводственные, а не классовые.

Действительно, производственные коллективы государственных социалистических предприятий "противоречат" друг другу по конкретным вопросам хозяйственной деятельности, но никак не в смысле "единства и борьбы" классовых и политических интересов» [298.15].

Разумеется, говорить об этих противоречиях как о рабоче-крестьянских, или как о рабоче-интеллигентских — абсурдно, и в этом отношении сомневаться в правоте В.Ф.Щербины не приходится. Однако слабость его позиции в том и состоит, что В.Ф.Щербина пытается оторвать, отделить экономические противоречия от социальных. «Экономические противоречия социализма... характеризуются тем, что сторонами этих противоречий не могут быть какие-то противостоящие друг другу социально-политические силы: обе стороны-тенденции олицетворяют одни и те же люди, одни и те же социально однородные производственные коллективы» [298.14]. Но ведь экономическое не может быть вне социального (см. [50.30])!

Если в качественно определенном социальном организме существует основное экономическое противоречие, а в развивающемся социалистическом (как и в любом ином) обществе оно, несомненно, имеется, то в нем должна быть и социальная основа такого противоречия, т.е. разделение единого общества на социальные противоположности, находящиеся между собой в отношениях и преходящего единства, и непреходящей, пока *эти* противоположности существуют, борьбы. Ни рабочий класс, ни колхозное крестьянство, ни интеллигенция на роль таких противоположностей не подходят, а о диапротобах и классоидах социализма В.Ф.Щербина, разумеется, и не слыхивал, ибо автор предлагаемой концепции уже более полутора десятка лет не имел возможности вступить в действенный двусторонний контакт с обществоведами (несмотря на несколько окончившихся безрезультатно попыток), а в книжках можно вычитать только о классовой форме проявления социальной диалектики.

Любопытно, что В.Ф.Щербина пытается обосновать социальную непротиворечивость экономических противоречий отсутствием расходящихся 297//298 социальных интересов (под которыми он понимает исключительно классово-политические интересы) внутри общества: «коллективы... предприятий "противоречат" друг другу... не в смысле "единства и борьбы" классовых и политических интересов».

Но хорошо известно, что в классовом обществе марксизм судит об экономических (социально-экономических) интересах «на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни» [43.233]. И хотя социалистическое общество бесклассово, оно — диапротобно, в силу чего данная ленинская мысль имеет непреходящее значение и для социалистического общества. Для этого только нужно выразить ее в более общей форме: об экономических интересах, которые всегда являются социально-экономическими интересами, можно и должно судить на основании диапротобных (классовых или классоидных) противоречий и диапротобной борьбы, проявляющейся во всей массе фактов общественной жизни.

И если очень многие экономические противоречия социализма на поверхности явлений представляются противоречиями между отдельными предприятиями, отдельными отраслями, между отраслью и народным хозяйством, между производственным объединением и отраслью, между «интересами» предприятия и «интересами» цеха, его участков, смен и бригад, то это отнюдь не свидетельствует еще о социальной непротиворечивости экономических противоречий. Диапротобами социализма являются не рабочий класс, интеллигенция и кооперированное крестьянство, и тем более не группы работников отраслей, объединений и других разнообразнейших ячеек общества, а социальные силы, связанные с отношениями индивидуальной (обособленной по Колесову) и общественной (обобществленной по Колесову) собственности; силы, связанные с общенародными и личнособственническими интересами.

Когда кажется, например, что между социалистическими государственными предприятиями имеются некие расходящиеся «интересы», то это является лишь косвенным свидетельством, непосредственно наблюдаемым проявлением более глубокого расхождения общенародных интересов [298//299](#) с чьими-то личнособственническими интересами: либо директоров или других административных работников этих предприятий, либо вполне определенных работников вышестоящего объединения или министерства, либо работников планирующих и снабженческо-сбытовых органов, или работников ценообразования и т.д. Очень трудно бывает провести в жизнь какое-либо стоящее, дающее народнохозяйственный экономический эффект мероприятие, когда оно наталкивается на чьи-либо личнособственнические интересы. Борющемся за осуществление этого мероприятия вышестоящие руководители и невышестоящие коллеги и товарищи по работе часто говорят: «Послушай, дорогой, ты *где* работаешь? Ты понимаешь, *что* ты предлагаешь? Мы ведь план по сдаче металлолома завалим, если стружку гнать не будем! И наверху нас не поймут! мы же *премии* не получим!»

Не потому же, в самом деле, была загублена значительная часть богатого урожая в Архангельской области в крайне неблагоприятном по погодным условиям для страны в целом 1981 году, что «интересы» этой области разошлись с «интересами» других областей. Но факт остается фактом: даже в неурожайном для страны году, когда, казалось бы, следовало принять *особые* меры по заготовке и вывозу *всего* выращенного урожая картофеля, кому-то персонально (лично) было *выгодно*, чтобы собранными оказались лишь сливки с этого урожая, а затем лихо отрапортовать. «Ни одного клубня на сторону» – такой негласной директивой кого-то из областных руководящих работников (проявившего откровенно наемническое отношение к делу, к труду, хотя, быть очень даже может, он и числится «ударником» коммунистического труда) руководствовались его подчиненные в районах области (см. [\[201\]](#)), ревностно проводившие в жизнь сие указание под воздействием того же самого личнособственнического, шкурного интереса: попробуй-ка не выполнить директивы сверху – можешь лишиться и своего поста, и высокого оклада-жалования. А то и вовсе можно оказаться (по крайней мере, на время) смешанным с дерьмом, как это случилось с выпускником Одесского мореходного училища коммунистом Николаем Розовайкиным. И наоборот, «прилежный» и [299//300](#) «старательный» следователь, знавший о о невинности Розовайкина, но тем не менее вопреки своему служебному долгу принуждавший его к признанию «вины», был повышен и в звании, и в должности (см. [\[298\]](#)).

Экономическая самостоятельность отраслей, объединений, предприятий и других производственных звеньев, существующая при социализме, сопряжена с персональной ответственностью министров, генеральных директоров, просто директоров и других должностных лиц за результаты хозяйственной деятельности руководимых ими подразделений. Без хозрасчета на уровне отрасли, объединения, предприятия и т.д. невозможно было бы судить об объективных результатах работы того или иного руководящего работника и работников приданного ему аппарата управления. Всегда так называемый экономический «интерес» отрасли, объединения или другого производственного подразделения может быть разложен на две составляющие: на личнособственнические интересы работников этих подразделений и на общенародный интерес. Вот почему мы отдаем предпочтение более ранней формулировке Н.Д.Колесовым основного противоречия социализма, в которой указывается именно на индивидуальное, а не на осбособленное присвоение.

По этой же причине мы не можем согласиться и с пониманием основного противоречия социализма как противоречия «между непосредственно общественным присвоением средств производства и относительным экономическим обособлением социалистических предприятий по отношению друг к другу» [\[299.47\]](#), высказанным В.Ф.Щербиной и М.П.Рачковым.

Н.Д.Колесов, в отличие от В.Ф.Щербины, предпринял попытку связать основное противоречие социализма с социальным строением социалистического общества (см. [\[142.109–110\]](#)). Однако эта попытка оказалась явно неудачной, так как общепринятые представления о его социально-классовом строении (группы рабочих, колхозников, интеллигентов) не позволяют выявить глубину связи между экономическим и социальным, соединить основное экономическое противоречие с

основным социальным противоречием, отношением основных противоположностей социалистического общества. Напротив, при диапротобно-классоидном понимании сущности социалистического **300//301** общества ясно обнаруживается и экономическая основа социального, и социальный характер экономических противоречий.

Сделаем несколько замечаний по поводу высказанной Н.Д. Колесовым мысли о том, что основное противоречие социализма (как и любого другого способа производства) – это не само противоречие между его производительными силами и его производственными отношениями, а противоречие, отражающее «взаимодействие наиболее существенных элементов производительных сил и производственных отношений» (см. [142.101, 103]). С утверждением о том, что основное противоречие социализма – это не противоречие между его производительными силами и его производственными отношениями (хотя оно и находится в способе производства) можно только согласиться. Но не совсем верно говорить о том, будто основное противоречие отражает взаимодействие наиболее существенных элементов: ведь в это противоречие должны войти не просто наиболее существенные, а расходящиеся, противоречащие друг другу.

Например, наиболее существенными компонентами буржуазных производственных отношений являются противостоящие друг другу: 1) капитал и 2) наемный труд. И тем не менее в характеристику основного противоречия капитализма наемный труд не входит (по крайней мере в явном виде): хотя в капиталистическом способе производства производительные силы взаимодействуют с буржуазно-пролетарскими производственными отношениями, отношения *противоречия* между производительными силами и пролетарской стороной (наемным трудом) производственных отношений *не имеется*, и уж во всяком случае, даже если какие-то зачатки указанного противоречия там и можно было бы обнаружить, то не оно является основным в капиталистическом способе производства. Вот почему общественный характер производительных сил буржуазного общества вступает в противоречие только с одной из сторон (а именно той, которая и подлежит устранению в ходе исторического развития от капитализма к социализму), т.е. с частнокапиталистической формой присвоения общественного продукта. Другая сторона капиталистических производственных **301//302** отношений (наемный труд) и ее социальный носитель не подлежат устранению в ходе превращения капитализма в социализм; наоборот, это превращение осуществляется силами пролетариата, как бы отсутствующего в формулировке основного противоречия капиталистического способа производства.

Можно ли сказать, что при социализме отношения общественной собственности относятся к наиболее существенным элементам производственных отношений? – этот вопрос не стоило и ставить: подобных сомнений не возникает ни у кого. Но точно так же и отношения индивидуальной (обособленной) собственности, существующие при социализме, хотя против этого и возражают многие обществоведы, являются вторым важнейшим элементом социалистических производственных отношений (см. параграф 4.4.). Из названных двух элементов производственных отношений социализма, связанных с отношениями: 1) общественной собственности и 2) личной собственности первый *не противоречит* непосредственно общественному характеру производства, характеризующего производительные силы общества; он и его социальный носитель (коммунистическая диапротоба) не подлежат устранению в ходе развития общества от социализма к коммунизму. Поэтому этот важнейший элемент *не должен* включаться в состав основного *противоречия* социализма.

Не стоит бросаться из огня да в полымя: ведь в свое время основным аргументом отсутствия при социализме противоречий вообще (а значит, и основного) была именно общественная собственность на средства производства, рожденная в результате разрешения основного противоречия капитализма; но не нужно кидаться и в другую крайность – пытаться втиснуть отношения общественной собственности социалистических производственных отношений в состав основного противоречия социалистического способа производства.

В итоге с учетом сказанного выше можно было бы придти примерно к следующей формулировке: основным противоречием социализма является противоречие между общественным характером

производства и личнособственническим характером присвоения (жизненных средств). Но мы не сделаем 302//303 такого вывода. Не сделаем потому, что (и это соответствует мысли Н.Д. Колесова о том, что основное противоречие социалистического способа производства представляет собой противоречие определенных элементов производительных сил и производственных отношений) еще остался невыделенным, нераскрытым тот конкретный элемент производительных сил социалистического общества, который противостоит личнособственническому характеру присвоения жизненных средств в производственных отношениях. Что же это за элемент? Где и как его искать?

Вернемся к капиталистическим производственным отношениям и способу производства. Функционирование капиталистического строя подчинено капиталу и состоит в том, чтобы произвести и извлечь прибавочную стоимость. Для чего произведенные продукты реализуются, вырученные средства снова пускаются в производство, произведенные продукты снова продаются (а при этом снова извлекается прибавочная стоимость) и так далее. При этом производится не только то, что служит действительным потребностям масс, а все то, что может быть продано, для чего, в свою очередь, раздуваются потребительские настроения, культивируется порнография и другие суррогаты «массовой культуры», разжигается военный психоз (который как воздух нужен производителям оружия) и т.п. Из-за антигуманной сущности капиталистического строя, в силу самой его специфики К. Маркс при анализе капиталистических производственных отношений был вынужден сосредоточить основное внимание на воспроизводственных процессах первого вида, протекающих на стороне собственников частного капитала. Не случайно поэтому анализ капиталистических производственных отношений связан прежде всего с кругооборотом

(Сп, Рс) ... П ... (Сп, Жс) – (Сп, Рс) ... П ... (Сп, Жс) – (Сп, Рс),

а не со сцепленным с ним воедино кругооборотом

Жс ... п ... Рс – Жс ... п ... Рс – Жс,

в котором как раз и производится главная производительная сила общества – человек с его знаниями, умениями, навыками, одним словом – 303//304 способностями к труду, вечному и естественному условию человеческой жизни (см. [22.486]).

Поэтому было бы странным не обратить внимание на эту область общественного воспроизводства при исследовании социализма. В параграфах 4.6, 4.7, 5.4 и некоторых других данная область была уже рассмотрена с точки зрения ее общественной формы, и именно она оказалась наиболее сложной и противоречивой. Более того, из материала указанных параграфов напрашивается вопрос: а не переместилось ли основное противоречие способа производства с переходом человеческого общества из капиталистической фазы своего развития в социалистическую от производства вещей к производству человека?

Едва ли кто из обществоведов смог бы ответить на него отрицательно. Социализм ставит своей целью всестороннее развитие человека, он хотел бы полностью подчинить производство действительным потребностям

Очень хочется верить, что социализму еще будет дан шанс доказать свою способность на деле следовать провозглашенному принципу «все для человека». Пока же применительно к СССР этот тезис остается чисто пропагандистским, т.е. неподтвержденной декларацией о намерениях.

Террор, беззакония государства, волюнтаризм в экономике, инерционность и невосприимчивость экономики к освоению новой техники и технологии, зачисление социальных сфер образования и здравоохранения в число непроизводительных, нетерпимость к идеологической и политической оппозиции как вне, так и внутри правящей партии (мания божественной непогрешимости и величия), низкая производительность общественного труда в промышленности и сельском производстве, наконец, финальный захват общенародной собственности кучкой прохвостов, делавших вид, будто управляют по поручению партии от имени и во благо советского народа – все эти реальные дела, каждое по-своему, к сожалению, свидетельствуют против. А то, что «хотели как лучше...», – так разве ж от этого легче?

членов своего общества, сообразно с принципом «все во имя человека, все для блага человека», и тем не менее он вынужден это делать путем отчуждения огромнейшей массы продуктов труда в индивидуальную собственность членов общества, путем сохранения такого родимого пятна капитализма, как дележа потребительских продуктов «по работе» (см. [36.96–99; 48.108]).

Человек со своими созидательно-творческими возможностями и способностями является при социализме с содержательной стороны продуктом всего общества (см., напр., [167.198, 200]). Однако это противоречит той общественной форме, в которой осуществляется присвоение рабочей силы, воспроизводящейся в значительной мере за счет отчуждаемых в индивидуальную собственность жизненных средств.

Поэтому мы определяем основное противоречие социалистического способа производства как противоречие между общественным характером производства главной производительной силы – человека с его способностью к труду и личнособственнической формой присвоения рабочей силы.

Может показаться, что в данной формулировке основного противоречия **304//305** социализма отсутствует связь с основным социальным противоречием между его основными классоидами. В действительности же эта формулировка отражает тот факт, что интересы только одной диапротобы, только классоида наемного труда, связанного с отношениями индивидуальной (обособленной) собственности, расходятся с требованиями общественных по своему содержанию производительных сил социалистического общества.

В основном противоречии социализма, как в фокусе, сходятся все другие социально-экономические противоречия, присущие социализму (например, между производительным и непроизводительным трудом, между товарными и непосредственно общественными формами связи участников социалистического производства, между трудом по способностям и трудом по оплате). Рассмотрению каждого из этих вопросов можно было бы посвятить не одну монографию, даже простое перечисление этих противоречий в сколько-нибудь систематизированном виде требует проведения крупного специального исследования. Поэтому ограничусь лишь рассмотрением одной интересной, на мой взгляд, мысли, которую высказал П.П.Лопата: «Не будет преувеличением сказать, что противоречие между гигантски выросшими возможностями в развитии нашего общества и недостаточным использованием этих возможностей играет ключевую роль в системе противоречий социализма на современном этапе» [176.41].

Это противоречие действительно имеет место, оно вытекает из того характера и способа, которым при социализме рабочая сила соединяется со средствами производства. Оно определяется основным экономическим законом социализма, предполагающим непроизводительные затраты рабочей силы на обеспечение учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, а также недоиспользованием соединяющихся с общенародными средствами производства рабочих сил (не все являются при социализме производительными работниками, а из тех, кто принадлежит к таковым – не все работают в полную меру своих способностей).

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на приведенные в параграфе 6.1 графики 6.2 и 6.4 и сопоставить «возможности» (достижимый **305//306** при социализме лишь теоретически для наличного уровня развития производительных сил максимум продукта Пт, расположенный в крайних верхних правых точках полей графиков) с «действительностью» (величиной продукта Пт на кривых Пт(Дп) вблизи оптимального значения доли затрат производительного труда Дп).

Отмеченное П.П.Лопатой противоречивое явление, обнаруживающее себя на современном этапе развития социализма особенно прозрачно, непосредственно связано с диапротобным строением социалистического общества и проистекает от существования некоммунистического, личнособственнического, наемнического отношения к рабочей силе и ее использованию со стороны своих носителей. Связанное с диалектикой основных классоидов социализма, это противоречие, само собой разумеется, самым непосредственным образом связано и с основным противоречием социализма. Ведь возможности того социально-экономического развития, о котором говорит П.П.Лопата, заключается в уже достигнутом уровне развитости

производительных сил общества, дальнейшее развитие которых, однако, наталкивается на ограничения, исходящие от их наличной общественной формы, от существующих производственных отношений. В результате борьбы, в результате социально активных действий коммунистической диаспоры против своего социалистического антипода (классоида наемного труда) в социалистических производственных отношениях устраняются социально-экономические основания, сдерживающие дальнейшее развитие социалистического способа производства, создаются новые предпосылки для дальнейшего развития производительных сил общества. **306//307**

6.4. О «должном» и сущем в социализме

...Если мы будем руководствоваться соображениями приятности или неприятности, то упадем до уровня тех «почти что» социалистов, которых мы с вами достаточно видели в эпоху Временного правительства Керенского... А нашей силой была всегда способность учитывать действительные соотношения сил и не бояться их, как бы они не были нам неприятны.

В.И.Ленин [[45.309–310](#)]

Всекие попытки уйти от изучения непредусмотренных или нежелательных фактов, тенденций, процессов влекут за собой искаженное представление о действительности, порождают «экономический романтизм», обреченные в конечном счете на неизбежное крушение иллюзии легкости решения важных экономических задач.

В.Н.Кашиин [[134.35](#)]

Не часто приходится встречать открытое отрицание диалектики и материализма сторонниками общераспространенных теоретических представлений о социально-экономической сущности социализма. Как правило, и диалектика, и материалистическое решение основного вопроса философии об отношении нашего сознания к бытию ими, на словах во всяком случае, и признается, и защищается, особенно если речь идет о границах между рабочим классом (производителем бытия, материи) и интеллигенцией (производительницей сознания, идеи) или о коренной, вплоть до утраты моментов связи между ними, противоположности капитализма и социализма. Но все же нет-нет, да и проскочит в научных публикациях по вопросам теории социализма мысль о том, что если в реальном социализме позитивному противостоит негативное, то «теоретически» этого «не должно быть» (см. [[268.83](#)]); что теоретически члены социалистического все как один только и думают о благе общества и стремятся к достижению коммунизма (см. [[87.126](#)]), но если и имеется в объективной реальности недобросовестное отношение к труду, карьеризм, стремление к личному обогащению за счет общества, то эти явления не соответствуют природе социализма (см. [[87.132](#)]); что в «настоящем», «теоретическом» социализме каждый работник является сознательным сотворцом высококачественной **307//308** продукции, необходимой обществу (см. [[240.19](#)]), а фактические имеющие место явления тунеядства, безответственного отношения к объектам социалистической собственности, к труду – это нечто, находящееся за рамками социализма, нечто антисоциалистическое, и даже антагонистическое (см. [[240.25, 26](#)]); что «теоретически» процесс строительства коммунизма не есть преодоление таких негативных явлений, как пьянство, воровство, приписки, прогулы, взятки (поскольку теория их не знает), а вот на практике-де эти «ненормальные» негативные явления «мешают» «нормальному» процессу коммунистического строительства (см. [[268.82](#)]).

Что все это значит? Откуда такое расхождение теории (сознания, отражения) с практикой (бытием, объектом отражения)? Почему в теории социализма нет места негативному, косному, отсталому, старому, а в жизни – есть? С точки зрения выдвигаемой концепции подобное расхождение объясняется вовсе не тем, что теория не в состоянии отразить и воспроизвести в своих категориях

и законах богатство общественно-экономических отношений социализма*. Объективная реальность, общественное бытие не есть нечто непознаваемое, вещь в себе. Дело совсем в другом. Дело в том, что нынешние теоретические представления о социализме, отрицающие формационную качественную определенность социализма (концепция «коренной однокачественности» социализма и коммунизма), рассматривающие социализм, в том числе и развитый социализм как недоразвитую разновидность, стадию якобы вечного, неспособного к превращению в нечто другое коммунизма (лучевая концепция коммунизма), находятся пока еще ниже того уровня познания реально данных общественно-экономических отношений, который предполагает «изучение противоречия в самой сущности предметов» [41.227]. 308//309

А не поднявшись на этот уровень, не видя в социально-экономической сущности социализма социально-экономических противоречий, не остается ничего другого, как «вытеснить» все эмпирически наблюдаемые противоречивые явления социализма (в которых, кстати говоря, искомая теоретиками сущность социализма как раз и проявляет себя) из объективной реальности социализма либо в область субъективного (ошибки планирования, несознательность граждан и т.п.), либо вовсе за пределы социализма, объявив их капиталистическими, антисоциалистическими, то есть внешними по отношению к социализму.

В результате *теоретическое представление* становится отражением не реального положения вещей, а того, что «должно быть», т.е. не социализма в его общественном бытии, а уже *существующих идеальных представлений* о нем. Сторонники общераспространенных представлений пытаются «отобразить» в теории реалии социализма без таких противоречий и отношений противоположностей, как старое и новое, негативное и позитивное, отрицательное и положительное, отсталое и передовое, поскольку, по их мнению, при социализме – «коренной» противоположности капитализма – «не должно быть» ни старого, ни отрицательного, ни косного, ни отсталого, а «должно быть» только то, что может быть оценено только положительно. Они «не видят, что противоположность положительного есть не положительное, а отрицательное; противоположность передового – не передовое, а отсталое; противоположность прогрессивного – не прогрессивное, а регрессивное; противоположность нового – не новое, а старое и т.д. В жизни передовое борется не с передовым, а с отсталым, прогрессивное – не с прогрессивным, а с регрессивным и т.д.» [114.103].

«Идеализация и лакировка жизни социалистического общества, стремление освободить его противоречия от негативности, возвести гармонию в абсолюте означает лишение общества своих собственных внутренних источников развития, ибо без негативности нет противоречий, нет борьбы противоположностей» [156.49] «Негативная сторона воспринимается и понимается как нечто плохое, нежелательное, от чего следует как можно 309//310 быстрее освободиться. Но оценочное отношение к негативности (хорошее – плохое, добро – зло, нужное – ненужное, полезное – вредное) только выясняет наше отношение к негативной стороне противоречия, но не может ее снять, ибо она объективна, как объективно само противоречие. Непонимание этого делает оценочное отношение с вытекающими из него выводами метафизическим, а не диалектическим в своей сущности» [156.50].

Выдвигаемая концепция, разделяя процитированные выше представления А.М.Минасяна, В.М.Кошева, Ю.А.Краснова, В.И.Суханова, не ограничивается критикой воззрений, отрицающих имманентность социализму противоречий между положительным и отрицательным, новым и старым, передовым и косным, а предлагает конструктивное решение проблемы, которое излагается в данной рукописи, начиная с первой ее главы.

Негативные явления реального социализма говорят нам, например, о том, что Иванов прогулял в понедельник по причине больной головы после воскресной пьянки; Сидорова поймали на

* Наоборот, «величайшая мощь и жизненность марксистско-ленинских идей заключается в их правде, – пишет Б.А.Чагин. – ...Первое и основное требование марксистско-ленинской партийности – это требование научной добросовестности, объективности познания, правильности отражения действительности... Ленин, касаясь проблемы информации, говорил: "Нам нужна п о л н а я и п р а в д и в а я информация"» [286.44]

проходной мяскокомбината с 10 кг колбасы; Давыдов за 2000 рублей устраивает в вуз своего отпрыска, шалопая и бездаря; Николаев отвергает предложение Волкова, дающее народному хозяйству экономический эффект в полмиллиона рублей, из-за того, что принятие предложения привело бы к прекращению финансирования его (самого Николаева!) «собственной» диссертабельной темы; Семенов дает санкцию на строительство заведомо никому не нужных технологических сооружений по компримированию нефтяного газа, дабы сжигать его не на намозолившем всем глаза факеле, а подальше от глаз людских – в другом месте, и т.д.

И действительно, с точки зрения интересов членов общества как равных совладельцев общенародной собственности на средства производства во всех этих негативных действиях, явно направленных против общенародных интересов, *трудно увидеть*

Семенов, между прочим, станет потом делегатом XXVII съезда КПСС. Автор присутствовал на одном из собраний строителей и монтажников, где этот делегат разъяснял рабочим суть принятых на съезде решений: будем еще строже с вас спрашивать, разболтались, понимаешь ли!

что-либо, относящееся к существенному, закономерному, «нормальному», логически вытекающему из собственной природы производственных отношений социализма, основанных на общенародной **310//311** собственности на средства производства. А отсюда, из этой трудности – кажущаяся «антисоциалистичность», «буржуазность» этих явлений, их случайность, единичность, которая и объявляется проявлениями несознательности сознательных сотворцов высококачественной продукции, необходимой обществу.

И хотя эти явления и в самом деле, на радость нашего классового противника – международной буржуазии, – не **содействуют**, а **противодействуют** продвижению советского общества к коммунизму, тем не менее приведенные выше примеры являются не чем иным как одним из проявлений функционирования внутренне противоречивого в своей сущности социалистического способа производства, имеющего целую систему тесно связанных между собой противоречий как экономического, так и социального характера, а именно *крайней формой* проявления одной из сторон, в частности, основного противоречия социализма. Не прогрессивной, передовой, положительной, новой, цементирующей общество стороны, а стороны косной, отсталой, отрицательной, старой, разрыхляющей общество, без которой социализм был бы не социализмом, а более высокой формой социально-экономического устройства общества.

Собственно говоря, и общепринятая трактовка сущности социализма, и выдвигаемая концепция обе сходятся на одном и том же: они обе не беспристрастны. Не может быть беспристрастной наука об обществе, кем бы она не разрабатывалась: идеологом крестьянского или национально-освободительного движения, защитником интересов буржуазии или пролетарским теоретиком. Общественные теории всегда партийны*. И объект пристрастия, и точка отсчета и у общепринятых воззрений, и у выдвигаемой концепции совпадают: это – общенародная (общественная) собственность на средства производства и связанные с ней социальные силы. Суть же различий между ними состоит в том, что признавая за общественной **311//312** собственностью на средства производства новое, передовое, прогрессивное, положительное завоевание социализма, концепция рассматривает ее как *сторону* диалектического противоречия и **видит** *внутри социалистических производственных отношений* противоположную ей сторону; эти две противоположные стороны, взаимодействуя друг с другом, во-первых, составляют основу, конституирующую именно социалистической (а не какой-либо иной) способ производства, во-вторых, наполняют социалистический способ производства внутренним импульсом направленного самодвижения его, заключающимся в одолении новым старого, в уничтожении старого новым, а тем самым и в прекращении существования этих противоречий, т.е. в заложенной с сущность социализма коммунистической тенденции как существенной закономерности социализма.

Наоборот, общепринятые взгляды, точкой отсчета и нескрываемым объектом симпатий которых является та же самая общенародная собственность на средства производства, **не видят**, чтобы

* Под партийностью мы понимаем диапротобную (классовую или классовидную) определенность и направленность социально активных философских и социально-экономических взглядов, концепций и теорий.

последней что-либо противостояло или даже могло противостоять внутри социалистических производственных отношений. Согласно общепринятым или широко распространенным воззрениям при социализме всё и вся «соответствует» и «полностью подчинено» «абсолютному господству» общественной собственности на средства производства. А так как все «соответствует» и все «подчинено», то кроме положительного, передового, нового, связанного с действительно новой и прогрессивной общественной собственностью на средства производства ничего другого (отрицательного, негативного, плохого) в сущности социализма нет и не может быть. Так или примерно так полагают сторонники критикуемых концепцией взглядов.

Но это и есть, по определению К.Маркса, отрицание диалектики. «Существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим, сразу кладет конец диалектическому движению» [8.136].

Но предположим, что *крайних проявлений* негативной стороны **312//313** заложенного в социалистическом способе производства противоречия нет. Идет, так сказать, «нормальный» (как теоретически представляют его отрицающие имманентность негативного социализму) процесс строительства коммунизма в пока еще социалистическом обществе. Значило бы ли это, что внутренняя противоречивость социалистических производственных отношений и способа производства исчезла? Значило бы ли это, что социализм избавился от своей негативной стороны? Вовсе нет. Ярво выраженных проявлений негативного стало бы меньше, но это в свою очередь означало бы только то, что общество находится на ином, более близком к коммунизму рубеже. Но на этом рубеже у общества уже другие, более строгие критерии к позитивному, и в разряд негативного, таким образом, уже попадает то, что мы считаем вполне приемлемым, и что пока для нас является если и не положительным, то и не отрицательным.

Иванов уже по воскресеньям не пьянствует, а по понедельникам не прогуливает; Сидоров больше не попадает на проходной с колбасой за пазухой; Николаев стал доктором наук, исправно получает свою докторскую ренту – цель своих вожделений – и больше не ставит никому палок в колеса; а совестливый, но не склонный к изобретению пороха отпрыск Давыдова, пройдя в вузе курс наук и узнав из них, что он уже априори является сознательным сотворцом высококачественной продукции, необходимой обществу, сучит рукава и со всей мощью своего интеллекта занимает место – теперь уже не студенческое, а рабочее – несостоявшегося Дубинина, Капицы, Курчатова или Королева. Но за это время очень важные изменения произошли и в тех, кто во времена оные, когда Иванов пьянствовал и прогуливал, а Сидоров воровал колбасу, работали исправно, повинувшись социалистическому принципу *личной* материальной заинтересованности. Теперь они вполне сформировались как новые люди, готовые работать, ориентируясь на *непосредственно общественный* материальный интерес, без учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, без непроизводительных затрат рабочего времени кассиров, бухгалтеров-расчетчиков, нормировщиков, продавцов, ревизоров, – кстати, все эти **313//314** непроизводительные работники выучились профессиям производительных работников и собрались уже занять новые, приготовленные специально для них новые рабочие места в сфере производства потребительных стоимостей, удовлетворяющих растущие потребности общества и его членов.

И быть бы коммунизму, и быть бы изобилию, – но нет, не получается.

Кассиры, бухгалтеры, ревизоры, охранники на проходных между обобществленной собственностью и собственностью обособленной ломают головы: почему они не могут оставить своих непроизводительных рабочих мест и занять производительные за пультом автоматизированной технологической линии, за лабораторным столом поликлиники, за кухонным комбайном в общественной столовой нового космодрома? Что случилось? В чем дело? Совладельцы средств производства, сотворцы высококачественной продукции, занятые производительным трудом, тоже в недоумении: почему это вместо того, чтобы увеличить объем общественного производства, а значит, и объем потребления за счет ликвидации непроизводительных рабочих мест, на которых не создается никаких продуктов, а только

осуществляется, казалось бы, никому не нужный, ставший анахронизмом учет и контроль за мерой труда и мерой потребления, вся бравая гвардия, обеспечивающая взаимообусловленность перехода жизненных средств в личную собственность встречным движением их рабочих сил в собственность общенародную, бессмысленно «трудится» (т.е. трудится непроизводительно-1) в поте лица?

Но все оказалось гораздо проще, чем думали. Оказывается, все дело в тех же Иванове, Сидорове, Николаеве и отпрыске Давыдова, которые по-прежнему остаются притчей во языцех, как «антисоциалистические», с остатками «родимых пятен» и «антагонизмов» элементы. Оказывается, это по их милости, хотя они больше и не мешают «нормальному» процессу строительства коммунизма, хотя и являются совладельцами общенародных средств производства, но сознательность этих сотворцов высококачественной продукции, необходимой обществу, осталась сознательностью наемных работников, считающих правомерным только оплачиваемый по определенным нормам труд. Работать же непосредственно на общенародный интерес, непосредственно на общество, членами которого являются и они **314/315** сами, работать и жить без учета и контроля за мерой труда и мерой потребления эти сотворцы пока еще не могут.

И ведь пробовали уже: как только сняли было учет и контроль, так Иванов, например, вместо того, чтобы в понедельник выйти на работу, по своей постоянно растущей материальной и культурной потребности махнул на сверхзвуковом авиалайнере в Сочи отобедать в ресторане с видом на Черное море, благо и дорога туда-обратно, и харчи бесплатны, ничем – ни каким там обменом на рабочую силу или еще на что – не обуславливается, а только по потребности.

А глядя на него, этого несознательно-сознательного сотворца высококачественной продукции, необходимой обществу, и молодые, только что пришедшие на производство работники начали в сторону аэропорта поглядывать; некоторые так даже и последовали примеру сотворца – а чем мы, мол, Иванова хуже? Учета и контроля за мерой труда и мерой потребления ведь нет, норм права, юридически регламентирующих трудовые и имущественные отношения между обществом и его членами – нет, самого государства с милицией, судами, местами изоляции и прочими негативными (уж не «антисоциалистическими» ли?) атрибутами – тоже нет, так что гуляй сколь хошь – и ничё не будет!

И впрямь очень скоро очень многое стало предметом такого дефицита, которому дефицит с лампочками, иголками для швейных машин, мылом, стиральным порошком, мужскими трусами и женскими бюстгалтерами, случавшийся порой в «ненастоящем», «нетеоретическом» социализме, и в подметки не годился. Так и пришлось вернуть с производительных рабочих мест на непроизводительные, в сферу учета и контроля за мерой труда и мерой потребления (т.е. в сферу товарного обращения рабочей силы и жизненных средств) и табельщиков, и нормировщиков, и кассиров, и продавцов, и ревизоров, а вместе с этим – возобновить также прерванную было деятельность негативных атрибутов социалистического государства.

Надеюсь, читателю теперь ясна позиция автора в отношении вопроса, вынесенного в заглавие параграфа. Рассматриваем ли мы явления **315/316** реального, живого, фактического данного («нетеоретического») социализма, или же когда речь идет о теоретическом слепке с него, мы не можем, признавая себя материалистами и диалектиками, видеть в социализме только то, что в нем «должно быть», и проявлять слепоту по отношению к тому, что, будучи негативным, нежелательным, старым, косным, по мнению того или иного исследователя, «не должно быть». Социалистический способ производства, общественно-экономические отношения, основанные на общенародной собственности на средства производства, не нуждаются в их приукрашивании и размалевывании радужными красками. Они обладают неистребимым запасом жизненной силы и неуничтожимой направленностью в коммунистическое завтра. Однако скорость перерастания социалистических общественно-экономических отношений в коммунистические не есть величина наперед заданная, фатально предопределенная. Вступление общества в собственно коммунистическую общественно-экономическую фазу развития можно либо ускорить, либо задержать. Именно последнему способствует нежелание на деле вскрыть диалектически

противоречивую сущность (а значит, и историческую ограниченность) социальных и экономических, взятых в единстве, отношений социализма, нежелание, основанное на субъективном сепарировании фактов и явлений общественной жизни сквозь призму суждения: «должно» или «не должно» быть.

Впрочем, в этом оценочном суждении (должно – не должно быть) есть рациональное зерно, и выдвигаемая концепция отнюдь его не отбрасывает. Вскрыть диалектически противоречивую сущность социалистического способа производства и социалистических производственных отношений невозможно, если предварительно отобрать из всего богатства и разнообразия явлений современной общественной жизни только те из них, которые нам нравятся, т.е. только то, что лишено косности, отрицательности, старого и пр. Но после того, как диалектические противоположности, составляющие социалистическое общество, обнаружены, после этого *передовая* теория не может не встать на позиции *устремленной в будущее* социальной силы. Такой социальной силой социализма является коммунистическая диапротоба (коммунистический классоид). **316//317**

Но в адекватной социалистическим производственным отношениям состав общества входит две диапротобы, два классоида, поэтому за каждым из фактов, явлений социалистической действительности стоит либо коммунистический, либо противоположный и противостоящий ему классоид, либо их взаимодействие. Вот тут-то и было бы непростительной ошибкой занять объективистскую позицию и не расценивать явления общественной жизни, не разделяя их на соответствующие и несоответствующие интересам и историческим целям передовой социальной силы социалистического общества – коммунистической диапротобы социализма. Ведь именно ее борьба со своей противоположностью и является движущей силой социального прогресса, движения и развития социалистических общественных отношений в направлении их превращения в коммунистические. Коммунистическая диапротоба социализма в целях успешного и скорейшего исхода борьбы со своей противоположностью заинтересована в знании реального положения дел внутри социалистического общества, что было бы невозможным как при игнорировании того, что (пусть даже с ее точки зрения) «не должно» быть, но есть, так и без оценки ею каждого факта, каждого явления, каждой обнаруженной ею тенденции с точки зрения того, соответствует ли это ее интересам или направлено против них. **317//318**

Глава 7. Коммунизм – вторая фаза подлинной истории человечества

Такое явление, которое исторически возникло и исторически опять исчезает, принято называть на обычном языке «исторической фазой».

Ф.Энгельс [20.214]

7.1. Диалектическое отрицание социалистических производственных отношений как момент преемственности между социализмом и коммунизмом

Напоминание о существовании этого очень простого, но чрезвычайно емкого, диалектического определения исторической фазы, вынесенного в эпиграф главы, сделано не случайно. Нетрудно убедиться, что данное определение не соответствует представлениям о коммунизме как о второй, вечной (последней) фазе послекapиталистической истории человечества, но оно соответствует концепции коммунизма как исторически определенной и исторически ограниченной ступени социально-экономического развития человечества.

Изложение материала данной главы начато с энгельсового определения исторической фазы еще и потому, что в современной обществоведческой литературе прочно укоренилось представление о том, будто историческая фаза – это исключительно дробная часть общественно-экономической формации. Между тем классики науки об обществах *фазами* исторического развития называли не только ступени предстоящего послекapиталистического развития, но и такие ступени, как рабовладельческий, феодальный или капиталистический способы производства, общественно-экономические формации (см. [10.427; 25.348; 32.232]).

В параграфе 1.4 уже говорилось, что социалистическая фаза общественно-экономического развития рассматривается выдвигаемой концепцией как качественная определенность, как общественно-экономическая 318//319 формация. Там же была дана критика одного из имеющихся в литературе обоснований того, будто социализм и собственно коммунизм представляют собой две фазы *одной* формации. Приступая к изложению представлений о второй фазе послекapиталистической истории, вытекающих из диапротобно-классоидного понимания социально-экономических отношений социализма, заметим сразу, что коммунизм также будет рассматриваться как качественная определенность, как нечто, развивающееся в направлении своего отрицания, т.е. как историческая фаза в определении Ф.Энгельса*.

Поскольку такой подход расходится с укоренившимися к настоящему времени пониманием данного вопроса, рассмотрим доводы их сторонников, полагающих, будто социализм и коммунизм являются не самостоятельными способами производства (и общественно-экономическими формациями), а составными, дробными частями общекоммунистического способа производства (и основанной на нем формации). Каковы же эти доводы?

1. Классики не говорили о том, что социализм и коммунизм представляют собой две формации, они говорили лишь о фазах развития будущего общества (см. [166.17]), они рассматривали социализм как первую фазу коммунистического общества (см. [184.13]), а А.М.Румянцев полагает даже, что принадлежность социализма и коммунизма одной формации «доказали еще основоположники марксизма» (см. [239.237]).

2. «Концепция о социализме как самостоятельной формации со своими "собственными законами"»

* Понимание предстоящего социально-экономического развития человечества, в котором собственно коммунизм является лишь одной из переходящих фаз прогрессивного развития, соответствует представлениям К.Маркса о том, что «всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [5.296–297]

исключает наличие отношений и законов, связывающих социализм и коммунизм, и, следовательно, затрудняет понимание природы социализма и возможностей постепенного перехода к коммунизму» [319//320](#) [\[166.18\]](#); социализм и коммунизм обладают самостоятельной системой законов (см. [\[140.36–37\]](#)); нельзя переоценивать специфику социализма и коммунизма и недооценивать, игнорировать, то общее, что присуще им (см. [\[166.16–21\]](#)).

3. Концепция о социализме и коммунизме как самостоятельных общественно-экономических формациях «противоречит некоторым коренным теоретическим и методологическим принципам марксизма-ленинизма» [\[184.13\]](#), представляет собой «отход от марксизма-ленинизма» [\[140.33\]](#), обуславливает «коренной пересмотр учения К.Маркса о закономерностях смены способа производства» [\[184.14\]](#).

4. Признание социализма и следующей за ним исторической фазы самостоятельными формациями (способами производства) означало бы «признание существования при социализме противоречий, которые в своем развитии определяют "революционный переход" общества к новому способу производства, что... глубоко ошибочно» [\[184.14\]](#); смена друг другом качественно различных способов производства возможна только в революционной форме (см. [\[239.237; 68.43; 125.94\]](#)), а революции не будет (см. [\[140.33, 38\]](#)); «коммунистическая формация не будет взорвана изнутри, как это имело место во всех прошлых обществах, а будет существовать и развиваться всегда, пока существует человечество на нашей планете. Отсюда вывод классиков марксизма о том, что коммунизм – высшая и последняя форма организации общества. Таково несравненное превосходство коммунистической формации над всеми прошлыми преходящими общественно-экономическими формациями» [\[263.75\]](#).

5. При социализме достигнуто фактическое, а не формальное равенство всех членов общества к средствам производства (см. [\[140.34–36\]](#)).

6. Проводится аналогия, параллель между домонополистическим и монополистическим капитализмом, являющихся стадиями одного способа производства, одной формации, с одной стороны, и с другой – между двумя фазами послекapиталистического развития (см. [\[184.13; 166.15, 20–21; 96.65–66\]](#)). [320//321](#)

Как видим, обоснование сводится к следующему:

- переход от социализма к коммунизму будет протекать в неревлюционной форме;
- классики не только не говорили о биформационности послекapиталистической истории, но будто бы даже доказали ее моноформационность;
- социализм и коммунизм имеют нечто общее;
- при социализме и коммунизме развитие происходит не так, как прежде;
- в качестве аргумента приводится лучевая концепция коммунизма (его «вечность» и неспособность превращаться в нечто другое);
- трактовка социализма как формации квалифицируется как отход от коренных теоретических и методологических принципов марксизма-ленинизма.

Читатель, внимательно изучивший материал предыдущих глав рукописи, вероятно, может уже самостоятельно судить о некоторых слабых сторонах приведенных аргументов. Рассмотрим эти аргументы с точки зрения обоснованности содержащихся в них посылок, а также с точки зрения того, следует ли из этих посылок вывод о моноформационности социализма и коммунизма (то есть всей послекapиталистической истории).

Начнем с тезиса о том, что социально-экономическое развитие общества и его производственных отношений будет протекать после свержения экономического и политического господства буржуазии (т.е. после установления диктатуры пролетариата) без политических революций.

Данное положение было сформулировано К.Марксом в 1847 году в «Нищете философии»: «Только

при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последними словами социальной науки будет: "Битва или смерть, кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса" (Жорж Санд)» [8.185].

Нетрудно заметить, что в данном контексте под «социальной эволюцией» К.Маркс подразумевает социальное (социально-экономическое) развитие вообще, включающее как количественные изменения, так и глубокие 321//322 качественные превращения, и говорит об этих эволюциях применительно как к антагонистически-классовой досоциалистической предыстории, так и к неантагонистически-бесклассовой послекapиталистической истории.

В антагонистических (классовых) общественно-экономических устройствах господствующий класс стремится сохранить качественную определенность существующего общественного устройства. Внутри такого общества непременно имеется **особая группа людей (класс)**, объективно заинтересованная в сохранении существующей качественной определенности общества даже когда развитие производительных сил достигает уровня, требующего в интересах всего общества в целом выхода за рамки прежнего качественного состояния общества, его производственных отношений. Именно поэтому так болезненно протекает переход от старого качества к новому в классово-антагонистических социально-экономических организациях. Именно поэтому качественное превращение классово-антагонистической общественно-экономической формации в высшую по отношению к ней являет собой фазу политической революции. «...Революция,— писал В.И.Ленин,— есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя... Революция есть самая острая, бешеная классовая борьба и гражданская война» [54.320].

Изложенная здесь схема, вероятно, верная в принципе, конечно же, сильно огрублена. Я не знаю мировую историю хорошо настолько, чтобы утверждать о непременности антагонистически кровавого сопротивления власти правящих групп попыткам смены власти, если этими группами являются классы рабовладельцев, феодалов или капиталистов. Даже если именно так и обстояло дело во всех 100,00% случаев (такие исследования, возможно и существуют, но я с ними не знаком), то и это не дает оснований для исключения возможности бескровного ухода со сцены отжившего свой век строя в будущем.

Что касается советского социализма, то правящая верхушка (именно она, а не рабочий класс) для удержания своей власти очень широко применяла методы кровавого террора по отношению к возможной оппозиции и в своей же собственной среде («враги народа» среди членов политбюро от Троцкого до Берии, подавляющее большинство делегатов «съезда победителей»), и в среде всего советского общества в целом (репрессированные, в том числе и уничтоженные по печально знаменитой «дружеской» и «неантагонистической» 58-й статье).

Впрочем, данное уточнение несколько не меняет общей логики концепции.

Социалистическое общество также имеет диалектическую структуру, оно диалектично по своей природе, как диалектичен любой (а не только социальный) развивающийся организм. Это значит, что и современная нам общественно-экономическая система, развивающаяся по законам диалектики, имеющим не конъюнктурный, а универсальный, всеобщий характер, рано или поздно, но **неизбежно** подойдет к той «черте» (смысл кавычек станет ясным чуть ниже), когда количественные изменения, протекающие в рамках существующей качественной определенности, потребуют выхода за пределы прежней качественной определенности.

Но структура социалистического общества, будучи глубоко диалектичной, противоречивой, тем не менее является не классовой, а бесклассовой, классовидной. А это значит, что в современном нам обществе отсутствует какая-либо **особая группа людей (класс)**, 322//323 которая будет объективно заинтересована, как это было в прежних общественных устройствах, в сохранении обществом своего качественного состояния, если (и когда) количественные изменения, протекающие в пределах существующей качественной определенности, потребуют отрицания последней. Специфика общественного развития по окончании предыстории человечества заключается не в том, что общество не будет или не сможет претерпевать качественных превращений. Наоборот, эти формационные превращения неизбежны. Специфика, отличительная особенность скачков в

общественном развитии здесь заключается в том, что качественные социально-экономические превращения, переходы от одной общественно-экономической формации к другой будут протекать без политических революций, без переходов власти от одной группы людей к другой. «Революция, – писал В.И. Ленин, – есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше» [46.222].

Как видим, процесс превращения старого в новое может протекать по-разному: в революционной форме, с быстротечной ломкой коренных основ (сущности) старого способа производства и соответствующей ему формации, и в эволюционной, т.е. постепенно, медленно, внешне незаметно, подобно, например, тому, как шел и продолжает идти естественный процесс видообразования на биологическом уровне.

Появление вида Homo sapiens – это гигантский скачок в биоэволюции Земли, продолжительность которого была размазана в миллионах лет, в сотнях тысяч сменившихся до неолита поколений наших животных предков, по крупницам приобретающих новое, человеческое качество. Вот вам и новое качество, полученное эволюционным, а не революционным путем.

Изменение видов растений и животных, превращение одного вида в другой, появление новых классов животных (например: рыбы – земноводные – пресмыкающиеся – птицы, млекопитающие), наконец, выделение самого человека из природы (и сам переход от биологического уровня организации материи к социальному) – течение всех этих процессов таково, что при переходе от одного поколения к другому практически уловить эти изменения невооруженным глазом невозможно. Но только метафизический стиль мышления делает из этого вывод о том, что предмет не может находиться в состоянии превращения в другой предмет, что «вещь не может быть одновременно сама собой и другой» (см. [22.530]). Напротив, 323//324 диалектический способ мышления, для которого «абстрактное тождество годится лишь для домашнего употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или короткими промежутками времени», в тождестве одного поколения видов другому требует и рассмотрения «различия внутри тождества», благодаря чему имеет место, например, постепенное, очень медленное качественное «изменение видов, происходящее в течение тысячелетий», появление новых классов живых организмов (см. [22.529, 530]).

Диалектическое отрицание не перестает быть таковым из-за размазанности качественного превращения, диалектического скачка в большом интервале времени.

Но именно такой (не по продолжительности, а по эволюционному характеру) и является грань, разделяющая социализм и коммунизм. «Постепенное перерастание социализма в коммунизм является не только количественным, но и качественным изменением общества» [221.41]. «Будущее, – отмечал Л.И. Брежнев, – не находится за пределами настоящего. Будущее заложено в настоящем, и, решая задачи сегодняшнего – социалистического дня, мы постепенно вступаем в день завтрашний – в день коммунистический» [72.537]. «Мы исходим из того, что познание и использование всех возможностей развитого социализма есть одновременно и переход к строительству коммунизма. Иначе говоря, диалектика развития здесь такова, что по мере совершенствования зрелого социалистического общества и происходит его постепенное перерастание в коммунистическое. Отделить эти два процесса, провести между ними разграничительную черту невозможно» [71.627].

В связи со сказанным весьма странным выглядит следующее утверждение Н.И. Шехета: «именно потому, что исторически сменяющие друг друга способы производства качественно различны, для этой смены необходимы революции» [86.43].

Действительно, революция – это коренной переворот во всей системе общественных отношений, который приводит к новой общественно-экономической формации. Н.И. Шехет видит причину революции в качественном различии сменяющих друг друга способов производства. Но качественное 324//325 различие способов производства обусловлено качественным различием производственных отношений, взаимодействующих с производительными силами общества.

Именно взаимодействие производительных сил с производственными отношениями приводит к необратимым изменениям как в производительных силах, так и в производственных отношениях – поначалу количественным, но рано или поздно к качественному.

Что же касается политических революций, то они необходимы там и только там, где экономически и политически господствующий класс объективно заинтересован в сохранении исчерпавшего свои возможности способа производства. Основной вопрос революции – это вопрос о власти; основной признак революции – это переход власти из рук одного класса в руки другого. Революция (ниспровержение господствующего класса другим, более передовым классом) может иметь место только в классовом обществе.

Наоборот, неантагонистические способы производства, и основанные на них общественно-экономические формации не имеют каких-либо реакционных *больших групп людей* (т.е. классов), объективно заинтересованных в сохранении прежней качественной определенности способа производства, когда дальнейшее развитие производительных сил требует выхода за ее пределы. Тем самым снимается вопрос о власти (а значит, и вопрос о революции) при переходе от низшей антагонистической формации к очередной высшей.

Революция – это одна из возможных (хотя и единственная для классово-антагонистических общественно-экономических устройств) форм смены способов производства и соответствующих им формаций. Но политическая революция – это *не универсальная форма* прерывов постепенности в социально-экономическом развитии человечества, включающем не одну только досоциалистическую историю. «При таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*» [8.185].

Ну как тут не согласиться с утверждением А.И.Юдкина о том, что **325//326** «научная мысль все еще скована логической формой антагонистического противоречия» [190.103]! С точки зрения выдвигаемой концепции глубоко ошибочными являются не представления о качественной определенности послекapиталистических фаз общественно-экономического развития, а представления, согласно которым вся послекapиталистическая история не будет иметь больше прерывов постепенности и будет протекать без качественных превращений, без социально-экономических скачков. Последние представления не имеют корней ни в диалектико-материалистическом мировоззрении, ни в конкретных фактах истории; они основаны только на отождествлении революционных форм разрешения антагонистических противоречий с формами разрешения любых противоречий вообще (антагонистических и неантагонистических) и на безосновательном применении этого «тождества» ко всей послекapиталистической истории, неантагонистической и безреволюционной.

Это верно, что вплоть до перехода от капитализма к социализму включительно переход от одной фазы исторического развития (низшей) к другой (высшей), от одного способа производства к другому, от одной общественно-экономической формации к другой протекает в форме революции. Верно и то, что дальнейшее социально-экономическое развитие человеческого общества после социалистической революции протекает и будет протекать без политических революций. Но людям, считающим себя диалектиками, надо иметь отчаянную дерзость, чтобы из этого умозаключить, будто предстоящая эволюция (развитие) общества без классов, без «самой острой, бешеной классовой борьбы и гражданской войны» будет означать одно только воспроизведение «абсолютного тождества», простое количественное развитие без смены способов производства, без смены общественно-экономических формаций.

Выдвигаемая концепция отвергает подобные взгляды, расценивая их как метафизические, и находит именно их противоречащими основным коренным теоретическим и методологическим принципам историко-диалектического, материалистического мировоззрения. **326//327**

Между прочим, о неревolutionном характере развития послекapиталистической истории, используемом в качестве аргумента, якобы доказывающего моноформационность всего предстоящего развития общества, обществоведы очень часто забывают, когда ради красного словца, громкой фразы говорят о развитии «революционной» инициативы и

активности членов социалистического общества (см., напр., [158.20]).

Что же касается выдвинутого А.М.Румянцевым утверждения о том, будто К.Маркс и Ф.Энгельс еще в XIX века **доказали** принадлежность и социализма, и коммунизма одной и той же общественно-экономической формации, то такого «доказательства» не только не существует, но и не может существовать даже теперь, в 80-х годах XX века. Не случайно сам А.М.Румянцев не смог дать, как это принято в научных работах, ни одной ссылки (см. [239.237]) на труды основоположников, которая бы свидетельствовала о существовании данного «доказательства». Как известно, критерий истинности своей теории марксизм видит в соответствии ее практике, а не наоборот. В этом смысле практика выше теории, Поэтому если бы основоположниками и был сделан научный прогноз о моноформационности социализма и коммунизма, то даже и это не могло бы служить доказательство моноформационности первых двух фаз послекapиталистической истории в их реальном бытии. Такое доказательство могло бы быть сделано только на второй фазе послекapиталистической истории после исследования и познания законов функционирования и развития реально данной второй фазы подлинной истории человечества, если бы из познания законов функционирования ее первой фазы не вытекало обратное.

Перейдем к критике следующего довода в пользу моноформационности социализма-коммунизма. Та параллель, которую проводят между домонополистической и монополистической стадиями единой капиталистической общественно-экономической формации, лишь при поверхностном взгляде на нее служит подтверждением обсуждаемого представления. Если бы социализм и коммунизм действительно были бы стадиями развития единой общекapиталистической формации, а не самостоятельными общественно-экономическими организмами, имеющими каждый свою формационную качественную определенность, тогда можно было бы хоть как-то объяснить следующие факты, которые сторонники моноформационности социализма-коммунизма предпочитают обходить за **327//328** тридевять земель.

Основоположники марксизма К.Маркс и Ф.Энгельс сумели вскрыть законы развития всей буржуазно-пролетарской общественно-экономической формации, не подозревая даже, что эта формация может иметь и, как оказалось впоследствии, действительно имеет особую, империалистическую фазу развития. Но тем не менее К.Маркс и Ф.Энгельс создали научную теорию, из которой следует, что результатом развития капитализма должен стать способ производства, основанный на совместной собственности всех членов общества на средства производства, что переход к этому способу производства невозможен иначе, как через государство диктатуры пролетариата. Мало того, что основоположники марксизма зримо ощущали грядущий крах капитализма, они еще тогда, когда не имели и не могли иметь для своих исследований материала реального социализма, довольно ясно различали две первые фазы послекapиталистического общественного развития.

Чем же объяснить данный феномен? Чем объяснить, что *удалось* предсказать различие и ряд особенностей первых двух фаз общественного развития послекapиталистической истории, дистанция до границы которых равнялась не меньше столетия, и *не удалось* предсказать и показать особенности империалистической стадии капитализма, до которой оставалось лишь десятилетие-другое?

С точки зрения выдвигаемой концепции ответ прост: различие между империалистической и домонополистической стадиями капитализма несравненно мельче, незначительнее, нежели различие между социализмом и коммунизмом, о котором В.И.Ленин еще накануне Октябрьской революции писал: «Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма будет, вероятно, громадно» [36.98].

Иногда это предположение истолковывается в том смысле, что В.И.Ленин допускал громадные различия между социализмом и коммунизмом (в узком смысле) только в политическом, но не в экономическом или в социальном аспектах: мол, не случайно, В.И.Ленин специально коснулся именно политических различий.

Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, громадные различия в политическом плане – это одновременно и не меньшие различия в плане

экономическом: именно В.И.Ленин **328//329** говорил, что политика – это концентрированное выражение экономики. Что касается социальных отношений, то они имеют неразрывную связь с экономическими отношениями. «Я решительно не понимаю, какой *смысл* может иметь такое различие?? как может быть экономическое вне социального??» [[50.30](#)], – эти слова также принадлежат В.И.Ленину.

Во-вторых, слепое следование букве любого текста работ классиков вне связи его с учением марксизма в целом могло бы привести нас просто к фантастическим выводам. Например, к тому, что марксизм основывается на фактах только русской (а не французской, немецкой, английской или, скажем, той же российской) действительности (см. [[57.411](#)]).

Далее. Основоположники марксизма сумели поразительно верно вскрыть законы развития капитализма в целом, опираясь на факты только домонополистической стадии его развития и без привлечения представлений о высшей стадии капитализма. И эта гигантская теоретическая работа была проделана, по существу, на общественных началах, в условиях нужды, болезней и других неблагоприятных условий вдвоем, т.е. творческим коллективом, меньше которого и быть не может.

Ныне же над проблемами политэкономии социализма, научного коммунизма, диалектического и исторического материализма, социологи работает множество научно-исследовательских коллективов, несметная армия профессионалов: аспирантов и неостепененных научных сотрудников, доцентов и кандидатов, профессоров и докторов, член-корреспондентов и академиков, не знающих тех адски трудных условий, в которых творили основоположники, и в особенности К.Маркс – автор бессмертного «Капитала». Но придерживаясь моноформационной концепции социализма-коммунизма, эта армия исследователей до сих пор не только не вскрыла диалектику социализма, но все еще продолжает дискутировать над такими «актуальными» вопросами, как существует ли основное противоречие социализма, следует ли искать основное противоречие «социализма», «социализма (коммунизма)», «коммунизма (социализма)» или же «социализма-коммунизма», с чего начинать исследование законов социализма: с отношений реального социализма или с отношений еще не состоявшейся всей послекапиталистической истории, и т.п.

Дело уже дошло до того, что становится традицией, достойной лишь сожаления и вызывающей чувство горечи, боли и обиды за советскую науку, необходимость говорить на съездах партии о неблагополучии в области общественных наук: о схоластическом теоретизировании, о повторении **329//330** давно известного, о накоплении нерешенных проблем в политической экономии, о боязни осмысливания новых явлений общественной жизни (см. [[59.72–73](#); [60.78](#)]).

Чем объяснить все это? Да тем только, что различие между социализмом и второй фазой послекапиталистического развития принципиально глубже, чем различие стадий развития одного способа производства, одной общественно-экономической формации. Вскрыть же закономерности развития «общества вообще» невозможно, даже если исключить из него пройденный до социализма исторический путь. Невозможно по многим причинам, в том числе и потому, что по сравнению со всем будущим социально-экономическим развитием человечества, приобретающем в широком историческом плане прямо-таки чудовищное ускорение*, вся пройденная история представляет собой лишь первые робкие шаги. Успеха, как это практически, делом доказали классики марксизма, можно достичь только тогда, когда объектом исследования обществоведа становится исторически определенный, достигший определенной ступени зрелости общественно-экономический организм.

«Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и современной Англии, – тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу – историческая наука. Она имеет дело с историческим, т.е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена...» [[20.150–151](#)].

Но возникает вопрос: почему классики говорили не о двух общественно-экономических формациях послекапиталистической истории, а о двух фазах будущего коммунистического общества? Почему они не говорили о биформационности всей после капиталистической истории?

* «Особенностью развития общества является ускорение смены его качественных состояний во времени...» [[129.42](#)]; см. также [[226.26–27](#)] и особенно схему 3 на с. 35.

– И на этот вопрос **330//331** ответ намного проще, чем он кажется современным исследователям.

Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не были кабинетными учеными, оторванными от жизни, от насущных и актуальных задач общественного развития своего времени. Интересы общественного прогресса, совпадающие с интересами пролетариата – одного из двух основных классов буржуазного общества, – требовали прежде всего свержения господства буржуазии и установления диктатуры пролетариата, а в последние годы жизни В.И.Ленина – отчаянной борьбы за выживание только что родившегося и неокрепшего первого в мире социалистического государства, находившегося во враждебном окружении мирового капитализма. Было бы совершенно нелепо поэтому искать в работах классиков ответы на те вопросы, которые практически не стояли и *не могли стоять* в повестке тех дней. Им вдоволь хватало своих проблем – и они честно выполнили свой долг, сосредоточив все свои усилия на теоретическом решении задач, имевших практическое значение для своего времени.

В.И.Ленин, высказавший в 1917 году предположение о громадном различии социализма и коммунизма, которое выявится впоследствии, вместе с тем, говоря об этом различии, *специально* разъяснял, что «теперь, при капитализме признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты» [**36.98**].

Классики не говорили о биформационности подлинной истории человечества – общества, где не будет частной собственности на средства производства. Но из этого следует не тот вывод, будто вся будущая история окажется моноформационной (этого не утверждал ни один классик), а тот, что человечеству предстоит еще очень долгий путь дальнейшего исторического развития, уходящий от нас далеко за видимый горизонт, что «*все общественные порядки, сменяющие друг друга в истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей*», что «*каждая данная ступень развития общественных отношений оправдывается ею (диалектической философией, – В.А.) для своего времени и для своих условий, но не больше*», что «мы **331//332** находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начинается движение истории общества по нисходящей линии», и что диалектическая философия не может заниматься вопросами, еще не поставленными в порядок дня (см. [**24.275–276**], – курсив мой).

Классики марксизма, создатели диалектической методологии исследования исторического развития не могли, конечно, себе представить, что из тех прогнозов, которые они сделали относительно будущего общества, относительно видимых им в их время контуров исторических фаз предстоящего развития общества, из прогнозов, основанных не на анализе конкретного материала послекапиталистической реальности, а на выводах из фактов буржуазной действительности, будет выведено несовместимое с самим духом, с самой сутью диалектики умозаключение, будто вся послекапиталистическая история будет представлять один и только один несменяемый способ производства, одну и только одну вечную общественно-экономическую формацию, что-де наступит такой общественный порядок, такое качественно определенное состояние человеческого общества, которое будет оправдываться не для своего времени и не для своих условий, а на веки вечные, независимо от степени развития производительных сил и подъема их на все новые и новые высоты.

Классики нигде и никогда специально не разъясняли вопроса о том, будет ли предстоящая история представлять один, два или, скажем, семь или двенадцать способов производства, общественно-экономических формаций, поскольку ответ на него содержится в самом диалектико-материалистическом понимании истории. «История не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное "государство", – это вещи, которые могут существовать только в фантазии» [**24.275**]. Ф.Энгельс, подвергая взгляды Дюринга уничтожающей критике, писал о молодости всей прошедшей истории человечества, о том, «как смешно было бы приписывать нашим теперешним воззрениям какое-либо абсолютное значение», о том, что «будущие исторические периоды... обещают *небывалый* научный, технический **332//333** и *общественный прогресс*» и что было бы

чрезвычайно странным «делать наставления грядущим тысячелетиям, пользуясь окончательными истинами в последней инстанции, *неизменными* истинами и проникающими до корня волос концепциями, открытыми на основе духовно незрелого, *младенческого* состояния» человечества (см. [20.117–118], – курсив мой), каким оно было всего лишь за один век до сегодняшнего дня, когда только некоторая часть его вошла в развитой социализм.

Сторонники критикуемой концепции, рассматривающие представление прошлого века о двух фазах послекapиталистического развития как истину в последней инстанции, очертя голову бросаются приписать этим воззрениям абсолютное значение, не замечая того, в какое нелепое положение они попадают сами, входя в непримиримое противоречие с сущностью диалектико-материалистического, исторического мировоззрения классиков.

Но если, по Ленину, в 1917 году было бы еще смешно выдвигать на первый план те громадные различия, которые окажутся со временем между социализмом и коммунизмом, то еще менее уместной оказалась бы специальная разработка основоположниками марксизма вопроса о том, какая конкретно историческая фаза общественно-экономического развития последует за второй, считая от социалистической революции. Сторонники следования букве, а не духу учения науки об обществе, наоборот, из факта малой разработанности классиками конкретных вопросов теории послекapиталистической истории всерьез делают только тот вывод, что если классики о чем-то не говорили, то этого и не будет, а если ими было высказано какое-то предположение, значит, полагают они, волей авторитета классиков это предположение «должно» стать действительностью.

Величие классиков принизить невозможно. И заключается оно не в том, что они дали готовые ответы на все и вся, а в том, что создали бессмертное учение. Его бессмертие именно в том, что оно – не догма, а руководство к действию, *научный*, т.е. историко-диалектический, материалистический *метод* исследования сложнейших социально-экономических явлений общественной жизни. Они показали, *как* надо подходить к решению **333//334** злободневных вопросов; на конкретных примерах показали, *как* надо подходить, скажем, к тому же вопросу о закономерностях перехода от капитализма к социализму: может или не может он произойти в одной стране, может ли он осуществиться мирным или немирным путем. Их научная теория – практична, а практика – глубоко научна.

Меняющиеся условия требуют постоянного развития теории, и они действительно ведут к нему, но только в том случае, если не забывать, что она не свод готовых правил и рецептов; но эти же самые условия *неизбежно* приводят к *омертвлению* теории, если только не помнить о том, что марксистская теория не может стоять на месте. Она должна находиться в постоянном развитии, обогащении и уточнении своих понятий и положений, не теряя своей цельности и стройности (что возможно только при последовательном проведении принципов диалектики, историзма, партийности), развиваться так, чтобы неустанно *воспроизводить диалектику развивающейся исторической реальности в диалектике понятий* с тем, чтобы надежно, крепко и верно служить делу социального и экономического прогресса, **бесконечному** восхождению общества от низших ступеней к высшим.

А.Е.Мансилья полагает, что концепция социализма и коммунизма как самостоятельных способов производства означала бы «коренной пересмотр учения Маркса о закономерностях смены способа производства» [184.14].

Выдвигаемую концепцию, напротив, беспокоит другое. Ее тревожит то, что широко распространившиеся представления о социализме и коммунизме как стадиях последней (из всех существовавших, существующих и тех, которые будут существовать) общественно-экономической формации логически привела исследователей к той мысли, будто положение марксизма о том, что диалектика в позитивное понимание существующего включает в то же время понимание его необходимого отрицания, рассматривая каждую осуществленную форму в движении, а значит, и с ее преходящей стороны (см. [1.22]), будто это глубоко диалектическое положение марксизма устарело и неприменимо к социализму и тем более к коммунизму. Ее **334//335** беспокоит то, что под влиянием этих представлений исследовательская мысль свыклась и, что хуже всего, покорно

смирилась также и с тем, что тот в полном смысле слова небывалый научно-технический прогресс (завеса над которым нам только приоткрылась на самую-самую малость), обещающий невиданное и бурное развитие производительных сил в ближайшие 200 – 300 лет, не говоря уже об изменениях в производительных силах через тысячу, десять тысяч, сто тысяч, миллион лет, будто бы уже не будет требовать изменений и смены способов производства, не будет поднимать общественно-экономические отношения на все новые и новые вершины общественного прогресса, как этому учили классики.

Тревожит потому, что с ее точки зрения именно моноформационная (и к тому же вдобавок лучевая) концепция социализма-коммунизма стала камнем преткновения для решения большинства важнейших актуальных, но нерешенных проблем политической экономии социализма.

Так, А.И.Юдкин, совершенно правильно, с точки зрения выдвигаемой концепции, критикуя позицию отрицания основного противоречия социализма, реабилитируя категорию основного экономического противоречия применительно к условиям, где нет эксплуатации одного класса другим, в то же самое время... призывает связывать эту категорию не с социализмом, а с «социализмом (коммунизмом)» и критикует распространенную трактовку основного экономического противоречия как противоречия между непрерывно растущими потребностями и достигнутым в каждый данный момент уровнем развития производительных сил именно за то, что в этой формулировке «трудно обнаружить специфическую сущность коммунистического способа производства» (см. [190.95–97])!

Но это и не удивительно. Кто хочет на первой фазе истории человечества, отсчитываемой от Октября 1917 года, открыть «специфическую сущность» всей истории (за вычетом предыстории) человечества, которая будет все-таки длиться, если быть оптимистами – а я принадлежу к их числу – еще многие сотни тысяч, а может, даже, миллионы или миллиарды лет, тот просто не хочет представить себе хотя бы мизерной 335//336 доли тех колоссальных изменений, как количественных, так и качественных, которые произойдут под воздействием развивающихся производительных сил, в производственных отношениях не только в ближайшие десятки тысяч лет, но и в течение предстоящих тысячелетия-другого или даже пятисот лет.

Можно, конечно, призывать **других** ученых (я не знаю, смеха ради, что ли, хотя какое уж тут веселье!) к вскрытию противоречий и сущности безграничного коммунизма, понимаемого как вся подлинная история человечества, но надо иметь безграничную самонадеянность, необузданную самоуверенность, надо потерять всякое чувство меры, чтобы всерьез полагать, будто такая задача имеет решение, тем более браться за ее решение **самому**. Действительно, «нельзя найти того, чего нет» [107.69]. Только с точки зрения выдвигаемой концепции это значит, что нельзя найти основное противоречие не исторически определенной и реально данной фазы развития, а безграничного, не очерченного историческими рамками, вечного и еще не состоявшегося коммунизма.

Что касается вопроса о соответствии концепции социализма и коммунизма как самостоятельных способов производства учению Маркса о закономерностях смены способов производства, то эта концепция, вопреки беспокойствам А.Е.Мансильи и других ее противников, не опровергает, а только подтверждает и обогащает учение марксизма о закономерностях исторического развития человечества как процесса бесконечного восхождения от одной, низшей ступни к другой, высшей и которая, в свою очередь, под влиянием новых условий уступает место следующей, высшей уже по отношению к ней, но опять-таки преходящей ступени исторического развития. «...Экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все

На самом деле советские обществоведы проявляли верность марксизму только на словах. На деле в так называемом «марксизме-ленинизме» – официальной доктрине КПСС – марксизм был убит. Убит вместе с выхоленной диалектикой, убит вместе с требованиями исследовать социально-экономические закономерности реального социализма не из него самого, а из чьих-то фантастических интерпретаций представлений Маркса о будущих общественных отношениях.

экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, 336//337 определенного способа производства» [9.403].

Данная концепция обуславливает не коренной пересмотр учения Маркса, как думает А.Е.Мансилья и другие «ревнители» девственной чистоты и неприкосновенности марксизма, а предполагает дальнейшее развитие его применительно к новым условиям, где нет классов, где нет классового антагонизма, а значит, где не может быть и *революционных форм* смены способов производства.

Следующий довод, на котором покоится представление о моноформационности социализма и коммунизма (а также послекапиталистической истории вообще) – это утверждение о фактическом, а не формальном равенстве всех членов общества к средствам производства при социализме и коммунизме. Но это – не довод в поддержку моноформационности социализма и коммунизма, как не являлся бы аргументом в пользу признания моноформационности рабовладельчества, феодализма и капитализма тезис о фактическом неравенстве людей к средствам производства. Это – контр-довод против обоснования Я.А.Кронродом концепции социализма как самостоятельного способа производства ошибочным утверждением о будто бы имеющемся внутреннем противоречии социалистической общенародной собственности между равенством членов общества по владению средствами производства и их неравенством по использованию этих же средств производства (см. [159.291, 301; 160.99]). Естественно, что данное утверждение было подвергнуто справедливой и заслуженной критике (см. [211.94–104; 166.19–20]).

Однако, как известно, несостоятельность обоснования или доказательства какого-либо утверждения из-за ошибочности аргументов не означает еще ложности самого утверждения: оно-то может в этом случае оказаться и истинным. Например, теорема Пифагора не стала бы неверной, если бы кто-нибудь решил ее обосновать, например, тем, что три плюс четыре – это пять. Жаль, конечно, что Я.А.Кронрод, видимо, чувствуя интуитивно несовместимость лучевой моноформационной концепции социализма-коммунизма с принципами историзма и диалектики, не мог привести 337//338 убедительных доводов в защиту последних.

Формационность исторических фаз послекапиталистической истории – это чрезвычайно важный, принципиальный вопрос. Дело в том, что лучевая концепция моноформационности социализма-коммунизма уже дала свою закономерную, естественную отрывку: появляются явные признаки ее превращения в концепцию аформационности послекапиталистического развития общества, согласно которой отрицается уже даже само формационное строение коммунистического общества (см.[102.13; 93.4–5]), а сама категория общественно-экономической формации признается правомерной по отношению к коммунизму (ясное дело – лучевому) только во *внешнем* противопоставлении его капиталистическому обществу (см. [93.4–5]). Тем самым отрицается какое бы то ни было методологическое значение одного из крупнейших завоеваний марксизма (а именно категории общественно-экономической формации) для исследования внутреннего строения неантагонистических послекапиталистических фаз развития общества.

Появление этого «нового» направления в обществоведении не удивляет: формационность общественного развития есть историзм. Но историзм несовместим с идеей моноформационности всей послекапиталистической истории. Значит, отчего-то следует отказаться. Либо от концепции формационности истории, либо от концепции моноформационности социализма-коммунизма. И.Г.Гавриленко и В.А.Вазюлин, пытающиеся задвинуть на задний план рассмотрение жизни общества «под углом зрения общественно-экономических формаций» (см. [93.3–5]), предпочли отказаться от первого. Удивление, правда, вызывает другое: публикация подобных новаций в изданиях не только для специалистов, но и для массового читателя.

Категории общественно-экономической формации применяется выдвигаемой концепцией в качестве интегрирующей категории, позволяющей рассматривать *взаимосвязи* основных сторон, элементов реально данного социализма в их единстве, координации и субординации, как сложную систему. Концепция рассматривает социализм – первую фазу послекапиталистической истории человечества как формацию (читай: как весьма сложное 338//339 качественно определенное,

развивающееся и потому не вечное образование, функционирующий организм, систему, имеющую свой социальный состав, свое строение, свою структуру, элементами которой, в частности, являются производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, диапротобы-классоиды).

Это, однако, отнюдь не мешает тому, чтобы со временем, когда вторая, а затем и последующие исторические фазы общественного развития станут исторической реальностью, можно было рассмотреть то общее, что присуще определенной группе, ряду этих первичных исторических фаз общественного развития, т.е. рассматривать ту или иную группу, семейство исторических фаз также как качественную определенность, как самостоятельную общественно-экономическую формацию, имеющую свои особые, присущие именно ей, объективные законы развития.

Данный подход, несмотря на то, что кое-кому, возможно, он покажется странным и непривычным, вовсе не нов в марксизме. Дело в том, что применяя содержание категории общественно-экономической формации к разным по масштабу социально-экономическим образованиям, историческим периодам и протекающим в них процессам, мы концентрируем свое внимание прежде всего на том, что, во-первых, в рамках рассматриваемой формации взаимопределены и взаимообусловлены производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, и т.д., и т.п. Хорошо известно, что классики марксизма различали первичные, вторичные и т.д. формации (см. [7.419]). В зависимости от задач и целей исследования, а также наличия конкретного фактического (а не умозрительного) материала речь может идти о разных иерархических уровнях рассмотрения социально-экономических явлений.

И если концепция «одноразмерности» социализма и коммунизма до сих пор не позволила еще вскрыть основное противоречие всей коммунистической формации (разумеется, речь здесь идет об исторической, а не лучевой концепции), если выдвигаемая концепция решительно выступает против поиска именно в данный исторический отрезок времени закономерностей, присущих всей коммунистической (в широком смысле) формации, то это вовсе не значит, что тем самым исключается возможность существования такой вторичной, а может, и третичной или даже четвертичной формации в будущем. Напротив, выдвигаемая концепция вполне допускает появление и существование в будущем такого целого ряда первичных формаций, начиная с социализма, семейство которых 339//340 образует формации высшего порядка (надформации), общими закономерностями которых будут: а) бесклассовое, скорее классоидное, но непременно диапротобное социальное строение; б) неантагонистическая диалектика развития и в) нереволюционные формы смены первично-формационных качественно определенных состояний. Но именно потому, что нет еще фактического (материалистического) материала для исследования второй и последующих первичных фаз послекapиталистической истории, вследствие чего нет материала и для исследования и обобщения закономерностей, присущих вторичным и более высокого порядка фазам развития подлинной истории человечества, наука в состоянии дать этим предполагаемым формациям и надформациям только такую характеристику, которая вытекает из факта несуществования формаций разных порядков, основанных на классовом делении общества. А этого – совершенно недостаточно, чтобы выявить то общее, что присуще совокупностям разного уровня первичных формаций послекapиталистической истории с содержательной, сущностной стороны. Без этого любые рассуждения о «коренной одноразмерности» социализма и коммунизма не имеют никакого научного смысла.

Поэтому любые попытки рассмотрения и исследования закономерностей развития социализма, если они исходят из «общекоммунистических» принципов, выдвигаемая концепция рассматривает и расценивает как опасную уступку материалистическим позициям идеализму. Разумеется до тех пор, пока вторая фаза коммунистического общества не станет историческим фактом, пока не появится реальный (а не воображаемый, мыслимый) предмет для наблюдения, живого созерцания, изучения и осмысливания второй фазы как *объективной реальности*, а не как представлений людей хотя и о ближайшей, но все-таки об исторической *прогнозируемой перспективе* человечества.

Иначе мы здорово рискуем оказаться в роли того незадачливого «исследователя», который, имея перед собой всего лишь вылупившуюся из яйца гусеницу, с профессорским апломбом принялся бы доказывать, что в силу имеющихся представлений о «коренной одноразмерности» живых

организмов во всех фазах своего развития (детстве, зрелости, старости), **340//341** почерпнутых им из известных ему закономерностей развития организмов рыб, ящеров, птиц, млекопитающих, гусеница не может превратиться в негусеницу, в бабочку, у которой ни строение тела, ни поведение даже отдаленно не напоминает ее детское состояние. А ведь бабочка (фаза в развитии организма), являющаяся диалектическим снятием (в «нереволюционном» кукольном процессе) гусеницы, «низшей» фазы того же организма, действительно обладает с последней коренной однокачественностью, если понимать под ней идентичность генных шифров гусеницы и бабочки.

Анализируя доводы противников признания социализма и коммунизма самостоятельными общественно-экономическими формациями (хотя гусеница только ползает и совсем не летает, а бабочка не ползает, но зато летает), рассматривая аргументы в пользу антиисторической лучевой концепции коммунизма, в глаза бросается прежде всего недialeктическое противопоставление коммунизма социализму, метафизическое представление о послекапиталистическом обществе как о таком его качественно определенном социально-экономическом состоянии, которое хотя и развивается, но развивается так, что в процессе этого развития оно в силу действия неких «особых» принципов не способно приобретать черты другого предмета, не говоря уже о превращении в нечто другое, отличное от самого себя. Сторонники общепринятых взглядов полагают, что если мы признаем социализм и коммунизм самостоятельными качественно определенными образованиями (формациями и способами производства), то тем самым воздвигнем между ними нечто вроде китайской стены или устроим некую непроходимую пропасть.

При этом частенько прозрачно подразумевается, что превращение одной послекапиталистической формации (социализма или коммунизма в широком смысле) в другую будто бы должно означать абсолютный разрыв, без удержания положительных завоеваний и достижений предыдущей формации и способа производства метафизическое, а не диалектическое отрицание, появление чего-то мерзкого и отвратительного.

Но неужто надо снова доказывать то, что стало достоянием марксизма в прошлом веке? Неужто надо снова доказывать, что диалектическое отрицание – это закономерный результат любого диалектического развития, что оно представляет собой живую связь между старым **341//342** предметом, подвергшимся отрицанию, и новым предметом, появившимся в результате данного диалектического отрицания?

«В диалектике отрицать не значит просто сказать "нет" или объявить вещь несуществующей, или разрушить ее любым способом, – пишет Ф.Энгельс. – ...Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным... Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует... свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие» [[20.145–146](#)].

Напротив, сторонники моноформационности социализма, коммунизма и вместе с ними всей послекапиталистической истории испытывают в силу каких-то трудно объяснимых причин мучительную потребность доказать недоказуемое: будто социалистическое переустройство общества есть такое отрицание капитализма и даже всей предыстории человечества, которое уже более не подлежит диалектическому отрицанию (снятию).

Выдвигаемая концепция свободна от этой потребности. Она рассматривает коммунизм как отрицание социализма, т.е. как утрату обществом тех качеств, закономерностей, которые делали социализм социализмом. Она рассматривает коммунизм как диалектическое отрицание социализма, т.е. как естественное *продолжение* социализма, как тот же самый социализм, в котором разрешено и более не существует конституирующее социализм основное противоречие, социальный носитель ведущей стороны которого (коммунистический классоид-диапротоба), одолев «дурную» сторону социализма («глыбу неслыханной тяжести»), обособленное производство и продажу рабочей силы и связанный с ними непроизводительный труд), открыл новые, еще более широкие просторы для дальнейшего исторического творчества членов нового общества. **342//343**

7.2. Разрешение социально-экономических противоречий социализма

Мы всё еще проводим различие между трудом необходимым и производительным... При коммунизме весь необходимый труд будет сведен к производительному, и различие этих понятий потеряет свое объективное значение.

Н.А.Вознесенский [99.205]

Полвека прошло уже с тех пор, как были написаны строки, вынесенные в эпиграф параграфа. Но напрасно бы мы стали искать в учебниках, словарях и энциклопедиях по политической экономии и научному коммунизму эту ясную и простую мысль. Очевидно, и до сих пор большинству обществоведов не понятен еще глубочайший смысл, заключенный в этих словах пламенного коммуниста, выдающегося ученого, неутомимого трудяги, человека трагической судьбы. Представляется более чем вероятным, что Н.А.Вознесенский развил эту мысль в капитальном труде и, как он говорил, в своем кредо ученого и коммуниста (см. [146.330]) – в «Политической экономии коммунизма», которая, однако, навсегда и безвозвратно утрачена для нас. Да что там говорить: сам Н.А.Вознесенский ушел в мир иной на пятом десятке своей яркой жизни в результате физической расправы с ним. Что ж, ничего не поделаешь: что было, того не вернешь, не изменишь* ...

Именно Н.А.Вознесенский был одним из первых советских обществоведов, которые со всей определенностью выразили мысль о необходимости **343/344** создания политической экономии социализма (см. [98.59–63]). Особенно важно подчеркнуть, что одним из важнейших вопросов этой науки, требующих своей разработки в первую очередь, Н.А.Вознесенский называет проблему внутренних противоречий экономики социализма (см. [98.65]).

В главах 4 – 6 мы рассмотрели социально-экономические отношения социализма и нашли, что последний представляет собой внутренне противоречивую, качественно определенную социально-экономическую систему, способную к развитию и своему отрицанию. В предыдущем параграфе мы еще раз напомнили об одном из основополагающих в марксистско-ленинской науке положений – о возможности, а при определенных условиях и *неизбежности* диалектического отрицания *любого развивающегося* предмета, в том числе и социализма, и коммунизма. В этом параграфе мы рассмотрим, что будет представлять собой человеческое общество на второй фазе послекapиталистической истории с точки зрения разрешения социально-экономических противоречий, имманентных социализму. Точнее, мы рассмотрим, какие свойства и качества человеческое общество утратит, вступив в очередную, коммунистическую фазу своего развития, а какие – удержит, сохранит. Что же касается видимых концепцией контуров положительного содержания второй фазы послекapиталистической истории, качеств, которые общество приобретет в результате разрешения противоречий, конституирующих социалистическую форму общественных отношений, то этот вопрос будет рассмотрен в параграфе 7.3.

Итак, (см. предыдущий параграф), коммунизм как производственные отношения, как способ производства, как общественно-экономическая формация есть диалектическое отрицание (снятие)

* Мы можем, однако, быть удовлетворены тем, что XX съезд КПСС со всей прямотой осудил культ личности Сталина, после которого партия развернула многоплановую борьбу против его последствий.

Но уроков сравнительно недавнего прошлого забывать нельзя. Они еще раз подтвердили и доказали весь вред монополизации отдельными учеными и научными школами права выбора направлений и путей научного поиска и в науке вообще, и в общественных науках в частности. Их нетерпимость к конкурирующим теориям и к своим соперникам, как правило, вызывается слабостью, беззубостью и ошибочностью защищаемых ими взглядов и воззрений, бессилием и неспособностью бороться против альтернативных концепций оружием науки, оружием фактов и логики.

Сторонники подобных методов «развития» науки должны знать, что какие бы временные победы над своими соперниками они не одерживали, применяя ненаучные, силовые приемы борьбы, эти победы будут отмечены в истории науки памятниками позора наподобие сессии ВАСХНИЛ 1948 года, который воздвиг себе Т.Д.Лысенко (см. [204]).

социализма. Социалистическое общество утрачивает те качества, которые делали его социалистическим, превращаясь тем самым в общество коммунистическое, в результате своего успешного спонтанного саморазвития, источником и движущими силами которого является борьба противоположностей, его образующих – основных классов социализма.

Напомним вкратце, в каких социально-экономических противоречиях 344//345 протекает функционирование и развитие социалистического общества, социалистических производственных отношений.

Отношения собственности при социализме образованы поляризованной системой обобществленной и обособленной собственности. Все средства производства являются общенародной собственностью; жизненные средства, произведенные на этих средствах производства, отчасти (в настоящее время – пока еще большей частью) поступают в потребление членам общества после их отчуждения в обособленную (личную, семейную), отношения которой, в противоположность отношениям общенародной собственности, не цементируют, а разрыхляют общество.

Рабочая сила членов общества вследствие этого располагается по разные стороны от границы между объектами обобществленной и обособленной собственности, она раздвоена и в процессе своего производства (производства второго вида π , т.е. потреблением членами общества жизненных средств), и в процессе своего функционирования, когда она соединена в процессе труда со средствами производства.

Труд из-за этого также оказывается внутренне (в рамках социалистических производственных отношений) противоречивым: с одной стороны – это добровольный и добросовестный труд непосредственно на общество, являющегося собственником всех средств производства и членом которого является каждый носитель рабочей силы, а с другой – труд с целью личного заработка, труд под экономическим принуждением, труд, протекающий при строгом учете и под бдительным контролем со стороны общества за мерой труда и мерой потребления (труд коммунистический и труд наемный).

Из-за того, что труд не носит всецело непосредственно общественного характера, из-за того, что он в значительной мере является наемным, затраты рабочей силы при социализме делятся на *производительные-1*, т.е. направленные на производство разнообразнейших продуктов труда, и на *непроизводительные-1*, которые направлены на обеспечение товарного обмена рабочей силы и жизненными средствами между отдельными членами общества и самим обществом.

Все отмеченные выше противоположности суть противоположности 345//346 производственных, а значит, и **общественных** отношений; они имеют своих социальных носителей – диалектических противоположностей социалистического общества, которые и были обнаружены благодаря проведенному исследованию социализма как исторически определенному исследованию социализма как исторически определенной и ограниченной формации, способа производства, производственных отношений.

История, в том числе и социалистическая, есть не что иное, как история преследующих свои так или иначе понимаемые цели людей, в данном случае – членов социалистического общества, социальная деятельность которых бесконечно разнообразна. Но это бесконечное разнообразие действий людей нам перестает казаться таковым, как только нам удастся индивидуальное свести к социальному. Сведя индивидуальное к социальному, мы явственно обнаруживаем, что все практические действия творящих свою историю членов социалистического общества упорядочиваются и в итоге выливаются в столкновение, взаимодействие, борьбу двух противоположных сил, образующих сущностную качественную определенность именно социалистического общества – основных классов социализма. Взаимодействие, борьба противоположностей протекает прежде всего в экономическом базисе социализма, в его производственных отношениях. Добавим здесь же, что производственные отношения социализма определяют и социалистическую надстройку, важнейшим специфическим отличительным

омертвлении значительных количеств предметов потребления, особенно длительного пользования (на что, в частности, обратил внимание читатель «Комсомолки» Ю.Скляр, – см. [стр. 290](#)). Вообще вся область отношений обособленной личной и семейной собственности, разрыхляющих общество, перестает существовать. Это и понятно: с исчезновением потоков 5 и 4 прекращает существование весь контур, ими образованный.

С превращением непосредственного соединения рабочей силы со средствами производства (поток 3) в единственный поток поступления рабочей силы в процесс производства первого вида П исчезает, естественно, и сфера учета и контроля со стороны общества за мерой труда и мерой потребления своих членов. Вместе с ней исчезает и обрывающийся в конечном счете поток 6, идущий на воспроизводство рабочей силы, непроизводительно потребляемой в сфере товарного обращения рабочей силы и жизненных средств.

Область единых отношений обобществленной общенародной собственности становится всеохватывающей, в пределах которой всецело разворачиваются обе части двуединого воспроизводственного процесса (первого и второго видов) с [347//348](#) потоками: средств производства (поток 1), жизненных средств (поток 2) и рабочей силы (поток 3). Роль личнособственнического материального интереса как стимула к труду членов общества при этом сходит на нет благодаря тому, что его место всецело занимает (частично действующий уже при социализме) непосредственно общественный материальный интерес членов общества как равных совладельцев вещественных факторов производства и всех его продуктов, стимул неизмеримо более сильный и более действенный по отношению к коммунистическому классоиду, чем личнособственнический – по отношению к его социальной противоположности – наемному классоиду.

Далее. Что станет с социальным строением общества в результате разрешения социально-экономических противоречий социализма? Этот вопрос, видимо, не требует особых разъяснений. Ведь преодоление отношений личнособственнического присвоения жизненных средств, а следовательно, и воспроизводящейся при их посредстве рабочей силы, означает тем самым и устранение классоида наемного труда. Диапротобная борьба, движущая социалистическое общество к коммунистической фазе общественных отношений, завершается полным «поглощением» классоида наемного труда коммунистическим классоидом, который охватывает при коммунизме уже не часть общества, а все общество*, завершается превращением классоида наемного труда в свою противоположность.

Перейдем к следующему вопросу. К вопросу о «судьбе» основного экономического закона социализма (см. параграф 6.1) в связи с переходом общества в собственно коммунистическую фазу исторического развития, когда противоречия, характеризующие и конституирующие социалистические производственные отношения, уже более не существуют. Думаю, и на этот вопрос читателю не составит большого труда ответить самостоятельно: [348//349](#) этот закон прекращает свое существование.

В самом деле: о каком оптимуме доли производительного труда в общем балансе затрат общественно полезного труда может идти речь, если общество сумело подняться на такую высоту своего развития, что оказалось способным вообще ликвидировать не производящую полезных продуктов (потребительных стоимостей) сферу учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, а стало быть, ликвидировать и сами затраты непроизводительного труда? После успешного завершения диапротобной борьбы коммунистического классоида против глыбы неслыханной тяжести, глыбы наемнического отношения к труду, деление труда на производительный и непроизводительный теряет какой-либо политэкономический смысл.

* Мы не касаемся здесь вопроса о диапротобах коммунизма – социальных носителях экономических противоречий, конституирующих сущность коммунистической фазы развития общества. Мы абстрагируемся также и от того, что на первых порах существования коммунистического общества в его составе могут сохраниться остатки наемнического отношения к труду со стороны некоторых членов общества, и что наемный классоид в качестве неосновного, возможно, войдет и в коммунизм.

Производительный труд перестает быть *долей* общественно полезного труда. И производительный, и общественно полезный труд становятся разными выражениями одного и того же коммунистического труда в коммунистическом обществе и превращаются тем самым в синонимы, в одинаковые по объему и содержанию понятия. Тем самым с достижением в производственных отношениях предельного значения оптимальной доли производительного труда, равного единице, основной экономической закон социализма вырождается в простое положение о том, что все затраты труда являются производительными и направлены в конечном счете на всестороннее развитие членов коммунистического общества. Впрочем, можно считать, что этот закон оптимального соотношения производительного и непроизводительного труда в таком вырожденном состоянии продолжает действовать и на второй фазе послекapиталистической истории*. Социализм, таким образом, 349//350 оказывается последним способом производства, основанным на таком общественном разделении труда, при котором труд людей направляется не только на создание (производство) потребительных стоимостей, но и в сферу товарного обращения продуктов производства, в том числе и продукта производства второго вида – рабочей силы.

Рассмотрим вкратце еще один важный вопрос: о переходе от социалистического принципа распределения «по труду» к коммунистическому принципу «по потребности». Ясно, что второй является отрицанием первого. И вместе с тем коммунистический принцип является не чем иным, как *диалектическим* снятием социалистического принципа, при котором сохраняются все положительные моменты, стороны отрицаемого принципа распределения. Во-первых, в масштабе всего общества все равно потреблено может быть только то, что произведено трудом. И чем лучше каждый член коммунистического общества поработает, тем богаче будет общество и тем больше сможет каждый и потребить. Во-вторых, «по потребности» - это и по затрате рабочей силы тоже. Предполагать, будто у всех членов коммунистического общества труд будет нивелирован по затратам нервной, эмоциональной и мускульной энергии, а также в смысле равенства условий труда – по меньшей мере просто несерьезно. Конечно, нет никаких оснований спорить с тем, что часть членов будущего общества предпочтет такой способ существования, при котором их труд будет протекать «в хороших условиях – в светлых, чистых помещениях», с непродолжительным рабочим днем (см. [183.124]) и т.п.

Но будут и новые Комсомольски-на-Амуре и Братски, и новые Днепрогэсы и БАМы, и новые Самоглы и Уренгой. И будут другие Майи Плисецкие, другие Юрии Гагарины, другие Светланы Савицкие, которые, я думаю, с иронически-снисходительной улыбкой будут читать еще и сегодня встречающиеся наивные басенки о том, будто человек может по-настоящему самоутвердиться без адского (но добровольного!) труда (ведь *заставлять* человека *творить* – затея бессмысленная), адского и по своей продолжительности, и по своей интенсивности. «Действительно свободный труд, – писал К.Маркс, – например, труд композитора, вместе с тем представляет 350//351 собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» [15a.110]. И кто скажет, что в коммунистическом обществе не станет людей, готовых творить и трудиться и в таких экстремальных условиях (факторы космического полета, океанских глубин, высоких широт, да хотя бы тех же стихийных бедствий, вроде обрушившихся на Сахалин летом 1981 года), каких, быть может, прежде человек и не испытывал?! Но если это так, то не ясно ли, что потребности членов общества в средствах, восстанавливающих и развивающих работоспособность (рабочую силу) будут зависеть и от затрат их рабочей силы в том числе?

Складывается впечатление, что писатели-фантасты сумели гораздо глубже проникнуть в тайны общественных

* Важно, однако, понять, что в таком иррациональном выражении этот закон уже неспособен описывать движение социально-экономических отношений человеческого общества, поднявшегося над социалистической фазой своего развития. Суть дальнейшего движения коммунистического общества, являющегося диалектическим отрицанием общества социалистического, вплоть до своего превращения в нечто другое, в некоммунизм, должна быть схвачена другим законом, который может быть вскрыт только на основании анализа действительных (реально существующих, объективно данных) и достаточно развитых отношений будущей коммунистической фазы развития общества. До тех пор могут быть выдвинуты лишь те или иные предположения, основанные на тех тенденциях, которые обнаруживаются сегодня. Ясно только одно: основной экономической закон коммунистической фазы будет связан и с ее диапротодами, и с ее основным экономическим противоречием.

отношений будущего общества. Вот что говорит Веда Конг (из «Туманности Андромеды» Ефремова) в лекции по истории Земли для жителей планеты звезды Росс 614:

«Общественное развитие все ускорялось, и каждая новая эпоха проходила быстрее предыдущей. Власть человека над природой стала расти гигантскими шагами.

В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд – два-три часа на общее благо – человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанию.

Эти представления возникли из отвращения к тяжелому и вынужденному труду древности.

Скоро люди поняли, что труд – счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики. Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся, – вот что нужно человеку» [124.45].

Когда один из героев Дар Ветер захотел получить трудную и продолжительную работу, связанную с физическим трудом, например, на антарктических рудниках, он получил следующий ответ: «Там все занято, – в тоне говорившего сквозило огорчение, – занято и на месторождениях Венеры, Марса, даже Меркурия. Вы знаете, что туда, где труднее, охотнее стремится молодежь» (см. [124.161]).

Из беседы Мвена Маса с Эвдой Наль мы узнаем, что «все равно большинство людей – настоящих работников – живут только половину возможных лет из-за сильнейших нервных напряжений. Насколько я понимаю, с этим медицина бороться не может – только запрещать работу. Но кто же оставит работу ради лишних лет жизни?

– Никто, потому что смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в бесплодном и тоскливом ожидании непрожитых радостей...» [124.220]

Как видим, выдвигаемая концепция, рассматривая социализм и коммунизм самостоятельными качественно определенными социально-экономическими организмами, общественно-экономическими формациями, рассматривая 351//352 коммунистическую фазу общественного развития как диалектическое отрицание социалистической фазы, вовсе не игнорирует то общее, что присуще этим фазам, и ничуть не переоценивает специфику социализма (см. стр. 320). Напротив, именно такой подход позволяет показать, что коммунизм зреет в недрах социализма, что коммунизм является естественным, закономерным и исторически неизбежным результатом всего развития социализма, результатом, к которому ведет идущая в нем классовая борьба – борьба противонаправленных социальных сил социалистического общества.

«Одно время известное распространение получили облегченные, нереалистические представления о масштабах и сроках решения задач коммунистического строительства, выразившиеся в недооценке сложности ряда проблем, в попытках преждевременного отказа от использования тех или иных переходных экономических форм, в преждевременном применении коммунистических понятий и категорий» [187.43]. Этот нереалистический «романтизм», как следует из предлагаемой концепции, проистекает именно из-за того, что теория пока еще не свела бесконечно разнообразную социальную деятельность членов социалистического общества к борьбе двух противоположных друг другу основных социальных сил социализма, а поэтому и не смогла вскрыть сущность социально-экономического развития социализма, его потенциала, его движения к коммунизму. А не смогла его вскрыть по той весьма простой причине, что очень уж сильное желание испытывают многие политэкономы и философы изображать социализм не как целостную, качественно определенную, самостоятельную социально-экономическую систему, а как запачканную некоторыми, чуждыми природе «социализма-коммунизма» родимыми пятнами прошлого вечную, неспособную к диалектическим превращениям всю послекапиталистическую подлинную историю человечества. В.А.Медведев полагает, что представления о социализме как о самостоятельном способе производства и самостоятельной общественно-экономической формации вообще снимает с повестки дня или отодвигает на неопределенное будущее проблему перерастания социализма в коммунизм (см. [187.43–44]). Разумеется, такое мнение справедливо к тем рассматриваемым 352//353 социализм как качественно определенный способ производства, формацию концепциям, которые не поднялись еще до вскрытия его диапротобной сущности.

Что же касается выдвинутой концепции, то она, как нетрудно убедиться в этом, как раз-то и

актуализирует проблему движения социализма к коммунизму, поскольку обнажает источники и движущие силы этого движения, четко дифференцирует и различает явления и тенденции общественной жизни по диапротобному признаку, по диапротобным интересам членов социалистического общества. Предлагаемая концепция в дне сегодняшнем видит ту реальную социальную силу, которая, быть может, еще не столь сильна, как хотелось бы, но которой суждено расти и крепнуть, по-настоящему самоосознать всю свою мощь, и которая своей самоотверженной борьбой, не считающейся с предрассудками прошлого, превращая с саму себя все социалистическое общество, приведет его в коммунистическое завтра.

7.3. К вопросу о положительном содержании коммунистической фазы развития общества

В дополнение к приведенной в предыдущем параграфе характеристике коммунизма, которая была получена как естественно, само собой вытекающее из разрешения социально-экономических противоречий социализма и из уничтожения социалистических социальных противоположностей следствие, попытаемся охарактеризовать коммунизм со стороны его положительного содержания, то есть как качественную определенность новой и развивающейся исторической фазы. Поясним сказанное.

Выявить качественную определенность коммунизма как развивающейся исторической фазы – это значит показать его противоречивую сущность, показать коммунизм не мертвым, застывшим состоянием, а живым, активно функционирующим, внутренне противоречивым, изменяющимся, развивающимся социально-экономическим организмом, способным двигаться в направлении своего диалектического отрицания, к сбрасыванию с себя своих «дурных сторон», к превращению в нечто другое, в высшую по отношению к нему и **353/354** новую по сравнению с ним историческую фазу. Дать будущему коммунизму такую характеристику – это значит приоткрыть завесу над очередной, *третьей фазой* послекапиталистической истории человеческого общества.

Вполне понятно и очевидно, что сегодня, когда реально даны только социалистические общественные отношения (и когда социалистическое сообщество вынуждено помимо решения своих внутренних проблем принимать активное участие в борьбе против страшного в своей агонии мирового капитализма на его империалистической, бесчеловечно жестокой стадии развития), конкретное содержание внутренне противоречивой сущности коммунистической фазы развития не может быть вскрыто достоверно, поскольку это требует анализа, обобщения и творческого осмысления совокупности фактов объективно еще не существующего объекта исследования – собственно коммунистических общественных отношений. Такое научное исследование второй фазы подлинной истории человеческого общества может быть проведено в лучшем случае только теми, кому сегодня, как говорится, от горшка два вершка, или их детьми, а то и внуками: ведь надо учитывать, что общественные отношения этой фазы должны достичь определенной степени зрелости, чтобы стало возможным создание зрелой социально-экономической теории коммунизма (в узком смысле).

Здесь сквозь мой текст проглядывают следы официальной советской пропаганды. Ее кусочек (не имеющий признаков несовместимости с концепцией диапротобности социализма) по уже объясненным причинам был намеренно вставлен в мою рукопись. Вместе с тем конфронтация ядерных сверхдержав СССР и США в начале 1980-х действительно достигла очень высокого градуса, и она безусловно требовала разрядки.

И эта разрядка произошла, правда, совсем другим путем. Потому что вскоре, через несколько лет свое банкротство обнаружил не мировой капитал, а социализм в СССР и у его западных соседей.

При этом что интересно и очень важно. Народный Китай и его компартия, начавшие свою перестройку на несколько лет раньше Советского Союза, успели и сумели лечь на нетупиковый курс экономического развития, взяв на вооружение ту самую «синичку» товарной стоимости, которую советские идеологи всячески поносили.

Советскому же Союзу под водительством своего «вдохновителя и организатора» пришлось рухнуть в капитализм, чтобы задействовать ту же «синичку» вместо так и не пойманного «журавля».

И тем не менее, хотя еще не представляется возможным дать научную теорию зрелого коммунизма как его отражения, мы можем в отношении положительного содержания коммунизма – диалектического отрицания социализма – сделать прогноз, который, однако, должен быть «научным предвидением, а не религиозным пророчеством или слепым гаданием» [130.85]. Кое-какие основания для такого прогноза концепция диапротобности социализма нам дает. Но прежде, чем мы приступим к столь рискованному делу (ошибиться, заглядывая в довольно отдаленное будущее, – пара пустяков), объясним, что за нужда делать такой прогноз: ведь говорить сейчас о противоречиях коммунистической фазы общественного развития, а тем более об их разрешении, как будто, еще рано, и может показаться, что приступать к разработке этой проблемы сегодня просто **354//355** преждевременно.

Данный вопрос, конечно же, актуален не потому, что нам надо показать будущим поколениям, какие конкретно социально-экономические проблемы им придется решать на практике. Им противоречия собственного развития своего собственного времени будут видны гораздо лучше, чем нам сегодня (мы их просто не можем еще видеть!), и они, будучи самими участниками этих общественных отношений, без нашей помощи будут в состоянии самостоятельно и осмыслить их теоретически, и найти соответствующие пути и средства их разрешения на практике.

Дело совсем в другом. Дело в том, что сегодня в общественных науках имеют хождение «истины» (причем на уровне тех, к которым относятся не как к курьезам, а как к крупным достижениям обществоведения) о том, будто коммунизм – это последняя, заключительно-завершающая фаза человеческой истории, не способная в силу действия каких-то «особых» законов диалектики развиться в свое отрицание, в высшую по отношению к ней фазу, что в социально-экономической сущности социализма нет расходящихся тенденций, что социализм и коммунизм не имеют самостоятельных законов развития, а подчинены лишь одним и тем же (но по-разному окрашенным) единым законам общекмунистической формации, общекмунистического способа производства, общекмунистических производственных отношений и т.п. Эти «истины» находятся в вопиющем противоречии со всей сутью диалектического мировоззрения, но они в значительной мере «обязаны» и тому, что теория пока не видит противоречий, которые могли бы охарактеризовать собственно коммунистическую историческую фазу социально-экономического развития общества. Что эти противоречия будущего теория пока еще не видит – вполне закономерно: нет самого объекта, нет того материала, на основании которого их можно было бы достоверно обнаружить. И не было бы никакой беды в том, что нам ничего не известно о противоречиях, конституирующих качество коммунистической фазы, если бы это неведение не мешало научному анализу общественных отношений современности.

Так, И.И.Кузьминов, возражая не только против предложенного **355//356** Я.А.Кронродом решения вопроса о конституирующей социалистическую фазу исторического развития противоречии (равенства членов общества как владельцев средств производства и их неравенства по использованию этих же средств производства), но и против самой постановки вопроса о противоречиях исторических фаз послекапиталистической истории, писал: «автор не смог выдвинуть никакого специфического движущего социально-экономического противоречия для второй фазы коммунизма и вынужден был ограничиться на вечное противоречие между старым и новым, отжившим и нарождающимся. В этом свете и противоречие, сконструированное им для социализма, выглядит еще более искусственным и надуманным» [164.142].

Как видим, выдвигаемой концепции приходится считаться и с тем существующим в ученых кругах высокопросвещенным мнением, будто в качестве методологической основы исследования сущности современных общественных отношений нельзя брать диалектику, которая «есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*» [41.227], а надо сперва доказать противоречивую сущность *продукта* развития социалистической фазы, и уж только потом, когда будет вскрыто и научно доказано наличие, или еще лучше, само содержание противоречий, лежащих в сущности коммунистической фазы, можно получить благословение на исследование социализма как качественной определенности. Хорошо еще, что никто из обществоведов пока не предпринял попытки наложить табу на исследование диалектики социальной формы движения

материи под тем предлогом, что-де надо было бы сначала познать следующую, транссоциальную форму движения материи, а уж потом только переходить к изучению общественных отношений!

В своей работе я, конечно, уже не в состоянии соблюсти такую вывернутую последовательность исследования, поскольку оно ведется не от будущего к настоящему, а от прошлого к настоящему, и от него к будущему, и поэтому разговор о противоречиях коммунистической фазы будет не предшествовать исследованию противоречий социализма, а следовать **356//357** за ним. Но, полагаю, и при этих условиях он будет небесполезен в борьбе с теми взглядами на будущее развитие общества, которое, по сути дела, ведут в конечном счете к пересмотру диалектико-материалистического мировоззрения.

На основании каких же данных мы можем сейчас судить о противоречивой сущности коммунистической фазы развития общества? как вообще можно рассуждать о тех конкретных противоположностях и противоречиях, которые оживят эту фазу и предоставят ей возможность развиваться в сторону своего отрицания, превращения ее в нечто другое? Возможно ли это?

Возможно, и вполне. И сделаем это с позиций выдвинутой концепции диапротобности социализма, которая показывает, что диапротобно-классоидное социалистическое общество эволюционирует к такому состоянию, когда один из его классоидов (коммунистически) разрастается до размеров всего общества. Но означает ли это, что тем самым общество утрачивает свое диапротобное строение, что оно приобретает такую социально-экономическую аморфность, что ни о каких социально-экономических противоречиях, ни о какой диапротобной борьбе в будущем обществе не может быть и речи?

Нет, не означает!

Общество действительно перестает разделяться на противоположные друг другу классоиды, но это говорит только о том, что оно утрачивает социалистическую качественную определенность. Для того же, чтобы увидеть те противоположности и противоречия, которые будут определять существо коммунистических общественных отношений, надо внимательно присмотреться к коммунистической диапротобе социализма: идеально ли однороден этот классоид, за которым будущее, или же в нем самом уже сейчас можно заметить различия, которые на второй фазе послекапиталистической истории обещают развиваться в социальные противоположности, борьба которых и станет движущей силой дальнейшего движения общества к новой **357//358** высшей фазе?*

Диалектика социализма – это диалектика наемного и коммунистического труда, диалектика труда членов общества под *экономическим принуждением* со стороны всего общества и *добровольного* по своим способностям независимо от факторов личнособственнического стимулирования. Превращение социализма в коммунизм – это финал борьбы коммунистической диапротобы социализма против своего антипода – классоида наемного труда. Коммунизм наступает тогда, когда прекращает свое существование наемный труд, когда отпадает какая-либо необходимость принуждать членов общества к труду, потому что каждый член общества *приобретает способность* трудиться и действительно трудится *по своим способностям* добровольно. Как предвидел В.И. Ленин, труд при коммунизме «есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по

* Приведенное выше рассуждение напоминает ход изложения существа выдвинутой концепции диапротобности социализма, который схематично можно представить так: 1) социализм – это превращенный (диалектически снятый) капитализм; 2) основные классы капиталистического общества – буржуазия и пролетариат; 3) в результате уничтожения отношений частной-2 собственности на средства производства устраняется буржуазия, а значит, уничтожается и деление общества на диапротобы капитализма; 4) социалистическое общество – одноклассовое (бесклассовое) общество; 5) тем не менее предполагается, что от утраты буржуазно-пролетарской противоречивости общество не утрачивает своей диалектической структуры; 6) в результате анализа производственных отношений социалистической фазы развития общества вскрываются социальные носители экономических противоречий социализма.

привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма» [49.315]; члены коммунистического общества «добровольно будут трудиться *по способностям*» [36.96].

Не нужно особой зоркости, чтобы увидеть, что уже в наше время, т.е. при социализме труд, противостоящий наемному, труду с целью 358//359 личного заработка, далеко не однороден. В нем различаются: а) труд, ориентированный на *конечный результат*, на те полезные продукты труда, которые получает *все общество* в процессе функционирования индивидуальной рабочей силы, соединяющейся с общенародными средствами производства и б) труд, ориентированный на сам *процесс труда*, труд как жизненная потребность самовыражения не просто носителя рабочей силы, а человека-творца. Говоря иначе, в добровольном непринудительном коммунистическом труде в полную силу своих способностей на пользу всего общества можно различить труд по осознанной необходимости и труд как первую жизненную потребность.

Человек может и не испытывать удовлетворения от процесса труда как такового, он в условиях обобществленной собственности на средства производства всегда, при *любом* уровне развития общественных производительных сил *может* (хотя эта возможность при социализме по ряду причин далеко не всегда превращается в действительность) действовать как подлинный коллективист, как настоящий коммунист (в диалектно-классовом смысле), по-корчагински. «Мы должны всякий труд, – говорил В.И. Ленин, – как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я – часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок» [38.317–318]. Не стоит и ломаного гроша «коммунистическая» сознательность того члена общества, коллективно владеющего средствами производства, который оказывается способным трудиться добровольно по своим способностям без какого-либо принуждения со стороны общества лишь при условии, что сам процесс труда доставляет ему наслаждение и радость, т.е. при условии превращения труда в жгучую жизненную потребность (равно как и гро цена ей, если он способен трудиться по способностям только в ответ на соответствующее взаимообусловленное встречное денежное или иное шибко материальное вознаграждение, поступающее в его личную собственность).

Превращение труда в осознанную необходимость – само по себе уже 359//360 колоссальное социально-экономическое завоевание не только для общества в целом, но и для каждого человека, осознавшего необходимость труда по способностям на благо своего общества. Благодаря этому превращению труд уже становится самостоятельной ценностью в глазах носителя функционирующей рабочей силы, наполняется новым содержанием.

С другой стороны, верно и другое. «Человек... не появляется на свет с врожденной способностью наслаждаться трудом, не рождается с потребностью в таком наслаждении, потребностью в трудовой деятельности. Эти качества развиваются в людях в процессе жизни... Ведь пока человек не начнет трудиться, он не познает радости труда, не разовьет в себе способность наслаждаться трудовой деятельностью, а, пока человек не научится наслаждаться трудом, последний не может стать жизненной потребностью» [163.169–170]. Работая от сих и до сих, в ориентации лишь на заработную плату, не видя смысла в тех результатах, которые труд приносит всему обществу, лишь в редких, единичных случаях человек может (если это возможно вообще) познать настоящую радость труда. Наоборот, правилом является другое: лишь по-настоящему (а не абы как) втянувшись в какую-либо целесообразную деятельность, видя осуществленные результаты труда в полезных людям продуктах труда, производительный труд может стать жизненной потребностью человека.

Между прочим, из этого следует, что в коммунистическом преобразовании общественных отношений, в строительстве коммунизма надо не ждать-пожидать, когда появится такая техника, которая потребует отношения к труду как к первой жизненной потребности (с иным отношением к труду она просто не сможет быть приведена в действие – это, безусловно, уже сегодня известно многим по собственному опыту, например, летчикам-испытателям), а развивать коллективистское,

коммунистическое отношение каждого члена общества к своей рабочей силе, преодолевая личнособственническое отношение к ней. Уже сегодня производительные силы достигли такого уровня развития, что имеются десятки миллионов рабочих мест, на которых и надо было бы трудиться творчески, с изюминкой, нешаблонно, с головой, с огоньком, с полной самоотдачей, **360//361** по жизненной потребности, но на которых трудятся бездумно, вяло, трафаретно, по-старинке, лишь бы не «придирался» мастер, начальник, инспектор горono, контролер ОТК и т.д., не говоря уже о том, что вообще не существует рабочих мест, где отношение к труду по максимуму способностей как общественному долгу могло бы повредить делу.

Но если труд по способности как осознанной необходимости является условием превращения труда в жизненную потребность, то откуда возьмется всеобщность труда как первой жизненной потребности, если не будет всеобщности добровольного труда как осознанной необходимости? «Труд» и «трудно» – слова одного корня, и чтобы трудное стало потребностью (а ведь надбно еще учесть, что с развитием производительных сил освоение любой специальности, любой профессии требует все бóльших и бóльших знаний и навыков, в силу чего оно становится все труднее и труднее), должен быть преодолен определенный порог, барьер, до которого труд не есть еще жизненная потребность, а за которым – он уже становится таковым. В принципе такой барьер преодолевает каждый, а в наше время с бурным развитием техники и технологии – и не один раз (возможно, за редчайшим исключением тех, кто рождается с какими-нибудь особыми врожденными талантами, но таких – единицы), кому стала доступной радость творческого труда; проблема преодоления этого барьера неизбежно встанет в масштабе всего общества, вышедшего из недр социализма, когда будет достигнута всеобщность добровольного труда на полную катушку способностей членов молодого коммунистического общества.

Из сказанного здесь, а также в главе 6 и параграфе 7.2 следует, что предлагаемая концепция не разделяет того мнения, будто «общество сможет обойтись без распределения по труду, без товарного производства и обращения, без государственного "контроля" над мерой труда и мерой потребления *только* тогда, когда труд станет первой жизненной потребностью для всех членов общества и, следовательно, когда отпадет объективная необходимость в материальных стимулах производства посредством осуществления принципа эквивалентности» [104.248],– курсив мой. **361//362** Становление коммунистического труда как осознанной необходимости и как первой жизненной потребности – это не тождественные процессы, и моменты их завершения не совпадают во времени. Вместе с тем уже одно только превращение труда в добровольный труд в полную меру своих способностей на благо всего общества знаменует собой вступление общества во вторую фазу послекапиталистической истории.

Поэтому вполне можно предположить, что после того, как коммунистический классоид завершит свою борьбу против классоида наемного труда, когда он будет представлять собой уже все общество, перед этим новым, уже коммунистическим обществом на первый план выдвинется новая крупная социально-экономическая проблема, о масштабах которой не подозревают прежде всего те, кто сегодня полагает, будто вступление общества в коммунистическую фазу невозможно без превращения труда в первую жизненную потребность, будто задача превращения труда в первую жизненную потребность – это историческая задача социализма, а не коммунизма. В чем же состоит эта социально-экономическая проблема? Каково ее существо? И к каким результатам приведет ее разрешение?

Здесь мы вынуждены сделать еще одно отступление. Мы должны вспомнить, в каком отношении находится представление о равенстве с социально-экономическим прогрессом согласно диалектическому учению марксизма. Ф.Энгельсом в «Анти-Дюринге» (отдел I, глава X) показано, что понятие равенства не имеет ничего общего с так называемыми естественными, неизменными, вечными истинами, что не существует и не может существовать абсолютного понятия равенства. Представление о равенстве – представление историческое и развивающееся. Оно развивалось и изменялось вместе с развитием общества, причем в классовом обществе в него вкладывался тот или иной классовый (диапротобный) смысл. Говоря о пролетарском представлении равенства, Ф.Энгельс писал: «Требование равенства в устах пролетариата имеет... двойное значение. Либо оно

является... стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и крепостными, обжорами и **362//363** голодающими; в этой своей форме оно является просто выражением революционного инстинкта и в этом, **ТОЛЬКО В ЭТОМ**, находит свое оправдание. Либо же пролетарское требование равенства возникает как реакция против буржуазного требования равенства, из которого оно выводит более или менее правильные, идущие дальше требования; оно служит тогда **агитационным средством**, чтобы поднять рабочих против капиталистов **при помощи аргументов самих капиталистов**, и в таком случае судьба этого требования неразрывно связана с судьбой самого буржуазного равенства. В обоих случаях действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*» [20.108], – жирный шрифт мой. При этом Ф.Энгельс специально подчеркивает, что «представление о равенстве, как в буржуазной, так и в пролетарской своей форме, само есть продукт исторического развития; для создания этого представления необходимы были определенные исторические условия, предполагающие, в свою очередь, долгую предшествующую историю. Такое представление о равенстве есть, следовательно, все что угодно, только не вечная истина» [20.108–109].

Отсюда понятно, что мы не вправе полагать, будто после выхода общества из социалистической фазы развития в высшую представление о равенстве стабилизируется качественно и больше не будет претерпевать существенных изменений и качественных превращений, будто оно не будет наполняться все новым и новым содержанием. Наоборот, независимо от того, хотим мы того или нет, – вместе с дальнейшим развитием общественных отношений представления людей о социальном равенстве и неравенстве будут меняться и дальше. Каждая новая ступень для нас практически бесконечной лестницы социально-экономического прогресса (восходящего развития), сопряженная с появлением новых общественных противоречий, а значит, и новых социальных носителей сторон этих противоречий (то есть диапротоб), будет снова и снова ставить в повестку дня проблему вновь возникающих противоречий, проблему **363//364** уничтожения деления общества на те диапротобы, которые будут качественно определять эту новую ступень общественного развития, проблему достижения того социального равенства (или, что то же самое, – проблему устранения того социального неравенства), при котором дальнейшее существование данных диапротоб окажется уже невозможным.

С осуществлением пролетарского идеала равенства, содержанием которого является уничтожение классового неравенства (и буржуазно-пролетарского прежде всего) путем уничтожения классов вообще «абсолютное» равенство не достигается. Напротив, теперь уже бесклассовое в своей сущности социалистическое общество в лице его прогрессивной, устремленной в будущее социальной силы – коммунистического классоида – выдвигает очередную задачу: одолеть «глыбу неслыханной тяжести» привычки людей торговать своей рабочей силой, уничтожить наемническое отношение людей к труду, без чего невозможно утвердить коммунистический труд и коммунистические производственные отношения.

Устранение наемного труда, а тем самым и уничтожение противоположности между трудом наемным и коммунистическим, между социалистическими диапротобами можно рассматривать как достижение обществом новой ступени равенства, понятие которого теперь приобретает то содержание, что уже не отдельные, а поголовно все члены общества не только объективно, но и субъективно относятся ко всем объектам общенародной собственности как к своим кровным, преодолев отношение к ним как к «ничьим», «не-моим», «казенным»*.

Но осуществление идеала равенства коммунистического классоида социализма не станет достижением «абсолютного» равенства. Это коммунистическое представление о равенстве, которое будет реализовано в будущем несоциалистическом обществе, так же, как и пролетарское представление о равенстве, уже осуществленное, (если не касаться отдельных, второстепенных деталей) в реалиях социалистических общественных **364//365** отношений, является исторически

* Процесс становления этого нового субъективного отношения сопряжен с процессом устранения объективных различий и противоположности между «моим» и «нашим», между отношениями обособленной и обобществленной собственности.

ограниченным, равно как ограничена исторически любая, в том числе и коммунистическая, фаза общественного развития.

Как уже было сказано выше, имеются определенные основания предполагать, что с преодолением внутри общества наемнического отношения к труду и с устранением самого наемного труда движущей силой дальнейшего общественного развития станет борьба за превращение труда в первую жизненную потребность каждого члена общества. Если это действительно произойдет, то эта борьба будет протекать не вне, а внутри самого общества, и потому она станет борьбой его социальных противоположностей. По всей видимости, эта диапротобная борьба будет носить, как и при социализме, бесклассовый, классоидный характер, поскольку с превращением труда в осознанную каждым членом общества необходимость труд для всех членов общества в определенной (пусть поначалу для многих членов общества хотя бы в незначительной) степени неизбежно становится и трудом как жизненной потребностью. Разумеется, эта борьба будет направлена не против труда как осознанной необходимости (наоборот, последнее, как об этом было сказано выше, является необходимым условием превращения труда в жизненную потребность), а против него как не являющегося первой жизненной потребностью.

Сегодня нам, конечно, трудновато еще представить, что на определенном этапе развития общественных отношений тот, кто будет добросовестно и добровольно трудиться на благо всего общества в полную силу своих способностей, но для кого труд не станет еще (или станет лишь в малой степени) первой жизненной потребностью, может быть отнесен к ретроградному полюсу общества, противодействующему его дальнейшему развитию. Но это не должно нас смущать: новое общество будет вынуждено предъявлять своим членам совершенно новые требования, если при новых производительных силах окажется совершенно недостаточно одного только добросовестного отношения человека к работе, если средства производства будут требовать жажды человека соединиться с ними. В этих условиях только те члены общества смогут по-настоящему, т.е. достигая **365/366** наивысшей производительности труда, привести их в действие, для которых труд станет утолением этой жажды как первой жизненной потребности.

Человека, приобретшего такую потребность в труде, неудержимо рвущегося к созидательному, творческому труду, в котором он самовыражает себя, осуществляет свое Я, сворачивающего горы, когда он творит, я называю Человеком, а часть коммунистического общества, связанную с *таким* трудом и с *таким* отношением к труду, – классоидом (диапротобой) Людей. Другая, противоположная ему часть будущего общества, связанная с добросовестным трудом на благо общества только как осознанной необходимостью, но еще не как жизненной потребностью, – эту вторую часть бывшей коммунистической диапротобы социализма можно назвать коммунистическим классоидом (диапротобой) коммунизма.

Сегодня, при социализме коммунистический классоид ведет в обществе борьбу за достижение всеобщности добровольного добросовестного коммунистического труда по действительным способностям каждого носителя рабочей силы. Но из-за того, что всеобщность такого труда пока не достигнута, из-за того, что пока еще такому труду противостоит труд платный, труд, ориентированный на товарный эквивалент затраченной рабочей силы (а не непосредственно на конечный полезный продукт труда), мы сейчас очень мало задумываемся над тем, какие колоссальные сдвиги произойдут в общественно-экономических отношениях тогда, когда коммунистическая диапротоба социализма охватит собой все общество. Ведь завтра, когда исчезнет наемный труд, когда свою способность к труду носители рабочей силы будут осуществлять, не обуславливая ее в качестве индивидуальных собственников обменом на жизненные средства, когда члены общества будут трудиться по осознанной необходимости, во весь рост встанет проблема превращения труда в первую жизненную потребность для всех членов коммунистического общества.

Вполне очевидно, что эта проблема – не что иное, как проблема устранения внутри общества огромного неравенства между людьми, связанного с их неравным (коммунистическим и Человеческим) **366/367** отношением к труду, а следовательно, и с той пропастью между ними в

уровне потребления, которая возникает из-за того, что для одних добровольный коммунистический труд еще не превратился в первую жизненную потребность, не стал еще непосредственным потреблением личностью средств производства как жизненных средств, которые непосредственно удовлетворяют таким еще малопривычным для большинства людей нашего поколения способом одну из важнейших потребностей человека будущего – его потребность в труде. То обстоятельство, что диаспорами коммунизма будут не классы, а классоиды, – не меняет существа дела. До тех пор, пока общество не достигнет всеобщности Человеческого труда, пока труд по жажде к нему будет сосуществовать с трудом коммунистическим (как трудом по осознанной необходимости, как трудом, приносящим лишь полезные продукты труда), у разных людей будет различной пропорция между коммунистической и Человеческой составляющими. Не может быть никакой речи о фактическом равенстве ни в отношении способа соединения рабочей силы со средствами производства, ни, скажем, в отношении размера и способа потребления жизненных средств, например, между тем, кто трудится как коммунист на 20% (и на 80% как Человек) и тем, кто стал Человеком только на 20% (а на 80% остался еще только коммунистом).

Процесс устранения этого неравенства, процесс достижения всеобщности Человеческого труда, процесс превращения мотивов труда в неумную жажду к труду Человека-творца – это и есть, по всей видимости, одна из черт, характеризующих содержание именно коммунистической фазы общественно-экономического развития. В качестве следствия из сказанного абзацем выше, мы должны далее предположить, что процесс превращения труда в первую жизненную потребность будет представлять собой в политэкономическом смысле уничтожение противоположности между общественным производством первого и второго вида (**П** и **п**). Ведь когда труд становится первой жизненной потребностью самого человека, это уже означает, что сам процесс труда становится непосредственным потреблением человеком средств производства как жизненных средств; средства производства **367//368** тем самым превращаются в жизненные средства, а само производство первого вида **П** становится составной частью производства второго вида **п**. Более того, сами средства производства тем самым превращаются в предметы потребления, а первое и второе подразделение общественного производства первого вида сливаются в единое целое.

«Дурная сторона» коммунистической фазы общественного развития состоит в сохраняющемся еще труде по осознанной необходимости, которая еще не стала жизненной потребностью, или иначе – в сохранении ориентированного только на конечный результат труда, но не на сам процесс труда. Добровольный добросовестный коммунистический труд, еще не превратившийся в первую жизненную потребность самого носителя способности к труду, и поэтому не ставший еще непосредственным потреблением личностью средств производства как жизненных средств, – это то самое, за что идет борьба в обществе сегодня, при социализме, и вместе с тем это то, *против чего* будет развернута в обществе борьба завтра, при коммунизме.

Но в таком случае основной экономической закон коммунизма, по-видимому, должен схватить именно этот процесс – процесс превращения труда в первую жизненную потребность человека, связанный с процессом уничтожения противоположности между **I** и **II** подразделениями общественного производства, с процессом интегрирования производства первого вида **П** в производство второго вида **п**. Завершение этого процесса будет означать прекращения существования коммунистической фазы общественного развития – последней формации, основанной на делении продуктов труда на жизненные средства (не средства производства) и на средства производства (не жизненные средства).

Но, – говорят нам некоторые сторонники лучевой концепции моноформационного социализма-коммунизма, отрицающие наличие разных законов общественного развития в разных фазах послекапиталистической истории, – будь то при социализме, или же при коммунизме (то есть веки вечные в их разумении) действуют и будут действовать одни и те же законы, согласно которым не может быть никакой речи о будущем превращении средств **368//369** производства в жизненные средства; более того, согласно этим «вечным» законам увековечивается и разделение средств производства и предметов потребления на объекты обобществленной и обособленной собственности, поскольку предметы, непосредственно удовлетворяющие какие-либо потребности

человека, могут быть, согласно этим воззрениям, только объектами индивидуальной, личной собственности. По их мнению, поскольку каждая личность индивидуальна и неповторима, личнособственническое потребление – вечно, оно будет иметь место на протяжении всей послекapиталистической истории, а сама мысль (тезис) о существующем при социализме противоречии между отношениями общественной и индивидуальной собственности неплодотворна, «ибо индивидуальное присвоение, индивидуальное потребление будет всегда, поскольку личность индивидуальна как по способностям, так и по потребностям» [185].

Мы уже говорили о том, что личнособственническое и личностное – это разные категории (см. [стр. 289](#)). Индивидуальность каждой личности, принадлежащей обществу коллективистов (то есть обществу, находящемуся на коммунистической фазе своего развития), предполагает индивидуальную неповторимость комплекса ее потребностей, а следовательно – и индивидуального (личностного, но не личнособственнического!) потребления.

Но провозглашающие невозможность осуществления индивидуального потребления вне личнособственнических (или частнособственнических) форм, хотя бы они того или нет, неизбежно должны придти к одному из трех выводов, ни одного из которых, однако, никто из них не решается сделать открыто.

1. Когда труд человека превратится в его первую жизненную потребность, когда лишение человека возможности трудиться творчески-производительно станет для него мукой, сравнимой разве что с ощущениями человека, испытывающего, например, физиологическую потребность в сне после нескольких суток непрерывного бодрствования, тогда потребности разных людей в труде (в отличие от других жизненных потребностей и в противоположность им) будут полностью нивелированы и уравнены, лишены **369//370** индивидуальности, благодаря чему благодаря чему средства производства, превращающиеся в потребляемые непосредственно жизненные средства, смогут сохранить статус объектов общей собственности.

2. Допущение о возможности превращение труда в первую жизненную потребность человека должно быть отвергнуто, поскольку отсутствуют какие-либо достоверные данные, которые свидетельствовали о том, что развитие общественных отношений ведет к нивелировке потребностей в труде между отдельными людьми. Из того, что, с одной стороны, каждая личность должна обладать особенной, неповторимой индивидуальной потребностью в труде, потребностью самовыражать свое неповторимое Я в продуктах своего творческого труда, и из того, что, с другой стороны, средства производства (т.е. те самые жизненные средства, посредством которых только и могли бы быть удовлетворены неповторимые индивидуальные потребности в труде каждой личности) остаются объектами общественной собственности, необходимо вытекает (если исходить из посылки о невозможности индивидуального потребления вне личнособственнических форм), что превращение труда в удовлетворимую первую жизненную потребность невозможно.

3. С превращением труда в первую жизненную потребность, когда процесс функционирования рабочей силы станет непосредственным потреблением каждой личностью тех средств производства, без которых индивидуально неповторимая по своим способностям и потребностям личность не могла бы удовлетворить свою потребность в труде, – все средства производства должны перейти в индивидуальную собственность индивидуумов будущего коммунистического общества.

Нелогичность каждого из этих трех выводов очевидна. Но для того, чтобы можно было избежать их, мы должны признать, что своеобразие, неповторимость, уникальность каждой личности будущего общества как по своим способностям (и прежде всего к труду), так и по своим потребностям (включая потребность в труде как важнейшую потребность человеческой личности, а также в других средствах осуществления своего Я) не **370//371** требуют ни необходимости сохранения в будущем отношений индивидуальной собственности на жизненные средства, ни необходимости восстановления отношений индивидуальной собственности членов общества на объекты, называемые сегодня средствами производства (но не жизненными средствами). В противном случае мы должны были бы признать, что финал коммунизма, результат превращения

труда в первую жизненную потребность человека – это разрушение главного завоевания социалистической революции – совместной собственности всех членов общества на средства производства.

Не сомневаюсь, что человеческое общество достигнет со временем всеобщности Человеческого труда и устранил внутри себя коммунистически-Человеческое диапротобное неравенство. Это произойдет при тех новых исторических условиях, при том гигантском по сравнению с современным уровне развития производительных сил, когда величайшей личной трагедией человека (и трагедией всех его близких, родных) станет не то, что он не смог стать честным тружеником, способным жить и работать в обществе по общепринятым **теперь** нормам морали, а то, что он не стал Пастером или Амосовым, Макаренко или Сухомлинским, Мичуриным или Мальцевым, Стахановым или Кривоносом, Циолковским или Королевым, Гагариным или Савицкой, Складовской-Кюри или Курчатовым, Ломоносовым или Леонардо да Винчи, Гегелем или Марксом.

Так будет, хотя и жаль чуточку, что наше поколение не успеет увидеть этого.

Однако развитие общества, а вместе с ним – и человека не остановится и на этом. Оно пойдет еще дальше, потому что не существует предела восхождения его от низших ступеней к высшим. Этому учит вся прошедшая история развития человеческого общества и человека, этому учит марксистско-ленинская наука о развитии общества. Этому учит **диалектика** общественного развития.

Но ради того, чтобы все это свершилось и смогло бы свершиться, мы, поколение людей конца XX века, и в первую очередь та его часть, которая принадлежит воплощенным в реальность бытия научному (теоретическому) **371//372** социализму Маркса, Энгельса, Ленина, – должны сделать, не имеем права не сделать все, на что мы способны, а способны мы гораздо на большее, чем это кажется на первый взгляд. Этому требуют не столько и не только будущие интересы наших далеких потомков, сколько сегодняшние интересы наших детей, наши собственные интересы. Сегодня этого требуют, помимо всего прочего, и тревожное развитие международной обстановки, зловещий душок приготовлений к третьей мировой войне, которым тянет из Белого дома.

Наши силы удвоятся, утроятся, удесятерятся тем скорее, чем быстрее каждый из нас прежде всего в себе самом поведет борьбу за утверждение коллективистских, коммунистических отношений по отношению ко всем остальным членам нашего общества, чем скорее каждый из нас вступил в активную и ясно сознаваемую диапротобную борьбу за коммунистическое преобразование существенных общественных (и в первую голову – производственных) отношений на стороне коммунистического классоида. **372//373**

Заключение

Выбранная тема исследования не относится к числу «мелких» или частных проблем науки, изучающей социально-экономические закономерности функционирования и развития первой фазы подлинной истории человечества – социализма. Из-за многоплановости, широты круга охватываемых ею вопросов, входящих в «компетенцию» не только политэкономии социализма, но и диалектического и исторического материализма, теории научного коммунизма, по необходимости пришлось ограничиться рассмотрением лишь наиболее общих, принципиальных вопросов. Я совершенно ясно вижу ту в буквальном смысле слова **бездну** того, что уже сейчас могло бы быть сделано, но, к сожалению, не выполнено.

И тем не менее результаты, полученные в ходе уже проведенного исследования, по моему глубокому убеждению, таковы, что способны оказать (если, конечно, не будут подвергнуты организованному бойкоту), по всей видимости, уже в самое ближайшее время огромное воздействие не только на формирование или уточнение главного направления дальнейших исследований в общественных науках, и прежде всего в политической экономии и историческом материализме, но в конечном счете – на всю практику социально-экономического развития

социалистического общества, на заметное ускорение темпов этого развития.

Прежде всего, разработаны общие контуры крупной концепции, комплексно рассматривающей социально-экономические закономерности функционирования социализма как качественной определенности. Фундаментом выдвинутой концепции являются основополагающие принципы марксизма-ленинизма: диалектика (учение о раздвоении единого на противоположности, взаимодействие, единство и борьба которых составляют сущность всего, что не стоит на месте), историзм (практическое приложение диалектики к познанию и отражению общественных явлений) и материалистическое понимание истории.

По сути дела, вся новизна выдвинутой концепции состоит лишь в том, [373//374](#) что она применила старый, но не стареющий, хорошо испытанный и проверенный на практике историко-диалектический подход к изучению новых, неантагонистических явлений и закономерностей социалистического общества.

Тем не менее трудности реализации такого, казалось бы, всем хорошо и давно известного метода исследования весьма велики. Они состоят в необходимости преодоления целого ряда представлений, квалифицируемых выдвинутой концепцией как «обломки старых истин» [\[109.367\]](#), порожденных не фактами реального социализма, а лишь отражениями закономерностей капиталистического и вообще досоциалистических общественно-экономических отношений. Среди них:

– лучевая концепция коммунизма и тесно примыкающая к ней концепция «коренной однокачественности» социализма и коммунизма, в основе которых (концепций) лежит выведенная из прошлой истории и возведенная в ранг «абсолютной истины» закономерность смены способов производства и основанных на них общественно-экономических формаций как преобразованиями, необходимо связанных с антагонизмами (классовой борьбой и политическими революциями). Абсолютизация революционных форм качественного преобразования общественно-экономических отношений, являющихся единственно возможными в обществе, разделенном на антагонистические классы, признание этих форм единственно возможными формами качественных превращений низших социально-экономических организмов в высшие логически привела к не имеющим ничего общего с учением марксизма представлениям, будто коммунизм есть конечная цель истории, будто он представляет собой последнюю, завершающую всю историю человечества общественно-экономическую формацию, будто с победой социалистической революции уже никакое – каким бы гигантским оно не было – развитие производительных сил общества «не может», «не должно» поднимать уровень развития общественно-экономических отношений на все новые и новые качественно определенные высоты (ступени) и т.п.;

– метафизически-альтернативные постановка, а следовательно, и решение вопроса о том, является ли рабочая сила при социализме товаром. [374//375](#) Такое «или – или», которое было справедливым для прошлого (например, капитализма или феодализма), непригодно для исследования закономерностей живого социализма, содержанием которого является *сам процесс превращения* рабочей силы из товара в нетовар, процесс превращения труда наемного, за плату, в труд коммунистический, бесплатный. Лишь завершение этого процесса (хотя бы в основном) явится смертью, прекращением существования социализма и в то же время – рождением коммунизма, исторического преемника и достойного наследника своего отца – социализма;

– представление о послекапиталистической истории как о чем-то, «теоретически» не имеющем в своей сущности ни грамма отрицательного, негативного, косного; стремление, превратившееся в самоцель (а потому переставшее служить средством познания имманентных социализму противоречий), во что бы то ни стало освободить противоречия социализма (а заодно и всей будущей истории человечества) от «дурных сторон»;

– представление о «классовости» социалистического общества, родившееся в середине 1930-х годов как простая фиксация внешних, эмпирически наблюдаемых социальных изменений в городе и деревне, в отрыве и вне связи с глубинными отношениями и процессами в социалистическом

способе производства, диалектичность и противоречивость которых в то время по существу вообще отрицалась (см. [205]), да и до сих пор еще не только не вскрыта, но и продолжает иногда подвергаться сомнению.

Главное в выдвинутой концепции, ее стержень, скелет – это идея диапротобности общественного развития. Данная идея, во-первых, является конкретизацией общефилософской идеи диалектической противоречивости всякого развития и всего развивающегося, предполагающей «признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *в с е х* явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» [39.317], применительно к обществу и социальным явлениям; и, во-вторых, – теоретическим обобщением диалектики классов и классовой борьбы с одной стороны и диалектической структуры и *375//376* диалектики взаимодействия составных элементов бесклассового общества, вскрытых в результате политэкономического анализа социально-экономических отношений социализма, с другой стороны.

Выдвигаемая концепция отражает диалектически-противоречивую, но неантагонистическую социально-экономическую реальность социализма не беспристрастно, а с позиций одного из двух полярно противоположных друг другу полюсов социалистического общества, а именно с позиций коммунистической диапротобы-классоида – прогрессивной силы социалистического общества, действующей в направлении общественного прогресса. В свою очередь, одну из главных причин затруднений, испытываемых в настоящее время общественными науками и политической экономией социализма прежде всего, выдвигаемая концепция видит не то чтобы совсем в диапротобно-индифферентном (относительно социализма) общепролетарском классовом подходе (который дает исключительно действенные результаты при оценке *классовых* явлений общественной жизни) к оценке внутренних явлений и закономерностей *не разделенного* на противоположные *классы* и *не знающего* поэтому *классовой борьбы* социалистического общества, но во всяком случае в размытости, неоформленности диапротобной дифференциации общепролетарского *классового* подхода к бушующему социально-экономическими противоречиями и классоидной борьбой социализму, *внутри* которого *нет классовых* противоположностей, *нет классовых* противоречий, *нет классовой* борьбы.

Вместо восторгов и умилений по поводу мнимого «полного преодоления» социалистическим обществом товарообмена с его членами жизненными средствами и рабочей силой классоидная концепция социализма нацеливает всех участников социалистических производственных отношений на осмысленное и осознанное развертывание **внутри** общества самого широкого фронта классоидной борьбы за действительное преодоление наемнического отношения к труду, за действительное превращение наемного труда в труд непосредственно-общественный, освобожденный от личнособственнического опосредования его земными благами, в труд коммунистический. *376//377*

Диапротобно-классоидная концепция социализма позволила предложить новое, конструктивное решение многих дискуссионных вопросов политической экономии социализма, а также укрепить предлагавшиеся ранее решения новыми аргументами с взаимоувязкой этих решений либо непосредственно, либо через призму диапротобной дифференциации социалистических социально-экономических отношений.

В ходе работы над вопросами политэкономии и социологии социализма (как до, так и после осознания автором того, что в этом процессе рождается цельная социально-экономическая концепция социализма) трактовка и решение частных по отношению к теперь уже выдвинутой концепции вопросов постоянно развивались. Неизменным оставалось одно: нацеленность на вскрытие диалектических противоположностей современного нам общества и негативное отношение к антиисторической лучевой концепции коммунизма. Пока, конечно, нет еще достаточных оснований утверждать, что выдвинутая концепция действительно станет основой той научной Теории социализма, которая решит, наконец, накопившиеся в течение десятилетий проблемы политической экономии социализма, социологии, теории научного коммунизма. Право

на это она сможет добыть только в предстоящей и, по-видимому, очень жаркой научной схватке с противостоящими ей концепциями, хотя, откровенно говоря, я не вижу пока, которая из них могла бы быть всерьез противопоставлена выдвинутой концепции сегодня.

Собрать же воедино концепцию «классовости» социалистического общества, концепцию «существенных различий» (вместо диалектических противоположностей и противоречий), существующие теории производительного и непроизводительного труда при социализме, лучевую концепцию коммунизма, концепцию «коренной однокачественности» социализма и коммунизма, концепции товарно-денежных отношений при социализме, базисно-надстроечную концепцию социалистического государства и великое множество иных изолированных друг от друга или слабо связанных между собой трактовок отдельных вопросов общественных наук (разрабатываемых, кстати говоря, узкими специалистами и специализированными научными 377//378 подразделениями), связать это не с помощью словесных ухищрений, а строго логически, насквозь пропитав марксистско-ленинским учением о диалектичности, историзме общественного развития,— эта задача, по крайней мере с точки зрения выдвинутой концепции, просто невыполнима.

По-видимому, настоящей концепции (которую я рассматриваю как научную гипотезу, право на появление, существование и развитие которой дано самим состоянием общественных наук, ждущих решения многих важнейших теоретических и методологических проблем) могут быть противопоставлены лишь неизвестные мне концепции: либо те, с которыми я просто незнаком, либо уже разработанные, но неопубликованные, либо находящиеся в стадии разработки, либо, наконец, те, разработка которых еще не начата.

И интересы науки, и интересы общества, и интересы партии, заключающиеся в скорейшем решении накопившихся проблем общественных наук, полностью совпадают.*

Выдвинутая концепция преследует ту же цель – и не только преследует, но и претендует на активное участие в ее осуществлении. Поэтому концепция и выносится на обсуждение и самый строгий критический анализ политэкономии, философами, социологами, специалистами по научному коммунизму без каких-либо скидок на «непрофессионализм» ее автора, имея в виду, что в ходе этого обсуждения должно быть определено, выработано или уточнено одно или несколько конкретных направлений дальнейшего комплексного исследования всех имеющихся, поставленных самой жизнью актуальных проблем общественных наук.

Под лежачий камень вода не потечет. Только в активном и смелом, не преклоняющемся ни перед какими авторитетами, ни перед какими догмами, научном поиске, только в борьбе **разных** точек зрения может быть найдено искомое решение. Оно **должно** быть найдено, и оно – 378//379 так бывает всегда, когда этого требует практика,— **будет** найдено!

Без совершенно неуместной в данном случае напускной, жеманной «скромности» могу сказать, что я готов к этой борьбе, к научному спору (такие споры были совершенно невозможны еще три-четыре десятилетия назад, но они жизненно необходимы и важны для дальнейшего прогресса научного знания) и весьма высоко оцениваю шансы успешного выхода из предстоящей борьбы предложенной на обсуждение концепции, большинство отдельных положений которой (и практически всех, разумеется, за исключением вновь выдвинутых), судя по литературе, уже сейчас имеет немало сторонников.

Ее автору хорошо известна истинная цена выдвинутой концепции даже не по затраченному в ее разработку труду, а по тому, что даже непрофессиональному исследователю, работающему над поиском решения проблем общественных наук лишь в свободное от основной работы время, в одиночку, вне научно-исследовательского коллектива, имея практически лишь одностороннюю – по литературе – информационную связь с другими исследователями и их коллективами, она

* Названные интересы могут расходиться лишь с интересами тех наемных ученых, которых в силу недостаточно развитого чувства гражданского и научного долга, недостатка мужества страшит вскрытие подлинных причин нынешнего состояния теории.

предоставляет такие широкие и богатые возможности, которыми не располагают даже крупные научные коллективы. Об этом свидетельствует и то, что концепция позволяет успешно ориентироваться ее разработчику во множестве точек зрения (а также вырабатывать вполне определенное отношение к ним) практически по любому вопросу, с необходимостью изучения которого сталкивается концепция; и то, что сама концепция, постоянно уточняя, изменяя и даже отвергая свои отдельные, частные по отношению к себе самой как к целому, решения и подходы, не разрушается, а только укрепляется и растет как целое, единое; и имеющиеся заделы будущей работы, которые не только не иссякают в процессе их «расходования», а наоборот, «расширенно воспроизводятся» с неплохим коэффициентом размножения; и многое, многое другое.

Все это дает основания полагать и надеяться, что выдвинутая **379//380** концепция если и не легла еще на точный курс, то во всяком случае, находится очень недалеко от магистральной, ведущей к той точке, откуда начнется в самом скором времени мощный старт, подъем всех общественных наук, их бурный взлет на качественно новую высоту. Выход же теории научного коммунизма на эту орбиту явится надежным и могучим теоретико-практическим инструментом воздействия на темпы общественно-экономического прогресса нашего общества, на сокращение продолжительности социалистической фазы развития, и – кто знает? – совершенно не исключено, что, по крайней мере, определенная часть уже нынешнего молодого и подрастающего поколения (а именно та, часть, которая не на словах, а практическими делами пожелает доказать свою волю, готовность и умение жить и работать по-коммунистически, а не по-наемнически) будет жить при коммунизме, который она создаст в качестве особого уклада даже в условиях социалистического «окружения», в виде очагов особых социально-экспериментальных комсомольскихстроек и молодых индустриальных центров, возникающих на их месте. В возможность этого очень хотелось бы верить, но в это нельзя верить – это надо знать наверняка, и это мы узнаем наверняка, как только марксистско-ленинская теория поднимется на качественно новую высоту и уже с этого уровня заработают на всю мощь ее прогностическая, идеологическая и практически-преобразующая функции.

Но это станет возможным только тогда, когда будет устранена «одна из главных помех в развитии общественных наук – все еще не изжитая склонность к схоластическому теоретизированию», когда вместо робких и вялых дискуссий по актуальным вопросам теории, не всегда выливающимся даже в деловой и всесторонний обмен мнениями, вместо годами и десятилетиями ведущихся бесплодных, набивших оскомину диспутов вокруг тех или иных понятий и дефиниций в политической экономии, философии, социологии общественные науки станут возмутителем спокойствия, будут в полную силу своего огромного научного потенциала «исследовать новые процессы жизни, будить мысль, решительно бороться с косностью в науке» **380//381** (см. [74.9]). Но чтобы наука сама стала возмутителем спокойствия, в ней самой это спокойствие нужно возмутить. Думаю, что эту функцию в какой-то мере сможет выполнить и предлагаемая концепция, и сам факт ее разработки инженером-технологом на общественных началах.

И наконец, заканчивая рукопись, не могу удержаться от того, чтобы не привести довольно пространной выдержки из письма моего сверстника, строителя БАМа, рабочего Александра Макловского.

«...Желание отдать людям все, что имеешь, должно быть потребностью, не ограниченной никакими меркантильными соображениями. Ни в коем случае оно не должно быть и саморекламой, и тогда, даже если вы не всегда встретите понимание, даже если кто-то будет считать вас идиотом (а это будет наверняка), даже если временами вам будет казаться, что все люди неблагодарны по отношению к вам, вы сможете быть счастливыми. Не бойтесь быть белой вороной. Я убежден – наступит время, когда эти умные и добрые птицы составят огромные стаи, и черному воронью придется туго. Это время нужно приближать, приближать не маниловскими мечтаниями и вздохами, а конкретными действиями, открытой дракой с пошлостью. "Beati possidentes" – счастлив обладающий. Вы будете счастливы, обладая талантом отдавать себя людям, ничего не требуя взамен. Учтите! Данко – не красивая выдумка писателя, это такая же реальность, как реальность Маркса, Ленина, Дзержинского.

Меня раздражают некоторые признания, вроде: "Я чувствую, что могу дать людям больше, чем до сих пор, и, в общем-то готов к этому..."

Почему – "готов"? Почему не – "делаю"? Почему мы ждем приказа со стороны в то время, как приказ этот мы должны отдавать мы сами? Неужели только потому, что боимся смеха тех, кого обязаны презирать? Сила людей в убежденности. Это верно: без убежденности жизнь теряет всякий смысл. Но нельзя забывать о родной ее сестре – самоотверженности. Чего стоит убежденность, если ей сопутствует страх нажать неприятности? Не бойтесь ударов. В жизни нет суда страшнее, чем суд собственной совести.

Мы должны ясно представлять, что ждать от благородных поступков **381//382** немедленных дивидендов не только глупо, но иногда и преступно. Поступки эти нельзя отдавать в рост или закладывать в ломбард. Это такие акции, настоящая цена которых может стать ясной в весьма неблизком будущем. Надо быть к этому готовым.

Вот почему я ненавижу потребителей: они знают, что коммунизм не наступит со следующей недели, а раз так, то лучше вообще отказаться от этой идеи и брать то, что ближе лежит.

Не надейтесь, что кто-то сделает нашу жизнь интересной и наполненной, что кто-то построит нам коммунизм и предложит удобное место в нем. Все это мы сможем и должны сделать только сами, возможно, не для себя – для следующих поколений.

Не знаю, сколько бамовцев подписалось бы под этим письмом, но, думаю, что много, хотя и скептические ухмылки я тоже, наверное, увижу. Что до бригады, в которой я работаю, – ее мнение мне известно: она – ЗА» [\[180\]](#).

Письмо это – исключительной ценности человеческий документ нашего времени. Выражая жизненное кредо активных **борцов** за торжество новых общественных отношений, оно содержит страстный призыв к консолидации прогрессивных сил нашего общества с целью развертывания внутри него самого широкого фронта целенаправленной, решительной и самоотверженной *борьбы* за торжество коллективистских общественных отношений, наступления против того, что еще в 1920 году В.И. Ленин назвал глыбой неслыханной тяжести, косности, невежества и упорства в отстаивании вековых привычек и предрассудков считать правомерным только оплачиваемый по известной норме труд.

И что по сравнению с этим письмом сотни сочинений тех ученых авторов, которые тщетно селятся свести богатейшую социально-экономическую диалектику социализма к худосочным абстракциям беспротивоположностной «диалектики» лучше всего – «единства», в крайнем случае – мелких, несущественных «различий», но непременно «сходящихся» и исключительно «однаправленных» сторон и тенденций! **382//**

Послесловие 2011 года

Очень коротко о том, как развертывались события после передачи мной работы в ЦК КПСС и академические институты экономики (ИЭ) и философии (ИФ).

ЦК КПСС в переписку со мной не вступил и не ответил на адресованное ему сопроводительное письмо. Посчитал ли он работу вредной, полезной или бесполезной для партии – мне неизвестно. Знаю точно, что ЦК поручил ИЭ и ИФ разобраться с работой, что те и сделали, вернув мне все три экземпляра рукописи и прислав два отзыва: подписанный ученым секретарем ИФ и никем не подписанный из отдела общих проблем политэкономии социализма ИЭ.

Не знаю, как эти институты отчитались перед ЦК, но я получил настоящие отписки с извещением, будто в работе ничего нового нет, а есть только повторение буржуазных инсинуаций (машинистка не разобрала почерка и напечатала «инстанций») в адрес социализма, с критикой которых, как они убедились по моему тексту, я знаком.

Однако вскоре на мою просьбу указать поконкретнее, кто же все-таки именно из западных (или

отечественных) обществоведов, когда именно и в каких именно работах уже выдвигал предложенную мной социально-экономическую модель социализма, от подписантов-неподписантов отзывов ИЭ и ИФ АН СССР был получен жалкий лепет («мы не так поняли», «это меняет дело») о том, что такая модель и в самом деле еще никем не выдвигалась, но все равно, дескать, учение партии неприкосновенно.

В 1987 г. по предложению Н.Д. Колесова – зав. кафедрой политэкономии Ленинградского госуниверситета – работа была рассмотрена на Ленинградском межвузовском методсовете по проблемам противоречий социализма, где получила высокую оценку участников обсуждения.

18 декабря 1987 г. в «Правде» была опубликована статья «Политэкономия и перестройка», автор которой Э. Плетнев протестовал против неких непоименованных «модерновых новаций» в политической экономии и одновременно протаскивал реакционнейшую идейку, будто политэкономам конца XX века прорываться дальше Маркса в принципе и некуда и незачем. В ответ на эту публикацию в соавторстве с В.И. Лоскутовым для «Правды» была написана статья «Кризис "классовой" политической экономии социализма» (отправлена в редакцию в апреле 1988 г., не опубликована). КПСС находилась уже в состоянии глубочайшего кризиса. Остатки всех своих сил КПСС растратила во внутрипартийных распрях между лагерями «центриста» Горбачева, ортодокса Лигачева и «революционера» Ельцина.

До последнего я надеялся, что в КПСС возьмет верх здравый смысл, что еще возможен диалог с ее идеологами как с учеными. Но бездарнейший путч ГКЧП показал окончательно, что КПСС была вовсе не тем, за кого она себя выдавала. Вести диалог с мошенниками и фарисеями смысла не стало. С пришедшими к власти антикоммунистами резона контактировать тоже не видел. Стало тошно, и я умер для политической экономии: без объяснения причин оборвал все связи с обществоведами, в том числе и со своими единомышленниками, прекратил следить за научными публикациями.

И все-таки текст 1983 года оцифрован и даже слегка прокомментирован. Зачем? КПСС – главного персонажа и субъекта своего времени, первого и практически единственного адресата исследования – уже давно не существует. Вместе с той партией в историю ушли и Советский Союз, и тот общественный строй, который мы называли социалистическим, и который на самом деле был в принципе социалистическим.

Так стоит ли ворошить старое, если история, как полагает немалое число наших современников, наших соотечественников, исправила свою ошибку?

Есть слишком много причин полагать, что дело обстоит далеко не так, и что у данной работы все-таки будет немалое число своих читателей. Назову лишь некоторые.

Причина первая. Наша страна в течение всего XX века была центром масштабных событий, исторически значимых для всей мировой истории. Их научное осмысление и изучение едва ли по-настоящему уже развернуто историками, оно будет еще продолжаться не одно столетие, как и сегодня не иссякает интерес к событиям минувших тысячелетий. Автор данного исследования – любознательный свидетель и участник событий второй половины XX века, гражданин СССР – дал *критический* анализ господствовавшей идеологии *не извне, а изнутри*, с позиций того же самого марксизма, того же самого материализма, той же самой диалектики, которые были начертаны и на идеологических знаменах правящей партии.

Причина вторая. Через несколько лет мировая научная общественность будет отмечать 200-летие со дня рождения Карла Маркса и затем – Ф.Энгельса. Предвижу, сколько сладеньких речей мы услышим из уст «марксистов»-фарисеев, которые так ничего и не поняли в марксизме. В свою очередь, для антикоммунистов эта дата станет удобным поводом для попыток принизить масштабы и историческое значение их учения, а то и вовсе оболгать его, благо советские «ученики» Маркса и Энгельса славно потрудились для дискредитации марксизма. Проведенное исследование свидетельствует об обратном: крах социализма в СССР наступил прежде всего

потому, что правящая верхушка ВКП(б) – КПСС действовала вопреки требованиям *азов* марксизма и как экономического учения, и как философской и социально-исторической доктрины.

Причина третья. От того, что осуществленная Россией в 20 веке попытка прорыва в социализм и даже коммунизм окончилась неудачей, исторический прогресс человечества не остановился. Новые открытия и изобретения, новые технологические возможности во *всё убыстряющемся темпе продолжают менять и наращивать производительные силы*. А это значит, что человеческое общество вынуждено так или иначе подстраивать под них свои производственные отношения; это значит, что неизбежны постоянные изменения и в способе производства, и в его отношениях с надстройкой (в формационном развитии).

Причина четвертая. Сторонники догматического марксизма ограничивают возможности этой науки только ее выводами середины – второй половины XIX века о пролетариате как о могильщике капитализма (включая идеи диктатуры пролетариата и бесклассового общества), сделанного в условиях мощного роста капиталистических производственных отношений и растущей поляризации общества по классовому фронту *«буржуазия – пролетариат»*. Как показало проведенное исследование, ценность марксизма гораздо шире. Принципы историзма (рассматривать не общество вообще, а общество, функционирующее во вполне определенных исторических границах), материализма, диалектики могут стать ключом к анализу общественных отношений (и экономических, и социальных) применительно к любому, а не только капиталистическому обществу. А это значит только одно: арсенал марксистского инструментария при его квалифицированном (не так, конечно, как Мартышка обращалась с Очками) может помочь обнаружить социальные полюса (которыми не обязательно должны быть классовые противоположности) и расклад взаимодействующих социальных сил любого конкретного общества, в том числе и с многоукладной экономикой*.

Факты современной нам эпохи все уверенней свидетельствуют, что стран с рафинированным одноукладным способом производства практически не существует**. Вместе с тем неотвратимо идут процессы углубления международной интеграции национальных экономик, международного разделения труда. Глобальный характер принимают и проблемы экологии, хотя последняя есть составляющая производительных сил любой страны. Мы уже превратили в засоленную пустыню Арал и Приаралье, не оставляем намерений угробить Байкал, не можем сберечь от огня леса в Европейской России. Похоже, начинает разворачиваться настоящая война против тропических лесов Амазонки с возможной перспективой превращения их в пустыню Сахару. Приложим ли инструментарий марксизма к познанию социально-экономической сути и путей решения подобного рода проблем в интересах человеческого общества? Миссией каких прогрессивных полюсов современного многополярного социального мира станет решение подобных задач? Конечно же, существует мнение, будто марксизму здесь делать нечего, но я уверен, что именно инструментарий марксизма по плечу и прояснение таких проблем, и нахождение практических путей их разрешения.

Правители нашей страны рулили экономикой в значительной степени по наитию, кособоко, без

* Социализм в СССР проиграл соревнование с капитализмом в достижении наивысшей производительности труда. Но очень похоже на то, что капиталисты выиграли его, во-первых, по-настоящему освоив теорию трудовой стоимости К.Маркса, а во вторых, не вывески ради внедрив элементы сознательной коммунистической дисциплины труда, основанной на компетентности лидеров и исполнителей через идеи, закрепленные ныне международными стандартами ISO серии 9000. А не случись чудовищной природно-техногенной катастрофы в Японии, мы бы до сих пор не знали, что японцы – это настоящие коллективисты. Что это? Возникновение коммунистического классоида в недрах капитализма? Гибрид старого и нового уклада, от которого (нового уклада) мы отказались?

** Даже советский социализм, почему-то задавшийся целью построить одноукладную экономику, не обошелся без закрепощения (колхозы) и порабощения (невольники Гулага и не дошедшие до Гулага невольники, расстрелянные по отмененным ныне приговорам) огромного количества (десятки миллионов!) граждан Советского Союза.

привлечения «услуг прославленной стоимости» там, где по их мнению, не было производства вообще («непроизводительные» врачи, учителя; оценка и вовлечение в воспроизводственный кругооборот природных богатств), или оно было каким-то идеалистическим («нематериальное производство»), или производство было, но не происходило смены собственника («нереальные, учетные» деньги), или даже с привлечением «товарной» стоимости (но по волюнтаристски установленным ценам)*. Причем весь бред этих представлений приписывался взглядам покойного Маркса, не имевшего к ним никакого отношения.

Глобальным же историческим результатом такого правления для страны стало отправление ее, как школьника-второгодника, назад, в капитализм, для повторного изучения экономической науки марксизма. Чтобы усвоили, в конце-то концов, что такое труд конкретный и труд абстрактный, что такое потребительная стоимость, а что такое просто стоимость (или товарная стоимость), что такое товарный обмен, и стоят ли чего-нибудь «бесплатные» нетоварные продукты труда и природы.

Обидно! Неужто именно народ России (Украины, Белоруссии и т.д.) заслужил такую участь? А «вдохновитель и организатор всех наших побед» (как скромно, но со вкусом называла сама себя КПСС), тут не при чем?

Возвращаясь к причинам выполненной оцифровки работы, назову еще одну, может быть главную. Она элементарна: не хочу уносить в могилу свои мысли. Может, они когда-нибудь хоть в чем-то да восполнят уничтоженную «Политическую экономию коммунизма» пущенного своими «товарищами» в расход марксиста Н.А.Вознесенского, научного соперника «корифея всех наук». Глядишь, и найдут в них что-нибудь полезное и марксисты, и антимарксисты, и единолично – совсем как КПСС – правящая «единая** Россия» вместе со своими селигерцами, со своей потешной «оппозицией» типа лдпр (имена партий и движений нарицательные!) и с более похожими на оппозицию другими слабенькими партиями. А может, и идеологи разных толков, вещающие вслеп за идеологами почившей КПСС о некоем *кризисе идей* в современном обществоведении. А то, глядишь, и спецкомиссии по борьбе против фальсификации истории (уж не министерство ли правды?) и за детотализацию («десталинизацию») проявят свой специфический, как в улитке на склоне (тоже нарицательное имя), интерес к этой очень подозрительной работе.

Или же все произойдет с точностью до наоборот? Что, если кому-то захочется вознести мои мысли на заоблачную высоту, чтобы, вывернув их там наизнанку, устроить новый грандиозный опричный «чик-чик»?

А может быть, лучше все-таки как минимум постараться не гадить своим соотечественникам,

* В нынешнем управлении, напротив, гипертрофированные формы начинает принимать финансовый менеджмент, когда на задворки оттесняются *компетентность, лидерство* (термины вышеупомянутого ИСО 9000) *специалистов*, когда главбух становится первой фигурой страны (не в России), министром (вместо врача, офицера, и т.д., это уже в России), когда его величество чистоган заставляет пилотов Пулковских авиалиний поднимать пассажирский авиалайнер на высоты, где он необратимо теряет способность лететь, когда по «экономическим» мотивам от ремонта и технического надзора за работой турбин локоточками оттесняются службы авторского надзора проектировщиков и шеф-монтажников турбиностроителей, в результате чего происходит уникальнейшая рукотворная катастрофа, гибнут многие десятки людей, разрушается турбинный зал мощнейшей Сяно-Шушенской ГЭС.

Хоть мы и «залетели» назад в капитализм, производительные силы от этого не перестают требовать к себе уважительного отношения, обслуживания квалифицированными, компетентными специалистами, не перестают требовать организации коллективистского (а по существу коммунистического) на совесть труда, ориентированного на конечный результат для потребителя, для начала хотя бы в объеме рекомендаций стандартов ИСО серии 9000. Разве у кого-то из плачущих по дефициту или даже кризису идей чиновников, политиков, возникало желание хотя бы продекларировать в своей программе приверженность идеям ИСО 9000, намерений *на деле (сертифицированных фикций хватает – они не в счет)* следовать им во всем технологическом процессе выполнения своих функций? Ведь рекомендации стандартов универсальны и приложимы где угодно, хоть в аппарате президента, хоть в правительстве, хоть в парламенте, в министерстве, в партии, в сыске, в суде, на заводе, на стройке, в школе, в институте, да хоть в детском садике...

** Недиалектическая, что ли? Индифферентная к интересам социальных полюсов своего народа? Еще одна новая сплошная благодать?

народу России? Не отнимать у него будущего, не разворовывать всё подряд на «законных» основаниях? Или же все-таки российский народ – говно, как это пытается показать огромное число «острословов», называя народовластие (пусть даже практически так и не состоявшееся ни при социализме, ни сегодня) тошнотворным дерьмовластием (дерьмократией)? //383

Библиографический список цитируемых и упоминаемых источников

1. *Маркс К.* Капитал : Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / Предисл. Ф. Энгельса.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23. 907 с.
2. *Маркс К.* Капитал : Критика политической экономии. Т. 2. Кн. 2. Процесс обращения капитала / Под ред. и с предисл. Ф. Энгельса.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24. 647 с.
3. *Маркс К.* Капитал : Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 1 (Гл. 1–28) / Под ред. и с предисл. Ф. Энгельса.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1. 545 с.
4. *Маркс К.* Капитал : Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 (Гл. 29–52) / Под ред. Ф. Энгельса.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 1–458.
5. *Маркс К.* Критика Готской программы.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 9–32.
6. *Маркс К.* Морализирующая критика и критицирующая мораль.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 291–321.
7. *Маркс К.* наброски ответа на письмо В.И.Засулич.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 400–421.
8. *Маркс К.* Нищета философии : Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 65–185.
9. *Маркс К.* Письмо Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1846 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 401–412.
10. *Маркс К.* Письмо Иосифу Вейдемейеру, 5 марта 1852 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 422–430.
11. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1–5.
12. *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости : (4-й том «Капитала»). Ч. 1.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч.1., с. 1–426.
13. *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости : (4-й том «Капитала»). Ч. 3.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч.3., с. 1–568.
14. *Маркс К.* Форма стоимости.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 139–164.
15. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов : (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1., с. 1–508.
- 15а. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов : (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 2.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 2., с. 1–521.
16. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 41–174. **383//384**
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 419–459.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология : Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б.Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 7–544.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Письмо Адану, Бартелеми и Видиллю, 9 октября 1850 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 439.
20. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг : Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 1–338.
21. *Энгельс Ф.* Введение к работе К.Маркса «Гражданская война во Франции».– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 189–201.
22. *Энгельс Ф.* Диалектика природы.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 339–626.
23. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 203–284.
24. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 269–317.

25. *Энгельс Ф.* набросок надгробной речи на могиле Маркса.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 348–349.
26. *Энгельс Ф.* общественные классы – необходимые и излишние.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 296–299.
27. *Энгельс Ф.* Письмо Отто Бёнигку, 21 августа 1890 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 380–381.
28. *Энгельс Ф.* Письмо К.Марксу, 19 ноября 1844 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 9–14.
29. *Энгельс Ф.* Письмо Эдуарду Пизу, 27 января 1886 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 363–364.
30. *Энгельс Ф.* Письмо Конраду Шмидту, 12 марта 1895 г.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 353–358.
31. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства : В связи с исследованиями Льюиса Г.Моргана.– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 23–178.
32. *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К.Маркса для газеты «Veobachter».– Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 231–233.
33. *Ленин В.И.* Аграрная программа русской социал-демократии.– Полн. собр. соч., т. 6, с. 303–348.
34. *Ленин В.И.* Великий почин : (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»).– Полн. собр. соч., т. 39, с. 1–29.
35. *Ленин В.И.* Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемое социалистами-революционерами.– Полн. собр. соч., т. 7, с. 43–50. **384//385**
36. *Ленин В.И.* Государство и революция : Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.– Полн. собр. соч., т. 33, с. 1–120.
37. *Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться.– Полн. собр. соч., т. 34, с. 151–199.
38. *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи : (Речь на III Всерос. съезде Рос. Ком. Союза Молодежи 2 окт. 1920 г.).– Полн. собр. соч., т. 41, с. 298–318.
39. *Ленин В.И.* К вопросу о диалектике.– Полн. собр. соч., т. 29, с. 316–322.
40. *Ленин В.И.* Карл Маркс : (Краткий биограф. очерк с излож. марксизма).– Полн. собр. соч., т. 26, с. 43–93.
41. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».– Полн. собр. соч., т. 29, с. 219–278.
42. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики».– Полн. собр. соч., т. 29, с. 77–218.
43. *Ленин В.И.* Крах II Интернационала.– Полн. собр. соч., т. 26, с. 209–265.
44. *Ленин В.И.* Наша программа.– Полн. собр. соч., т. 4, с. 182–186.
45. *Ленин В.И.* О внутренней и внешней политике Республики : Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря; IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г.– Полн. собр. соч., т. 44, с. 291–329.
46. *Ленин В.И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма.– Полн. собр. соч., т. 44, с. 221–229.
47. *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение.– Полн. собр. соч., т. 25, с. 255–320.
48. *Ленин В.И.* От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко всероссийскому субботнику-маевке.– Полн. собр. соч., т. 41, с. 107–109.
49. *Ленин В.И.* От разрушения векового уклада к творчеству нового.– Полн. собр. соч., т. 40, с. 314–316.
50. *Ленин В.И.* Письмо А.Н.Потресову, 27 июня 1899 г.– Полн. собр. соч., т. 46, с. 28–33.
51. *Ленин В.И.* Революционный авантюризм.– Полн. собр. соч., т. 6, с. 377–398.
52. *Ленин В.И.* Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г.– Полн. собр. соч., т. 40, с. 299–313.
53. *Ленин В.И.* Трудовики и рабочая демократия.– Полн. собр. соч., т. 21, с. 267–274.
54. *Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть?.– Полн. собр. соч., т. 34, с. 287–339. **385//386**
55. *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? : (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов).– Полн. собр. соч., т. 1, с. 125–346.
56. *Ленин В.И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.– Полн. собр. соч., т. 39, с. 271–282.
57. *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве : (Отражение марксизма в буржуазной литературе).– Полн. собр. соч., т. 1, с. 347–354.

58. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии : Постановление Пленума ЦК КПСС 15 июня 1983 г.– Правда, 1983, 16 июня.
59. Материалы XXV съезда КПСС.– М.: Политиздат, 1976.– 256 с.
60. Материалы XXVI съезда КПСС.– М.: Политиздат, 1981.– 223 с.
61. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы : Постановление Центрального Комитета КПСС 26 апреля 1979 г. Изложение.– В кн.: Справочник партийного работника. М.: Политиздат, 1980, вып. 20, с. 319–331.
62. О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве : Постановление Центрального Комитета КПСС 14 августа 1967 г.– В кн.: Вопросы идеологической работы КПСС : Сборник документов (1965–1973 гг.). М.: Политиздат, 1973, с. 427–331.
63. О работе партийной организации Института экономики Академии наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» : Постановление Центрального Комитета КПСС 21 декабря 1971 г.– В кн.: Вопросы идеологической работы КПСС. М.: Политиздат, 1973, с. 521–524.
- ***
64. Андропов Ю.В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.– Коммунист, 1982, № 17, с. 14–22.
65. Андропов Ю.В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г.– Правда, 1983, 16 июня.
66. Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.– Коммунист, 1983, № 3, с. 9–23.
67. Алиев Г.А. По нормам нашей совести / Беседа с корр. «Правды» Н.Кожановым и Л.Таировым.– Правда, 1979, 1 авг.
68. Алиев Г.А. Пусть справедливость верх берет... : (Актуальное интервью). Ответы на вопросы спец. корр. «Лит. газеты».– Баку : Азернешр, 1981.– 35 с. **386//387**
69. Черненко К.У. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии : Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г.– Правда, 1983, 15 июня.
- ***
70. Брежнев Л.И. Воспоминания. 2-е изд., доп.– М.: Политиздат, 1983.– 319 с.
71. Брежнев Л.И. Исторический рубеж на пути к коммунизму.– Ленинским курсом, т. 6, с. 622–641.
72. Брежнев Л.И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик : Доклад на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 4 октября 1977 г.– Ленинским курсом, т. 6, с. 517–538.
73. Суслов М.А. Великое пятидесятилетие.– В его кн.: На путях строительства коммунизма. М.: Политиздат, 1977, т. 2, с. 93–128.
74. Суслов М.А. Высокое призвание и ответственность : Речь на Всесоюз. совещании заведующих кафедрами обществ. наук 14 окт. 1981 г.– Коммунист, 1981, № 16, с. 4–11.
75. Суслов М.А. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук.– В кн.: XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М.: Госполитиздат, 1962, с. 8–56.
76. Суслов М.А. Дело всей партии : Доклад на Всесоюз. совещании идеологических работников 16 окт. 1979 г.– М.: Политиздат, 1979.– 47 с.
- ***
77. Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики.– М.: Мысль, 1981.– 351 с.
78. Абалкин Л.И. Метод политической экономии социализма как обобщенное выражение ее исторического развития.– В кн.: Предмет и метод политической экономии социализма, Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974, с. 283–297.
79. Абалкин Л.И. Метод политической экономии социализма – обобщенное выражение ее развития.– Экон. науки, 1974, № 1, с. 21–30.– Начало.
80. Абалкин Л.И. Экономическая роль социалистического государства : Лекция / Высш. парт. школа при ЦК КПСС.– М.: Мысль, 1976.– 681 с. (Актуал. вопр. марксистско-ленинской теории)
81. Агабабян Э.М. Экономический анализ сферы услуг.– М.: Экономика, 1968.– 159 с.
82. Аитов Н.А. Характерные черты социальной структуры развитого социалистического общества.– В кн.: Развитой социализм: основные черты и особенности. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979, вып. 1, с. 37–49.

83. Актуальные проблемы научного коммунизма: состояние и перспективы исследования и преподавания : Передовая.– Науч. коммунизм, 1980, **387//388** № 6, с. 3–19.
84. *Андреев Н.* Как воспитать хозяина.– Комс. правда, 1983, 4 июня.
85. *Андреев С.И.* Товарная природа основных фондов в социалистическом народном хозяйстве.– В кн.: Проблемы товарно-денежных отношений и хозяйственного расчета в условиях экономической реформы. Куйбышев : Б.и., 1968, с. 38–41.
86. «Анти-Дюринг» Ф.Энгельса и актуальные проблемы политической экономии / Под ред. Н.А.Цаголова.– М.: Изд-во МГУ, 1981. 240 с.
87. *Баженов В.Д.* Диалектика идеологии и общественной психологии в практике развитого социалистического общества.– В кн.: Диалектика социального познания и революционного действия. М.: Мысль, 1981, с. 124–137.
88. *Барулин В.С.* Соотношение идеального и материального в обществе : (Методологические аспекты проблемы).– М.: Политиздат, 1977, 143 с. (Актуал. пробл. ист. материализма)
- 88а. *Башин М.Л.* Эффективность фундаментальных исследований : (Экон. аспект).– М.: Мысль, 1974.
89. *Белавин А.И.* Социальная форма рабочей силы при социализме и закономерности формирования общественно необходимых затрат труда.– В кн.: Рабочая сила в системе социалистических производственных отношений. Ярославль : Б.и., 1973, с. 33–38.
90. *Бляхман Л.С., Шкаратан О.И.* НТР, рабочий класс, интеллигенция.– М.: Политиздат, 1973, 320 с.
91. *Бровер И.М.* О подходе к основному противоречию социализма.– Экон. науки, 1978, № 10, с. 16–29.
92. *Бутенко А.П.* Противоречия развития социализма как общественного строя.– Вопр. филос., 1982, № 10, с. 16–29.
93. *Вазюлин В.А.* Диалектика исторического процесса и методология его исследования.– М.: Знание, 1978.– 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия»; № 2).
94. *Валовой В.Д., Лапишина Г.Е.* Социализм и товарные отношения : Проблемно-исторические очерки полит. экономии социализма.– М.: Экономика, 1972.– 398 с.
95. *Ванюков М.С.* О товарно-денежных отношениях и рабочей силе.– В кн.: Проблемы товарно-денежных отношений и хозяйственного расчета в условиях экономической реформы. Куйбышев : Б.и., 1968, с. 42–48.
96. *Васильев О.М.* Значение ленинских принципов исследования империализма для политической экономии социализма.– В кн.: Ленинская теория империализма и актуальные проблемы политической экономии социализма. М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 63–68.
97. *Владимирский Е.А.* Личная собственность в системе производственных отношений социалистического общества : (Вопросы теории и методологии).– Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.– 115 с.
98. *Вознесенский Н.А.* К вопросу об экономике социализма.– Избр. произв. М.: Политиздат, 1979, с. 59–139.
99. *Вознесенский Н.А.* Маркс и Энгельс о социалистической организации труда.– Избр. произв. М.: Политиздат, 1979, с. 188–219. **388//389**
100. Всемирное общество коммунистов-революционеров.– В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 551–552.
101. *Вязьмин И.* О структуре экономических отношений.– Экон. науки, 1970, № 1, с. 20–31.
102. *Гавриленко И.Г.* Соотношение общеисторического и формационного процессов: логико-теоретические средства исследования.– В сб.: Вопр. обществ. наук / Киев. ун-т. Киев, 1982, вып. 50, с. 11–17.
103. *Гатовский Л.М.* Вопросы развития политической экономии социализма.– М.: Наука, 1979.– 488 с.
104. *Гатовский Л.М.* Экономические законы и строительство коммунизма : (Очерки полит. экономии).– М.: Экономика, 1970.– 334 с.
105. *Гельвеций К.А.* Об уме.– Соч. М.: Мысль, 1973, т. 1, с. 143–603.
106. *Глезерман Г.Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества.– М.: Политиздат, 1967.– 304 с.
107. *Глезерман Г.Е.* Противоречия при социализме.– Пробл. мира и социализма, 1972, № 3, с. 64–69.
108. *Гончаров В.П., Бесхлебный Е.И.* Дискуссия продолжается.– Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Теория науч. коммунизма, 1978, № 6, с. 81–90.
109. *Горький А.М.* Человек.– Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Гослитиздат, 1950, т. 5, с. 362–368.
110. *Гранин Д.А.* Эта странная жизнь.– Собр. соч.: В 4-х т. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1980, т. 4, с. 7–112.

111. Грибанов Н.И., Лебедев С.А. Актуальные вопросы материалистической диалектики : О сов.-чехосл. симпозиум «Актуальные вопросы марксистско-ленинской диалектики». Москва, ноябрь 1980 г.– Вестн. Моск. ун-та, 1981, № 4, с. 74–77.
112. Дело всей партии : Передовая.– Правда, 1983, 19 июня.
113. Диалектика перерастания развитого социалистического общества в коммунистическое / Под ред. Г.Л.Фурманова и др.– М.: Изд-во МГУ, 1980.– 366 с.
114. Диалектика социализма / Под ред. проф. А.М.Минасяна.– Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1971.– 239 с.
115. Доклад и прения по вопросу о замечаниях Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» : Отчет о заседании н.-и. группы Ин-та Ленина 24 окт. и 28 ноября 1929 г.– Пролетарская революция, 1929, № 12, с. 176–187.
116. Драгилев М.С., Мохов Н.И., Кашутин П.А. Современные вопросы политической экономии капитализма.– М.: Высш. школа, 1967.– 424 с.
117. Дудель С.П. Некоторые актуальные вопросы закона единства и борьбы противоположностей.– В кн.: Диалектика современного общественного развития. М.: Наука, 1966, с. 194–208.
118. Дудель С.П., Штракс Г.М. Закон единства и борьбы **389//390** противоположностей.– М.: Высш. школа, 1967.– 247 с.
119. Еремин А.М. Государство и экономика при социализме.– Вопр. экон., 1975, № 8, с. 15–25.
120. Еремин А.М. К анализу товарно-денежных отношений при социализме.– Экон. науки, 1974, № 1, с. 38–49.
121. Еремин А.М. О соединении факторов производства при социализме.– Вопр. экон., 1970, № 1, с. 92–103.
122. Еремин А.М. Отзыв на рукопись В.Архангельского «В Коммуне – остановка?».– Прилож. к письму Ин-та экономики АН СССР № 328/040 от 13 окт. 1969 г.
123. Еремин А.М. Экономическая наука и идеологическая, политико-воспитательная работа.– Вопр. экон., 1981, № 2, с. 3–13.
124. Ефремов И.А. Туманность Андромеды.– Соч.: В 3-х т. М.: Мол. гвардия, 1976, т. 3, кн. 2, с. 5–320.
125. Жуков Е.М. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций.– Коммунист, 1973, № 11, с. 87–97.
126. За действенность идейно-политического воспитания : Передовая.– Коммунист, 1979, № 14, с. 7–18.
127. Забелин И.М. Человечество – для чего оно?.– Москва, 1966, № 8, с. 172–186. (Заметки публициста).
128. Засанський В.В. Економічні закономірності поступового переростання соціалістичної праці в комуністичну.– Львів : Вид-во Львів. ун-ту, 1969.– 199 с.
129. Золотова Н.Д. К вопросу о субъекте и объекте в историческом развитии.– В кн.: Социальное познание и некоторые проблемы исторического материализма. М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 42–45.
130. Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития.– Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1975.– 191 с.
131. История марксистской диалектики : Ленинский этап / АН СССР. Ин-т философии; отв. ред. Г.А.Курсанов.– М.: Мысль, 1973.– 606 с.
132. История политической экономии социализма : Очерки / Отв. ред. проф. Д.К.Трифонов, доц. Л.Д.Широкоград.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.– 383 с.
133. Каманкин В.П. Экономические интересы развитого социалистического общества.– М.: Мысль, 1978.– 296 с.
134. Кашин В.Н. Преобразующая и созидательная сила ленинского экономического наследия.– Экон. науки, 1975, № 4, с. 33–45.
135. Киселев В.П. Два вида коллективизма.– В кн.: Научно-техническая революция и развитие коммунистических начал при социализме. Горький : Б.и., 1981, с. 29–33.
136. Классы, социальные слои и группы в СССР / Редкол.: Ц.А.Степанян, В.С.Семенов (отв. редакторы) и др.– М.: Наука, 1968.– 231 с. **390//391**
137. Ковальчук А.С. Становление нового качества в развитии общества.– М.: Наука, 1968.– 247 с.
138. Козлов Г.А. Ленинский этап в политической экономии.– Вопр. экон., 1980, № 4, с. 3–14.
139. Козлов Г.А. Предмет и метод политической экономии.– М.: Мысль, 1968.– 64 с.
140. Козлов Г.А. Развитой социализм: вопросы экономической теории.– М.: Мысль, 1977.– 183 с. (XXV съезд КПСС. Проблемы теории и практики).

141. *Колганов М.В.* Собственность в период перехода к коммунизму.– М.: Экономиздат, 1963.– 116 с.
142. *Колесов Н.Д.* Об основном экономическом противоречии социализма.– В кн.: Экономические противоречия социализма и формы их разрешения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 95–110.
143. *Колесов Н.Д.* Общественная собственность на средства производства – основное производственное отношение социализма.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.– 248 с.
144. *Колесов Н.Д.* Основное производственное отношение и основное противоречие социализма.– Экон. науки, 1967, № 6, с. 10–17.
145. *Колесов Н.Д.* Собственность в системе категорий политической экономии социализма.– В кн.: Актуальные проблемы политической экономии. М.: Изд-во МГУ, 1979, с. 103–105.
146. *Колотов В.В.* Николай Алексеевич Вознесенский. 2-е изд., испр., доп.– М.: Политиздат, 1976.– 335 с.
147. *Комаров В., Русанов Е.* По поводу некоторых «новых» теорий политической экономии.– Вопр. экон., 1967, № 3, с. 133–134.
148. *Кондрашов В.Т.* О способе соединения работников социалистического общества со средствами производства.– Экон. науки, 1976, № 5, с. 31–42.
149. *Корицкий А.В.* Платежи за рабочую силу и ее экономическая оценка.– Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1979, № 11, с. 41–46.
150. *Корниенко В.П.* Экономические отношения и предмет политической экономии социализма.– Экон. науки, 1973, № 5, с. 10–15.
151. *Корниенко В.П., Пахомов Ю.Н.* Экономическая реформа и методологические проблемы политической экономии.– Экономика Сов. Украины, 1966, № 9, с. 28–35.
152. *Корниенко Н.* Сущность личной собственности при социализме.– Экономика Сов. Украины, 1968, № 6, с. 23–31.
153. *Косолапов Р.И.* Коммунистический труд: природа и стимулы.– М.: Мысль, 1968.– 88 с.
154. *Косолапов Р.И.* Ни тени утопии : Социализм: вопросы теории.– М.: Мол. гвардия, 1971.– 143 с. (Ун-т молодого марксиста. Фак. науч. коммунизма). **391//392**
155. *Косолапов Р.И.* Социализм: к вопросам теории.– М.: Мысль, 1975.– 476 с.
156. *Кошев В.М., Красов Ю.А., Фадеев Е.Т.* Проблемы разрешения противоречий социализма.– Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979.– 141 с.
157. *Кравченко И.И., Фадеев Е.Т.* О социальной структуре советского общества : [По материалам Всесоюз. науч. конф. «Изменения социальной структуры советского общества». Минск, янв. 1966 г.]– Вопр. филос., 1966, № 5, с. 143–154.
158. *Красин Ю.А.* Субъективный фактор научного управления обществом.– Социол. исслед., 1980, № 3, с. 14–24.
159. *Кронрод Я.А.* Законы политической экономии социализма : Очерки методологии и теории.– М.: Мысль, 1966.– 581 с.
160. *Кронрод Я.А.* К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития.– Изв. АН СССР. Сер. экон., 1971, № 3, с. 82–99.
161. *Кронрод Я.А.* Некоторые теоретические вопросы экономики развитого социалистического общества.– Вопр. экон., 1973, № 2, с. 99–109.
162. *Кронрод Я.А.* Непосредственно общественный характер рабочей силы и труда.– Вопр. экон., 1982, № 3, с. 105–117.
163. *Куделин Е.Г.* Труд – потребность и радость жизни.– М.: Мысль, 1966.– 197 с.
164. *Кузьминов И.И.* Очерки политической экономии социализма : Вопросы методологии.– М.: Мысль, 1971.– 349 с.
165. *Кузьминов И.И.* Очерки политической экономии социализма : Процесс социалистического производства.– М.: Мысль, 1974.– 284 с.
166. *Кузьминов И.И.* Очерки политической экономии социализма : От социализма к коммунизму.– М.: Мысль, 1980.– 254 с.
167. *Кукушкин М.С.* Народный доход : К вопросу об основном экономическом законе социализма.– Л.: Лениздат, 1965.– 239 с.
168. *Кумаченко Я.С.* Превращение социалистической собственности в коммунистическую собственность.– М.: Изд-во МГУ, 1970.– 101 с.

169. Курс политической экономии : Учеб. пособие для экон. фак. и вузов. В 2-х т. / Под ред. Н.А.Цаголова. Т. 2. Социализм.– М.: Экономиздат, 1963.– 672 с.
170. Курс политической экономии : Учеб. пособие для экон. вузов и фак. В 2-х т. / Под ред. Н.А.Цаголова. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 2. Социализм.– М.: Экономика, 1974.– 670 с.
171. *Лавров Е.И.* Общественная форма рабочей силы при социализме.– Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 5, с. 26–36.
172. *Левина А.* Затем и живем...– Комс. правда, 1979, 12 дек.
173. В.И.Ленин и история классов и политических партий в России / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. истории сов. общества; Редкол.: **392//393** М.П.Ким (гл. ред.) и др.– М.: Мысль, 1970.– 519 с.
174. *Лимонов Н.* В назидание ревизору.– Соц. индустрия, 1979, 23 авг.
175. *Лисовик Б.* Преодоление товарной формы рабочей силы : (Обзор экон. литературы; некоторые проблемы).– Экон. науки, 1979, № 1, с. 60–65.
176. *Лопата П.П.* Реализация возможностей развитого социализма – историческая задача наших дней.– В кн.: Пробл. науч. коммунизма. М.: Мысль, 1980, вып. 14, с. 30–48.
177. *Лоскутов В.* К методологии вопроса о производстве и воспроизводстве рабочей силы при социализме.– В кн.: Социально-экон. проблемы рабочей силы при социализме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 52–53.
178. *Лоскутов В.* Категории структуры общественного производства.– Экон. науки, 1975, № 12, с. 24–29.
179. *Макаровский А.А.* Общественный прогресс.– М.: Политиздат, 1970.– 256 с.
180. *Макловский А.* Что отдаешь людям? – Комс. правда, 1982, 20 окт. (Читатель – читателю).
181. *Малафеев А.Н.* Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме.– М.: Политиздат, 1975.– 191 с.
182. *Малмыгин И.* Сбалансированность рабочих мест и трудовых ресурсов.– Плановое хозяйство, 1982, № 8, с. 55–62.
183. *Маневич Е.Л.* Научно-техническая революция и перерастание социалистического труда в коммунистический.– Вопр. экон., 1971, № 3, с. 117–126. (В помощь системе партийной учебы).
184. *Мансилья А.Е.* Проблема соотношения способа производства и стадий его развития в «Капитале» К.Маркса.– Экон. науки, 1975, № 1, с. 3–14.
185. *Марков В.* [Ответ на письма В.Архангельского в редакцию «Правды» от ноября 1975 г. и 21 апреля 1976 г.].– Письмо из ред. «Правды» от 21 мая 1976 г. (без №).
186. Карл Маркс : Биография / П.Н.Федосеев, И.А.Бах, Л.И.Гольман и др.; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.– М.: Политиздат, 1963.– XIV, 746 с.
187. *Медведев В.А.* Актуальные вопросы теории развитого социализма в свете решений XXVI съезда КПСС.– В кн.: XXVI съезд КПСС и актуальные задачи развития общественных наук. М.: Наука, 1982, с. 42–52.
188. *Медведев В.А.* Общественное воспроизводство и сфера услуг.– М.: Экономика, 1968.– 206 с.
189. *Медведев В.А.* Социалистическое производство : Политико-экон. исследование. 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Экономика, 1981.– 328 с.
190. Метод политической экономии социализма / Под ред. В.Н.Черковца, А.А.Сергеева.– М.: Наука, 1980.– 374 с. **393//394**
191. *Минеев В.* Особенности способа соединения рабочей силы со средствами производства при социализме.– Экон. науки, 1968, № 11, с. 30–32.
192. *Мифтахов Х.М.* Стоимость рабочей силы.– Ташкент : Фан, 1968.– 36 с.
193. *Михеев В.И.* Капитализм или «индустриальное общество»? : Проблемы соврем. капитализма и бурж. социология.– М.: Междунар. отношения, 1968.– 207 с.
194. *Могилат А.* До и поле выстрела.– Комс. правда, 1979, 21 нояб.
195. *Моисеенко Н.А.* Непосредственно-общественный характер производства и товарно-денежные отношения при социализме.– Экон. науки, 1978, № 2, с. 3–9.
196. *Мороз И.А.* Диалектика развития социализма : Проблема диалектических противоположностей.– Киев.: Вища. школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1978.– 223 с.
197. *Мороз И.А.* Проблема противоположностей в диалектических противоречиях при социализме / Днепропетровский гос. ун-т.– Днепропетровск : ДГУ, 1974.– 192 с.

198. Наука сегодня / Под ред. С.Р.Микулинского; Составитель Б.А.Фролов.– М.: Мол. гвардия, 1969.– 270 с.
199. Научный коммунизм : Словарь / Под ред. А.М.Румянцева. 2-е изд.– М.: Политиздат, 1975.– 399 с.
200. Научный коммунизм и его фальсификация ренегатами / Под ред. П.Н.Федосеева.– М.: Политиздат, 1972.– 110 с.
201. *Новокионов П.* Хороший урожай картошки...– Известия, 1981, 6 окт.
202. *Носаченко Ю.С., Толочин В.В.* Экономическая форма рабочей силы при социализме.– В сб.: Вопр. полит. экономии / Киев. ун-т. Киев, 1980, вып. 149, с. 133–148.
203. *Носков В.* Дело о сметане.– Соц. индустрия, 1979, 24 авг.
204. О положении в биологической науке : Стеногр. отчет сессии ВАСХНИЛ 31 июля – 7 авг. 1948 г.– М.: Сельхозгиз, 1948.– 536 с.
205. Обзор поступивших в редакцию статей по вопросу о соответствии производственных отношений производительным силам при социализме.– Под знаменем марксизма, 1940, № 8, с. 47–60.
206. *Островитянов К.В.* Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения.– Избр. произв. М.: Наука, 1973, т. 2, с. 296–396.
207. *Островитянов К.В.* Товарное производство и его особенности в условиях социализма.– Избр. произв. М.: Наука, 1973, т. 2, с. 188–217.
208. *Остряков В.В., Степонавичюс А.И.* Социально-политические факторы формирования коммунистической сознательности трудящихся.– М.: Мысль, 1967.– 160 с.
209. Партийное строительство : Учеб. пособие / Петровичев Н.А., Кузьмин Н.Ф., Петренко Ф.Ф. и др. 6-е изд., дол.– М.: Политиздат, **394/395** 1981.– 511 с.
210. *Паишков А.И.* О перспективах слияния двух форм социалистической собственности.– Вопр. экон., 1960, № 5, с. 31–41.
211. *Паишков А.И.* О собственности на средства производства, классах, социальных группах и о характере труда при социализме : (По поводу одной концепции).– Вопр. экон., 1971, № 11, с. 93–109.
212. *Паишков А.И.* Об этапах экономического развития социалистического общества.– Коммунист, 1973, № 8, с. 27–41.
213. *Пешихонов В.А.* Введение в политическую экономию.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.– 152 с.
214. *Плинер М.Д.* Проблемы воспроизводства главной производительной силы общества в советской экономической литературе 20–30-х годов. В кн.: Из истории политической экономии социализма в СССР. 20–30-е годы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981, с. 99–106.
215. Повышение уровня плановой работы / Под ред. Ю.В.Яковца; Акад. нар. хоз-ва СССР.– М.: Экономика, 1982.– 279 с. (Экономика и управление).
216. *Поликарпов А.М.* Овеществляются ли социалистические производственные отношения?– В кн.: Методологические проблемы полит. экономии социализма. Волгоград, 1963, [вып. 3], с. 19–34.
217. Политическая экономия : Курс лекций. В 4-х т. / Под общ. ред. Г.А.Козлова. Т. 3. Социализм – первая фаза коммунистического способа производства.– М.: Мысль, 1970.– 556 с.
218. Политическая экономия : Социализм – первая фаза коммунистического способа производства. : Учеб. пособие / Под общ. ред. Г.А.Козлова. 4-е изд., перераб, доп.– М.: Мысль, 1978.
219. Политическая экономия : Учебник / АН СССР. Ин-т экономики; Островитянов К.В., Гатовский Л.М., Кузьминов И.И. и др. 4-е, перераб. и доп. изд.– М.: Госполитиздат, 1962.– 703 с.
220. Политическая экономия : Учебник для экон. вузов и фак. 2-е изд., доп. Т. 1. Капиталистический способ производства.– М.: Политиздат, 1976.– 608 с.
221. Политическая экономия : Учебник для экон. вузов и фак. 2-е изд., доп. Т. 2. Социализм – первая фаза коммунистического способа производства.– М.: Политиздат, 1976.– 574 с.
222. Политическая экономия : Экон. энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. Индивидуальное производство – Мюрдаль.– М.: Сов. энциклопедия, 1975.– 560 с.
223. Политическая экономия : Экон. энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. Н – Социологическая школа.– М.: Сов. энциклопедия, 1979.– 623 с.
224. Политическая экономия : Экон. энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. Социология – Я.– М.: Сов. энциклопедия, 1980.– 672 с.
225. Политэкономический словарь / Под ред. Е.Ф.Борисова и др. 2-е изд.– М.: Политиздат, 1972.– 367 с. **395/396**

226. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории : (Проблемы палеопсихологии).– М.: Мысль, 1974.– 487 с.
227. После проверки.– Соц. индустрия, 1982, 31 июля.
228. Постановление общего годового собрания Отделения экономики Академии наук СССР [12 марта 1979 г.]–
Вопр. экон., 1979, № 7, с. 13–15.
229. Потребительная стоимость в экономике развитого социализма / Под науч. рук. и ред. П.М.Павлова и
А.И.Ротштейна.– М.: Мысль, 1974.– 208 с.
230. *Правоторов Г.Б.* Стоимостные категории и способ производства : (проблемы теории и методологии).– М.: Мысль,
1974.– 303 с.
231. Проблемы изменения социальной структуры советского общества / Под ред. Ц.А.Степаняна и В.С.Семенова (отв.
редакторы) и др.– М.: Наука, 1968.– 256 с.
232. Рабочий класс капиталистических стран и научно-техническая революция : Материалы, опублик. в журн. «Пробл.
мира и социализма» в 1968–1969 гг., и документы коммунист. и раб. партий / Под общ. ред. П.Энтжеса.– Прага : Мир и
социализм, 1969.– 160 с. (Трибуна марксистской мысли).
233. *Радаев В.В.* Практические аспекты применения метода политической экономии в исследовании экономических
явлений.– В кн.: Развитие экономической теории и усиление ее практической функции. Киев : ИЭ АН УССР, 1980, ч. 1,
с. 22–33.
234. *Рауд В.М.* Социалистическая организация общественного труда.– М.: Мысль, 1968.– 253 с.
235. *Россомагин В.* Соединение факторов производства при социализме.– Экон. науки, 1979, № 8, с. 17–22.
236. *Рузавина Е.И.* Экономические формы рабочей силы при социализме.– М.: Изд-во МГУ, 1982.– 142 с.
237. *Румянцев А.М.* Ленинский этап развития в политической экономии.– М.: Знание, 1967.– 31 с. (Новое в жизни,
науке, технике. Сер. «Экономика»; № 14).
238. *Румянцев А.М.* Предмет политической экономии и характер законов экономического развития общества.– Вопр.
филос., 1955, № 2, с. 87–104.
239. *Румянцев А.М.* Проблемы современной науки об обществе.– М.: Наука, 1969.– 389 с.
240. *Румянцев А.М.* Строительство коммунизма и политическая экономия.– Рабочий класс и совр. мир, 1981, № 2, с.
15–26.
241. *Румянцев А.М., Хачатуров Т.С., Паишков А.И.* План и товарное производство при социализме.– Правда, 1968, 4
марта.
242. *Русанов Е.* Порочная брошюра.– Экон. науки, 1969, № 9, с. 104–106.
243. *Самохвалов Н.* Гибель в урочище.– Сов. Россия, 1979, 5 сент.
244. *Саятин И.Г.* Некоторые вопросы анализа отношений общественной собственности.– Изв. АН СССР. Сер. экон.,
1979, № 3, с. 5–14.
245. *Сдобнов С.И.* Общественная собственность в период развитого **396/397** социализма.– Коммунист, 1982, № 2, с.
13–24.
246. *Селезнев М.А.* Понятие общественно-экономической формации в структуре философского и исторического
знания.– В кн.: Общественно-экономические формации. М.: Мысль, 1978, с. 90–113.
247. *Семенов В.С.* К обществу без классов.– М.: Знание, 1965.– 48 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.
«Философия»; № 15).
248. *Семенов В.С.* Капитализм и классы : Исследование социальной структуры современного капиталистического
общества.– М.: Наука, 1969.– 399 с.
249. *Семенов В.С.* Проблема противоречий в условиях социализма : Статья первая.– Вопр. филос., 1982, № 7, с. 17–32.
250. *Семенов Ю.И.* Общественно-экономическая формация.– В кн.: Категории исторического материализма. М.:
Мысль, 1980, с. 74–90.
251. *Сергеев А.А.* Структура производственных отношений социализма : Вопросы методологии исследования.– М.:
Наука, 1979.– 240 с.
252. *Сердюков М.* Пять минут – и вся жизнь.– Комс. правда, 1979, 20 авг.
253. *Сердюков М.* Шторм... в степи.– Комс. правда, 1979, 1 дек.
254. *Скляр Ю.* Зачем копить добро?.– Комс. правда, 1983, 30 янв. (Острый вопрос).

255. *Смирнов Г.Л.* Советский человек : Формирование социалистического типа личности.– М.: Политиздат, 1971.– 376 с.
256. *Солодков М.В., Самар Р.Н.* Методология исследования производительного и непроизводительного труда при социализме.– М.: Изд-во МГУ, 1969.– 150 с.
257. *Сорокина И.Ф.* О категории рабочей силы при социализме.– *Вопр. экон.*, 1974, № 3, с. 70–78.
258. Социалистическое общество : Социально-философские проблемы современного советского общества / Р.И.Косолапов, В.М.Межуев, А.С.Айзикович и др.– М.: Политиздат, 1975.– 343 с.
259. *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР : (Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюз. съезде Советов 25 ноября 1936 г.).– В его кн.: Вопросы ленинизма. 11-е изд. Б.м.: Госполитиздат, 1945, с. 507–534.
260. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР.– Б.м.: Госполитиздат, 1952. 223 с.
261. *Степанян Ц.А.* Бесспорное и спорное в дискуссии о социальной структуре советского общества.– *Социол. исслед.*, 1980, № 4, с. 79–88.
262. *Степанян Ц.А.* Основные закономерности и этапы формирования коммунистического общества.– В кн.: От социализма к коммунизму. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 5–35.
263. *Степанян Ц.А.* Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления.– *Вопр. филос.*, 1955, № 2, с. 69–86.
264. *Степанян Ц.А.* Раскрытие и преодоление противоречий – общая закономерность становления и развития коммунистической формации.– В кн.: Диалектика современного общественного развития. М.: Наука, 1966, с. 111–148.
265. *Степанян Ц.А.* Советская интеллигенция и основные пути ее формирования.– *Вопр. филос.*, 1979, № 1, с. 49–60.
266. Структура рабочего класса капиталистических стран : Материалы обмена мнениями, проводившегося в журн. «Пробл. мира и социализма» в 1960–1961 гг. / Под общ. ред. А.М.Румянцева.– Прага : Мир и социализм, 1962.– 359 с.
267. *Струмилин С.Г.* Проблемы социализма и коммунизма в СССР.– М.: Наука, 1965.– 467 с. (Избр. произв. в 5-ти т. Т. 5)
268. *Сулимов Е.Ф.* В.И.Ленин и некоторые актуальные вопросы коммунистического воспитания в развитом социалистическом обществе.– *Науч. коммунизм*, 1980, № 3, с. 79–88.
269. *Сухорукова С.* «Теория» единого среднего класса.– *Экон. науки*, 1966, № 3, с. 90–94. (В помощь преподавателю).
270. *Трапезников С.П.* Общественные науки – могучий идейный потенциал коммунизма.– М.: Политиздат, 1974.– 143 с.
271. *Тронеv К.П.* Преодоление товарной формы рабочей силы при социализме.– В кн.: Воспроизводство рабочей силы в странах мировой социалистической системы. М.: Изд-во МГУ, 1970, с. 62–76.
272. *Тушикина А.М.* К вопросу о субъекте революционного действия.– В кн.: Вопросы детерминизма в природе и обществе. Омск : Б.и., 1976, вып. 3, с. 74–85.
273. *Тяпкин Н.* Личная собственность как экономическая категория.– В кн.: Некоторые экон. проблемы повышения эффективности производства. М.: Изд-во МГУ, 1966, с. 300–312.
274. *Урсул А.Д.* Проблема информации в современной науке.– М.: Наука, 1975.– 283 с.
275. *Файнбург З.И.* К вопросу об основном противоречии социализма.– *Экон. науки*, 1966, № 6, с. 14–24.
276. *Федоренко Н.П.* Вопросы оптимального функционирования экономики.– М.: Наука, 1980.
277. *Федоренко Н.П.* [Выступление на Годичном Общем собрании АН СССР, март 1981 г.].– *Вестн. АН СССР*, 1981, № 7, с. 44–45.
278. *Федоренко Н.П.* Задачи экономической науки в свете решений XXVI съезда КПСС : Излож. доклада на Общем собр. Отд-ния экономики АН СССР 16 марта 1981 г.– *Вопр. экон.*, 1981, № 4, с. 17–25.
279. *Федосеев П.Н.* Диалектика современной эпохи. 2-е, доп. изд.– М.: Наука, 1975.– 576 с.
280. *Федосеев П.Н.* Диалектика современной эпохи. 3-е, изд., доп.– **398//399** М.: Наука, 1978.– 656 с.
281. *Хансберг Э.* О проблеме соединения средств производства и рабочей силы при социализме.– В кн.: Социально-экон. проблемы рабочей силы при социализме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 39.
282. *Хоппе Г.* Роль ленинизма в строительстве социализма в ГДР.– *Филос. науки*, 1970, № 1, с. 35–42.
283. *Цаголов Н.А.* О двух формах социалистической собственности.– В кн.: Вопросы строительства коммунизма в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 395–401.

284. *Ципко А.С.* Некоторые методологические вопросы анализа социалистических производственных отношений.– В кн.: Теория и практика строительства социализма. М.: Наука, 1975, с. 175–187.
285. *Цытин Б.Л.* Рабочая сила и ее особенности в период развитого социалистического общества : (Очерк теории).– М.: Наука, 1978.– 168 с.
286. *Чагин Б.А.* Марксистко-ленинский принцип в философии : Социальный, гносеологический и логический аспекты.– Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.– 134 с.
287. *Чекалин В.И.* К проблеме основного противоречия коммунистической формации.– В сб.: Социально-полит. проблемы развитого социалистического общества. Калинин : Б.и., 1980, с. 3–12.
288. *Черняк В.К.* Структура экономических исследований.– Изв. АН СССР. Сер. экон., 1980, № 1, с. 18–27.
289. *Чинакова Л.И.* О соотношении понятия «движущие силы развития общества» с некоторыми другими категориями исторического материализма.– В кн.: Вопросы детерминизма в природе и обществе. Омск : Б.и., 1976, вып. 4, с. 21–43.
290. *Чухно А.А.* Диалектика общего, особенного и единичного – методологический принцип анализа развитого социализма.– Экон. науки, 1976, № 7, с. 3–9.
291. *Чухно А.А.* Концепция развитого социализма и ее методологическое значение.– Филос. науки, 1981, № 3, с. 3–9.
292. *Шахназаров Г.Х.* Социалистическая судьба человечества.– М.: Политиздат, 1978.– 462 с.
293. *Шереметьева Е.* О содержании отношений социалистической собственности.– Экономика Сов. Украины, 1982, № 1, с. 25–30.
294. *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР : (Историко-социологическое исследование).– М.: Мысль, 1970.– 472 с.
295. *Штракс Г.М.* Социальное единство и противоречия социалистического общества.– М.: Изд-во МГУ, 1966.– 144 с.
296. *Штракс Г.М.* Социальное противоречие.– М.: Мысль, 1977.– 158 с.
297. *Щекочихин Ю.* После шторма : Пять лет из жизни молодого человека.– Лит. газета, 1983, 19 янв., № 3, с. 15 **399//400**
298. *Щербина В.Ф.* Специфика экономических противоречий социализма.– В кн.: Экономические противоречия социализма и формы их разрешения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 3–18.
299. *Щербина В.Ф., Рачков М.П.* Проблема основного экономического противоречия в экономической и философской литературе 50–80-х годов.– В кн.: Экономические противоречия социализма и формы их разрешения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 37–51.
300. Экономические и социальные факторы роста эффективности социалистического производства : («Круглый стол» журнала...).– Экономика Сов. Украины, 1982, № 21, с. 3–33.
301. *Эпштейн Д.* К вопросу перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические.– Экон. науки, 1980, № 1, с. 18–24.
302. *Эхин П.Э.* Собственность и экономические интересы при социализме.– М.: Мысль, 1972.– 260 с.
303. *Яковлев Е.* Умысел.– Известия, 1983, 22 мая.
304. *Ягодкин В.* Рабочая сила при социализме.– Экон. науки, 1971, № 1, с. 29–38.
305. *Ягодкина И.А.* Воспроизводство рабочей силы при социализме.– М.: Мысль, 1979.– 230 с.
306. *Ягодкина И.А.* Воспроизводство рабочей силы при социализме: проблемы системного анализа.– Экон. науки, 1978, № 7, с. 15–21.
307. *Якубович К.И.* Монополизация научных исследований и лицензионной торговли.– Изв. АН СССР. Сер. экон., 1981, № 3, с. 132–142. **400//**

Переработано из электронной html-версии (2011) неопубликованной монографии В.А.Архангельского «Концепция социализма как общества диалектических противоположностей» (1983). Машинописные экземпляры этой книги находятся в фондах Дома Плеханова (подразделение Российской национальной библиотеки) в Петербурге. Номера страниц на их стыках приведены по машинописной версии; именно на эти номера страниц указывают ссылки по тексту. Авторские комментарии 2011 г., написанные при оцифровке, размещены во врезках голубого цвета.